IMT Nuremberg Archives

H – 1195

International Court of Justice

H1195 – 0002

С Т Е Н О Г Р А М М Ы

ЗАСЕДАНИЙ МЕЖДУНАРОДНОГО ВОЕННОГО ТРИБУНАЛА

Т о м XУП-й Экз. 2-й

С о д е р ж и т :

25 марта - утреннее и вечернее заседания,

26 марта - утреннее и вечернее заседания,

27 марта - утреннее и вечернее заседания,

28 марта - утреннее и вечернее заседания,

29 марта - утреннее и вечернее заседания,

30 марта - утреннее заседание.

Страницы: с 7187-й по
7709-я включительно.

H1195 – 0003

У Д О С Т О В Е Р Е Н И Е

Настоящим удостоверяю, что данный том, пронумерованный с 7187 стр. по 7703 стр., озаглавленный "Русские стенограммы" содержит в себе стенографическую запись судебных заседаний Международного Военного Трибунала по делу Германа Вильгельма Геринга и других на русском языке за период времени с 25 марта 1946 г. по 30 марта 1946 г.

Указанная запись на русском языке составлена на основании стенографических записей и сверена с электрозвукозаписью производившихся в суде.

СЕКРЕТАРЬ СОВЕТСКОЙ ДЕЛЕГАЦИИ
В МЕЖДУНАРОДНОМ ВОЕННОМ ТРИБУНАЛЕ
М А Й О Р
(А.ПОЛТОРАК)

"11" декабря 1946 г.
г.Нюрнберг

C E R T I F I C A T E

Official transcript of the International Military Tribunal from 25 March 1946 to 30 March 1946 in the matter of the United States of America, The French Republic, The United Kingdom of Great Britain und Northern Ireland und The Union of Soviet Socialist Republic against Hermann Wilhelm Goering und others contained in the volume under the title:

"Russian Transcripts"

numbered 7187 to 7709 inclusively are herewith certified as an authentic official Russian text, having identical force as the English, French and German texts.

John E. Ray

JOHN E. RAY, Colonel, FA
General Secretary
International Military Tribunal

У Д О С Т О В Е Р Е Н И Е

Настоящим удостоверяется, что русский текст стенограмм заседаний Международного Военного Трибунала за период времени с 25 марта 1946 г. по 30 марта 1946 г. по делу: Соединенные Штаты Америки, Французская Республика, Соединенное Королевство Великобритании и Северной Ирландии и Союз Советских Социалистических Республик против Германа Вильгельма Геринга и других, - содержащихся в данном томе, озаглавленном "Русские стенограммы", пронумерованном с 7187 стр. по 7709 стр. включительно является аутентичным и официальным текстом, имеющим одинаковую силу с английским, французским и немецким текстами.

ПОЛКОВНИК ДЖОН Е. РЕЙ
Генеральный Секретарь
Международного Военного Трибунала

г. Нюрнберг
"11" декабря 1946 г.

H1195 – 0004

H1195-0005

С Т Е Н О Г Р А М М А

ЗАСЕДАНИЯ МЕЖДУНАРОДНОГО ВОЕННОГО ТРИБУНАЛА

от 25 марта 1946 года.

Утреннее заседание.

Встать. Суд идет.

КОМЕНДАНТ СУДА: Господа судьи, подсудимые Штрейхер и Риббентроп отсутствуют на утренней сессии суда.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: Доктор Зайдль.

ЗАЙДЛЬ /защитник подсудимого Гесса/. Господин председатель, господа судьи. В пятницу я заявил, что я ничего не буду зачитывать из I-й книги документов, но это не значит, что я в своей защитительной речи не буду ссылаться на тот или другой документ.

Теперь возникает вопрос - нужно ли в данном случае те документы, на которые я буду ссылаться и которые я сейчас не буду зачитывать, передать суду, как доказательства или достаточно, чтобы копии этих документов были собраны в книге документов. Я был бы благодарен, если бы Трибунал мне помог и дал бы раз"яснения по этому вопросу.

СЭР ДЭВИД МАКСУЭЛЛ-ФАЙФ: Милорд, я предлагаю, чтобы Трибунал принял эти документы сейчас де бене эссе, а затем, когда доктор Зайдль будет произносить свою заключительную речь, может быть подвергнут обсуждению любой пункт в отношении допустимости этих документов.

Что касается третьей книги документов, например, в которой содержится ряд мнений различных политиков и экономистов разных стран, то Обвинение в должное время заявит, что эти документы не имеют доказательной силы и, по существу, относятся к вопросам, слишком отдаленным для того, чтобы считаться относящимися к делу. Но я полагаю, что наиболее удобно будет обсудить это тогда, когда мы узнаем, как доктор Зайдль полностью использует эти документы, а

318

сейчас я предлагаю допустить их де бене эссе.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: Доктор Зайдль, Трибунал считает, что Вы должны представить эти документы в качестве доказательств сейчас и что они должны быть пронумерованы в последовательном порядке. Пожалуй, наилучшим методом будет поставить букву "Г" вначале - Г-I и т.д. и затем, как говорит сэр Дэвид, поскольку они будут все представлены вместе, то возражение против них может быть выдвинуто, если в этом будет необходимость, на более поздней стадии, - возражение по вопросу о допустимости документа или об отношении его к делу.

Д-р ЗАЙДЛЬ: Да. Я сейчас еще раз возвращаюсь к первому тому. Первый документ - это речь, которую подсудимый Рудольф Гесс произнес 8 июля 1943 года. Этому документу я дал № Г-I, страница 23 книги документов. Второй документ находится на странице 27-й книги документов.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: Одну минуту, доктор Зайдль. К какой части пред"явленного обвинения относится эта речь?

ЗАЙДЛЬ: Речь от 8 июля 1934 года?

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: Да, это та речь, которая находится на 23 странице от 8 июля 1934 г.

ЗАЙДЛЬ: Да. Господин председатель, в этой речи рассматривается вопрос о "войне и мире", и так как подсудимому Рудольфу Гессу было пред"явлено обвинение в том, что он участвовал в психологической подготовке агрессивной войны и, таким образом, был соучастником заговора, мне кажется, что вопрос об отношении подсудимого Гесса к войне является очень важным и относится к делу.

7188

H1195-0006

H1195 – 0007

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: Очень хорошо. Мы разрешаем Вам зачитать ее.

ЗАЙДЛЬ: Господин председатель, я не собираюсь здесь зачитывать эту речь.

Нет, я только хочу представить эту речь как документ, чтобы иметь возможность сослаться на нее в защитительной речи.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: Очень хорошо.

ЗАЙДЛЬ: Вообще, из первой книги документов я ничего не буду зачитывать, а лишь представлю отдельные документы в качестве доказательств.

Я перехожу к странице 28 книги документов. Это также речь подсудимого Гесса от 27 ноября 1934 года. Этот документ получает № Г-2.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: Речь от 8 декабря 1934 г. начинается на 27-й странице.

ЗАЙДЛЬ: Да, на 27-й странице, так точно. Здесь неправильно указано. В качестве третьего документа, я передаю Трибуналу выдержку из речи от 17 ноября 1938 г. на странице 31 книги документов. Документ Г-3. Затем я перехожу к странице 32 книги документов, выдержка из речи от 11 октября 1936 года, документ № Г-4. Затем идет речь от 14 марта 1936 года, страница 33, документ Г-5. Следующий документ находится на странице 35 книги документов, речь от 21 марта 1936 года, документ Г-6. Затем документ Г-7, это речь на странице 36 книги документов. Документ Г-8, речь от 6 июня 1936 года, страница

7183

H1195 – 0008

40 книги документов. Я перехожу затем к странице 43 книги документов, речь на имперском партийном с"езде в 1936 году в Нюрнберге, документ Г-9. Затем речь, выдержки из которой находятся на 59 стр. книги документов, это док. Г-10. Речь от 14 мая 1938 года в Стокгольме, на странице 70 книги документов, документ Г-11. Следующий документ находится на странице 78 книги документов, документ № Г-12. Таким образом, заканчивается 1-я книга документов. Я перехожу ко второй книге документов, а именно к письменному показанию, данному под присягой, которое я уже представлял в пятницу. Это показание находится на странице 164 книги документов. Это показание дано под присягой бывшей секретаршей Гесса Гильдегард Фаг. Оно получает номер Г-13. Следующий документ Вы найдете на странице 86 книги документов. Это вторая книга документов. Распоряжение от 3 июня 1936 года, документ Г-14. Сейчас я хочу зачитать некоторые разделы из записи беседы Рудольфа Гесса с лордом Саймоном 10 июня 1941 г. это вы найдете на 93 странице книги документов. Док. № Г-15.

Господа судьи, подсудимый Гесс 10 мая 1941 года полетел в Англию. Об этом полете никто не знал, кроме его адьютанта Хича. Сам фюрер об этом полете и о связанных с ним намерениях был уведомлен письмом, которое было передано фюреру лишь после того, как Гесс приземлился в Англии. По прибытии в Англию, Гесс неоднократно допрашивался чиновниками министерства иностранных дел и, как уже говорилось 10/VI-41 г. состоялась беседа между Гессом и лордом Саймоном. Это собеседование продолжалось 2 1/2 часа, в ходе этого собеседования подсудимый Гесс рассказал лорду Саймону о тех мотивах, которые побудили его совершить это несколько необычное путешествие, и Гесс затем представил четыре предложения или 4 пункта, о которых он утверждал, что эти пункты выражают волю Адольфа Гитлера.

7190

и что на основании этих пунктов он считает возможным добиться взаимопонимания и заключения мира. Лорд Саймон участвовал в беседе под чужим именем. Беседа была запротоколирована и в протоколе, который затем был передан Гессу, лорд Саймон фигурирует под псевдонимом д-р Гутри. Насколько мне известно, это было сделано для того, чтобы стенографистки или переводчики не знали бы с самого начала о чем идет речь. В этом протоколе фигурирует и доктор Макензи, причем имеется ввиду чиновник министерства иностранных дел и некий мистер Киркпатрик, который ранее уже говорил о подсудимым Гессом. После нескольких вступительных замечаний лорда Саймона, подсудимый Гесс начал говорить о причинах, которые побудили его предпринять этот необычный шаг. Итак, я дословно цитирую 93-ю страницу книги документов, в середине. Я должен еще добавить, что в протоколе подсудимый Гесс фигурирует под буквой "У". Подсудимый Гесс, после нескольких предварительных замечаний, сказал следующее:

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: Доктор Зайдль, кажется, здесь опечатка, возможно, в дате. Здесь указывается дата 9 августа - Вы сказали IO июня, не так ли?

ЗАЙДЛЬ: IO июня.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: Значит, это ошибка - дата вверху 93-й страницы - 9 - 8 - 4I.

ЗАЙДЛЬ: На обложке документа Вы найдете следующее: "Протокол беседы, которая имела место 9 июня I94I г." где-то в Англии. Внутри на обложке документа так же дата 9 июня I94I г. Здесь, очевидно, описка.

7191

H1195-0009

H1195 - 0010

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: Да, это должно быть ошибка. Там поставлено "8" вместо "6".

ЗАЙДЛЬ: Так, точно.

"Я знаю, что мой приезд, очевидно, никем правильно не понят, ибо это необычайный шаг, который я предпринял и мне не следует этого ожидать. Поэтому я хочу начать с рассказа о том, как я вообще пришел к такому решению".

Я цитирую далее на странице 94-й: "Мне пришла в голову эта мысль, когда я в июне прошлого года, еще во время войны с Францией, был у фюрера". Я пропускаю следующие далее замечания и продолжаю: "Я должен признаться, что я тогда пришел к фюреру, убежденный как и все мы в том, что мы рано или поздно, обязательно победим Англию и я поэтому говорил фюреру о том, что мы, само собой разумеется, должны потребовать от Англии возмещения материального ущерба, как в отношении нашего торгового флота, и т.д., за все то, что у нас отняли по Версальскому договору.

Я перехожу к странице 95-й. "Фюрер мне сейчас же возразил по этому поводу. Он считал, что война, наконец, может привести к взаимопониманию с Англией, к которому он стремился с тех пор, как стал заниматься политической деятельностью. Это я могу засвидетельствовать, а именно то, что с тех пор, как я знаю фюрера, то-есть с 1921 г., фюрер всегда говорил о том, что следует добиться взаимопонимания между Англией и Германией и что как только он придет к власти, он добьется этого. Он сказал мне тогда во Франции, что нельзя ставить суровых условий стране, с

4192

которой хочешь добиться взаимопонимания даже и тогда, когда ты победитель. У меня появилась тогда мысль о том, что, если бы об этом знали в Англии, представилась бы быть может возможность, чтобы Англия со своей стороны высказала желание добиться этого взаимопонимания".

Я перехожу к странице 96-й книги документов. "Затем фюрер передал свое предложение Англии после того, как была закончена война с Францией. Это предложение, как известно, было отклонено и тогда мною во все большей степени начала овладевать мысль, что при сложившихся обстоятельствах я должен осуществить свой план. Затем началась воздушная война между Англией и Германией, которая привела к большим разрушениям и к тяжелым потерям для Англии - более тяжелым, чем для Германии. Вследствие этого у меня создалось впечатление, что Англия вообще уже не может больше терпеть поражения без того, чтобы это сильно не повредило ее престижу. И поэтому я сказал себе, что сейчас как раз и нужно осуществить мой план, так как, если я сам буду в Англии, то это может побудить Англию вступить в переговоры с Германией, без нанесения ущерба ее престижу".

Я перехожу к странице 97-й книги документов. После краткого замечания г-на доктора Макензи, Гесс продолжал: "Я считал, что для того, чтобы добиться взаимопонимания в Англии, надо не только рассмотреть вопрос об условиях, но надо и преодолеть существующее в Англии известное недоверие общего порядка. Я должен признать, что мне предстояло решение очень трудного вопроса и, пожалуй, самого

7193

H1195-0011

H1195-0012

трудного, который мне когда-либо в жизни приходилось решать. Я думаю, что это стало возможным только потому, что у меня перед глазами стояла бесконечная цепь детских гробов, за которыми шли плачущие матери, как на немецкой, так и на английской стороне.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: Доктор Зайдль, имеется ли у Вас здесь подлинник этого документа?

ЗАЙДЛЬ: Так точно.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: Можете ли Вы нам его вручить?

ЗАЙДЛЬ: Да /документ вручается председателю/.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: Продолжайте.

ЗАЙДЛЬ: "И тысячи гробов матерей, за которыми шли дети. Я хочу отметить несколько моментов, которые как мне кажется, играют некоторую роль с психологической точки зрения.

Я должен несколько отклониться. После поражения в первой мировой войне Германии был навязан Версальский договор и сейчас ни один серьезный историк не считает, что Германия была виновницей войны. Ллойд Джорж сказал, что народы бессознательно втягивались в войну. Я недавно читал одного английского историка Фаррара, который писал об Эдуарде УП-м и о его политике. Этот историк приписывает всю вину в мировой войне политике Эдуарда УП.

Германия после разгрома получила этот договор, который явился огромным несчастьем не только для Германии, но и для всего мира. Все попытки политических, государственных деятелей в Германии перед тем, как Гитлер пришел к власти, т.е. когда Германия была демократией чистой воды, все попытки добиться какого-либо облегчения не увенчались успехом

7/94

Я не зачитываю дословно следующую часть этого протокола. Затем состоялась беседа на различные темы и, между прочим, разговор зашел о мощи Германии в воздухе и о подготовке, проводимой в отношении строительства подводных лодок. Я не думаю, что эти вопросы в данной связи являются важными, и я перехожу сейчас к тому месту протокола, где перечисляются предложения, которые Гесс сделал в то время лорду Саймону. Они находятся на странице 1952 книги документов.

Из этого протокола следует, что Гесс эти предложения, которые он хотел внести, сначала изложил в письменном виде. Он эти записи передал г-ну д-ру Макензи или г-ну Кирпатрик, который их зачитал и перевел. Я цитирую теперь на странице 152 внизу дословно: "Основа взаимопонимания". И здесь я хочу попросить Трибунал до страницы 152 книги документов обратиться к странице 159 книги документов и сделать это потому, что первый пункт предложений, очевидно, здесь был неправильно понят и неправильно передан. На странице 159 книги документов в середине /приблизительно/ имеется замечание г-на д-ра Макензи, который правильно передал первый пункт предложений. Итак, я цитирую:

"Для того, чтобы предотвратить в будущем войну между странами оси и Англией, необходимо разграничить сферы интересов, сферой интересов держав оси должна быть Европа, сферой интересов Англии должна быть вся ее империя".

Я прошу опять перелистать несколько страниц назад и здесь на 153 странице книги документов находится второй пункт этих предложений, которые представил Гесс. Д-р Макензи зачитал второй пункт.

7195

H1195-0013

"Возвращение немецких колоний".

Я перехожу теперь к странице 154 книги документов и начинаю цитировать сверху:

"3....."

Возможно, что в книге документов здесь опять ошибочно поставлена цифра 2, здесь должно стоять 3.

"3.Нужно возместить убытки германским подданным, которые до войны или во время войны проживали в английской империи и в результате мероприятий, проводившихся английским правительством в империи или по другим причинам, как, например, разграбление и беспорядки, понесли материальный ущерб. Германия со своей стороны также должна была на той же основе возместить убытки английским подданным.

4."Перемирие и заключение мира с Италией в одно и то же время, т.е. одновременно".

Затем идет следующее личное замечание Гесса:

"Фюрер неоднократно характеризовал все эти пункты в беседах со мной, как основу, на которой следует добиться взаимопонимания с Англией".

Других выдержек из этого протокола я не буду зачитывать. Я отказываюсь также от зачтения других мест, которые здесь подчеркнуты красным карандашем.

Эта беседа закончилась тем, что лорд Саймон заявил, что он доведет эти предложения, которые ему представил Гесс, до сведения английского правительства. Итак, это документ № "Г-15".

7196

H1195-0014

H1195-0015

Господа судьи, подсудимый Рудольф Гесс обвиняется в обвинительном заключении в том, что он помог нацистским заговорщикам захватить власть и что он помогал проведению военной экономической и психологической подготовки к агрессивной войне, как это сказано в I пункте Обвинительного заключения; что он принимал участие в политическом планировании и в подготовке агрессивных войн и войн, которые нарушали международные гарантии и договоры. Все это указывается в I и 2 пунктах обвинительного заключения. Подсудимый Гесс обвиняется также в том, что он участвовал в подготовке и составлении внешне политических планов нацистских заговорщиков, что указывается в пункте I обвинения.

Это обвинение является основным обвинением из всех обвинений, пред"явленных здесь Рудольфу Гессу. Поэтому мой долг здесь, представляя мои доказательства, кратко остановиться на существовавших отношениях и тех обстоятельствах, которые привели к войне в 1939 г. Об этом нужно сказать следующее: 23 августа 1939 года, в Москве, между Германией и Советским Союзом был заключен пакт о ненападении, который уже представлялся Обвинением, как документ ГБ-145. В тот же самый день, т.е. за неделю до начала войны и за три дня до того, как должно было начаться наступление на Польшу, между этими двумя государствами было заключено еще и секретное соглашение. Это секретное соглашение содержало в общем разграничение сфер интересов этих государств на европейских территориях, расположенных между ними.

7197

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: Доктор Зайдль, Вы не забываете, не так ли, решение Трибунала о том, что сейчас Вам не предоставляется возможность выступить с речью, Вы можете представлять документы и вызывать свидетелей. На более поздней стадии Вы будете иметь возможность выступить с речью.

ЗАЙДЛЬ: Я не намереваюсь произносить речь, но я хочу сказать несколько вступительных слов к документу, который я передам Трибуналу.

В этом секретном соглашении Германия заявляла, что она не заинтересована в Литве, Латвии, Эстонии и Финляндии.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: Доктор Зайдль, мы еще не видели этого документа. Если Вы собираетесь представить документ, то представьте его.

ЗАЙДЛЬ: Так точно. Я сейчас же могу передать этот документ. Здесь речь идет о данном под присягой письменном показании бывшего посла доктора Фридриха Гауса. Он был в 1939 году руководителем правового отдела в министерстве иностранных дел. Он, как лицо, сопровождавшее германского уполномоченного, был в Москве и участвовал в переговорах. Он составлял проект пакта о ненападении, который уже был представлен в качестве доказательства, а также и проект этого секретного соглашения, содержание которого я и хочу представить Трибуналу, как факт, доказательство которого является весьма важным.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: Хорошо, Вы вручите нам документ?

ЗАЙДЛЬ: Да. Но я намереваюсь зачитать некоторые разделы этого документа.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: Доктор Зайдль, Трибунал не совсем понимает, что представляет собой этот документ, потому что он

7198

H1195-0016

H1195-0017

не включен в Вашу книгу документов и, кажется, вы не возбуждали никакого хозяйства об этом документе и не делали на него никакой ссылки. Документ на немецком языке; он не переведен.

ЗАЙДЛЬ: Господин председатель. Когда я составлял книгу документов подсудимого Гесса, я не имел еще этого письменного показания. Оно датировано 15 марта 1946 года. В то время, когда здесь обсуждались доказательная сила ходатайств защиты по делу подсудимого Гесса, у меня еще не было точных сведений об этом и я не мог подать соответствующее ходатайство. Разделы, которые я намерен огласить из этого документа, очень краткие и, само собой разумеется, переводчики смогут перевести эти выдержки здесь в зале суда.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: Имеется ли у Вас копия для Обвинения?

ЗАЙДЛЬ: Да, у меня есть немецкая копия для обвинения.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: Я боюсь, что я не смогу воспользоваться этой копией. Я не знаю так же, смогут ли ею воспользоваться все члены Обвинения.

Имеют ли обвинители какие-либо возражения против оглашения отрывков из этого документа?

ГЕНЕРАЛ РУДЕНКО: Господин председатель, мне неизвестно о существовании такого документа и я решительно возражаю против его оглашения. Я бы желал, чтобы порядок, который установлен Трибуналом, соблюдался и защитой. Обвинение в свое время, представляя доказательства, также предоставляло эти документы и защите. Защитник подсудимого Гесса представляет документ, совершенно неизвестный и обвинение совершенно законно желало бы предварительно ознакомиться с этим документом. Я не знаю, о каких тайнах говорит здесь

7199

защитник подсудимого Гесса и о каких тайных договорах и чем он это обосновывает. Я считаю, что это есть по меньшей мере голословное заявление. Я прошу отказать в оглашении этого документа.

ЗАЙДЛЬ: Обвинитель от Советского Союза заявляет, что ему ничего неизвестно о существовании такого секретного соглашения. Существование этого документа должно быть подтверждено этим письменным показанием под присягой. В таком случае я вынужден ходатайствовать о том, чтобы был вызван в качестве свидетеля народный комиссар иностранных дел Советского Союза Молотов и ходатайствовать о том, чтобы, во-первых, - было установлено, был ли действительно заключен этот договор, во-вторых, - каково содержание этого договора и, в-третьих...

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: Доктор Зайдль, первое, что Вы должны сделать - это подготовить перевод этого документа;до тех пор, пока не будет перевода этого документа, Трибунал не будет подготовлен к тому, чтобы заслушивать Вас по этому вопросу. Мы не знаем содержания этого документа.

ЗАЙДЛЬ: О содержании этого договора я и хотел говорить. В документе сказано...

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: Нет. Трибунал не хочет слышать содержание этого документа в Вашем изложении. Мы хотим видеть сам документ и видеть его на английском языке и также на русском языке. Я не хочу сказать, конечно, доктор Зайдль, что Вы должны сами это сделать. Если Вы вручите эту копию Обвинению, оно обеспечит перевод на разные языки и затем, после того, как это будет сделано, мы сможем пересмотреть этот вопрос.

7200

H1195-0018

H1195-0019

ЗАЙДЛЬ: Хорошо. Я тогда перехожу к следующему документу, против оглашения которого не будет никаких возражений, потому что речь идет о документе, который уже представлен Обвинением. Это - обращение фюрера к командующим вооруженных сил от 22 августа 1939 года. Этот документ был представлен Обвинением от Советского Союза под № ПС-798 и под № США-29. Я цитирую на странице 6 немецкой фотокопии?

"Гитлер в ответ на это заявил..."

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: Имеется ли этот документ в Вашей книге документов или нет?. Я спрашиваю из соображений наибольшего удобства.

ЗАЙДЛЬ: Этот документ целиком был уже представлен Обвинением.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: Вы хотите сказать, что его здесь нет. Перед моими глазами нет этого документа. Его нет и в Вашей книге документов.

ЗАЙДЛЬ: В книге документов его нет, так как Трибунал заявил, что каждый защитник имеет право ссылаться на документы, которые уже были представлены ранее. Я цитирую:

"Я постепенно добился изменения позиции по отношению к России. В связи с торговым договором мы постепенно перешли к беседе на политические темы. Предложение сводилось к пакту о ненападении. Затем последовало универсальное предложение России. Четыре дня тому назад я предпринял один особый шаг, который привел к тому, что Россия вчера ответила, что она готова заключить этот договор. Личный контакт со Сталиным установлен. Фон Риббентроп после завтра заключит договор. Теперь Польша оказалась в таком положении, в каком я желал ее видеть".

Конец цитаты.

Господин председатель, господа судьи. Я хотел допросить свидетеля Боле, вызов которого разрешен Трибуналом, но подсудимый Гесс попросил меня отказаться от допроса этого свидетеля и огласить лишь его письменное показание, данное под присягой, которые относится к тем фактам, которые свидетель должен был освещать. Я приготовил это письменное показание под присягой. Если Трибунал разрешит мне огласить это письменное показание, то это ускорило бы ход процесса. Но, если Трибунал считает...

СЭР ДЭВИД МАКСУЭЛЛ ФАЙФ: У меня не было еще возможности увидеть это письменное показание, данное под присягой. Как было сообщено ранее, если показания свидетеля охватят те вопросы, по которым его вызвали, я хотел бы подвергнуть его перекрестному допросу.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: Где находится свидетель?

ЗАЙДЛЬ: Он здесь. Я сейчас, с разрешения Трибунала вызову этого свидетеля.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: Вы хотите вызвать его в суд или зачитать его письменное показание, данное под присягой?

ЗАЙДЛЬ: Да. После того, как мистер Дэвид возразил против оглашения письменного показания, я должен вызвать этого свидетеля.

СЭР ДЭВИД МАКСУЭЛЛ ФАЙФ: Я еще не видел этого письменного показания, данного под присягой, милорд, и сейчас, в данный момент, как я уже сказал, если письменное показание, данное под присягой охватывает все

7202

H1195-0020

H1195-0021

вопросы, по которым свидетель должен давать показания, тогда я бы хотел подвергнуть его перекрестному допросу.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: Доктор Зайдль, Если Обвинение возражает против того, чтобы письменное показание, данное под присягой было представлено в качестве доказательства, должен быть вызван свидетель, но если Обвинение не возражает против того, чтобы было зачитано письменное показание, данное под присягой, а затем свидетель вызван для перекрестного допроса, то Трибунал с готовностью согласится на это.

СЭР ДЭВИД МАКСУЭЛЛ ФАЙФ: У меня нет ни малейшего возражения против этого, милорд. Я только нахожусь в некотором затруднении, поскольку я не знаю, что содержится в письменном показании.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: Пожалуй наиболее удобным для Трибунала будет сделать сейчас перерыв на IO минут, а Вы, возможно, могли бы за это время ознакомиться с содержанием письменного показания, данного под присягой.

СЭР ДЭВИД МАКСУЭЛЛ-ФАЙФ: С удовольствием, Милорд.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: /Перерыв на IO минут/.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: Трибунал не хочет торопить защитника, но мы полагаем, что было бы лучше сейчас продолжать допрос других свидетелей, а этот документ может быть переведен и рассмотрен. Возможно, мы сможем обратиться к нему после обеденного перерыва.

СЭР ДЭВИД МАКСУЭЛЛ ФАЙФ: Милорд, у меня не было возможности прочитать перевод, но предварительное ознакомление с этим письменным показанием, данным под присягой убедило моих сотрудников в том, что это документ не очень большой важности и я собирался предложить в целях

7203

экономии времени допустить оглашение этого документа, если затем Трибунал разрешит мне огласить три документа, которые я намервался представить свидетелю в течение перекрестного допроса. Это будет более удобным, нежели последовать Вашему предложению, милорд, - т.е. ждать до тех, пор, пока мы полностью ознакомимся с письменным показанием и затем решать, как следует поступить наилучшим образом.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: Вы, кажется, видели часть документа, и Вы, пожалуй, можете лучше судить о том, как удобнее поступить. Как Вы считаете будет наиболее удобно поступить?

СЭР ДЭВИД МАКСУЭЛЛ ФАЙФ: Я буду совершенно удовлетворен, если доктор Зайдль зачитает его, но при условии, чтобы были зачитаны те документы, которые я намеревался представить свидетелю при перекрестном допросе.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: Трибунал считает, что лучше вызвать ин свидетеля в суд.

СЭР ДЭВИД МАКСУЭЛЛ ФАЙФ: ~~Сидна~~ слушаю, Милорд.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: Пожалуйста, доктор Зайдль.

ДОКТОР ЗАЙДЛЬ: Если я правильно понял, то суд не желает, чтобы здесь было оглашено письменное показание, а считает, что свидетеля следует вызвать в суд.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: Хорошо, как только письменное показание, данное под присягой, будет переведено и у Обвинения будет возможность ознакомиться с ним, тогда Обвинение сможет информировать нас о том, считает-ли он, что это письменное показание следует рассматривать как допрос свидетеля, а затем свидетель должен быть вызван в суд, для

7204

H1195-0022

H1195 - 0023

того, чтобы подвергнуться перекрестному допросу, в случае, если Вы не предпочтете сами допросить его устно.

ДОКТОР ЗАЙДЛЬ: Мне кажется, что при таких условиях лучше вызвать сейчас свидетеля в суд.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: Очень хорошо.

/Вводят свидетеля/

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: Назовите Ваше имя.

СВИДЕТЕЛЬ: Эрнст Вильгельм Боле.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: Повторяйте за мной слова присяги: Клянусь Богом, всемогущим и всеведущим, что я буду говорить чистую правду, ничего не утаю и ничего не прибавлю.

/Свидетель повторяет слова присяги/.

ЗАЙДЛЬ: Господин свидетель, в последнее время Вы были руководителем заграничной организации НСДАП? Это верно?

БОЛЕ: Да.

ЗАЙДЛЬ: Вы были статс-секретарем в министерстве иностранных дел?

БОЛЕ: Да.

ЗАЙДЛЬ: Господин Додд, представитель обвинения США, сделал сейчас предложение о том, что нельзя ли сделать в целях экономии времени так, как это сделали при допросе свидетеля Блаха, а именно огласить письменное показание, данное под присягой, в присутствии самого свидетеля, а затем перейти к допросу?

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: Хорошо.

ЗАЙДЛЬ: /свидетелю/ Вы дали письменное показание под присягой, которое я сейчас Вам зачитаю:

Б/205

"1. Заграничная организация НСДАП была создана по инициативе некоторых заграничных немцев 1 мая 1931 г. в Гамбурге. Руководителем этой организации заведующий имперским организационным отделом партии Грегор Штрассер, назначил доктора Ганса Ниланда, депутата рейхстага от НСДАП. Я сам вступил в заграничную организацию в качестве почетного члена в декабре 1931 г., а 1 марта 1932 г. я был принят в партию. 8 мая 1933 г. доктор Ниланд оставил свой пост руководителя заграничной организации, после того как он вступил в гамбургское правительство, интересуясь уже в меньшей степени вопросами заграничных немцев, поскольку сам он стал имперским немцем. Учитывая мой заграничный опыт и мои связи с заграницей /я родился в Англии и вырос в Южной Африке/, мне поручили руководство заграничной организацией НСДАП.

2. Целью заграничной организации был охват в организационном отношении 3.300 членов партии, которые в момент прихода к власти находились вне территорий империи. Кроме того, она должна была знакомить заграничных немцев, которые имели очень смутное представление о политических событиях на их родине, с идейным богатством и политической программой нового государства.

3. Только имперские немцы могли стать членами партии. Прием иностранцев и бывших немцев, которые приобрели затем другое подданство, был строжайшим образом запрещен.

4. В членской книжке заграничной организации, которая имелась у каждого имперского немца, - члена организации, стояла следующая фраза, характеризующая принципиальное отношение заграничной партийной организации ко всем ино-

7206

H1195 – 0024

H1195 - 0025

странным государствам: "Следуй законам той страны, гостем которой ты являешься. Внутреннюю политику этой страны предоставь ее жителям; ты же не вмешивайся во внутренние дела, даже в разговорах". Этот принцип был руководящим для всей работы и отношения заграничной организации ко всем другим странам со дня ее создания до конца. Я сам в своих публичных речах указывал на это и подчеркивал такую фразу: "Национал-социализм уважает чужие народы потому, что он любит свой собственный".

5. Мои речи в Порчестер-холле, в Лондоне, 2 октября 1937 г. и в Будапеште 30 января 1938 года дают исчерпывающую картину о позиции заграничной организации НСДАП по отношению к другим государствам. Уинстон Черчилль в сентябре 1937 г. неоднократно нападал в своих газетных статьях на деятельность заграничной организации и в своей известной статье "Дружба с Германией", которая была помещена в лондонской газете "Ивнинг Стандард" от 17 сентября 1937 г. он заявил, что деятельность этой организации затрудняет англо-германские отношения.

В этой же статье он заявил о своей готовности беседовать со мной по этому вопросу в самом дружеском тоне. Германское посольство в Лондоне сообщило после этого министру иностранных дел, что выступление Черчилля в палате общин по вопросу о деятельности заграничной организации является в высшей степени нежелательным. Поэтому настаивали на срочной беседе между Черчиллем и мной. Эта беседа состоялась в день моего выступления с обращением к имперским немцам в Лондоне в лондонской вилле

9207

Черчилля и продолжалась больше часа. Я имел полную возможность осведомить Черчилля в ходе беседы, протекавшей в исключительно любезном тоне, о деятельности заграничной организации и рассеять его сомнения. После окончания этого собеседования Черчилль проводил меня до моей машины и пожелал сфотографироваться вместе для того, чтобы, как он выразился, показать миру, что мы расстались друзьями. Выступление в палате общин не состоялось. С этого дня Черчилль ни единым словом не порицал деятельность заграничной организации. Моя речь, которую я держал в тот же день, была затем напечатана и издана в виде брошюры на английском языке. Она была принята общественностью очень благожелательно. В "Таймсе" была помещена значительная выдержка из моей речи, причем статья была озаглавлена: "Господин Боле выступает за взаимопонимание".

После этой беседы Черчилль прислал мне письмо, в котором он выражал свое удовлетворение по поводу результатов нашего собеседования.

6. В процессе по делу убийцы ландесгруппенлейтера заграничной организации Вильгельма Густлоффа, который состоялся в швейцарском суду в Хуре в 1936 г., рассматривался вопрос о легальной деятельности заграничной организации. Подсудимый Давид Франкфуртер был приговорен тогда к 18 годам тюремного заключения. Я вспоминаю, что швейцарские власти, которые ни в коем случае не были друзьями национал-социалистской партии, должны были удостоверить, что Густлофф и вся местная группа заграничной организации в своей деятельности не давала повода ни к какому недовольству ею. Авторитетным было тогда свидетельство бундесрата

9208

H1195 – 0026

H1195 – 0027

Баумана, который, насколько мне известно, был министром внутренних дел и полиции Швейцарии.

7. Далее следует указать на то, что и после начала войны местные группы заграничной организации продолжали существовать, вплоть до конца войны. Я имею ввиду прежде всего Швейцарию, Швецию и Португалию.

Уже с 1943 г. империя ничего бы не смогла предпринять против запрета заграничной организации в том случае, если бы местные организации вступили в конфликт с законами какого-нибудь государства и запрет был бы неизбежным последствием такого конфликта.

8. Независимо от безусловно легального характера заграничной организации, я, будучи ее руководителем, всегда заявлял, что заграничные немцы будут последними, которые позволят злоупотреблять собою в целях развязывания войны или ради интересов заговора против мира. Они знали из горького опыта, что война связана для них сначала с интернированием, затем конфискацией их собственности и уничтожением возможности их экономического существования.

9. Будучи хорошо знаком с условиями заграничной жизни, заграничный немец, как никто другой, хорошо знал, что деятельность в духе, так называемой, пятой колонны была совершенно бессмысленной и кроме вреда она ничего не могла бы принести интересам империи.

Выражение "пятая колонна", насколько мне известно, зародилось во времена гражданской войны в Испании. Оно является во всяком случае, заграничным изобретением. Когда Франко наступал на Мадрид четырьмя штурмовыми колоннами, утверждали, что внутри самого

4205

осажденного города в подполье действовала пятая колонна, которая состояла из национальных элементов, подрывавших внутреннее сопротивление города.

10. Применение выражения "пятая колонна" в отношении заграничной организации НСДАП лишено какого-бы то ни было основания. Если бы это утверждение было справедливым, то это значило бы, что членам заграничной организации совместно с местными оппозиционными элементами в том или ином государстве, было поручено или, что они сами по собственной инициативе пытались изнутри подорвать данное государство. Всякое же подобное утверждение лишено всякого основания.

11. Ни от Рудольфа Гесса, бывшего заместителя фюрера, ни от меня, как руководителя заграничной организации, члены данной организации не получали никаких поручений, которые побудили бы их к деятельности в духе пятой колонны. Гитлер сам также не давал мне никаких указаний такого рода.

Резюмируя , я могу сказать следующее: заграничная организация НСДАП в тот период, когда я был ее руководителем, никогда не вела никакой деятельности в духе пятой колонны. Никогда заместитель фюрера не давал заграничной организации приказов или указаний, которые могли бы побудить ее членов к действиям в духе пятой колонны. Напротив, Рудольф Гесс уделял самое большое внимание тому, чтобы члены заграничной организации ни при каких обстоятельствах не вмешивались во внутренние дела страны, гостями которой они были.

7210

H1195 – 0028

H1195-0029

12. Конечно, известно, что, как подданные враждебных государств, так и немцы, использовались для шпионской деятельности и в целях информации. Однако, эта их деятельность не имеет ничего общего с принадлежностью к заграничной организации. Чтобы не подвергать опасности существование групп заграничной организации, которые действовали совершенно открыто и легально, я неоднократно требовал, чтобы члены заграничной организации не использовались в таких целях или, если это имело место, чтобы мне была заранее предоставлена возможность освободить их от выполнения каких-либо функций внутри заграничной организации.

Это конец письменных показаний свидетеля Боля. У меня к нему сейчас вопросов нет.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ. Хотят ли другие защитники задать вопросы свидетелю?

/К микрофону подходит доктор Заутер./

ЗАУТЕР /защитник подсудимого Шираха/. У меня есть несколько вопросов к этому свидетелю.

Господин свидетель, я защищаю на данном процессе подсудимого Шираха, бывшего имперского руководителя молодежи. Меня интересует следующее: имела ли организация "Гитлеровская молодежь" свои группы за границей или только на территории империи?

БОЛЕ. Организация "Гитлерюгенд" имела свои группы и среди имперских немцев за границей.

ЗАУТЕР. Тогда я попрошу Вас сказать мне следующее: получали ли эти заграничные организации "Гитлерюгенд" политические указания от руководителя группы заграничной организации в той или иной стране или нет?

8211

БОЛЕ. Эти организации "Гитлерюгенд" подчинялись в политическом отношении руководящим работникам партии.

ЗАУТЕР. Здесь, на процессе, утверждалось, что члены "Гитлерюгенд" обучались для шпионской деятельности, а затем использовались в качестве шпионов и агентов за границей. Какие-либо определенные факты или отдельные примеры не были здесь приведены. Здесь было сделано утверждение общего порядка. Также утверждалось, что члены заграничных организаций "Гитлерюгенд" использовались в качестве парашютистов. Вначале они, якобы, проходили соответствующую подготовку в Германии, а затем использовались в качестве парашютистов за границей. Вот в чем состояло это утверждение. Я прошу Вас высказать Вашу точку зрения по поводу того, что известно Вам, как руководителю заграничной организации, о подобного рода вещах. Считаете ли Вы подобные вещи вообще возможными?

БОЛЕ. Я могу сказать следующее. Я считаю абсолютно невозможным то, что членами заграничных организаций "Гитлерюгенд" злоупотребляли в таких целях. Я заявляю это с полной уверенностью, поскольку партийные руководители заграничной организации в различных государствах информировали меня в духе, совершенно противоположном тому, что Вы только что сказали. О таком обучении и подготовке парашютистов мне совершенно ничего не было известно. Я считаю, что эти утверждения лишены всякого основания.

ЗАУТЕР. Таким образом, из Ваших показаний я могу заключить, что, если бы такого рода заявления имели бы место, Вы были бы информированы, как руководитель заграничной организации, даже в том случае, если они и не имели бы места, а только планировались. Это правильно?

4212

H1195-0030

H1195 – 0031

БОЛЕ. Да, это так.

ЗАУТЕР. У меня последний вопрос к Вам. Здесь, в зале заседания судей было сделано еще одно утверждение относительно организации "Гитлерюгенд". Утверждалось, что во Львове однажды имело место следующее. Члены организации "Гитлерюгенд" стреляли в маленьких детей, служивших им мишенью. Более подробно об этом событии не было сообщено. Имело место одно лишь утверждение. Для меня было бы очень интересно узнать следующее: Вы знаете, очевидно, что организация "Гитлерюгенд" имела к концу своего существования 7-8 миллионов членов.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ. Доктор Заутер, разве это имеет какое-либо отношение к заграничной организации?

ЗАУТЕР. Заграничная организация имеет постольку к этому отношение, поскольку моему подзащитному Шираху инкриминируется, что заграничные организации "Гитлерюгенд" совершали подобного рода злодеяния.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ. Кажется, не выдвигалось обвинения в том, что они делали это за границей; разве гитлеровская молодежь за границей использовала детей как цели при стрельбе.

ЗАУТЕР. Да, было сказано, что это имело место во Львове, в польском генерал-губернаторстве. Ведь это же заграница, это же не Германия.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ. Вы имеете в виду время после начала войны?

ДОКТОР ЗАУТЕР. Да.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ. Я думал, что этот свидетель давал показания о заграничной организации до войны.

ЗАУТЕР. Я не знаю, давал ли этот свидетель показания о деятельности заграничной организации во время войны. Данный свидетель знаком со всеми событиями, имеющими отношение к заграничной организации, поскольку

7213

он был ее руководителем, поэтому, мне кажется, что данный свидетель, вполне может дать показания по этому вопросу.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ. Мне кажется, что Вы уклонились далеко в сторону, но Вы можете продолжать.

ЗАУТЕР. Хорошо, господин председатель, поскольку в противном случае мне пришлось бы вызвать этого свидетеля еще раз во время представления документов моего подзащитного. Господин свидетель, Вы помните мой последний вопрос? Известно ли Вам, чтобы члены заграничных организаций "Гитлерюгенд", которые подчинялись Вам, совершали такого рода злодеяния?

БОЛЕ. Я, к сожалению, должен Вам сказать, господин адвокат, что заграничная организация не имела своих групп в польском генерал-губернаторстве, что я там никогда не был и поэтому я не в состоянии сообщить Вам что-нибудь по этому вопросу. Очевидно, здесь существует ошибочное мнение, что генерал-губернаторство по партийной линии имело отношение к заграничной организации. На самом деле этого не было. У меня не было групп в генерал-губернаторстве.

ЗАУТЕР. У меня нет больше вопросов.

/К микрофону подходит д-р Серватиус - защитник политического руководства./

СЕРВАТИУС. Господин свидетель, в какой мере Вы, как рейхслейтер заграничной организации, были осведомлены о внешне-политических планах фюрера?

БОЛЕ. Я не был рейхслейтером. Я был гауляйтером и о планах фюрера в области внешней политики никогда не был информирован.

СЕРВАТИУС. Известно ли Вам, что фюрер по отношению к Вашей организации имел следующую точку зрения: необходимо добиться взаимопонимания с Англией?

7214

H1195-0032

H1195 – 0033

БОЛЕ. Я не совсем понимаю этот вопрос.

СЕРВАТИУС. Я Вас спрашиваю, не говорил ли Гитлер до войны Вам или другим гаулейтерам, о том, что для него совершенно необходимо добиться взаимопонимания с Англией? И что вы должны действовать в этом смысле?

БОЛЕ. Я никогда не получал от фюрера такого рода заданий, но я слышал об этом от его заместителя. За 12 лет моей деятельности фюрер со мной никогда не беседовал на политические темы.

СЕРВАТИУС. У меня больше нет вопросов.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ. Желает ли кто-нибудь еще из защитников допросить свидетеля? /Молчание./

/К микрофону подходит подполковник Гриффит Джонс./

ГРИФФИТ ДЖОНС. Ваша заграничная организация была организована таким же образом, как и партия в Германии, не так ли?

БОЛЕ. Не во всех отношениях, так как в Империи в партии существовали различные организации, которые не имелись в заграничной организации. В качестве примера я упомяну о существовании в партии бюро по коммунальным вопросам.

ГРИФФИТ ДЖОНС. Возможно я могу сократить мой вопрос. Были ли у Вас за границей такие же ответственные партийные руководители, как и в Германии?

БОЛЕ. Да.

ГРИФФИТС ДЖОНС. В каждой стране такая организация подчинялась ландесгруппенлейтеру, это правильно?

БОЛЕ. Да, почти во всех странах это было так.

ГРИФФИТС ДЖОНС. И им подчинялись хохейтстрегеры более низкого ранга?

БОЛЕ. Да, так называемые ортсгрпунненлейтеры /руководители местных групп в данной стране/.

7215

ГРИФФИТС ДЖОНС. Было ли германское население за границей хорошо организовано в результате этого и хорошо известно руководителям в этих странах?

БОЛЕ. В большинстве своем да, но это не было точно так организовано, как Вы говорите, да и на деле не могло быть так, так как партийный руководитель знал всех имперских немцев в данной стране.

ГРИФФИТС ДЖОНС. Приходило ли Вам когда-нибудь на ум, что, когда Ваша армия вторгалась в страну, в которой у Вас была хорошо организованная организация, эта организация оказывалась исключительно ценной в военном отношении?

БОЛЕ. Нет, смысл существования заграничной организации заключался не в этом. Ко мне не поступало также никаких требований в этом направлении.

ГРИФФИТС ДЖОНС. Вы заявляете сейчас этому Трибуналу, что, когда в различные страны Европы вторгалась германская армия, Ваши местные организации ничего не делали для того, чтобы помочь им в военном или полувоенном отношении?

БОЛЕ. Так точно.

ГРИФФИТС ДЖОНС. Очень хорошо. Разрешите сейчас спросить Вас о другом: у Вас была достаточно хорошо организованная система отчетности от ландсгруппенлейтеров Вашему главному управлению в Берлине?

БОЛЕ. Да.

ГРИФФИТС ДЖОНС. Мне кажется, что Вы сами сказали на допросах, что Вы особенно гордились той скоростью, с которой поступали эти отчеты.

БОЛЕ. В отношении скорости, мне кажется, этого я не говорил. Я сказал это в отношении правильности политических обзоров.

ГРИФФИТС ДЖОНС. Но, на самом деле, отчеты действительно поступали с очень большой скоростью, не так ли?

7216

H1195 – 0034

H1195 – 0035

БОЛЕ. В общем этого нельзя сказать. Это зависело от того, имелась ли возможность быстро доставить их в Берлин. Что касается отдельных случаев, то я теперь не могу сказать точно. Во всяком случае, у меня не было особых скоростных методов для их отправки.

ГРИФФИТС ДЖОНС. Вы сказали следователю,- и я могу сослаться на это, если будет необходимо, - что были случаи, когда Вы получали ту же самую информацию раньше, чем Гиммлер, или министерство иностранных дел?

БОЛЕ. Нет, это какое-нибудь недоразумение. Здесь речь идет, очевидно, об информации по политическим вопросам, которую я получал от руководителей групп в отдельных странах /ландесгруппенлейтеров/ и которую я передавал затем из Берлина различным учреждениям.

ГРИФФИТС ДЖОНС. Очень хорошо. Мы оставим вопрос о скорости. Из Ваших слов я понял, что у Вас была достаточно хорошо организованная система информации - не так ли?

БОЛЕ. Чтобы ответить на это, мне следовало бы знать, в отношении какой информации я, якобы, имел хорошо организованную сеть.

ГРИФФИТС ДЖОНС. Это как раз и должен быть мой следующий вопрос. Я намеревался Вас спросить: о чем, на самом деле докладывали Вам Ваши ландесгруппенлейтеры?

БОЛЕ. Руководители групп в отдельных странах /ленде сгруппенлейтеры/ сообщали мне, когда они хотели довести что-либо до сведения соответствующих инстанций.

ГРИФФИТС ДЖОНС. Сообщали ли они Вам когда-нибудь сведения, которые могли иметь военную или полувоенную ценность?

БОЛЕ. Это могло иметь в отдельных случаях, хотя в настоящий момени я не могу вспомнить такого случая.

4217

ГРИФФИТС ДЖОНС. Их никогда не инструктировали о том, чтобы они представляли подобную информацию?

БОЛЕ. Нет, в общем нет.

ГРИФФИТС ДЖОНС. Каким образом Вы получали информацию - были ли у Ваших организаций за границей радиоустановки?

БОЛЕ. Нет, беспроволочной связи мы не имели. Информация поступала к нам через курьеров, а в особых случаях она доставлялась в Германию некоторыми деятелями.

ГРИФФИТС ДЖОНС. После того, как началась война, Ваша организация продолжала свою работу в нейтральных странах?

БОЛЕ. Да.

ГРИФФИТС ДЖОНС. У них не было беспроволочной связи для того, чтобы передавать Вам информацию?

БОЛЕ. Мне об этом ничего неизвестно и мне кажется, что у них не было беспроволочной связи, так как, если бы она была у них, я бы знал об этом.

ГРИФФИТС ДЖОНС. Я хочу задать Вам вопрос по одному или двум документам. Посмотрите на документ ПС-3258,- Милорд, этот документ уже представлен, как доказательство, под номером ВБ 262; у меня есть копии отрывков для Трибунала и для защиты. /Пауза. Ищут документ, затем свидетелю подают документ./

Я полагаю, что Вы читаете по-английски - сейчас принесут и самую книгу.

БОЛЕ. Да.

ГРИФФИТС ДЖОНС. Перед Вами копия некоторых отрывков из нее. Внизу первой страницы Вы увидите последний абзац, который начинается словами: "В 1938 году..." Были ли у Вас в Нидерландах ландесгруппенлейтер по имени Баттинг?

БОЛЕ. Да.

ГРИФФИТС ДЖОНС. Обратите сейчас внимание на меня, прежде чем Вы посмотрите на документ. Вам известно, что

7218

H1195 - 0036

H1195 - 0037

Баттинг жил в Гааге в доме, где помещалось Управление военной разведки. Вам известно это?

БОЛЕ. Нет, этого я не знаю.

ГРИФФИТС ДЖОНС. Я хочу зачитать Вам два абзаца из этого документа, который представляет собой доклад, опубликованный, как официальное издание Соединенных Штатов, озаглавленный: "Основные принципы национал-социализма, применение их заграничной организацией нацистской партии и использование немцев за границей для нацистских целей". Я хочу, чтобы Вы прежде всего сказали Трибуналу, что Вы думаете об этом докладе, который напечатан в этой книге.

"В 1938 г. германской миссии в Гааге принадлежало два дома. Оба они пользовались дипломатической неприкосновенностью и поэтому были недоступны голландской полиции для обысков и конфискаций. Я назову дом, в котором было бюро Баттинга, дом № 2. Что происходило в доме № 2?В этом доме были произведены переделки и он был разделен, как дом, в котором живут две семьи - вертикально, не горизонтально, но две половины дома соединялись дверью. В одной половине дома жил доктор Баттинг, другую половину занимал нацистский агент военной резведки в Голландии". Вы говорите, что Вы ничего не знаете об этом?

БОЛЕ. Доктор Баттинг был руководителем одной из групп заграничной организации /ландесгруппенлейтером/. О существовании этих двух домов я узнал только здесь, для меня это новость.

ГРИФФИТС ДЖОНС. Очень хорошо, я буду продолжать.

"С.Б.,то-есть агент военной разведки, имел, может быть, дюжину помощников, которые работали в Голландии, - все агенты бюро Канариса. Все они были профессиональными шпионами, знающими свое дело. Но они не могли знать Голландию так основательно, как этого требовала стратегия германского

7219

H1195 – 0038

главного командования, что было обнаружено после вторжения, которое имело место в мае 1940 года. Для этого была необходима не дюжина, а, пожалуй, несколько сотен источников информации. И именно в связи с этим Баттинг и агент военной разведки вступили в контакт. Через ассоциацию германских граждан, Баттинг владел парой нацистских глаз и парой нацистских ушей в каждом городе и в каждом поселке в Нидерландах. Это были глаза и уши его мелких чиновников партии. Когда агент военной разведки нуждался в информации о любом уголке Голландии, еще не освоенном его работниками, или хотел проверить информацию, полученную от его собственного работника, он мог обратиться к Баттингу". Известно ли Вам, помогал ли Баттинг агенту военной разведки в Голландии подобным образом?

ВОЛЕ. Мне известно о том, что он был в Голландии в самом конце. Но в какой мере он ему оказывал помощь, я не знаю, так как от меня он не получал никаких поручений в этом направлении.

. ГРИФФИТС ДЖОНС. Я понимаю, что у него не было никаких инструкций, но тем не менее он это делал. Обратитесь сейчас к последнему абзацу на той же странице.

"Я знаю каждый камень в Голландии" ,- однажды хвалился агент военной разведки. Говоря "камень", он имел в виду все - канал, плотину, мост, путепровод, кульверт, шоссе, окольную дорогу, аэропорт, площадки для вынужденной посадки и имена и местонахождение людей, симпатизирующих голландским нацистам, людей, которые в нужное время могли помочь вторгавшейся армии. Если бы не существовала партийная организация Баттинга под невинной маской ассоциации граждан, то сведения агента военной разведки о Голландии свелись бы почти к нулю по сравнению с тем, ~~что~~ чем они являлись на самом деле. Таким образом, ассоциация граждан преследовала двойную цель: она была неоценима для шпионажа и, в то же время, она

7220

выполняла свою основную функцию в качестве агентства пятой колонны".

Известно ли Вам, что членам Вашей организации в Голландии давались инструкции получать сведения о каждом канале, плотине, мосте, путепроводе, железной дороге и т.д.?

БОЛЕ. Об этом я не имею ни малейшего представления.

ГРИФФИТС ДЖОНС. Очень хорошо. Я хочу, чтобы Вы совершенно ясно ответили мне. Я заявляю Вам, что Ваша организация представляла собой, во-первых, шпионскую систему, которая поставляла важную информацию в Империю и, во-вторых, что она являлась организацией, которая предназначалась для того, чтобы помочь, и которая, в действительности, помогала, вторгавшимся германским армиям тогда, когда они пересекали границы соседних государств. Вам понятны эти два пункта?

БОЛЕ. Да.

ГРИФФИТС ДЖОНС. Издавала ли Ваша организация ежегодник, Ваш "Ежегодник заграничной организации"?

БОЛЕ. Да.

ГРИФФИТС ДЖОНС. И содержалась ли в этой книге информация относительно деятельности Вашей организации в течение года?

БОЛЕ. Частично, да.

ГРИФФИТС ДЖОНС. Я полагаю, что Трибунал может считать, что то, что опубликовывалось в этой книге, было точной информацией?

БОЛЕ. Да, это можно предположить.

ГРИФФИТС ДЖОНС. Не посмотрите ли Вы на "Ежегодник" за 1942 год? У меня имеются копии отрывков.

/Пауза. Свидетелю подают документ./

Посмотрите на 37 страницу этой книги. Если Вы перевернете 2 страницы назад, то Вы увидите статью, озаглавленную "Работа норвежского филиала Заграничной Организации во время войны". Она написана Вашим ландесгруппенлейтером в

4221

H1195-0039

H1195 – 0040

Норвегии, не так ли?

БОЛЕ. Я предполагаю, что это так, хотя вспомнить об этом не могу.

ГРИФФИТС ДЖОНС. Посмотрите на страницу 37 и Вы увидите, что в книге, которая лежит перед Вам, несколько отрывков отмечены карандешом на полях.

БОЛЕ. Да.

ГРИФФИТС ДЖОНС. Найдите, пожалуйста, абзац, который начинается: "Поэтому, вскоре, после начала войны в сентябре 1939 года..." Вы нашли этот абзац?

БОЛЕ. Да.

ГРИФФИТС ДЖОНС. Будьте добры, следите за мной. "Поэтому вскоре после начала войны в сентябре 1939 года, увеличение и расширение..."

БОЛЕ. Да. Я слежу...

ГРИФФИТС ДЖОНС. Увеличение и расширение германской миссии в Осло, консульств в Бергене, Тронхейме, Ставангера, Кристианзанде, Хаугезунде, Нарвике и Киркенесе, официально представляющих германские интересы, оказалось делом первостепенной важности. Это увеличение имперских агентств имело своим результатом то, что местные организации НСДАП в Норвегии должны были также расширить свое поле деятельности, в той же пропорции, для того, чтобы поддержать работу имперских агентств, в особенности за счет членов партии и других немцев, в совершенстве владеющих языком и знающих страну.

Почему в сентябре 1939 г. партия сочла необходимым увеличить свою организацию в Норвегии за счет таких людей, которые в совершенстве знали страну и язык страны? Ответьте на этот вопрос, прежде чем Вы будете читать дальше. Не беспокойтесь сейчас об остальном. Сейчас мы займемся этим вопросом. Почему в 1939 году было необходимо увеличить Вашу организацию?

Ф-222

БОЛЕ. В Норвегии имелось лишь 80 членов партии и было совершенно ясно, что с началом войны число официальных представителей не только Германии, но и других государств увеличилось. Точно также возросло число членов группы заграничной организации, куда прибавились национальные элементы, которые хорошо знали данную страну. Это имело место не только в отношении Германии, но и в отношении всех других стран, участвовавших в войне.

ГРИФФИТС ДЖОНС. Хорошо, но я все-таки не понимаю, почему Ваша, совершенно безвредная организация, вдруг сочла необходимым увеличить количество своих членов за счет людей, которые в совершенстве знали язык страны и самую страну? Почему Ваша Заграничная Организация сочла это необходимым?

БОЛЕ. Потому что для имперских консульств необходимы были люди, которые хорошо знали страну и язык для выяснения об"ектов германских атак в Норвегии, точно так же, как поступало любое другое государство.

ГРИФФИТС ДЖОНС. Итак, Ваш ответ заключается в том, что они Вам потребовались для того, чтобы дать Вам сведения о военных об"ектах в Норвегии. Это Ваш ответ?

БОЛЕ. Нет. Я не говорил этого. Я сказал, что в Норвегии должны были быть подобраны лица, которые могли бы быть использованы для германской пропаганды среди норвежского народа. Но я хочу еще раз подчеркнуть, что такие методы применялись не только Германией, а всеми государствами, участвовавшими в войне.

ГРИФФИТС ДЖОНС. Очень хорошо, будем продолжать и увидим, что произошло затем:

"Выбор и назначение этих дополнительных сотрудников проводились местным руководителем организации в тесном

7223

H1195-0041

H1195 - 0042

сотрудничестве с представителями империи. Поэтому, с первого момента начала войны, большое количество членов партии было отозвано с мест их работы и было использовано на службе для народа и отечества. Не колеблясь и не считаясь со своими личными интересами, семейным положением, карьерой, собственностью,- они встали в ~~ряд~~ ряды и посвятили себя душой и телом выполнению этих новых и часто опасных задач".

Скажите мне, являлись ли получение информации о норвежском народе и передача ее - "часто опасной" задачей?

БОЛЕ. Конечно, нет.

ГРИФФИТС ДЖОНС. Каковы были , в таком случае, те часто опасные задачи, которые, как сказал Ваш собственный ландесгруппенлейтер, члены его организации взяли на себя с самого первого момента начала войны в сентябре 1939 года?

БОЛЕ. Я ничего не могу сказать по этому поводу, так как мне об этом абсолютно ничего неизвестно и я не могу себе представить какие-либо опасные задачи. От этой же статьи, которую я, впрочем, не читал, у меня сложилось впечатление, что руководитель окружной группы заграничной организации в данной стране /ландескрейслейтер/ хотел просто придать своей работе большее значение, чем это было на самом деле, что с человеческой точки зрения вполне об"яснимо.

ГРФФИТС ДЖОНС. Но вы сказали, что Вы не знали об этом. Это появилось в официальном ежегоднике Вашей организации. Вы никогда не читали того, что публиковалось в этой книге?

БОЛЕ. Все целиком я не читал и, в частности, эта статья мне неизвестна.

ГРИФФИТС ДЖОНС. Вы сказали нам, что члены Вашей организации не принимали в этом участия. Что Вы можете сказать о тех людях, которые были ответственными за опубликование этого ежегодника.

Они никогда не обращали вашего внимания на подобную статью?

7224

БОЛЕ. Очевидно, нет.

ГРИФФИТС ДЖОНС. Посмотрите на следующий маленький абзац.

"И успешные результаты их работы, которая проводилась в полном секрете, обнаружились тогда, когда 9 апреля 1940 года немецкие войска высадились в Норвегии и тем самым предупредили планировавшуюся атаку союзников с флангов".

Какая работа была обнаружена 9 апреля? Какая работа, проводившаяся в полном секрете, была обнаружена 9 апреля - работа, проводившаяся членами Вашей организации?

БОЛЕ. По этому вопросу я, к сожалению, ничего не могу сказать, так как я об этом абсолютно ничего не знаю.

ГРИФФИТС ДЖОНС. Хорошо. Не посмотрите ли Вы на последний абзац на этой странице? - четыре, пять строчек вниз, - в конце пятой строчки. Простите, перед Вами находится книга, я забыл об этом. Посмотрите на 40 страницу книги. В середине абзаца Вы найдете последнее слово одной из строчек: "согласно". "Согласно задаче - плану". Вы нашли ~~это~~ это? Это 40 страница.

БОЛЕ. Нет.

ГРИФФИТС ДЖОНС. Разрешите мне зачитать это из соображений экономии времени.

"Согласно плану - задаче, который был подготовлен с самого начала войны, руководство местной организации отдало распоряжение 7 апреля о первой фазе использования..."

Это означает, не так ли, что планы готовились для различных фаз операции? Это не выглядит так, что работа Вашей организации заключалась лишь в изучении норвежского народа?

БОЛЕ. Поскольку для меня это совершенно ново, я могу сказать лишь следующее: это могло лишь быть соглашение с военными или другими инстанциями внутри самой страны. Я ничего об этом не знал ни тогда, ни сейчас.

H1195-0043

H1195 – 0044

ГРИФФИТС ДЖОНС. Я понимаю, что Вы говорите. Но вы возглавляли эту организацию – не так ли?

БОЛЕ. Да.

ГРИФФИТС ДЖОНС. Вы предстали перед Международным Трибуналом и даете ему показания, повидимому, заявив сначала, что Вы в состоянии дать Трибуналу правдивые и точные показания, не так ли?

БОЛЕ. Да.

ГРИФФИТС ДЖОНС. Вы понимаете это?

БОЛЕ. Да, я это понял.

ГРИФФИТС ДЖОНС. Хорошо, тогда правильно ли я понял, что Вы сейчас заявляете, что Вы не знаете о том, что происходило в Вашей организации и, поэтому, Вы сейчас не в состоянии давать показания о том, представляла ли она собой, по существу, пятую колонну?

БОЛЕ. Совершенно ясно, что руководитель такой большой организации, который сам находился в Берлине, не может точно знать всего, что происходило за границей и в особенности, что происходило не на основании его распоряжений. Я не имел над членами своей заграничной организации такой власти, как например, гаулейтер в Германии. Мне не нужно доказывать это, поскольку это и так совершенно ясно.

Также совершенно ясно и мне известно о том, что отдельные заграничные немцы, к патриотическому чувству которых ап[illegible]лировали, позволяли использовать себя в отдельных случаях для таких целей, без ведома заграничной организации и вопреки ее категорическим указаниям.

ГРИФФИТС ДЖОНС. В интересах экономии времени мы сейчас не будем заниматься этой особой сферой деятельности в Норвегии, на тот случай, что, возможно, она была исключением, о котором Вы не знали.

4226

Разрешите мне обратиться к другому вопросу. Посмотрите на 65-ую страницу этой книги. Это статья Вашего ландесгруппенлейтера в Греции?

БОЛЕ? Да.

ГРИФФИТС ДЖОНС. Она написана в форме ежедневных записей о деятельности Заграничной Организации в Греции тогда, когда германские войска вторглись в эту страну?

БОЛЕ. Да.

ГРИФФИТС ДЖОНС. Может быть, Вы посмотрите на 65 страницу?

"Воскресенье, 27 апреля. Свастика на Акрополе", это заголовок. Простите, я не знаю, начинается ли текст непосредственно под заголовком. Это слова ландесгруппенлейтера.

"Я отправился немедленно и посетил другие кварталы, где была интернирована германская колония, - Филадельфия и институт. Я приказал обитателям дома на улице Академия отказаться от их прав на немедленное возвращение домой и быть в состоянии готовности. В конце концов, мы хотели помочь германским войскам немедленно нашими знаниями языка и местности. Теперь настал этот момент. Мы должны начать немедленно".

Известно ли Вам...

БОЛЕ. Да. Об этом я как раз хорошо знаю. Было совершенно ясно, что в тот момент, когда германские войска занимали чужой город и освобождали интернированных заграничных немцев, которые были в плену, эти немцы, само собой разумеется, готовы были помогать нашим войскам во всех отношениях, а именно - в качестве переводчиков, проводников и т.д. Мне кажется, что это является само собой разумеющейся вещью.

ГРИФФИТС ДЖОНС. Они именно это и делали на самом деле. Помощь Вашей организации заключалась в том, что она

9227

H1195 - 0045

H1195 – 0046

организовывала их и приводила их в готовность для выполнения этого, не так ли? Кажется, как раз именно этим и занимался Ваш ландесгруппенлейтер?

БОЛЕ. Простите, я не понял Вашего вопроса, может быть Вы повторите?

ГРИФФИТС ДЖОНС. Вы понимаете, что именно Ваш ландесгруппенлейтер орган изовывал членов Вашей организации таким образом, чтобы они монли оказать наиболее полезную помощь вторгавшимся армиям?

БОЛЕ. Это выражение абсолютно неправильно. Руководитель греческой группы, который занимал этот пост с 1934 г., вообще не мог знать о том, предстоит ли вторжение в Грецию или нет. Это не имело ничего общего с характером деятельности его организации. В тот момент, когда германские войска вступили в страну, было совершенно ясно, что их соотечественники приветствовали их, угощали и помогали, как только могли. Это было вполне понятное чувство патриотического долга.

ГРИФФИТС ДЖОНС. Я понимаю.

Обратитесь сейчас к странице 66 - это следующая страница. Найдите абзац, который начинается: "Тем временем я организовал использование всех членов партии на вспомогательной службе для вооруженных сил..."

Вы нашли это место?

БОЛЕ. Нет, где это?

ГРИФФИТС ДЖОНС. Вы лучше найдите это место.

БОЛЕ. Где это?

ГРИФФИТС ДЖОНС. На 66-й странице. Это - новый абзац.

БОЛЕ. Я нашел, да.

ГРИФФИТС ДЖОНС. "Тем временем я организовал использование всех членов партии на вспомогательной службе для вооруженных сил..." Это на самом деле выглядит так, как если бы ландесгруппенлейтер организовывал их, не так ли?

4228

БОЛЕ. Правильно, в тот момент это было так.

ГРИФФИТС ДЖОНС. "Скоро можно было видеть наших юношей и девушек, гордых и сияющих, в форме Гитлеровской Молодежи, рядом с германскими солдатами на мотоциклах и в автомобилях".

Знали ли Вы сами о той организации, которую осуществлял в Греции Ваш ландесгруппенлейтер и о работе, которую он проводил для того, чтобы помогать Вашим армиям полувоенным путем, или, подобно случаю с Норвегией, Вам об этом ничего не было известно?

БОЛЕ. Руководитель греческой группы заграничной организации не создавал никакой полувоенной организации, а просто мобилизовал организацию, которая тогда поддерживала вступающие германские войска и помогала им при разрешении гражданских вопросрв.

ГРИФФИТС ДЖОНС. Очень хорошо. Я хочу задать Вам вопрос из другой области.

Имеется ли у Вас здесь документ - телеграмма из Мадрида, от некоего лица по имени Шторер?

БОЛЕ. Шторер, да.

ГРИФФИТС ДЖОНС. Имел ли Шторер какое-либо отношение к германскому посольству в Мадриде?

БОЛЕ. Он был германским послом, доктор фон Шторер.

ГРИФФИТС ДЖОНС. Этот документ датирован 23 октября 1939 г. Посмотрим, о чем здесь говорится:

"Ландесгруппенлейтер может получить очень удобный дом для размещения ландесгруппе /руководство группой, работающей в стране/, включая германский Трудовой Фронт, Ортсгруппе, Гитлеровскую Молодежь и германскую группу в Мадриде, а также удобную комнату на случай, если посольство должно будет расширяться, и в особенности, очень удобную изолированную комнату, для установления, в случае необходимости, второй секретной радиоустановки, которая больше не может находиться в школе, поскольку она вновь открывается".

7229

H1195 – 0047

H1195-0048

"Ландесгруппенлейтер просит меня снять этот дом через посольство, поскольку, таким образом, можно избежать значительных расходов на налоги. Не медлите, имея в виду частичное использование посольства так, как это указано выше. Если Вы не согласны, я прошу телеграфировать мне по возвращении. Пожалуйста, передайте это также гаулейтеру Боле".

Сказали ли Вы правду Трибуналу двадцать минут тому назад о том, что Вам ничего не было известно об использовании радиоустановок Вашей организацией?

БОЛЕ. Да, так как мне об этих аппаратах и их использовании /речь идет, насколько я понимаю, об аппаратах посольства/ ничего неизвестно.

ЗАЙДЛЬ /защитник подсудимого Гесса/. Из копии, которая мне была передана, не ясно, кому была направлена эта телеграмма. На основании последней фразы этой телеграммы можно предположить, что эта телеграмма во всяком случае, не была направлена свидетелю. Мне кажется, что сначала нужно спросить свидетеля, знал ли он что-либо об этой телеграмме и кому была адресована эта телеграмма.

ГРИФФИТС ДЖОНС. Может быть, Вы скажете д-ру Зайдлю, кому мог послать германский посол телеграмму по такому вопросу, как этот?

БОЛЕ. Министерству иностранных дел в Берлине.

ГРИФФИТС ДЖОНС. А Вы, в то время, были стаст-секретарем в министерстве иностранных дел в Берлине, - не так ли?

БОЛЕ. Совершенно правильно, это было в октябре 1939 г.

ГРИФФИТС ДЖОНС. Под его подписью указывается распределение этого документа - здесь указываются различные лица в отделах министерства иностранных дел в Берлине. Это правильно?

БОЛЕ. Да.

ГРИФФИТС ДЖОНС. Утверждаете ли Вы сейчас, что все отделы, которых просили о том, чтобы они доложили Вам

об этом вопросе, - что все они не смогли этого сделать?

БОЛЕ. Этого я не утверждаю. Они бы это наверняка сделали.

ГРИФФИТС ДЖОНС. Вы помните сами, что Вы видели эту телеграмму раньше?

БОЛЕ. Я не могу вспомнить этой телеграммы. Я бы, конечно, обратил на нее внимание, ибо о двух тайных радиопередатчиках в Испании я ничего не знаю до сих пор. Мои показания по этому вопросу совершенно правильны. Я действительно ничего об этом не знаю. В документе сказано, что эта телеграмма была передана стаст-секретарю, причем имелся в виду не я, а статс-секретарь по политическим вопросам. Моя должность в министерстве иностранных дел называлась: руководитель Заграничной Организации.

ГРИФФИТС ДЖОНС. Я могу избавить Вас от этого. Я не говорю, что под "стаст-секретарем" подразумеваетесь Вы, - в таком случае там не говорилось бы о том, что телеграмма должна быть передана Вам. Я хочу знать лишь следующее: зачем Вам или сотрудникам Вашего посольства или обоим Вам, работающим вместе, понадобились два тайных радиопередатчика в Испании в октябре 1939 года?

Вы все еще утверждаете, что Ваша организация совершенно не занималась передачей информаций военного значения?

БОЛЕ. Простите, что Вы подразумеваете под передачей информации военного характера?

ГРИФФИТС ДЖОНС. Заявляете ли Вы этому Трибуналу - я хочу, чтобы Вы ясно это сказали, - заявляете ли Вы этому Трибуналу о том, что Ваша организация в Испании не использовалась для шпионских целей?

БОЛЕ. Да, я это утверждаю. Следует выделить отдельных членов заграничной организации, которые без моего ведома и, несмотря на мои протесты, использовались за границей

4231

H1195 - 0049

H1195 - 0050

для подобного рода целей. Я не имел ничего против того, чтобы немцы, живущие за границей, использовались для таких целей во время войны. Другие государства прибегали к таким методам еще чаще. Но я не хотел, чтобы в этих целях использовались руководящие работники и члены Заграничной Организации. Нужно уметь различать два момента...

ГРИФФИТС ДЖОНС. Я вовсе не хочу Вас останавливать. Я на хочу Вас останавливать. Продолжайте, если у Вас есть что-либо сообщить. Но, в интересах экономии времени, старайтесь быть насколько возможно, кратким.

БОЛЕ. У меня сложилось впечатление, что здесь путают две вещи - действия заграничной организации и отдельных немцев, проживавших за границей, которые исполняли во время войны свой патриотический долг. Вот в чем заключается основной вопрос.

ГРИФФИТС ДЖОНС. Я не буду спорить по этому поводу. Вы видите, что Ваша организация была с точки зрения дела, очень заинтересована в том, чтобы материал о ее деятельности печатался в ее официальных изданиях. Я хочу показать Вам еще один документ. У меня есть еще один документ, который я хочу представить этому свидетелю.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ. Вы можете продолжать.

ГРИФФИТС ДЖОНС. Я только сейчас обнаружил этот документ и, поэтому, с него не было снято копий. Трибунал извинит меня, если я зачитаю из него отрывки?..

Это подлинный документ, - тот, который Вы держите в руке,- и он является напечатанной через копировальную бумагу копией письма от ...

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ. Получил ли его доктор Зайдль?

ГРИФФИТС ДЖОНС. Да, у него этот документ имеется на немецком языке.

Это письмо от Вашего ландесгруппенлейтера Конради?

7232

БОЛЕ. Это, очевидно, какое-то указание руководителя местной организации ландесгруппенлейтера Заграничной Организации фон Конради, которое подписано не им.

ГРИФФИТС ДЖОНС. Если вы посмотрите на конец письма, Вы увидите, что там, на самом деле, имеется подпись "Конради", после обычного "Хейль Гитлер"...

БОЛЕ. Нет, этот экземпляр не подписан.

ГРИФФИТС ДЖОНС. Передайте мне обратно эту копию. Возможно, эти документы... /Документ берут у свидетеля для Гриффитса Джонса/.

Здесь, на самом деле, имеется подпись Конради. Покажите это ему. /Документ возвращают свидетелю./

БОЛЕ. Это не подписано Конради, но напечатано им.

ГРИФФИТС ДЖОНС. Я Вам очень признателен. Я виноват в том, что я недостаточно ясно выразился. Я сказал Вам, что у нас имеется копия, напечатанная через копировальную бумагу. Копия письма, которое было подписано, послано Конради. Очевидно, это так - не правда ли?

БОЛЕ. Этого я уже не могу сказать, так как я не знаю всех писем Конради.

ГРИФФИТС ДЖОНС. Вы можете считать этот документ, насколько это Вас касается, германским документом, который был захвачен. Правильно ли, что он представляет собой лист бумаги, который Вы держите в руке, найденный союзными войсками и подписанный напечатанным на машинке именем Конради, который был Вашим ландесгруппенлейтером в Румынии? Вы помните, что у Вас был ландесгруппенлейтер в Румынии?

БОЛЕ. Да, его фамилия была Конради.

ГРИФФИТС ДЖОНС. И это письмо с инструкциями Целленлейтеру в Констанце?

БОЛЕ. Да.

9233

H1195 – 0051

H1195 – 0052

ГРИФФИТС ДЖОНС. Оно датировано 25 октября 1939 г. Не прочтете ли Вы первый абзац?

"9 и 12 октября имели место совещания с высшими партийными чиновниками юго-восточной и юго-европейской групп или их заместители в учреждениях руководства Заграничной Организации". Это означает Берлин?

БОЛЕ. Да, да, в Берлине.

ГРИФФИТС ДЖОНС. Это означает Ваше учреждение, не так ли?

БОЛЕ. В моем бюро, но не в моем личном бюро.

ГРИФФИТС ДЖОНС. Но, во всяком случае, в учреждении, которое находилось под Вашим полным контролем.

БОЛЕ. Да, да, правильно.

ГРИФФИТС ДЖОНС. Мы согласились на этом. Прежде чем мы будем продолжать, - я полагаю, что на совещании такого рода не могло быть издано никаких приказов из Вашего главного учреждения, которые противоречили бы Вашим личным указаниям, не так ли?

БОЛЕ. Не по важным вопросам, конечно.

ГРИФФИТС ДЖОНС. Весьма признателен Вам. "Я впоследствии получил прямые инструкции от компетентного учреждения руководства Заграничной орранизацией". Итак, очевидно, указание, данное на совещании, было подтверждено в письменном виде.

"В течение войны каждый национал-социалист за границей должен непосредственно служить своему отечеству путем пропаганды в германских целях или путем контрдействий против мер врага".

Может быть, вы перевернете страницу, чтобы Ваш текст совпадал с английским изложением. Я сейчас читаю следующий абзац, затем через один абзац ниже и, затем, перехожу к следующему абзацу.

"Как и повсюду в других местах сейчас исключительно важно знать, где находится враг и что он делает..."

4234

Я хочу, чтобы Вы совершенно ясно это представляли себе и держали это в памяти.

Следующие директивы исходят непосредственно из Вашего главного управления в Берлине.

"Было установлено, что служба разведки пыталась, иногда очень успешно, добиться включения в деятельность партийной группы или ее вспомогательных организаций лиц, очевидно, заслуживающих доверия. Поэтому необходимо, чтобы Вы тщательно проверили не только тех входящих с Вами в контакт лиц, которые недостаточно хорошо Вам известны, но кроме того, Вы должны исследовать, как под увеличительным стеклом, каждое новое лицо или появившееся в непосредственном районе Ваших действий, или же посетившее его. Если возможно, сделайте так, чтобы его взял в руки товарищ с крепкими нацистскими убеждениями, но не известный, как таковой, жителям улицы". Я полагаю, мы можем обойтись без остальной части этого текста.

"Вы должны сообщать обо всем, что Вы замечаете, даже в тех случаях, когда с первого взгляда Вам кажется это весьма незначительным. Внезапно возникшие слухи также входят в эту категорию, какими бы лживыми они не были".

Вы помните, что Вашим членам в Румынии давалась инструкция докладывать обо всем, т.е. обо всем, что они видели?

БОЛЕ. Да, само собой разумеется.

ГРИФФИТС ДЖОНС. Важным сектором для Вас и для Вашей организации должны быть промышленные концерны и предприятия не только потому, что там Вы сможете , таким образом, очень хорошо распространять Вашу пропаганду; в таких концернах, в особенности, Вы легко сможете собирать информацию, касательно иностранных посетителей. Известно, что вражеские шпионские организации особенно активны в промышленных кругах,

7235

H1195 – 0053

H1195 – 0054

как в отношении сбора информации , так и в проведении актов саботажа. Особенно удобны для этой работы члены, тесно связанные с кампаниями торгового судоходства и транспортировок. Понятно без слов, что Вы должны быть исключительно скрупулезны и осторожны при выборе ваших помощников".

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ. Вы должны еще что-то огласить из этого документа? Если так, то мы сейчас сделаем перерыв до двух часов.

/Об"является перерыв до 14.00./

4236

С Т Е Н О Г Р А М М А

ЗАСЕДАНИЯ МЕЖДУНАРОДНОГО ВОЕННОГО ТРИБУНАЛА

от 25 марта 1946 г.

/Вечернее заседание/

Встать. Суд идет!

КОМЕНДАНТ СУДА. Господа судьи, подсудимый Штрейжер отсутствует сегодня на заседании.

ПОДПОЛКОВНИК ГРИФФИТ ДЖОНС. Свидетель, не взглянете ли Вы вновь на документ, который мы оглашали до перерыва судебного заседания. Не взглянете ли Вы на абзац, который начинается словами: "как и повсюду весьма важно знать, где находится враг и что он делает...". Милорд, я не совсем уверен в том, что я не начал это оглашать.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ. Да. Вы этот абзац уже огласили; Вы также огласили следующий абзац. Вы также огласили тот абзац, который находится вначале 3-й страницы английского текста. По крайней мере я думаю, что Вы огласили абзац, начинающийся со слов: "Важным сектором...".

ПОДПОЛКОВНИК ГРИФФИТ ДЖОНС. Я Вам очень благодарен. Повидимому, я могу начать оглашение абзаца, который начинается словами: "важным сектором...". Свидетель, Вы нашли это место?

БОЛЕ. Да.

ПОДПОЛКОВНИК ГРИФФИТ ДЖОНС. "Важным участком Вашей деятельности и деятельности Ваших товарищей должны являться промышленные концерны, коммерческие предприя-

H1195-0055

H1195 – 0056

тия и т.д. Вы не только можете очень хорошо распространять Вашу пропаганду таким путем, но именно через подобные концерны Вы без труда сможете получить информацию относительно иностранных посетителей. Известно, что разведывательные организации противника особенно активно действуют в промышленных кругах как для сбора информации, так и для проведения диверсионных актов. Товарищи, которые имеют тесную связь с судоходными и фрахтовыми кампаниями, в особенности пригодны для этой работы. Само собой разумеется, что Вы должны быть очень осторожны и внимательны при подборе Ваших помощников. В этой связи относится к делу ссылка на международные организации и организации, занимающиеся операциями по обмену". Я хотел бы, чтобы Вы обратили особое внимание на следующие строки: "Было доказано, что они часто используют безобидную деятельность в качестве маскировки, а в действительности их следует рассматривать как филиалы иностранной разведки". Свидетель, разве это не является точным описанием того, каким образом строила свою работу организация немцев за границей? Я читаю вновь: "Они часто используют внешне-безобидную деятельность в качестве маскировки, а в действительности их следует рассматривать как филиалы иностранной разведки". Разве это не соответствует тем директивам, которые этот Ваш ландесгруппенлейтер направлял своим подчиненным, как это изложено в этом документе?

БОЛЕ. Напротив, я считаю, что это - ясное доказательство того, что эти организации, которые упомина-

4238

лись здесь, использовались в целях иностранного шпионажа, но не немецкого. Я вижу в этом как раз обратное тому, что утверждает британский обвинитель.

ПОДПОЛКОВНИК ГРИФФИТ ДЖОНС. Разве в этом письме Вы или вернее Ваш ландсгруппенлейтер не давали инструкций вести контрразведывательную работу, обычно выполняет которую разведывательная служба? Разве не об этом здесь пишет автор?

БОЛЕ. Письмо, которое я лично не знаю, говорит, очевидно о том, что заграничным немцам было приказано сообщать о всех тех случаях, когда они обнаруживают работу "интеллидженс - сервис". По-моему, во время войны против этого ничего нельзя возразить.

ПОДПОЛКОВНИК ГРИФФИТ ДЖОНС. Хорошо. Мы не будем более дискуссировать по этому вопросу.

Таким образом, я понимаю, что Вы ничего не знаете об этих инструкциях, которые содержатся в этом письме. Вы здесь впервые увидели его или услышли о нем. Не так ли?

БОЛЕ. Нет, это письмо ново мне и я не знаю - является ли оно подлинником. Подлинника у меня нет.

ПОДПОЛКОВНИК ГРИФФИТ ДЖОНС. Значит, я могу это истолковывать так, что Вы ничего не знали относительно деятельности Ваших организаций в соседних с Германией странах, а именно Вы ничего не знали о их деятельности в Бельгии? Вы ничего не знали о той деятельности, которой они занимались в Норвегии? Вы также ничего не знали о том, что они делали в Испании и Вы не знали

4233

H1195 – 0057

H1195 – 0058

многое из того, что они делали в Румынии? Не так ли?

БОЛЕ. Нет, это неверно. Я, конечно, знал о деятельности отдельных групп в отдельных странах, но мне не совсем ясно, какого рода особую деятельность в качестве целей заграничных организаций хочет выявить представитель Британского обвинения.

ПОДПОЛКОВНИК ГРИФФИТ ДЖОНС. Таким образом, если Вы и знали о какой-либо деятельности этой организации, то из Ваших показаний я понял, что Вам ничего не было известно о их деятельности, хотя Ваш собственный ежегодник зарубежных организаций помещал отчеты о деятельности этой организации.

В этих двух отчетах была освещена деятельность этих организаций как в Норвегии, так и в Греции.

Вы же утверждаете, что Вам об этом ничего неизвестно. Не правда-ли?

БОЛЕ. О деятельности в Норвегии я ничего не знал; я это уже сказал. Деятельность в Греции я знал очень хорошо, кроме того, деятельность там проходила в совершенно нормальной области.

ПОДПОЛКОВНИК ГРИФФИТ ДЖОНС. Я хочу на время оставить этот вопрос и задать Вам два вопроса, касающиеся другой темы. Прав ли я, когда я говорю, что информация - я не хочу сейчас с Вами дискуссировать по поводу того, какого характера была эта информация - что информация, присылаемая Вашими организациями, направлялась подсудимому Гессу?

У240

БОЛЕ. Частично - да, частично - нет. Это зависело от содержания информации. Если это была внешнеполитическая информация, то она направлялась, естественно, в другое место.

ПОДПОЛКОВНИК ГРИФФИТ ДЖОНС. Вы действовали в качестве центра по сбору информации. Не так ли? Разрешите мне самому Вам об"яснить. Вы передавали СС информацию, которую Вы получали?

БОЛЕ. Частично да. Если не СС, то тогда, повидимому, министерству иностранных дел.

ПОДПОЛКОВНИК ГРИФФИТ ДЖОНС. И в контрразведку. Не так ли?

БОЛЕ. В контрразведку очень мало, но это также имело место.

ПОДПОЛКОВНИК ГРИФФИТ ДЖОНС. Вы говорите очень поверхностно. Имели ли Вы при Вашей организации связного офицера контрразведки?

БОЛЕ. Нет. У меня был только один сотрудник, который по совместительству поддерживал в случае необходимости связь с контрразведкой.

ПОДПОЛКОВНИК ГРИФФИТ ДЖОНС. Мы, очевидно, говорим об одном и том же джентельмене. Разве Вы не знали капитана Шмаусс, который находился при Вашем главном управлении в Берлине?

БОЛЕ. Господин Шмаус никогда в жизни не был капитаном, он был политическим руководителем и по совместительству командиром СС. В армии он был, кажется, фельд-

7241

H1195 – 0059

H1195-0060

фебелем. Он был не из контрразведки, а был начальником отдела кадров загранорганизаций и лишь по совместительству поддерживал эту связь.

ПОДПОЛКОВНИК ГРИФФИТ ДЖОНС. Вы что утверждаете, что он не являлся связным офицером между Вашей организацией и контрразведкой?

БОЛЕ. Нет, он вообще не был офицером, он не принадлежал к вооруженным силам.

ПОДПОЛКОВНИК ГРИФФИТ ДЖОНС. Я не хочу сейчас с Вами обсуждать вопрос о его ранге. Я интересуюсь кем он был в действительности. Действовал ли он тогда в качестве офицера связи между Вашей организацией и контрразведкой?

БОЛЕ. Да, это правильно.

ПОДПОЛКОВНИК ГРИФФИТ ДЖОНС. Очень хорошо. Помимо информации, которую Гесс получал при помощи Вашей системы информации за границей /аусланд организайшн/, получал ли он также информацию из различных организаций, которые занимались вопросами касавшимися немцев, проживавших за границей, т.е. не являвшихся германскими гражданами и которые не являлись членами Вашей организации, поскольку Вы разрешали только немецким гражданам быть членами Вашей организации. Помимо этой организации - Фольксдейтч, получал ли Гесс информацию из других источников?

БОЛЕ. Я не могу об этом судить, так как я об этом не говорил с Гессом и дела заграничных немцев лежали вне пределов круга моих обязанностей.

7242

ПОДПОЛКОВНИК ГРИФФИТ ДЖОНС. Доктор Карл Хаусхофер в течение некоторого времени в 1938 и 1939 годах был председателем ассоциации "фольскдейче".

БОЛЕ. Я думаю, что да.

ПОДПОЛКОВНИК ГРИФФИТ ДЖОНС. Это была организация, которая занималась деятельностью фольксдейче в других странах. Это правильно?

БОЛЕ. Я думаю - да. Я не разбираюсь в этой области

ПОДПОЛКОВНИК ГРИФФИТ ДЖОНС. И как Вам известно, Гесс и Карл Хаусхофер были большими друзьями. Не так ли?

БОЛЕ. Да, это верно.

ПОДПОЛКОВНИК ГРИФФИТ ДЖОНС. Гесс был учеником Хаусхофера в Мюнхенском университете, не так ли? Вы знали об этом?

БОЛЕ. Наоборот.

ПОДПОЛКОВНИК ГРИФФИТ ДЖОНС. Известно ли Вам, что Гесс получал информацию от Хаусхофера относительно деятельности других организаций?

БОЛЕ. Нет, об этом мне ничего неизвестно.

ПОДПОЛКОВНИК ГРИФФИТ ДЖОНС. Я хочу, чтобы Вы честно отвечали перед Трибуналом. Является ли это Вашим ответом. Честно ли Вы сейчас отвечаете?

БОЛЕ. Я хочу далее сказать, что заместитель фюрера очень строго производил разделение между заграничными немцами, т.е. заграничными организациями НСДАП и работой с фольксдейче /немцы - не являющиеся подданными Германии. Прим. переводчика/ и также строго следил за

8243

H1195-0061

H1195-0062

тем, чтобы я никоим образом не занимался делами фольксдейче. Поэтому я не знаю ничего об этих делах.

ПОДПОЛКОВНИК ГРИФФИТ ДЖОНС. Гесс, как заместитель фюрера фактически занимался всеми вопросами, связанными с немцами, находившимися за границей, не так ли?

БОЛЕ. Да, это повидимому так, потому что он родился за границей. Но насколько я знаю, не как заместитель фюрера. Я думаю, что это не имеет никакого отношения к этому.

ПОДПОЛКОВНИК ГРИФФИТ ДЖОНС. Вы хотите сообщить Трибуналу, что он занимался этими вопросами лишь потому, что родился за границей?

БОЛЕ. Я так полагаю, ибо с точно таким же успехом любой другой рейхслейтер партии мог заниматься этими вопросами. Однако, я полагаю, что Гесс взял на себя эти дела потому, что он знал заграницу.

ПОДПОЛКОВНИК ГРИФФИТ ДЖОНС. Я хочу внести полную ясность. Независимо от того, какова была причина, он фактически занимался этими вопросами. Таковы Ваши показания?

БОЛЕ. Да.

ПОДПОЛКОВНИК ГРИФФИТ ДЖОНС. Я хочу напомнить Вам небольшую выдержку из протокола Вашего допроса, произведенного в этом здании 9 ноября. Вы помните, что Вас подвергали допросу 9 ноября прошлого года. Вас допрашивал лейтенант Мартин вечером 9-го ноября.

БОЛЕ. Да, лейтенант Мартин.

ПОДПОЛКОВНИК ГРИФФИТ ДЖОНС. Я хотел бы огласить короткую выдержку из протокола допроса и спросить Вас правильно ли это?

Вас спрашивали относительно информации, которую Вы получали через организации за границей. "Вопрос: - он должен был полагаться на Вас в получении информации по вопросам такого рода.

Ответ: Не только такого рода. Я думаю, что Гесс имел также большие связи в Гамбурге, что давало ему возможность получать различную информацию, о которой он мне не говорил.

Вопрос: Какие у него были связи в Гамбурге?

Ответ: С судоходными кампаниями. Мне кажется он знал там очень многих.

Вопрос: Что это был Хельферинг?

Ответ: Не только Хельферинг. Он получал также различную информацию из за границы от многих лиц через профессора Хаусхофера, который был его старым учителем и с которым он был в близких отношениях. И он всегда придерживался той точки зрения, что он не должен информировать нас о деятельности фольксдейчей и он всегда говорил: "Это не Ваше дело и нет необходимости Вам это знать". Правильно ли это?

БОЛЕ. Да, это правильно.

ПОДПОЛКОВНИК ГРИФФИТ ДЖОНС. И Вы подтверждаете, что это правильное описание позиции, которую Гесс занял в отношении получения информации из за границы из различных агентств? Действительно ли здесь описаны факты,

8245

H1195-0063

H1195-0064

которые имели место?

БОЛЕ. Насколько я мог видеть, это действительно верно. Я сам могу судить только в той степени, в какой обсуждается поступление информации через заграничные организации. По поводу других каналов информации я могу лишь строить предположения, но не могу дать ясных сведений, так как я не был посвящен в это дело.

ПОДПОЛКОВНИК ГРИФФИТ ДЖОНС. У меня больше нет вопросов. Может быть, я могу теперь указать номера документальных доказательств, на которые я ссылался. "Ежегодник" германских организаций заграницей, из которого взяты выдержки относительно Норвегии и Греции, я представляю за № ВБ-284 /6481/. Два перевода, идущие за №№ 153 и 156, оба представляются в качестве доказательства за № ВБ-284. Секретная телеграмма, идущая за № М-158, представляется в качестве доказательства за № ВБ-285 и письмо ландсгруппенлейтера Конради, идущее за № ПС-3796, представляется за № ВБ-286.

БОЛЕ. Разрешите мне сказать коротко еще об одном пункте британского перекрестного допроса?

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ. Да, пожалуйста.

БОЛЕ. Можно начать?

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ. Да, Вы можете дать краткое пояснение. Но Вы находитесь здесь не для того, чтобы произносить речь.

БОЛЕ. Я не хочу произносить речей, я хочу сказать по затронутой сегодня утром теме тайных передатчиков, следующее: хотя я не информирован о технике работы та-

ких передатчиков, я думаю, что тайный передатчик имеет за границей смысл лишь в том случае, если в Берлине находится приемник. А я совершенно точно знаю, что в моем служебном помещении в Берлине, или в каких-либо иных помещениях иностранных организаций никогда не было никакого приемника, о котором бы я что-нибудь знал, и поэтому я полагаю, что подобный приемник не существовал.

/К микрофону подходит обвинитель США полковник ЭЙМЕН/.

ПОЛКОВНИК ЭЙМЕН. Помните ли Вы, что 11 сентября 1945 года Вас допрашивал полковник Брандаж?

БОЛЕ. Да.

ПОЛКОВНИК ЭЙМЕН. Я хочу огласить сейчас несколько вопросов и ответов из протокола Вашего допроса, чтобы Вы подтвердили, правильны ли эти вопросы и ответы.

"Вопрос: Когда Вы начали работать, кто был Вашим непосредственным начальником? Ответ: Рудольф Гесс, вплоть до 1941 года, когда он вылетел в Англию. Вопрос: Кто был назначен вместо него? Ответ: Борман, Мартин Борман автоматически стал преемником Гесса, однако, фактически он не подходил для этой работы в такой степени, как Гесс, который был человеком из за границы. Он родился в Египте. Борман же ничего не понимал в вопросах внешних отношений и никогда этим не интересовался. Однако он был моим начальником. Вопрос: Но он был Вашим руководителем? Ответ: Да, он формально был моим руководителем, но он не давал никаких директив или приказов потому, что он ничего не понимал в этих делах. Вопрос: Таким образом можете ли Вы сказать, что за все, что делалось в Вашем отделе ответственны были Вы? Ответ: Абсолютно. Вопрос: Таким образом, Вы желали нести ответственность за это? Ответ: Да, конечно".

9247

H1195-0065

H1195 – 0066

ВОПРОС: Помните ли Вы, что Вам задавали эти вопросы и Вы давали на них ответы?

БОЛЕ. Да, совершенно верно.

ПОЛКОВНИК ЭЙМЕН. Были ли Ваши ответы правдивыми?

БОЛЕ. Да, совершенно правдивыми.

ПОЛКОВНИК ЭЙМЕН. И, таким образом, все эти вопросы остаются правдивыми и по настоящее время?

БОЛЕ. Да, до сих пор они являются правдивыми.

ПОЛКОВНИК ЭЙМЕН. Таким образом, Вы принимаете на себя ответственность за все, что делалось в Вашем отделе. Не так ли?

БОЛЕ. Да, это верно.

ПОЛКОВНИК ЭЙМЕН. Кто был генерал Штремпель?

БОЛЕ. Фон Штремпель, я думаю, был советником в министерстве иностранных дел, но я его не знаю близко.

ПОЛКОВНИК ЭЙМЕН. Не был ли он первым секретарем германского посольства в Америке с 1938 года до нападения на Пирл-Харбор?

БОЛЕ. Я не могу сказать этого точно, так как я его знаю очень мало и не имел с ним никакой связи.

ПОЛКОВНИК ЭЙМЕН. Его допрашивали в отношении той поддержки, которую оказывала американо-немецкому союзу германская организация заграницей до 1938 года. Я хотел бы сейчас огласить несколько вопросов, заданных ему, и ответов, которые он дал, и спросить Вас подтверждают ли они известные Вам факты. Вы понимаете меня?

БОЛЕ. Да.

ПОЛКОВНИК ЭЙМЕН. "Вопрос: Пользовался ли американо-германский союз поддержкой германской организации заграницей?

Ф248

Ответ: Я уверен, что он был связан с иностранным отделом партии. Так, например, этот отдел давал указания Союзу относительно того, каким образом должна строиться политическая организация, как, где и когда должны созываться массовые митинги, как проводить пропаганду и подобные мероприятия. Мне лично неизвестно, оказывалась ли этому союзу финансовая поддержка".

Подтверждает ли это, известные Вам факты?

БОЛЕ. Нет, это совершенно неверное изложение. Заграничные организации вообще не оказывали финансовой поддержки и не имели никакой связи с американо-германским народным союзом. Я это совершенно ясно говорил на повторных допросах здесь, в Нюрнберге и дал по этому поводу письменные показания под присягой.

ПОЛКОВНИК ЭЙМЕН. И так и знал. Таким образом, хотя фон Штремпель заявил под присягой, что это было правильно, Вы в своих показаниях утверждаете, что он говорил неправду? Это так?

БОЛЕ. Я считаю, что г-н фон Штремпель, если он был секретарем посольства или каким-нибудь еще секретарем, вообще не мог ничего знать об этом и дал сведения, которые ему самому не были ясны. Во всяком случае, это не соответствует действительности.

ПОЛКОВНИК ЭЙМЕН. Известно ли Вам, что в 1938 году был издан приказ, запрещающий членам германских посольств и консульств продолжать поддерживать связь с этим союзом?

БОЛЕ. Это был общий приказ для имперских немцев за границей выйти из союза, если они вообще состояли в нем. Этот приказ, насколько мне известно, был издан за несколько

7219

H1195 – 0067

H1195-0068

лет до этого, приблизительно, в 1935 или 1936 году, по моей просьбе заместителем фюрера.

(К микрофону подходит д-р Зайдль)

ЗАЙДЛЬ (Защитник подсудимого Гесса). Я протестую против этого вопроса. Этот вопрос не имеет никакого отношения к той теме доказательств, по которой вызван свидетель Боле. В главном допросе ему также не задавались такие вопросы, которые находились бы в связи с этим вопросом, а именно о деятельности германо-американского союза. Я также не считаю, что этот вопрос может способствовать проверке правильности показаний свидетеля и так как этот вопрос не имеет никакого отношения к комплексу вопросов, по которому этот свидетель вызван.

ПОЛКОВНИК ЭЙМЕН. По-моему, имеет прямое отношение к делу вопрос о том проводила или нет эта организация шпионскую работу заграницей и в США?

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ. Конечно, по мнению Трибунала, этот вопрос является совершенно правильным и уместным.

ПОЛКОВНИК ЭЙМЕН. Разве не является фактом то обстоятельство, что, несмотря на этот приказ, иностранный отдел нацистской партии тем не менее продолжал оказывать поддержку этому союзу?

БОЛЕ. Нет, это мне неизвестно, и я считаю, что это исключено.

ПОЛКОВНИК ЭЙМЕН. Я хотел бы зачитать Вам одну или две выдержки из допроса Штремпеля и хотел бы спросить Вас подтверждают ли эти показания известные Вам факты: "Вопрос: Продолжал ли иностранный отдел партии оказывать поддержку союзу после того, как был издан приказ в 1938 г.?

Ответ: Я уверен, что г-н Дреге, который был консулом в Нью-Йорке и представителем иностранного отдела партии, продолжал поддерживать связь с официальными представителями Союза.

Подтверждает ли это заявление известные Вам факты?

БОЛЕ. Нет, по моему мнению, это не соответствует фактам. Я, конечно, не могу судить, продолжал ли консул д-р Дреге поддерживать связь вопреки моему приказу. Существовал совершенно ясный приказ не поддерживать никакой связи с союзом, так как я с самого начала очень резко протестовал против деятельности этого союза и заместитель фюрера ясно присоединился к моему протесту.

ПОЛКОВНИК ЭЙМЕН. Вы были знакомы с Дреге, не так ли?

БОЛЕ. Да.

ПОЛКОВНИК ЭЙМЕН. Какое положение он занимал в Соединенных Штатах, постольку, поскольку речь идет о Вашей организации?

БОЛЕ. Он был доверенным лицом заграничной организации для отдельных членов партии, которые были у нас в Соединенных Штатах.

ПОЛКОВНИК ЭЙМЕН. Он был то, что называется "секретным агентом"? Не так ли?

БОЛЕ. Нет, им он, конечно, не был у нас...

ПОЛКОВНИК ЭЙМЕН. Дело в том, что во время Вашего допроса Вы называли его "секретным агентом". Не так ли?

БОЛЕ. Нет, я назвал его доверенным лицом и притом перевод был верен. Я....

ПОЛКОВНИК ЭЙМЕН. Я принимаю Вашу поправку. Значит он был доверенным лицом вашей организации в Соединенных Штатах? Не так ли?

7251

H1195 – 0069

H1195-0070

БОЛЕ. Да, совершенно верно.

ПОЛКОВНИК ЭЙМЕН. Помимо его были и другие доверенные лица Вашей организации в Соединенных Штатах?Не так ли?

БОЛЕ. Да, правильно.

ПОЛКОВНИК ЭЙМЕН. Не сообщите ли Вы Трибуналу их фамилии и местопребывание?

БОЛЕ. Одним из них был генеральный консул Видеман в Сан-Франциско, затем консул д-р Гислинг в Лос-Анжелосе, затем консул фон Шпигель, кажется в Нью-Орлеане, но этого я не знаю, или в Бостоне. Одно из двух. Я думаю, это все.

ПОЛКОВНИК ЭЙМЕН. И каждый из них время от времени делал доклады, которые через Дрегера передавались Вам, не так ли?

БОЛЕ. Нет, они не делали мне никаких докладов. Я не могу вспомнить, чтобы я когда-либо видел какой-нибудь доклад от Видемана, или Шпигеля, или Гислинга, да это и не было их задачей.

ПОЛКОВНИК ЭЙМЕН. Дрегер докладывал Вам, не так ли?

БОЛЕ. Дреге докладывал или в загранорганизацию в Берлин или лично мне. Большей частью в мой аппарат.

ПОЛКОВНИК ЭЙМЕН. И содержание этих докладов представляло собой различную информацию, собранную этими другими секретными агентами. Не так ли?

БОЛЕ. Этого я не знаю, так как не знаю этих докладов и не могу сказать, было ли что докладывать. У нас не было организации партии в США, так как Рудольф Гесс в апреле 1933 г распустил ее.

7252

ПОЛКОВНИК ЭЙМЕН. Это то, что Вы утверждаете, но тем не менее в Германии было специальное лицо, которое должно было просматривать эти отчеты и переправлять их от Дрегера по мере их поступления. Разве это не так?

БОЛЕ. Поступавшие доклады были чисто технического характера, насколько я информирован, а я думаю, что информирован я верно. В США у нас было очень мало членов партии, и мы должны были охватить их в смысле учета и получения взносов, чтобы обеспечить их права, как членов в партии. Политическая деятельность в Соединенных Штатах была запрещена и не проводилась. ИФА

ПОЛКОВНИК ЭЙМЕН. Но я утверждаю, что, несмотря на приказ, деятельность Вашей организации, тем не менее, продолжалась. Разве не правда, что в Германии был специальный человек Вашей организации, который регулярно получал эти отчеты из США?

БОЛЕ. Да, это был мой сотрудник господин Гроте, который...

ПОЛКОВНИК ЭЙМЕН. Совершенно правильно. Почему Вы не сказали мне этого раньше, когда я спрашивал Вас о человеке, который читал эти доклады по мере того, как они поступали из США?

БОЛЕ. Я прошу повторить вопрос, я его не совсем понял.

ПОЛКОВНИК ЭЙМЕН. Я не буду Вам задавать этот вопрос вторично. После того, как Грот регулярно получал эти отчеты из США, комуион затем сообщал о содержании этих отчетов?

4253

H1195 – 0071

H1195-0072

БОЛЕ. Насколько я знаю, он в большинстве случаев сохранял их у себя, так как в них не было ничего интересного, и он сам не был в состоянии что-нибудь с ним сделать. Гроте пользовался почетом у нас, вследствие своего возраста и взял на себя эту отрасль работы именно потому, что она не имела никакого значения для заграничной организации.

ПОЛКОВНИК ЭЙМЕН. Таким образом Вы не могли знать о содержании этих докладов, так?

БОЛЕ. Да, это верно в большей своей части.

ПОЛКОВНИК ЭЙМЕН. Вы не знаете были ли эти отчеты важны или нет и Вы не знаете, содержали ли эти доклады информацию относительно шпионажа. Правильно?

БОЛЕ. Я уверен, что если бы там была такая информация, то господин Гроте доложил бы мне об этом.

ПОЛКОВНИК ЭЙМЕН. Таким образом Вы ничего об этом не знали. Правильно?

БОЛЕ. Это верно.

ПОЛКОВНИК ЭЙМЕН. В таком случае разрешите мне зачитать еще одну или две выдержки из протокола допроса фон Штремпеля. "Вопрос: Эти отношения, повидимому, явились нарушением приказа о котором Вы упоминали раньше. Докладывали ли Вы об этих нарушениях министерству иностранных дел? Ответ. Да, несколько раз. В отчетах, которне я составлял для Томсена, когда я был в посольстве, мы обращали внимание Берлина на то, что такие отношения с американо-немецким союзом нежелатель

ны для нас. Я указал, что дальнейшая поддержка со стороны иностранного отдела нацистской партии этого союза скажется отрицательно на дипломатических отношениях с США.

ВОПРОС. Какие меры были приняты в Берлине для того, чтобы прекратить ту деятельность, в отношении которой он здесь жаловался.

ОТВЕТ. Я не знаю, чтобы такие меры принимались вообще!

Соответствует ли это тем фактам, о которых Вы знаете?

БОЛЕ. Об этих докладах господина фон Томсона я не имел ни малейшего представления. Я в первый раз слышу о протестах посольства в Вашингтоне относительно запрещенных сношений д-ра Дреге, с Союзом.

ПОЛКОВНИК ЭЙМЕН. Вы знаете кем был Томсон?

БОЛЕ. Томсон был поверенным в делах в Вашингтоне.

ПОЛКОВНИК ЭЙМЕН. И Вы знаете о том, что время от времени отдельные деятели союза приезжали и совещались с различными представителями Вашей организации и фюрером?

БОЛЕ. Я слышал, что они были у фюрера, но они были не у меня и не вели со мной никаких переговоров.

ПОЛКОВНИК ЭЙМЕН. Я не сказал, что с Вами, я сказал - с представителями Вашей организации, возможно, с Вашим другом - господином Гротте.

БОЛЕ. Возможно, но я не могу этого точно сказать, так как он об этом мне не докладывал, но и там не могли быть обсуждаемые какие-нибудь официальные дела, так как г-н Гротте хорошо знал, что я отрицательно относился к немецкому народному Союзу в Америке со всей его работой.

4255

H1195 – 0073

H1195-0074

ПОЛКОВНИК ЭЙМЕН. Однако, в любом случае Вы берете на себя ответственность за все то, что делалось в Вашей организации, Правильно?

БОЛЕ. Это разумеется само собой.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ. Желает ли кто-либо еще из главных обвинителей подвергнуть свидетеля перекрестному допросу? Доктор Зайдль, Вы можете подвергнуть свидетеля дополнительному допросу.

Д-р ЗАЙДЛЬ. Господин свидетель, Вы ответили ранее на один вопрос, который я хотел Вам задать, а именно, что в Германии не было никакого тайного передатчика, который был бы в состоянии передавать за границу какие-либо секретные сообщения. Я спрашиваю Вас была ли у Вас какая-либо радио-передаточная станция в Германии?

БОЛЕ. У меня самого не было такой станции.

ЗАЙДЛЬ. Был ли в распоряжении иностранной организации радио-передатчик?

БОЛЕ. Я считаю, что это совершенно исключено, т.к. иначе я должен бы был знать об этом . Я никогда не видел никакой станции.

ЗАЙДЛЬ. Верно ли, что в радио-передачах за море в обращении к немцам за границей Вы сами пользовались открытым языком немецкого радио?

БОЛЕ. Это верно.

ЗАЙДЛЬ. Вы ранее заявили, что заместитель фюрера, Рудольф Гесс, был Вашим непосредственным начальником?

БОЛЕ. Да.

ЗАЙДЛЬ. Были ли директивы, которые Вам давал заместитель фюрера в Вашей деятельности, общего характера или же положение было таково, что заместитель фюрера вмешивался во все детали

деятельности иностранной организации?

БОЛЕ. Заместитель фюрера давал лишь общие директивы и так как он полностью доверял мне, - предоставлял мне урегулировать детали. Его общие директивы сводились к тому, что он в резкой форме неоднократно обязывал меня избегать всего, что могло бы повлечь через заграничную организацию ослождения в отношениях с иностранными государствами.

ЗАЙДЛЬ. У меня вопросов к этому свидетелю больше нет.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ. Свидетеля можно увести.

Д-р ЗАЙДЛЬ. Господа судьи, прежде чем я перейду к следующему свидетелю, - это свидетель Штрелин, - я хотел бы сделать следующее предложение или ходатайство суду, действовать в отношении письменных показаний свидетеля Гауса точно так же, как и в отношении допроса свидетеля Боле. Свидетель Гаус был уже утвержден в качестве свидетеля по делу другого подсудимого. Защитник другого подсудимого, однако, отказался от его допроса. Таким образом, создалось такое же положение, как и в случае с Боле,так что по моему мнению, будет целесообразно допросить свидетеля Гауса уже сейчас и при допросе зачитать ему его письменное показание, под присягой, точно также как это было в других случаях, как например в случае с Блаха.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ. Было ли переведено письменное показание данное под присягой, и было ли оно передано на различных языках главным обвинителям?

ЗАЙДЛЬ. Я не знаю, сделан ли уже полный перевод. Во всяком случае, сегодня утром я передал аффидевит в отдел переводов, и притом в 6 экземплярах.

7257

H1195-0075

H1195-0076

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ. Сэр Дэвид или полковник Покровский можете ли вы что-нибудь сообщить об этом?

СЭР ДЭВИД МАКСУЭЛЛ ФАЙФ. Я еще не видел этого письменного показания, которое было весьма поспешно переведено на английский язык. Благодаря любезности моих советских коллег мы имеем возможность продолжить рассмотрение этого показания, не имея русского перевода. Мои коллеги из Советского обвинения поручили моей делегации рассмотрение этого документа. Безусловно мои советские коллеги ходатайствовали бы перед судом о том, что бы этот документ не был представлен. Вызывает большое затруднение то, что это письменное показание, данное под присягой представляется в последнюю минуту и мы не имели возможности с ним предварительно ознакомиться.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ. Полковник Покровский, сообщите, пожалуйста видели ли вы письменное показание и переведено ли оно?

ПОЛКОВНИК ПОКРОВСКИЙ. Я, господа судьи, вполне разделяю точку зрения сэра Дэвида Файф. Мне кажется, совершенно неприемлемым, чтобы суду сейчас был пред"явлен этот документ. Насколько я понял сэра Дэвида Файфа, он не получал этого документа. Точно в таком же положении находится и советская делегация. Кроме того, я позволю себе напомнить, что вопрос об этом свидетеле уже был обсужден, получил исчерпывающее раз-
-шение и мне казалось бы , что отсутствуют какие-нибудь основания для того, чтобы этот вопрос подвергался пересмотру.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ. Доктор Зайдль. Трибунал считает, что в соответствии с установленным порядком, письменное показание должно быть переведено и передано на рассмотрение Трибунала.

7258

Насколько я помню, подсудимый Риббентроп вызывал этого свидетеля и потом отказался от него. Вы же никогда не ходатайствовали о вызове д-ра Гауса в качестве свидетеля. Я указываю Вам и другим защитникам, что совершенно неприемлемым является то, что когда уже были детально обсуждены Ваши ходатайства в отношении свидетелей и документов, Вы в последний момент представляете документ подобного рода без всякого перевода. Однако мы далее не будем обсуждать этот документ. Следует документ перевести и представить его Трибуналу на трех языках.

Д-р ЗАЙДЛЬ. Разрешите сделать мне короткое замечание по последнему пункту. До сих пор я всегда исходил из того, что не требуется формального ходатайства в отношении свидетеля, который был утвержден Трибуналом по делу другого подсудимого. Таково, без сомнения, положение со свидетелем Гаус по делу подсудимого Риббентропа. Так что у меня не было повода подавать формальное ходатайство, чтобы допросить свидетеля на перекрестном допросе.

Я только что узнал от защитника подсудимого фон Риббентропа, что он, как уже сказал его заместитель в последнюю субботу, сам отказывается от свидетеля Гауса, и я теперь со своей стороны вызываю посла доктора Гауса в качестве свидетеля по тем вопросам, которые изложены в письменном показании под присягой.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: Я не знаю, что Вы имеете ввиду, когда говорите - "я вызываю". Вы можете ходатайствовать о вызове его, если Вы этого хотите, но Вы не можете вызывать кого-либо не подав предварительного ходатайства. Как только мы ознакомимся с документом, мы примем решение по этому вопросу.

7259

H1195-0077

H1195-0078

ЗАЙДЛЬ. Следующий свидетель, который утвержден Трибуналом по делу подсудимого Гесса, - свидетель Карл Штрелин. Чтобы сократить время, я подготовил письменные показания и для этого свидетеля и я попрошу Суд сообщить мне могу ли я допрашивать этого свидетеля таким же образом, как и свидетеля Боле, или же обвинение согласно с тем, что можно представить лишь письменные показания под присягой?

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ. Вы что, уже представили письменные показания?

ЗАЙДЛЬ. Сегодня утром я передал письменное показание под присягой Обвинению.

СЭР ДЭВИД МАКСУЭЛЛ ФАЙФ. Я получил перевод этого письменного показания на английском языке. Имеются один-два вопроса, которые Обвинение желало бы задать свидетелю. Поэтому, было бы очень удобно, если бы д-р Зайдль сделал бы так как сделал с предыдущим свидетелем - огласил бы письменное показание, после чего Обвинение задало бы несколько вопросов свидетелю.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ. Очень хорошо.

ПОЛКОВНИК ПОКРОВСКИЙ. Я должен доложить Вам, господин председатель, что в отношении этого документа защита также нарушила установленный Вами порядок, а именно советское обвинение получило этот аффидевит очень ограниченное время тому назад, исчисляемое одним-двумя часами, и не на русском, а на английском языке. Таким образом, я имел возможность ознакомиться с ним крайне поверхностно, и я просил бы, чтобы пред'явление этого документа было отложено до того момента,

4260

когда будетточно выполнен установленный Трибуналом порядок, а именно, пока мы не получим перевода на русском языке.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ. Но, полковник Покровский, в интересах сохранения времени Трибунала, не будет ли удобнее представить этот документ сейчас. Сэр Дэвид, очевидно, уже видел это письменное показание на английском языке и, если он удовлетворен этими показаниями, может быть будет удобнее заслушать письменное показание сейчас, не откладывая этого вопроса. Видите ли, доктору Зайдлю разрешили вызвать этого свидетеля и поэтому лишь в интересах сохранения времени решили зачитать письменное показание. Но он может вызвать свидетеля и задать ему вопросы.

ПОЛКОВНИК ПОКРОВСКИЙ. Я позволю себе повторить, что я ознакомился очень бегло с этим документом. Насколько я понимаю, он не представляет большого интереса для советской делегации, он больше интересует английскую делегацию.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ. Полковник Покровский, видите ли д-ру Зайдлю разрешили вызвать свидетеля. Поэтому доктор Зайдль может его вызвать к свидетельскому пульту и задать ему вопросы. Единственной причиной того, почему сэр Дэвид согласен огласить письменное показание, является стремление внести большую ясность в этот вопрос и быстрее закончить рассмотрение этого вопроса. Если же не разрешим представление этого письменного показания, тогда доктору Зайдлю будет разрешено вызвать свидетеля для допроса и я боюсь, что это займет гораздо больше времени, чем представление письменного показания. И Вы не станете возражать против этого.

ПОЛКОВНИК ПОКРОВСКИЙ. Может быть, суд нашел бы целесо-

7261

H1195 – 0079

H1195 – 0080

образным, чтобы доктор Зайдль поставил перед свидетелем те вопросы, на которые имеется ответ в аффидевите. Это, мне кажется, дало бы возможность примирить это некоторое противоречие, потому что здесь стоит всего несколько вопросов и первые три, насколько я понимаю, носят скорее исторический характер и связаны с организацией института в Штутгарте в 1917 году.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ. Полковник Покровский, я еще не читал свидетельского показания и я боюсь, что не смогу задать вопросы, которые Вы хотите, чтобы я задал.

ПОЛКОВНИК ПОКРОВСКИЙ. Хорошо. Я беру свое обращение обратно.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ (обращаясь к Зайдлю). В таком случае вызовите Вашего свидетеля.

(Вводят свидетеля).

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ. Как Ваше имя и фамилия?

СВИДЕТЕЛЬ. Карл Штрелин.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ. Повторяйте за мной слова присяги: „Я клянусь Богом, всемогущим и всеведущим, что я буду говорить чистую правду, ничего не утаю и ничего не прибавлю".

(Свидетель повторяет слова присяги).

Вы можете сесть, если Вы хотите.

Пожалуйста, доктор Зайдль.

ЗАЙДЛЬ. Господин свидетель, Вы в последнее время были обербургомистром города Штуттгарт; верно ли это?

ШТРЕЛИН. Да.

ЗАЙДЛЬ. Как таковой, Вы также были по совместительству президентом германского иностранного института?

ШТРЕЛИН. Да.

ЗАЙДЛЬ. Сегодня утром Вы подписали письменное показание под присягой, которое я Вам сейчас зачитаю:

1. Германский институт по вопросам иностранных государств был основан в Штуттгарте в 1917 году. Тот факт, что Штуттгарт был избран в качестве местопребывания этого института связан с тем, что чрезвычайно высокий процент эмигрантов всегда исходил из Швабии. Таким образом именно в Штуттгарте возникла необходимость создать учреждение для того, чтобы поддерживать связь между старой и новой родиной.

Германский иностранный институт должен был служить этой цели. При этом возникли следующие задачи:

а) Научное исследование германской национальности во всем мире:,

б) поддержание культурной связи с эмигрантами;

в) Информация Германии относительно немцев заграницей и относительно иностранных государств.

Для проведения научных исследований, германский институт по вопросам германской нации располагал библиотекой, в которой имелось более 100.000 томов по этнологии, а также архивом прессы относительно немцев заграницей. С этой целью почти все газеты, которые издавались на немецком языке заграницей и значительное число газет на иностранных языках сохранялись и использовались. В картотеке была создана обширная коллекция картин. Так как интерес немцев заграницей к своей родине возрастал, то об'ем различных исследований относительно семьи все увеличивался. Помимо сбора и ведения архивов, германский институт по вопросам германской нации заграницей выполнял совещательные и описательные функции. В течение долгого времени основал такой совет

4263

H1195 – 0081

H1195 - 0082

был вопрос об эмигрантах. К этому имелись те предпосылки, что германский институт по вопросам германской нации заграницей был хорошо информирован относительно трудовых возможностей и условий жизни на различных территориях, которые были открыты для эмиграции. Материала германского института по вопросам немцев заграницей по забребованию представлялись в распоряжение различных инстанций и организаций. Образовательная деятельность германского инстиута по вопросам немцев заграницей заключалась в основном в организации выставок. Основным центром этой деятельности был музей немцев заграницей в Штуттгарте. Научно-исследовательская работа германского института по вопросам германской нации заграницей находила свое отражение особенно в издаваемых им книгах, журналах и календарях, которые носили национальный характер. Связь с немцами заграницей поддерживалась при помощи посылки такого печатного материала. В общении с немцами заграницей руководящей мыслью института по вопросам германской нации было то, что эти немцы заграницей должны были служить связующим звеном между народами, чтобы усилить обоюдное понимание и волю к сотрудничеству. Они должны были быть носителями дружбы между старым и новым отечеством.

Эту идею я, как председатель германского института по вопросам иностранных государств, особенно подчеркнул в своей торжественной речи в Мэдисон Сквер Гарден в Нью-Йорке в октябре 1936 года по случаю "Дня Германии". Германский институт по вопросам немцев заграницей кроме этого не имел никаких представителей, либо организаций заграницей, в качест-

9264

ве связующих звеньев.Непосредственная либо индивидуальная забота о немцах заграницей не входила в задачу германского института по вопросам германской нации за границей. Обслуживание немецких подданных производилось заграничной организацией НСДАП,с немцами,не подданными Германии,поддерживал связь народный союз немцев заграницей.

2. Германский институт по вопросам германской нации заграницей никогда не занимался никакой деятельностью,которая могла бы быть названа деятельностью "пятой колонны".Никакие предложения такого рода ни с какой стороны не передавались мне или институту.

3. Заместитель фюрера,Рудольф Гесс,не оказывал никакого влияния на деятельность этого института.Он не издавал никаких директив и инструкций какого-либо рода,которые могли бы побудить институт заниматься какой-либо деятельностью характера деятельности "пятой колонны". "

Г-н свидетель,верны ли эти данные?

ШТРЕЛИН. Эти данные верны.

ЗАЙДЛЬ. Пока у меня вопросов к свидетелю нет.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ. Не желает ли кто-либо из защитников задать вопросы этому свидетелю?

Д-р ЛЮДИНГХАУЗЕН.(защитник подсудимого фон Нейрата). С разрешения суда я хотел бы задать Вам несколько вопросов, г-н свидетель.

Первый: - С какого времени и до какого времени Вы были обербургомистром Штуттгарта?

ШТРЕЛИН. С 1933года до конца войны.

7265

H1195-0083

H1195 - 0084

ЛЮДИНГХАУЗЕН. С какого времени знаете Вы подсудимого фон Нейрата?

Кем он был тогда и каково было мнение о нем?

ШТРЕЛИН. Я знаю фон Нейрата со времени первой мировой войны. Тогда он был, в конце первой мировой войны, начальником канцелярии короля Вюртемберга. О нем существовало хорошее мнение. Позже я часто встречался с г-ном фон Нейратом, как обербургомистром.

В 1938 году он стал почетным гражданином города Штутгарда.

ЛЮДИНГХАУЗЕН. Потом Вы вступили с ним в более тесные сношения, когда он вернулся из Чехословакии?

ШТРЕЛИН. Когда он вернулся из Чехословакии, фон Нейрат удалился в свое имение Лайнфельден, недалеко от Штуттгарта, и здесь я вступил с ним в более тесные отношения.

ЛЮДИНГХАУЗЕН. Что Вы знаете о его происхождении, его семье, о его воспитании и вообще о его личности?

9266

ШТРЕЛИН. Нейрат происходит из старой швабской семьи. Его отец был высоким чиновником при короле Вюр - темберга, его дед и прадед были министрами. Нейтрата очень уважали как человека превосходного характера. Он был постоянно готов оказать помощь, очень гуманен,всегда сознавал ответственность, был прям и откровенен.

ЛЮДИНГХАУЗЕН. Во время его деятельности в качестве министра иностранных дел или позже, имели ли Вы воз - можность говорить с ним о политике, особенно о его взглядах в отношении внешней политики?

ШТРЕЛИН. Фон Нейрат со мной неоднократно говорил об этих вопросах, конечно, только в общей форме. Как имперский министр иностранных дел он был убежден в том, что Германии мирным путем удастся снова занять подобающее ей место. Всякий другой путь он отрицал. Он стремился к тому, чтобы установить и усиливать отношения,полные доверия, с европейскими великими державами, в частности также с Англией. Именно в этой области он сделал все, что было вообще возможно.

Позже я имел возможность разбирать с ним книгу Гендерсона - "Два года у Гитлера", в которой особенно подчеркивалась популярность фон Нейрата, которой он пользовался в то время в Лондоне. Я вспоминаю, что мы также говорили о фразе, которую написал Гендерсон, что он признает откровенность Нейрата, его преданность миру и стремление установить хорошие мирные отношения с Англией. Точно также Нейрат чрезвычайно заботился о поддержании хороших отношений с Соединенными Штатами. Я вспоминаю, что после моей поездки в Америку он говорил со мной о

7267

H1195 – 0085

H1195 – 0086

том, что было хорошо, что я в своих речах подчеркнул волю Германии к установлению дружбы с США. Я также вспоминаю, как резко критиковал фон Нейрат тон речи Гитлера, которую тот в начале 1939 года произнес как ответ на послание Рузвельта. Он сказал тогда, что международное напряжение усилено этой речью. Затем Нейрат стал говорить о Мюнхенском соглашении, в котором он сам принял активное участие. Позже он все время говорил о трагедии, которая заключалась в том, что, несмотря на все усилия, отношения между Англией и Германией не оставались долгое время полными доверия. Он указал на то, какое трагическое значение имеет это для Европы и всего мира. Из всех своих разговоров с фон Нейратом я всегда выносил убеждение, что он стремится к соглашению и к мирному решению всех вопросов, и из всех его высказываний я вынес убеждение в том, что он не проводил бы ни в коем случае такой политики, которая могла бы повести к войне.

ЛЮДИНГХАУЗЕН. Каковы были причины для его выбора почетным членом города Штутгарда? Ведь это произошло после его ухода с поста министра иностранных дел?

ШТРЕЛИН. Это произошло 2 февраля 1938 года по поводу его 65-летия. Выборы должны были означать благодарность и признательность не только самого города, но и всей Швабии за его доказанную им любовь к миру и спокойствию, с которой он проводил внешнюю политику. Одновременно это должно было быть признаком уважения за прямоту и честность фон Нейрата.

ЛЮДИНГХАУЗЕН. Господин свидетель, английское Обвинение утверждает здесь, что фон Нейрат неоднократно

давал заверения иностранным правительствам или их пред - ставителям, в которых он заверял, что Германия не имеет никаких военных или агрессивных намерений по отношению к данному государству, но что эти заявления делались только ради маскировки, чтобы убаюкать эти страны безопасностью, ибо он, фон Нейрат, уже тогда знал и одобрял, что Гитлер в действительности имеет агрессивные намерения против этих государств.

Считаете ли Вы, по тому что Вы знаете личности фон Нейра - та, что он вообще способен на такой обман?

ШТРЕЛИН. Нет, я считаю, что господин фон Нейрат, не способен к такому образу действий.

ЛЮДИНГХАУЗЕН. Говорил ли Вам в свое время господин фон Нейрат о своей отставке с поста министра иностранных дел?

ШТРЕЛИН. Случайно я был 4-го февраля 1938 г. у фон Нейрата в министерстве иностранных дел как раз в тот мо - мент, конда ей была принята его отставка. Он рассказал, как дело дошло до этого ходатайства об отставке. Фон Нейрат до 1937 г. был убежден в том, что Гитлер согласен с проводимой им внешней политикой, что Гитлер, также как и он, не был заинтересован в военных осложнениях. Но в конце 1937 г. Гитлер совершенно неожиданно занял совсем другую позицию. Гитлер неожиданно взял другой тон и никто не мог знать, было ли это всерьез или нет. Нейрат в личных беседах с Гитлером пытался отговорить его от этой изменившейся позиции. Но при этом у него создалось такое впечатление, что он потерял свое влияние на Гитлера. Это побу - дило его подать ходатайство об отставке.

7269

H1195 - 0087

H1195 - 0088

ЛЮДИНГХАУЗЕН. Но после, или одновременно с увольнением с поста имперского министра иностранных дел фон Нейрат, был назначен председателем Тайного Совета министров. Знаете ли Вы что-нибудь об этой должности и как получилось, чтобн был назначен на этот пост, и какие цели преследовались этим назначением, и какую деятельность осуществлял он как таковой?

ШТРЕЛИН. Это назначение на пост председателя Тайного Совета министров он получил одновременно со своей отставкой. Этот кабинет, однако, никогда не собирался, как и имперский кабинет, Тайный Совет министров должен был собираться самим Гитлером, и он его не собирал. Нейрат позже считал, что его назначение на этот пост председателя произошло лишь для того, чтобы замаскировать для заграницы то, что бывший имперский министр иностранных дел уже не имеет никакого влияния на имперскую политику.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ. Д-р Людингхаузен, я не знаю как этот свидетель может знать о том, созывался ли когда-либо Тайный Совет. Во всяком случае, мы уже слушали по этому вопросу показания Геринга и вероятно, мы это услышим вновь от подсудимого фон Нейрата и в этом случае показания будут совпадающими.

Я не думаю, что мы должны тратить на это время Трибунала.

ЛЮДИНГХАУЗЕН. Говорили ли Вы когда-нибудь с господином Нейратом об его отношении к национал-социалистской германской рабочей партии?

ШТРЕЛИН. Господин фон Нейрат относился к партии критически и отрицательно, отрицательно и выжидающе сперва.

724P

Партия плохо относилась к нему. Партия стояла на той точке врения, что фон Нейрат - не национал-социалист.

ЛЮДИНГХАУЗЕН. Говорили ли Вы с ним также о политике нацистов по отношению к христианской церкви - католической и протестантской?

ШТРЕЛИН. Фон Нейрат был верующим христианином и не был согласен с политикой партии по отношению к христианской церкви. Он особенно поддерживал земельного епископа Вора в его борьбе за свободу религии. Он неоднократно выступал за то, чтобы вновь были открыты семинарии, помещения которых были конфискованы. На основании разговора с фон Нейратом я лично был у министра культа Керля и обсуждал с ним вопрос о церкви. При этом я должен был констатировать, что министр культов Керль сам по себе очень старался осуществить и защищать идею положительного христианства. Но это ему не удалось, так как вся его деятельность постоянно саботировалась, особенно со стороны Гиммлера и Бормана.

ЛЮДИНГХАУЗЕН. Затем, когда фон Нейрат окончательно удалился в свое имение Лайнфельден, говорили ли Вы с ним о его деятельности, как рейхспротектора?

ШТРЕЛИН. Фон Нейрат говорил, что он лишь очень неохотно занял пост имперского протектора Богемии и Моравии. Он дважды от него отказывался, но потом он решил,что он должен принести в жертву самого себя. Он думал, что там он сможет вести деятельность по смягчению и примирению. У него были личные разногласия с Франком и Гиммлером, он рассказывал о своих стремлениях добиться лучшего обращения с чехами и о своих напрасных протестах Гитлеру.

7271

H1195 – 0089

H1195 – 0090

Когда я однажды посетил фон Нейрата в Праге, меня пригласили к президенту Гаха, и он сказал мне, что он очень рад тому, что фон Нейрат послали в Богемию и Моравию, так как он пользуется его полным доверием и выполняет во всех отношениях функции умиротворения.

В качестве причины своего отзыва фон Нейрат рассказал мне, что он, Нейрат, был слишком мягок для фюрера в обращении с чехами и что он предпочел поставить на его место особо испытанного командира СС.

ЛЮДИНГХАУЗЕН. Кто был назначен на его место?

ИТРЕЛИН. Гейдрих.

ЛЮДЕНГХАУЗЕН. Это фон Нейрат использовал в качестве повода для того, чтобы выйти в отставку?

ИТРЕЛИН. Очевидно.

ЛЮДЕНГХАУЗЕН. Фон Нейрат был также почетным группенфюрером СС? Может быть, он вам рассказывал, как дошло дело до этого - скажем - награждения?

ИТРЕЛИН. Он рассказывал мне, что он был назначен почетным обергруппенфюрером СС без того, чтобы его об этом спросили. Когда он спросил Гитлера о причине, тот сказал, что скоро произойдет визит Муссолини и он, Гитлер, хочет, чтобы всякий, кто его сопровождает, был в форме. А так как у фон Нейрат нет никакой формы, то он произвел его в почетные обергруппенфюреры СС. Нейрат сказал, что он не намерен подчиняться Гиммлеру, на что Гитлер ответил, что это и не нужно, что это лишь вопрос формы.

ЛЮДИНГХАУЗЕН. Каково было отношение господина фон Нейрата к войне?

4272

ШТРЕЛИН. В первый день войны я посетил его в Штутгарте. Он был тогда очень подавлен, почти сокрушен. Он называл войну ужасным несчастьем, он говорил, что это называется "поставить на карту" существование народа. Он говорил тогда, что вся его работа с 1932 по 1938 г.г. уничтожена началом войны. Во время войны фон Нейрат неоднократно по различным поводам встречался с фюрером. Всякий раз при этом он использовал возможность воздействовать на Гитлера в смысле заключения мира. Тем самым он, Нейрат...

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ. Как свидетель может говорить об этом, если он не присутствовал на этих совещаниях? Как свидетель может сказать нам о чем подсудимый фон Нейрат говорил с фюрером?

ЛЮДИНГХАУЗЕН. Вы ведь слышите, что об этом ему рассказывал сам подсудимый. Это подсудимый рассказывал непосредственно свидетелю.

ШТРЕЛИН. Фон Нейрат неоднократно мне рассказывал об этом. Он, я еще вернусь к этому...

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: Эти показания носят крайне кумулятивный характер.

ЛЮДИНГХАУЗЕН. Я не думаю этого. Свидетель должен подтвердить это перед Обвинением.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ. Д-р Людингхаузен, Трибунал полагает, что подсудимый фон Нейрат сам даст эти показания, и Трибунал не желает, чтобы свидетель говорил о том, что ему рассказывал фон Нейрат, чтобы он давал свои показания, основываясь на этом.

ЛЮДИНГХАУЗЕН. Хорошо, тогда я отказываюсь от дальнейшего и хотел бы задать еще лишь один вопрос.

Не старался ли или не обсуждал ли господин фон Нейрат с Вами и другими людьми вопроса о том, чтобы положить конец войне и господству Гитлера? Свидетель знает об этих фактах по собственному опыту.

7273

H1195-0091

H1195 – 0092

ШТРАЛИН. Фон Нейрат после моего возвращения из Праги неоднократно говррил со мной по этому вопросу. Он стремился в частности добиться созыва имперского кабинета, как и другие министры. Но это ему не удалось, так как Гитлер называл этот имперский кабинет клубом пораженцев. В качестве предпосылки для окончания войны Нейрат стремился к смене министров и пытался добиться, чего требовали все, назначения имперского канцлера. Это тоже не удалось. В 1943 году у Нейрата крепко убеждение, что...

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ. Свидетель вновь повторяет то же самое,- он ничего не говорит о том, что делал фон Нейрат и вновь повторяет о том, что говорил ему подсудимый.

ЛАДИНГХАУЗЕН. Прошу прощения! Это только предистория, иначе то, к чему он сейчас перейдет, не будет понятно.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ. Я полагал, что Вы задаете последний вопрос?

ЛАДИНГХАУЗЕН. Да, он сейчас последует. Этот вопрос показывает усилия для осуществления этого своего намерения.

ШТРЕЛИН. После того, как попытки фон Нейрата добиться что-нибудь в области реформ провалились и, т.к. он увидел, что все не удается из-за того, что Гитлер занял отрицательную позицию, Нейрат приблизительно в начале 1944 года пришле к убеждению, что дело спасения Германии от окончательного разорения не должно потерпеть крушение из-за личности Гителра. Он обдумал вопрос, как можно еще раз поговорить с Гитлером и повлиять на него в смысле окончания войны. При этом он обратился к личности фельдмаршала

Роммеля и мне было поручено поговорить об этом с фельдмаршалом Роммелем. Роммель был тогда крайне популярен как в стране, так и за границей, и фон Нейрат полагал, что Роммель, по всем своим убеждениям сможет в случае нужды заменить Гитлера. Приблизительно в начале марта 1944 года я отправился к фельдмаршалу Роммелю и обсудил с ним этот вопрос. Он тоже критически оценил положение. Я знал генерал-фельдмаршала Роммеля еще с времен первой мировой войны, так что я мог говорить с ним вполне откровенно. Он тоже считал, что если войну нельзя выиграть военными средствами, следует предотвратить бесполезное кровопролитие и бессмысленные разрушения...

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ. Д-р ЛЮДИНГХАУЗЕН, мы совершенно не хотим слушать о переговорах этого свидетеля с Роммелем...

ЛЮДИНГХАУЗЕН. Я тоже не хочу, чтобы он рассказывал об этом.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ. В таком случае почему Вы его не остановите?

ЛЮДИНГХАУЗЕН. Я не хотел слышать этого от самого подсудимого, а от тех лиц, которыми подсудимый пользовался, чтобы сделать эти шаги. По -моему это более ценное показание, чем если будет говорить сам подсудимый. По этой причине я и спросил свидетеля об этом. Но он уже кончает.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ. Тогда, когда дойдет очередь до подсудимого, мы не будем его выслушивать по этому вопросу.

ЛЮДИНГХАУЗЕН. Нет, этого я не намерен делать. Кроме того, я думаю, что дело сейчас идет к концу, насколько я в курсе дела. Пожалуйста, господин свидетель.

9275

H1195-0093

H1195 – 0094

ШТРЕЛИН. Роммель по инициативе Нейрата наисал письмо Гитлеру о том, что он считает, что на основании военного положения продолжение войны уже невозможно и он, Роммель, советует Гитлеру начать политические переговоры. Вследствие этого Роммель, как он мне рассказывал, после своего несчастного случая, попал в опалу, и тем самым потерпела крах попытка Нейрата с помощью Роммеля добиться окончания овйны.

ЛЮДИНГХАУЗЕН. А потом было 20 июля, а вскоре затем все кончилось. У меня нет больше вопросов, господин председатель.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ. Об"являем перерыв.

/Перерыв на 10 минут/.

ВСТАТЬ, СУД ИДЕТ!

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ. Желает ли еще кто-либо из защитников задать вопросы этому свидетелю?

/Пауза. К микрофону подходит обвинитель подполковник Гриффитс Джонс/.

ПОДПОЛКОВНИК ГРИФФИТС ДЖОНС. Нельзя ли показать свидетелю документ № ВБ-262. Милорд, это тот же самый документ, выдержки из которого уже были переданы Трибуналу во время перекрестного допроса предыдущего свидетеля.

/Свидетелю пред"является документ/. Начинается перекрестный допрос.

Подполковник ГРИФФИТС ДЖОНС. Свидетель, я хочу полностью выяснить вопрос по поводу того, что Вы хотите сказать относительно Дейтще айсландинститут. Вы говорите, что этот институт не имел никакого отношения к Гессу или за граничной

7276

организации НСДАП.

ШТРЕЛИН. С Рудольфон Гессом германский иностранный институт не имел никакой связи. С заграничной организацией немцев НСДАП связь была уже в том отношении, что эта организация устраивала заседания в Штуттгарте.

ПОДПОЛКОВНИК ГРИФФИТС ДЖОНС. Таким образом, тот факт, что у заграничной организации и заграничного института было совещание в Штуттгарте, говорит о том, что лишь в этом заключалась единственная связь между двумя организациями. Это так?

ШТРЕЛИН. Заграничная организация, по моему мнению, не использовала иностранный институт в делом отношении, так как в ~~этой~~ ее распоряжении имелись собственные сборники материалов. Заграничная организация была, насколько я знаю, основана в 1932 году, и...

ПОДПОЛКОВНИК ГРИФФИТС ДЖОНС. Я не хочу Вас прерывать, но, если Вы можете отвечать на мои вопросы - "да" или "нет", то это с"экономит для всех нас очень много времени. Я повторяю вопрос - в случае если Вы его недостаточно хорошо поняли - Вы утверждаете, что этот факт, что обе эти организации совершались совместно в Штуттгарте - является единственной связью между ними. Вы можете ответить "да" или "нет"

ШТРЕЛИН. Я не могу на это ответить - да или нет, я должен сказать, что связующим звеном был тот факт, что Штуттгарт, город заграничных немцев был, так сказать, центром заграничных немцев, вследствие своего исторического прошлого.

7277

H1195-0095

H1195 – 0096

ПОДПОЛКОВНИК ГРИФФИТС ДЖОНС. Вы читаете по английски.

ШТРЕЛИН. Немного.

ПОДПОЛКОВНИК ГРИФФИТС ДЖОНС. Взгляните на страницу 461 книги, которая у Вас в руках. В конце страницы 461 имеется копия статьи из газеты "Штуттгартер Ноейс Тагблат" от 21 сентября 1933г. Трибунал найдет эту выдержку на 4 странице английского текста.

В этой статье описывается ежегодная конференция Вашего института после его реорганизации в 1933 году, после прихода нацистской партии к власти. Я хочу огласить четыре маленьких выдержки из этой второй статьи и попрошу Вас дать свои комментарии.

"Председатель немецкого заграниного" института, доктор Штрелин открыл торжественное совещание. Это Вы вероятно были? Не правда ли?

ШТРЕЛИН. Да.

ПОДПОЛКОВНИК ГРИФФИТС ДЖОНС. Он приветствовал среди присутствующих, в особенности министра-президента и министра по религиозным вопросам в Вюртемберге - Моргенталера, являвшегося представителем власти, осуществляющей надзор генерала Гаусхофера из Мюнхена, как представителя Рудольфа Гесса, которому фюрер поручил осуществлять верховное руководство всеми вопросами, касающихся немцев заграницей". Вы сказали это?

ШТРЕЛИН. Я не могу этого вспомнить. Хаусхофер был для меня представителем заграничной организации. Я не могу себе представить, чтобы он являлся при этом представителем Рудольфа Гесса. Но, пожалуй, могло быть и так.

ПОДПОЛКОВНИК ГРИФФИТ ДЖОНС. Вы считаете, что Трибунал может предположить, что газета "Штутгартер Нейстеблат" на другой день после Вашего выступления правильно осветила то, что Вы сказали в своей приветственной речи? Вам нет необходимости читать сейчас оставшуюся часть этой статьи. Мало вероятно, чтобы эта статья была написана неправильно. Не правда ли?

ШТРЕЛИН. Нет, статья, может быть и верна, но я не помню сейчас, чтобы Гаусгофер был тогда представителем Рудольфа Гесса, так как Рудольф Гесс не имел ничего общего с германским иностранным институтом.

ПОДПОЛКОВНИК ГРИФФИТ ДЖОНС. Из статьи и из того, что Вы сказали в своей речи явствует, что Гаусгофер представляет Гесса и что фюрер поручил Гессу верховное руководство всеми вопросами, связанным с немцами, находящимися заграницей. Вы понимаете, что вы сказали в этой речи?

ШТРЕЛИН. Да. Возможно, что было так сказано, но практически никогда не было так, чтобы я получал какие"либо указания от Рудольфа Гесса.

ПОДПОЛКОВНИК ГРИФФИТ ДЖОНС. Ваш институт как будто занимался вопросами, связанными с немцами, живущими заграницей, правильно?

ШТРЕЛИН. Я не понял вопроса.

ПОДПОЛКОВНИК ГРИФИТТ ДЖОНС. Ваш институт "Дейтишес Ауслянде институт" занимался вопросами, связаннми с немцами, живущими заграницей?

ШТРЕЛИН. Да.

ПОДПОЛКОВНИК ДЖОНС. Очень хорошо.

3229

H1195 – 0097

H1195 – 0098

Тогда мы перейдем к другой выдержке ниже, на той же странице.

ШТРЕЛИН. Разрешите мне дать об"яснения по этому вопросу?

ПОДПОЛКОВНИК ГРИФФИТ ДЖОНС. Пожалуйста.

ШТРЕЛИН. Я в первый раз произносил речь для института по вопросам немцев за границей и эта речь, безусловно, была составлена для приветствия лиц, которые присутствовали на этом заседании. В настоящее время я не могу вспомнить, что Гаусгофер выполнял тогда такие функции и я могу только еще раз заявить, что мне, являвшемуся президентом института лишь по совместительству ничего не известно о том, что от Рудольфа Гесса исходили какие-либо указания германскому иностранному институту.

ПОДПОЛКОВНИК ГРИФФИТ ДЖОНС. Возможно, Вы ничего об этом не знали, но Вы являлись новым председателем института "Дейтше ауслandинст" в то время, не правда ли?

ШТРЕЛИН. Нет, я не был руководителем этого института, так как имелся специальный руководитель этого института. Я, лишь как обербургомистр, наряду с моими другими побочными должностями, одновременно был председателем института. Совершенно невозможно вспомнить, как и кого из отдельных лиц я тогда приветствовал.

ПОДПОЛКОВНИК ГРИФФИТ ДЖОНС. Пожалуйста, ограничивайтесь ответами на те вопросы, которые я Вам задаю. Я Вас спрашиваю. Были Вы или нет председателем этого института 20 сентября 1933 года?

ШТРЕЛИН. Да. Тогда меня назначили им.

4280

ПОДПОЛКОВНИК ГРИФФИТ ДЖОНС. Вы были назначены лишь потому что Вы были надежным нацистом, потому, что нацистская партия пришла к власти, производила реорганизацию этого института?

ШТРЕЛИН. Я был назначен на этот пост, так как я был обер-бургомистром города Штуттгарта, и так как Штуттгарт потом получил название "города немцев заграницей", так как он всегда поддерживал особенно тесные связи с немцами за границей, по своему историческому развитию и традиции.

ПОДПОЛКОВНИК ГРИФФИТ ДЖОНС. Хорошо, мы будем продолжать. Пропустите пожалуйста следующий абзац и обратите внимание на абзац, который начинается словами: " Заместитель гаулейтера Шмидт, представляющий доктора Геббельса, заявил, что местное руководство партии" -

ШТРЕЛИН. На какой это странице?

ПОДПОЛКОВНИК ГРИФФИТ ДЖОНС. Это на той же странице.

ШТРЕЛИН. Страница 461-я?

ПОДПОЛКОВНИК ГРИФФИТ ДЖОНС. Простите. Это находится на следующей, 462 странице, третий абзац в средине страницы.

ШТРЕЛИН. Я нашел.

ПОДПОЛКОВНИК ГРИФФИТ ДЖОНС."Заместитель гаулейтера Шмидт, представляющий Геббельса заявил, что местное руководство партии (гаулейтунг) готово несмотря ни на что сотрудничать с новыми руководителями института. Гесс, как Вы знаете был главой руководящего состава партии. Неправда ли? - гаулейтер? Национал-социализм будет требовать кровного сообщества всех немцев, как его исторического права".

7281

H1195 - 0099

H1195 – 0100

Теперь перейдем к странице 463.

ШТРЕЛИН. Разрешите мне сказать по этому поводу?

ПОДПОЛКОВНИК ГРИФФИТ ДЖОНС. Да, пожалуйста.

ШТРЕЛИН. Это заместитель гаулейтера Шмидт представлял здесь гаулейтера и не был представителем Рудольфа Гесса.

ПОДПОЛКОВНИК ГРИФФИТ ДЖОНС. Нет, я другое хотел Вам сказать. Гаулейтер, который подчинялся Гессу, должен был сотрудничать с Вашим институтом несмотря ни на что. Вы согласны с этим?

ШТРЕЛИН. Да, это само собой разумеется.

ПОДПОЛКОВНИК ГРИФФИТ ДЖОНС. Взгляните на стр.463, 2-й абзац.

ПОДПОЛКОВНИК/ГРИФФИТ/ДЖОНС.

В своем обращении новый директор института "Дейтшес аусланд институт" д-р Сакин заявил: "Мы с глубокой болью следили за отсутствием внутреннего единства у германского народа. Теперь, когда все это преодолено, теперь, когда мы видим, что все немцы, являющиеся гражданами других стран "Фольксдейче" занимают единую позицию, мы испытываем чувство гордости за нашу германскую родину, мы испытываем чувство радости за то, что Германия едина! Чувство преданности и единства германского народа воодушевляет нас. В течение многих столетий мы теряли ту или иную позицию. Мы должны предотвратить потери новых позиций. Мы гордимся и сознаем, что мы являемся мостами для германского жизненного пространства". Таковы ли были действительные цели института "Дейтше Ауслandинститут"?

7282

ШТРЕЛИН. Д-р Сакин сказал здесь, что заграничные немцы являются мостом к немецкому жизненному пространству. Таким образом, немецкое жизненное пространство существовало также у немцев, живших например, в Венгрии и Румынии и в этой степени это верно, когда он говорит, что они представляли собой мост к этому жизненному пространству, т.е. тому пространству, где живут немцы. Это всегда была исходная точка германского иностранного института, мосты к жизненным пространствам, где эти последние живут.

ПОДПОЛКОВНИК ГРИФФИТ. Нет. Читали ли Вы когда-нибудь или нет книгу д-ра Эмиля Эриха, которая называется: "Заграничная организация НСДАП". Вы читали когда-нибудь эту книгу, брошюру?

ШТРЕЛИН. Я этого не думаю.

ПОДПОЛКОВНИК ГРИФФИТ ДЖОНС. Известно ли Вам, что д-р Эмиль Эрих был личным советником Боле?

ШТРЕЛИН. Мне кажется, он был однажды ад"ютантом Боле.

ПОДПОЛКОВНИК ГРИФФИТ ДЖОНС. Взгляните на страницу 305 этой книги, которая находится перед Вами. Милорд, эта выдержка имеется на 5-й странице этого документа, который представлен Трибуналу. Это - текст книги д-ра Эмиля Эриха. Взгляните на ~~2~~-й абзац страницы 305, в середине абзаца. Фраза начинается следующими словами: "27 августа 1936 г. фюрер об"явил Штуттгарт городом немцев за границей и гаулейтер заграничной организации НСДАП взял под свою охрану этот прекрасный город, поместив в нем также германский иностранный институт, которй работает в самом

Ф283

H1195-0101

H1195-0102

тесном сотрудничестве с заграничной организацией". Правильно ли сказать, что в течение всего периода, начиная с 1933 г., германский иностранный институт работал в самом тесном сотрудничестве с заграничной организацией НСДАП?

ШТРЕЛИН. Это неправильно в том отношении, что практическая научная и деловая связь между германским институтом и заграничной организацией не существовала. Сердечное сотрудничество состояло в том, что как я сказал уже ранее, заграничные немцы проводили свои совещания в Штуттгарте. Это и было сердечным сотрудничеством: деловое сотрудничество места не имело, оно было не нужно.

ПОДПОЛКОВНИК ГРИФФИТ ДЖОНС. Взгляните на стр.127 этой книги документов. Взгляните на последний абзац и скажите, правильно ли изложены факты? Это секретный отчет о специальном курсе обучения, организованном институтом для работников иностранной заграничной организации. Вы помогали заграничной организации обучать ее руководителей за границей?

ШТРЕЛИН. Разрешите узнать, кто подписал эту статью или этот доклад?

ПОДПОЛКОВНИК ГРИФФИТ ДЖОНС. Нет. Я не могу Вам сказать кто подписал этот отчет, я задаю Вам вопрос. Скажите, Ваш институт оказывал свое содействие в обучении руководителей заграничной организации?

ШТРЕЛИН. Об этом я не информирован.

ПОДПОЛКОВНИК ГРИФФИТ ДЖОНС. Теперь перейдем к странице 128, 2-й абзац. Я вкратце его оглашу:

"Аусландсинститут принимает участие в разработке учебного плана для лагерей, в которых проходят учебную подготовку, а также служит в качестве посредника между партийными властями, которые руководят этими лагерем и немцами, находящимися за границей, которые посещают эти лагери".

Вы все еще будете утверждать, что этот отчет является....

ШТРЕЛИН. Разрешите узнать от какого числа этот отчет.

ПОДПОЛКОВНИК ГРИФФИТ ДЖОНС. Я Вам сказал, что этот отчет...

ШТРЕЛИН. Я не знал об этом отчете.

ПОДПОЛКОВНИК ГРИФФИТ ДЖОНС. Ну, хорошо. Я хочу задать Вам пару очень кратких вопросов относительно тех показаний, которые Вы дали относительно подсудимого фон Нейрата, Вы сказали нам, что он был миролюбивый человек с добрым и мягким характером. Известно ли Вам, что 5 ноября 1937 г. он присутствовал на совещании, на котором Гитлер обратился с речью к руководителям своих вооруженных сил? Вы когда-нибудь слышали об этом совещании 5 ноября 1937 г.?

ШТРЕЛИН. Нет, я об этом ничего не слышал, во всяком случае ничего до того, как я попал в плен.

ПОДПОЛКОВНИК ГРИФФИТ ДЖОНС. Тогда разрешите вкратце сказать Вам, что там произошло. Гитлер на этом совещании, в частности, заявил, что единственный путь для разрешения трудностей, которые испытывает Германия заключается в обеспечении большого жизненного пространства. Он сказал, что эта проблема может быть разрешена только путем применения

7285

H1195-0103

H1195-0104

силы. После этого он заявил, что он принял решение напасть на Австрию и Чехословакию.

Вы никогда не слышали об этом совещании?

ШТРЕЛИН. Нет, я ничего не слышал об этом совещании, позже я заключил из этого...

ПОДПОЛКОВНИК ГРИФФИТ ДЖОНС. Но...

ШТРЕЛИН. Можно мне сказать до конца фразу?

ПОДПОЛКОВНИК ГРИФФИТ ДЖОНС.Я только хотел бы знать...

ШТРЕЛИН. Я только что рассказывал, что фон Нейрат намекнул мне на то, что у него серьезные разногласия с Гитлером. Это было в конце 1937г. Мне стало лишь позже ясно, что он имеет в виду переговоры и то мнение Гитлера, которое он высказал 5 ноября. О том, что такое совещание имело место, я узнал лишь в плену или из газет.

ПОДПОЛКОВНИК ГРИФФИТ ДЖОНС. Я через минуту перейду к этому вопросу. Сейчас я хочу, чтобы Вы получили представление о том, что произошло на этом совещании. Я процитирую четыре строчки из протокола этого совещания:

"Гитлер считает, что Англия и Франция уже бросили Чехословакию на произвол судьбы и привыкли к той мысли, что этот вопрос будет когда-либо решен Германией".

Далее Гитлер заявил, что захват Германией Чехословакии и Австрии обеспечил бы продовольствием на 5-6 миллионов человек и высказал предположение об обязательной эмиграции двух миллионов человек из Чехословакии.

Вот что произошло на этом совещании.

Известно ли Вам, что четырьмя месяцами позднее 12 марта 1938г. подсудимый фон Нейрат дал господину Массарику заверения

7286

В частности он заверил его от имени Гитлера в том, что Германия все еще считает себя связанной германо-чехословацкой конвенцией об арбитраже от 1925г. Известно ли Вам, что он это заявил.

ШТРЕЛИН. Не помню.

ПОДПОЛКОВНИК ГРИФФИТ ДЖОНС. Можете ли Вы теперь, когда Вы узнали об этом, можете Вы понять, как лицо, которое присутствовало на этом совещании слышало о том, что сказал Гитлер, как такое лицо может через четыре месяца давать дружественные заверения Чехословакии? Можете ли Вы представить, чтобы частны человек мог это сделать?

ШТРЕЛИН. Я не могу судить о той ситуации, которая тогда сложилась. Я не знаю, от кого г-н Нейрат тогда получил приказ.

ПОДПОЛКОВНИК ГРИФФИТ ДЖОНС. Я не прошу Вас дать оценку того периода. Я спрашиваю, что Вы думаете о человеке, который мог бы поступить таким образом. Я хочу, чтобы Вы сказали об этом Трибуналу.

ШТРЕЛИН. Я не могу дать на это ответа, так как я не могу судить о всей ситуации в целом.

(К микрофону подходит защитник подсудимого Нейрата).

Др. ЛЮДИНГХАУЗЕН. Господин председатель, я возражаю против допущения такой постановки вопроса. Нет никакого смысла задавать свидетелю такие вопросы, не информировав его о всем положении, о том, как вообще дело дошло до этого заявления.. Фактом и правильным является то, что на собрании 5 ноября 1937г. Гитлер в первый раз изложил планы, которые расходились с прежней мирной политикой господина фон Нейрата и это побудило господина фон Нейрата в декабре или январе -

H1195-0105

H1195 – 0106

подробно поговорить с Гитлером на эту тему и изложить ему невозможность такой, кажется, намечаемой им политики и удержать от нее. Когда он из ответов Гитлера вынужден был заключить, что Гитлер, несмотря на это и в будущем будет вести политику, направленную на агрессию, он подал в отставку. 4 февраля 1938 года господин фон Нейрат получил отставку, он удалился от текущей политики.

Когда затем 11 или 12 марта произошло вступление войск в Австрию, о котором фон Нейрат до тех пор ничего не знал, Гитлер позвонил ему по телефону и...

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ. Др. Людингхаузен, одну минуту. Вопрос был задан относительно совещания от 5 марта 1938 г. Был задан вопрос о том, мог ли человек, который присутствовал на совещании 5 ноября 1937 г. давать заверения 5 марта?

Др. ЛЮДИНГХАУЗЕН. Да, это, я тоже могу об"яснить, если Вы мне разрешите. Это вопрос со стороны посланника Мастни относился к тому, планируются ли одновременно или непосредственно после вступления войск в Австрию какие-нибудь военные мероприятия против Чехии и г-н фон Нейрат с полным правом и как порядочный человек считал, на основании имевшейся у него информации, что на этот вопрос он может ответить "нет".

Др. ЛЮДИНГХАУЗЕН. Необходимо учесть ситуацию, в которой было дано это заверение. Во-первых, Гитлер в своей ре и от 5 ноября 1937 г. говорил о далеком будущем. Когда он затем 12 марта ввел войска в Австрию, в такое время, которое 5 марта...

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ. Одну минуту. Мы не хотим сейчас заслушивать прения сторон. Вопрос заключался в том, каково мнение данного свидетеля о человека, который подобным образом действовал? В этом заключался вопрос.

7288

ЛЮДИНГАУЗЕН. Простите, господин председатель, на этот вопрос никто не сможет ответить, если он не знает, в какой связи задан вопрос. Г-н Мастни задал вопрос, - вызовет ли вступление войск в Австрию какие-либо агрессивные действия против Чехословакии, и господин фон Нейрат ответил на этот вопрос; не больше, и не меньше. Он не хотел давать никакого ответа на будущие годы. Посланник был заинтересован в том, чтобы узнать, не намечаются ли в связи с вступлением германских войск в Австрию какие-либо военные действия против Чехословакии. По тем сведениям, которыми тогда располагал мой подзащитный, он мог со спокойной совестью ответить на этот вопрос отрицательно.

И только в том случае этот вопрос допустим, если свидетель ориентирован о том, о чем я только что говорил. Речь идет не о том, что он раз и навсегда заявил, что никогда Германия не вступит в Чехословакию, а лишь об ответе на вопрос чешского посланника Мастни: существует ли опасность, что в связи со вступлением в Австрию будут и против Чехословакии приняты военные меры. И на этот вопрос он мог так ответить. Поэтому я считаю недопустимой ту постановку вопроса представителя английского обвинения.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ. Трибунал считает, что этот вопрос совершенно правильный.

ПОДПОЛКОВНИК ГРИФФИТ ДЖОНС. Мы не будем больше заниматься этим вопросом. Я хотел бы задать Вам лишь один дополнительный вопрос с тем, чтобы полностью выяснить

7289

H1195-0107

H1195 – 0108

положение. В своих показаниях, как я их записал, Вы заявляли, что подсудимый фон Нейрат был благородным и справедливым человеком с прекрасной репутацией и замечательным характером. После того, что Вы здесь услышали, Вы все еще готовы заявить Трибуналу, что он гордый, благородный человек с хорошей репутацией? Таково Ваше мнение? Я просто хочу знать каково Ваше мнение после всего того, что Вам здесь сказали. Каково Ваше мнение?

ШТРЕЛИН. По-прежнему мое мнение заключается в том, что господин фон Нейрат является человеком порядочного, благородного характера. Я не могу судить, при каких обстоятельствах он действовал тогда и какие соображения были решающими.

ПОДПОЛКОВНИК ГРИФФИТ ДЖОНС. Вы заявили, что он был за мир и делал все возможное для того, чтобы избежать войны? Вы называете обман такого рода - попыткой всевозможными методами избежать войны? Вы считаете, что миролюбивая политика заключается в том, чтобы давать заверения через 4 месяца после того, как Вам очень хорошо известно о решении Германии захватить эту страну? Вы называете это миролюбивой политикой?

ШТРЕЛИН. Я хочу еще раз заявить, что я не настолько понимаю весь Ваш вопрос в его существенных пунктах, чтобы судить об этом. Но эти дела, без сомнения, не так просты, как Вы сейчас их изложили.

ПОДПОЛКОВНИК ГРИФФИТ ДЖОНС. Давайте, перейдем к другой стороне этого вопроса. Вы заявили, что он не был согласен с политикой Гитлера и поэтому ушел в отставку?

4290

Известно ли Вам, что после того, как он ушел в отставку, он был назначен имперским протектором Богемии и Моравии в марте 1939 года? Вам это известно?

ШТРЕЛИН. Да.

ПОДПОЛКОВНИК ГРИФФИТ ДЖОНС. Это произошло после того, как оставшаяся часть Чехословакии была захвачена и оккупирована?

ШТРЕЛИН. Я уже заявил ранее, что фон Нейрат сказал мне, что он занимает этот пост лишь очень неохотно. Он два раза отказывался от этого поста, но он думал, что он должен принести в жертву свою личность, а на основании того, что сказал мне президент Гаха, я считаю, что это было очень целесообразно, ибо фон Нейрат во время своей деятельности - об этом мне сказал президент Гаха - действовал без сомнения в духе смягчения и примирения, и как я уже сказал, что его и отозвали как раз потому, что он был там слишком мягок.

ПОДПОЛКОВНИК ГРИФФИТ ДЖОНС. Вы уже сказали это и мы это уже слышали и запомнили. Поэтому нет никакой необходимости повторять это вновь. Попытайтесь коротко отвечать на мои вопросы. Я хочу вот о чем Вас спросить. Вы думали когда-нибудь о том, что причина его назначения заключалась в том, что это назначение было преподнесено ему ввиде награды за его помощь в оккупации Австрии и Чехословакии, которая произошла незадолго до этого?

ШТРЕЛИН. Нет, об этом я никогда не думал. Однако, если разрешите мне упомянуть, я в книге Гендерсона чи-

3291

H1195 – 0109

H1195-0110

тал о совсем другой версии, а именно, что фон Нейрата назначили на этот пост, чтобы повредить его международному авторитету. Я хотел указать на эту версию для того, чтобы показать, что здесь могли оказать влияние и совсем другие соображения.

ПОДПОЛКОВНИК ГРИФФИТ ДЖОНС. Помните ли Вы, что Вы его охарактеризовали как дисциплинированного, гуманного и справедливого человека?

ШТРЕЛИН. Да.

ПОДПОЛКОВНИК ГРИФФИТ ДЖОНС. Взгляните на этот плакат./Плакат передается свидетелю/. Милорд, к сожалению, у меня нет копии этого плаката для Трибунала. Он очень краток. Плакат этот был уже представлен в качестве доказательства в докладе Чехословацкого правительства относительно германской оккупации. Я назову сейчас, Ваша честь, номер этого документа: СССР-60. Вы видите, что этот плакат подписан подсудимым фон Нейратом - этим гуманным и справедливым человеком?

ШТРЕЛИН. Да. Я заключаю из него, что чехословацкие высшие школы были закрыты на срок в 3 года и что были закрыты 9 театров. Однако в этом об"явлении нет ничего, насколько я вижу, особенного, почему это произошло. Поэтому я не могу судить о значении этого об"явления, ибо я не могу знать, о чем об"являл здесь фон Нейрат. Это об"явление ничего не говорит мне, если я не знаю, по каким причинам он издал это об"явление. То, что были закрыты высшие школы, и что были закрыты 9 театров, очевидно, имело для него свои глубокие причины.

7282

Д-р ЛЮДИНГАУЗЕН. Господин председатель, разрешите мне по этому поводу заявить следующее, и причем в интересах экономии времени. Этот вопрос о Чехословакии, об этом плакате, который я, конечно, также знаю, будет обсуждаться тогда, когда я вообще буду рассматривать дело Нейрата, и тогда на той стадии процесса я буду иметь возможность пред"явить доказательства того, что этот плакат был издан не подсудимым фон Нейратом, так как этот свидетель не был в Праге, и, следовательно, может передать лишь то, что он знает не по собственным наблюдениям, а лишь то, что ему об этом говорил г-н фон Нейрат, я считаю, что этот вопрос сейчас неуместен и зря занимает время, так как я должен протестовать и об"яснять, каково было положение. Мы не можем задавать свидетелю такие вопросы, которые исходят из положительных намерений, но все-таки неверны, а именно исходят из неверных фактов, которые в действительности были иными, ибо я докажу, что г-н фон Нейрат в то время когда был издан этот плакат, вовсе не был в Праге, и совершенно не знал о том, что происходило в Праге в его отсутствие.

Поэтому я считаю, что мы не должны обсуждать этот вопрос здесь сегодня, так как, как сказано, свидетель/вообще/ ничего не может знать по собственным наблюдениям об этом плакате.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ. Конечно, если плакат был опубликован в тот период, когда фон Нейрата не было в Праге и он не давал разрешения на его опубликование. Но свидетелю

7283

H1195-0111

H1195-0112

ставят вопрос в такой плоскости: допустим, что этот плакат был подписан фон Нейратом, - правильно было бы называть его гуманным человеком? В этом суть вопроса?

ЛЮДИНГАУЗЕН. Да, но, свидетель же ничего не знает об этом плакате. Он не может правильно ответить на этот вопрос, если он не знает общей связи, если он не знает, что этот плакат был издан не фон Нейратом.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ. Свидетель очень долго допрашивался Вами с тем, чтобы показать, что фон Нейрат являлся очень гуманным человеком, с хорошим характером. При этих обстоятельствах обвинение может на фактах показать свидетелю, что он не был гуманным человеком.

ЛЮДИНГАУЗЕН. Но тогда свидетель может в лучшем случае ответить "я этого не знаю" или, "если это правильно, тогда это нельзя назвать человечным". Это все мы можем сделать, свидетель здесь не для этого.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ. Свидетель может сказать: "Если это правильно, то это несовместимо с тем, что я знал о фон Нейрате.

ЛЮДИНГАУЗЕН. Он этого тоже не может, он тоже не сможет сказать, по той простой причине, что он не знает обстановки, в которой был опубликован этот плакат. Я при всем желании не вижу, что даст этот вопрос, ибо если кому-либо так задают вопрос, то ведь всякий порядочный человек скажет, что это не гуманно, однако, это не окажет никакого влияния на тот факт, что свидетель даст тогда характеристику факта, который совсем не имел места, который совсем неверен.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ. Подполковник, не думаете ли Вы, что мы бесцельно тратим время, если свидетель ничего не знает об этом. Я вполне понимаю, конечно, что цель перекрестного допроса заключается в том, чтобы дискредитировать свидетеля.

ПОДПОЛКОВНИК ГРИФФИТС ДЖОНС. Благодарю Вас, Ваша честь. Возможно Вы разрешите мне сказать следующее: этот подсудимый вызвал свидетеля для дачи показаний под присягой на заседании Трибунала. Если эти показания заслуживают внимания, то они войдут в протокол, и Трибунал может считать этого свидетеля, свидетелем, который дает достоверные показания. Данный перекрестный допрос скорее направлен к тому, чтобы показать, что этот свидетель, говорит ли он правду, неправду, дает совершенно неправильные показания. Показания, даваемые им относительно хорошего характера этот подсудимого противоречат данным расследований. - Это совершенно ясно и Трибунал не заявляет, что мы не имеет права проводить перекрестный допрос. Однако, я не думаю, что для этой цели следует занимать дополнительно время.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ. Очень хорошо.

(начинается перекрестный допрос).

ПОЛКОВНИК ЭЙМЕН. Свидетель, когда в последний раз Вы были в Нью-Йорке?

ШТРЕЛИН. Я был в Нью-Йорке в 1936 году.

ПОЛКОВНИК ЭЙМЕН. И Вы в то время произносили речь в "Медисон Сквер Гарден". Это правильно?

ШТРЕЛИН. Да.

ПОЛКОВНИК ЭЙМЕН. Этот митинг был действительно в "Медисон Сквер Гарден"?

7295

H1195 - 0113

H1195 – 0114

ШТРЕЛИН. Это был "Германский день" 6 октября 1936 года

ПОЛКОВНИК ЭЙМЕН. Это был ежегодный митинг, состоявший 6-го октября 1936 года в связи с празднованием немецкого дня?

ШТРЕЛИН. Это было ежегодное собрание немцев, которое имело место 6 октября.

ПОЛКОВНИК ЭЙМЕН. И в этом митинге принимали участие многие члены ~~[illegible]~~ германо-американского бунда, не правда ли?

ШТРЕЛИН. Да.

ПОЛКОВНИК ЭЙМЕН. Этот митинг, по существу, был подготовлен германо-американским бундом?

ШТРЕЛИН. Был комитет по проведению празднеств из представителей всех немецких союзов, мне кажется, в Нью-Йорке всего было 2 тысячи немецких союзов и эти 2 тысячи немецких союзов об'единялись в комитете по проведению празднеств и этот комитет организовывал "Германский день". Каков был состав комитета - я детально не знаю.

ПОЛКОВНИК ЭЙМЕН. И по просьбе германо-американского бунда Вы произнесли свою речь. Правильно?

ШТРЕЛИН. Нет, это было по инициативе комитета союза по проведению празднеств в Нью-Йорке.

ПОЛКОВНИК ЭЙМЕН. Да, и на заседании этого комитета присутствовало большое количество членов германо-американского бунда. Это правильно? Да или нет?

ШТРЕЛИН. Да.

ПОЛКОВНИК ЭЙМЕН. Собственно говоря, многие члены Вашей организации в то время являлись активными членами германо-американского бунда? Это правильно?

4291

ШТРЕЛИН. Да.

ПОЛКОВНИК ЭЙМЕН. Вы лично провели ряд совещаний с ними как в Германии, так и в Нью-Йорке? Правильно?

ШТРЕЛИН. Нет, это неправильно.

ПОЛКОВНИК ЭЙМЕН. А что же правильно?

ШТРЕЛИН. Правильно то, что я был приглашен, но дальнейшие конференции не состоялись.

ПОЛКОВНИК ЭЙМЕН. Вы не отрицаете того, что многие члены Вашей организации в то время являлись членами германо-американского бунда?

ШТРЕЛИН. Об этом я не знаю.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ (к свидетелю). Я только что записал, Вы как будто сказали, что это было так?

ПОЛКОВНИК ЭЙМЕН. Совершенно верно.

ШТРЕЛИН. Я прошу повторить вопрос.

ПОЛКОВНИК ЭЙМЕН. Разве Вы не сказали несколько минут тому назад в ответ на предыдущий вопрос, что многие члены Вашей организации, являвшиеся членами германо-американского Бунда, присутствовали на митинге в Медисон Сквер Гарден, когда Вы произносили Вашу речь?

ШТРЕЛИН. Вы имеете в виду членов германского иностранного института, как той организации, о которой Вы говорите?

ПОЛКОВНИК ЭЙМЕН. "Вашей организации", я так сказал.

ШТРЕЛИН. У меня не было организации, у меня был институт.

ПОЛКОВНИК ЭЙМЕН. Совершенно точно. По чьей просьбе Вы произнесли эту речь в Медисон Сквер Гарден?

7297

H1195 – 0115

H1195 – 0116

ШТРЕЛИН. Меня просили произнести эту речь, так как я был недавно назначен бургомистром города заграничных немцев - я был бургомистром этого города и вследствие этого меня просили произнести праздничную речь. Штуттгардт был назван городом заграничных немцев, так как швабы составляют большое количество эмигрантов и поэтому Штуттгарт был, так сказать, родным городом немцев заграницей.

ПОЛКОВНИК ЭЙМЕН. Разве так же не факт, что многие члены заграничной организации в то время являлись членами германо-американского Бунда. Да или нет?

ШТРЕЛИН. Да.

ПОЛКОВНИК ЭЙМЕН. И разве это также не факт, что в то время, многие члены института являлись членами германо-американского Бунда. Да или нет?

ШТРЕЛИН. Да. Некоторые из этих немцев приехали из Америки; были студентами, учившимися в Америке, и вернулись оттуда в Германию.

ПОЛКОВНИК ЭЙМЕН. Разве также не факт, что многие члены германо-американского Бунда, являвшиеся одновременно членами заграничной организации и института, были обвинены, судимы и осуждены за различную шпионскую деятельностью федеральными судами США? Да или нет?

ШТРЕЛИН. Нет, об этом мне ничего неизвестно.

ПОЛКОВНИК ЭЙМЕН. Вы никогда об этом не слышали?

ШТРЕЛИН. Нет, я ничего не слышал об этом. Я знаю о случае с Каппе, но он не был ни в какой связи с германским иностранным институтом.

7298

ПОЛКОВНИК ЭЙМЕН. Это,- между прочим, - один случай. Вы также знаете ряд других случаев. Не правда ли?

ШТРЕЛИН. Можете ли Вы рассказать мне подробности?

ПОЛКОВНИК ЭЙМЕН. Я мог бы сказать, но я задаю Вам вопросы и не собираюсь давать Вам на них ответы.

ШТРЕЛИН. Я ничего не могу вспомнить, я прошу задавать мне вопросы.

ПОЛКОВНИК ЭЙМЕН. Нет, я перейду лучше к другому вопросу. Вы знакомы с господином Альфредом Венингером?

ШТРЕЛИН. Я не понял этого имени. Альфред ....

ПОЛКОВНИК ЭЙМЕН. Альфред Венингер или как Вы произносите это имя?

ШТРЕЛИН. Венингер, да, мне знакома эта фамилия.

ПОЛКОВНИК ЭЙМЕН. Кто он?

ШТРЕЛИН. Альфред Венингер, насколько я знаю, находится сейчас во Франции, и он, мне кажется, юрист.

ПОЛКОВНИК ЭЙМЕН. Разве Вы не знаете? Разве Вы не знаете кто он - юрист или нет?

ШТРЕЛИН. Да, он служит юристом.

ПОЛКОВНИК ЭЙМЕН. Кто он по национальности?

ШТРЕЛИН. Он француз.

ПОЛКОВНИК ЭЙМЕН. Он Ваш друг?

ШТРЕЛИН. Да.

ПОЛКОВНИК ЭЙМЕН. Вы пытались помочь ему, по крайней мере, в одном случае?

ШТРЕЛИН. Я позаботился о том, чтобы его выпустили из тюрьмы.

7299

H1195-0117

H1195-0118

ПОЛКОВНИК ЭЙМЕН. Это было в марте 1943 года?

ШТРЕЛИН. Нет. Это, повидимому, недоразумение. Я имею в виду Альфреда Венингера, француза, которому во время войны я помог в том отношении, чтобы его не приговорили к смерти и затем выпустили из тюрьмы. Это, однако, было в период 1942-1944 г.г. Другого Альфреда Венингера я не знаю. Это, очевидно, однофамилец.

ПОЛКОВНИК ЭЙМЕН. Нет, нет, именно этот. Он был арестован вместе с другими 12 лицами за шпионаж и разведку в пользу противника.

ШТРЕЛИН. Да, и я ему помог.

Y300

ПОЛКОВНИК ЭЙМЕН. Вы обратились в качестве посредника к генеральному прокурору народного суда?

ШТРЕЛИН. Да, я обратился к Фрейслеру.

ПОЛКОВНИК ЭЙМЕН. А также обратились к министерству внутренних дел и министерству юстиции в Берлине?

ШТРЕЛИН. Я написал министру внутренних дел памятную записку о положении в Эльзасе в то время с целью достигнуть помилования эльзасцев.

ПОЛКОВНИК ЭЙМАН. В результате ваших усилий эти лица были условно лишь осуждены. Это правильно?

ШТРЕЛИН. Да. Разрешите мне здесь категорически подчеркнуть, что я просил господина фон Нейрата вмешаться в это дело и его следует благодарить за то, что с помощью письма Гитлеру, удалось достичь помилования этих эльзасцев.

ПОЛКОВНИК ЭЙМАН. Значит это лицо по меньшей мере обязано Вам в настоящее время. Правильно?

ШТРЕЛИН. Да, я полагаю, что так.

ПОЛКОВНИК ЭЙМАН. Вы спасли его жизнь, собственно говоря? Да?

ШТРЕЛИН. Я это сделал также и по отношению ко многим другим. Я не знаю, благодарны ли мне эти люди за это или нет...

ПОЛКОВНИК ЭЙМАН. Во всяком случае, Вы не будете подвергать сомнению правильность изложения им беседы с Вами. Правильно?

ШТРЕЛИН. Я не сомневаюсь, что он вспомнит об этом.

ПОЛКОВНИК ЭЙМАН. Вы помните, что Вы беседовали с ним в июне 1942 года?

ШТРЕЛИН. В настоящий момент я не могу этого сказать, если Вы не укажете более подробно, о чем здесь собствен-

H1195 – 0119

H1195 – 0120

-но идет речь.

ПОЛКОВНИК ЭЙМАН. Хорошо, я повторю Вам Ваши слова в том виде, как он их передаят. Я спрашиваю Вас, помните ли Вы, что эти слова Вы говорили ему. Помните ли Вы точно или в общих чертах. Вы понимаете?

ШТРЕЛИН. Да, я понял.

ПОЛКОВНИК ЭЙМАН. Вот Ваши слова: "Я предупреждаю вас против национал социализма, который не останавливается ни перед чем и который превращает правосудие в своего покорного слугу.

Они - преступники и единственно чего я хочу - это не иметь с ними ничего общего". Вы сказали это Венингеру? Не правда ли? Отвечайте да или нет.

ШТРЕЛИН. Я не совсем понял, что Вы сказали. Я прошу повторить.

ПОЛКОВНИК ЭЙМАН. Вы по-английски ведь говорите. Не правда ли свидетель?

ШТРЕЛИН. Немного, я понимаю немного.

ПОЛКОВНИК ЭЙМАН. Вас допрашивали ведь на английском языке?

ШТРЕЛИН. Я говорил на английском языке лишь один раз, но я думаю, что он меня не понял как следует.

ПОЛКОВНИК ЭЙМЕН. Но Вы прекрасно поняли то, что я Вам читал не правда ли?

ШТРЕЛИН. Я не совсем понял перевод на немецкий, и не совсем ясен смысл Вашего вопроса.

ПОЛКОВНИК ЭЙМЕН. Хорошо, я прочитаю Вам это вторично, но мне кажется, что Вы просто затягиваете время для того, чтобы обдумать ответ. Я Вас спрашиваю вновь, сказали ли

7302

Вы Вененгеру в июне 1942 года точно или в общих словах следующее: "Я предупреждаю Вас в отношении национал-социализма, который не останавливается ни перед чем и который превращает правосудие в своего покорного слугу. Они - преступники и я не желаю с ними ничего иметь общего". Вы это понялиг

ШТРЕЛИН. Да, я понял Вас, но я не могу это вспомнить.

ПОЛКОВНИК ЭЙМЕН. Вы не отрицаете, что Вы сделали такое заявление, если я заявляю Вам, что это говорит Венингер, Венингер который как Вы только что сказали столь многим обязан Вам.

ШТРЕЛИН. Я не могу вспомнить этого заявления. Возможно, что я высказался критически, но я не могу точно вспомнить слова.

ПОЛКОВНИК ЭЙМЕН. Вы не отрицаете, что Вы сделали это заявление?

Говорите: да или нет.

ШТРЕЛИН. Я отрицаю, что я сделал заявление в такой форме.

ПОЛКОВНИК ЭЙМЕН. Но в другой форме Вы сделали это заявление?

По существу Вы сделали такое заявление?

ШТРЕЛИН. Я вообще не могу вспомнить об этом.

ПОЛКОВНИК ЭЙМЕН. Вы помните, что Вы сделали другое заявление Венингеру в 1936 году в Страсбурге? Вы были в Страсбурге с Венингером в 1936 году?

7303

H1195-0121

H1195-0122

ШТРЕЛИН. Я в настоящий момент не могу вспомнить этого.

ПОЛКОВНИК ЭЙМЕН. Вы не отрицаете?

ШТРЕЛИН. Я не могу вспомнить этого.

ПОЛКОВНИК АМЕН.....

ШТРЕЛИН. Это возможно, но я не могу этого вспомнить. Я сейчас не могу вдруг вспомнить, когда я был там.

ПОЛКОВНИК ЭЙМЕН. Не говорили ли Вы Венингеру в Страсбурге в 1936 году, примерно, следующее: "Когда я нахожусь за границей - мне стыдно, что я немец". Да или нет?

ШТРЕЛИН. Тогда это было абсолютно невозможно, так как в 1936 году я был очень горд тем, что я немец.

ПОЛКОВНИК ЭЙМЕН. Но Вы не отрицаете, что Вы сделали это заявление Венингеру?

ШТРЕЛИН. В 1936 году я совершенно определенно не делал такого заявления.

ПОЛКОВНИК ЭЙМЕН. А когда Вы сделали это заявление?

ШТРЕЛИН. Я вообще не могу вспомнить, чтобы я сделал Венингеру такое заявление, и уже во всяком случае не в 1936 году.

ПОЛКОВНИК ЭЙМЕН. А когда Вы сделали такое заявление Венингеру или кому-нибудь еще? Короче, когда Вы решили выступать с подобного рода заявлениями

ШТРЕЛИН. Я вообще не могу вспомнить, чтобы я сделал такое заявление.

7304

ПОДПОЛКОВНИК ЭЙМАН. Но ведь Вы не оспариваете этого?

ШТРЕЛИН. То, что был момент, когда больше нельзя было гордиться Германией, это я признаю безусловно.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ. Желают ли другие представители Обвинения задать вопросы?

ДОКТОР ЗАЙДЛЬ. У меня нет больше вопросов к свидетелю.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ. Тогда свидетель может удалиться. Вы закончили Ваше дело, господин доктор Зайдль или Вы будете еще представлять доказательства?

ДОКТОР ЗАЙДЛЬ. Да. Сперва я зачитаю опросный лист, который поступил за это время о допросе свидетеля Альфреда Гесса, допрос которого суд разрешил произвести с помощью опросного листа.

Затем я должен сослаться еще на различные документы книги документов № 3, но ранее я хотел бы в заключение сегодняшнего заседания констатировать по желанию подсудимого Гесса - это относится к тому II книги документов -что лорд Саймон был на этих переговорах официальным представителем британского правительства и поэтому я зачитываю со страницы 93-й коротко несколько предложений:

Лорд Саймон говорит:

"Г-н имперский министр, мне сообщили, что Вы считали, что Вы явились сюда с определенным поручением и поэтому хотели-бы говорить с уполномоченным правительства. Вы знаете, я - д-р Гутри. Я пришел к Вам по поручению правительства для того, чтобы выслушать Вас и обсудить с Вами все, что Вам необходимо для информации правительства".

7305

H1195-0123

H1195 - 0124

Это - все, что я хотел сказать в дополнение к оглашению протокола Саймона.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ. Если мы немножко задержимся, Вы сможете закончить сегодня?

ЗАЙДЛЬ. Г-н председатель, опросный лист и ответы на него получились довольно обширными. Свидетель был также подвергнут перекрестному допросу, и я полагаю, что представители Обвинения также намерены зачитать материалы перекрестного допроса, и я не думаю, чтобы это было возможно сегодня.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ. Очень хорошо. Сейчас мы объявляем перерыв.

/Перерыв до 10 час. 26-го марта./.

мй-нд-ап,
лт,вв.

7306

С Т Е Н О Г Р А М М А

ЗАСЕДАНИЯ МЕЖДУНАРОДНОГО ВОЕННОГО ТРИБУНАЛА

от 26 марта 1946 года.

/Утреннее заседание/

КОМЕНДАНТ СУДА: Подсудимый Штрейхер сегодня отсутствует на заседании Трибунала.

ЗАЙДЛЬ: Господин председатель, я перехожу к оглашению протокола.

/Нет перевода по техническим причинам, об"является перерыв/.

ЗАЙДЛЬ: Господин председатель, господа судьи, я перехожу к оглашению протокола допроса свидетеля Альфреда Гесса.

Перед ответом на первый вопрос свидетель сделал следующее краткое замечание.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: Где это находится?

ЗАЙДЛЬ: Господин Председатель, этот протокол допроса свидетеля я получил только в прошлую субботу и я вследствие этого не мог еще включить его в книгу документов. Свидетель был допрошен 19 марта в Бад Мергентгейм.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: Что Вы имеете в виду, что мы еще не получили копию этого документа?

ЗАЙДЛЬ: Я не знаю, вручил ли Суду генеральный секретарь, от которого я получил этот протокол, его копию.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: Хорошо, тогда лучше продолжайте.

ЗАЙДЛЬ: Хорошо.

7307

H1195 – 0125

H1195 – 0126

Перед ответом на первый вопрос свидетель сделал краткое замечание следующего содержания: "Следует заметить, что я должен был прекратить свою деятельность в заграничной организации НСДАП, после полета моего брата Рудольфа Гесса, заместителя фюрера, в Англию. Поэтому мои показания относятся только к периоду до 12 мая 1941 года".

"Первый вопрос - каковы были задачи и цели заграничной организации НСДАП?

Ответ: Задачей заграничной организации НСДАП было культурное, социальное и экономическое обслуживание всех немцев, государственных подданных Германии, за границей, вне зависимости от того, являлись ли они членами партии или нет. Заграничная организация в этом смысле должна была являться мостом между немцами в империи и заграничными немцами, подданными Германии. Целью ее было прививать и поддерживать любовь и связь с далекой родиной и пробуждать патриотические настроения, а также оповещение немцев в империи о тяжелой борьбе их соотечественников за границей. Немец, находящийся за границей, должен был добиться того, чтобы, благодаря достойному поведению в нем видели желанного гостя и лучшего представителя своего отечества".

Второй вопрос: "Кто мог стать членом заграничной организации НСДАП?".

Ответ: Вопрос непонятен для меня. Членства, как такового, в заграничной организации вообще не имелось в такой же степени, как не может быть членства в министерстве иностранных дел в империи или в областной организации НСДАП в империи.

Узов

Третий вопрос: "Правильно ли, что на заграничном удостоверении каждого члена НСДАП, государственного подданного Германии, в качестве основного принципа заграничной организации было указано следующее: "Соблюдай законы страны, в которой ты являешся гостем. Внутренняя политика этого государства - это дело жителей этой страны, не вмешивайся в нее даже в беседах".

Ответ: "Правильно, что указанное положение, или что-то в этом роде, имелось на удостоверении или на обложке этого удостоверения. Если я не ошибаюсь, среди этих положений имелось также предупреждение относительно исключения из НСДАП в случае несоблюдения этих положений. Последнее можно легко установить, если достать обложку, которую имел каждый член партии за границей".

Четвертый вопрос: "Заграничная организация НСДАП вела ли какую-либо деятельность, которую можно охарактеризовать как деятельность пятой колонны?"

Ответ: Пятая колонна это -не совсем ясное, единое понятие. В общем, очевидно, имеется в виду тайная шпионская или диверсионная деятельность. В соответствии с ее задачами, заграничная организация не могла вести такой деятельности. Я вспоминаю, что выражение "пятая колонна" в заграничной прессе рассматривалось, как искусный блеф антифашистской пропаганды и вызывало только искренний смех. Серьезно ни одно государство не могло подумать о том, что такая известная всему миру подозреваемая и открытая для любых ударов организация могла заняться тайной деятельностью в духе деятельности пятой колонны. Я считаю само собой разумеющимся, что тот или иной немец за границей имел тайные задания,

7309

H1195-0127

H1195 – 0128

нес службу, которую люди другой государственной принадлежности точно также выполняют для своей родины, но работодателем или посредником для таких агентов ни в коем случае заграничная организация не была".

Пятый вопрос: "Каковы были те директивы и указания, которые заместитель фюрера давал заграничной организации для ее деятельности?"

Ответ: Указания и директивы заместителя фюрера для деятельности заграничной организации были охарактеризованы мной в ответе на вопросы первый и третий. Он всегда особенно подчеркивал свои строгие указания в отношении того, что немцы за границей не должны делать ничего такого, что может оскорблять граждан стран, гостями которых они являются, или что может рассматриваться как вмешательство в их дела. Его основным положением также было то, что национал-социализм является чисто немецким движением и не является предметом экспорта, который можно навязывать другим народам, как будто бы он является также пригодным для них.

Шестой вопрос: Давал ли заместитель фюрера организации заграничных немцев какие-либо указания или приказы, которые могли бы побудить ее заниматься деятельностью, сходной с деятельностью пятой колонны?

Ответ: Заместитель фюрера не только никогда не давал таких указаний или приказов, но, как я указывал в ответе на пятый вопрос, давал указания, которые исключали возможность деятельности в духе пятой колонны.

7310

Седьмой вопрос: Правильно ли, что, наоборот, заместитель фюрера строго следил за тем, чтобы при всех обстоятельствах вмешательство во внутренние дела страны, в которой проживали немцы, не имело места?

Ответ: Я могу лишь повторить, что главной заботой заместителя фюрера было так обеспечить работу заграничной организации немцев за границей, чтобы была исключена всякая возможность вмешательства во внутренние дела этой страны. Те незначительные нарушения, которые имели место среди большого числа немцев, проживающих тогда заграницей /их было несколько миллионов/, были неизбежными и они очень строго карались.

Восьмой вопрос: Каковы были задачи и цели народного союза немцев за границей?

Ответ: Народный союз немцев заграницей имел задачей культурное обслуживание немцев, тех немцев, которые являются немцами по своему происхождению и добровольно, или в связи с законами других стран, потеряли право на немецкое гражданство, или приняли гражданство другого государства, например, в Америке, в Венгрии, Трансильвании и т.д.

Девятый вопрос: Народный союз немцев за границей когда либо, в особенности перед 10 мая 1941 года, вел деятельность, которая могла бы позволить рассматривать его, как пятую колонну?

Ответ: В связи с этим, я должен подчеркнуть, что деятельность заграничной организации ничего не имела общего с деятельностью народного союза немцев за границей. Таким образом я не могу ничего сказать о его разносторонней деятельности. Вообще же, я считаю совершенно исключенным, что мой брат ставил какие либо задачи народному союзу немцев за границей

7311

H1195-0129

H1195 – 0130

в духе деятельности пятой колонны. Это не отвечало бы ни тем задачам, которые имел заместитель фюрера, ни его взглядам относительно задач союза немцев за границей.

Десятый и последний вопрос: Какого рода были указания и распоряжения, которые заместитель фюрера давал в связи с деятельностью этого союза?

Ответ: Распоряжения и т.д., которые мой брат давал в связи с деятельностью этого союза, мне неизвестны, так как я уже показал, что моя деятельность в заграничной организации не стоит ни в какой связи с деятельностью союза. Подписал: Альфред Гесс под присягой 9 марта 1946 года. Свидетель Альфред Гесс затем, в связи с его допросом, был подвергнут перекрестному допросу. Я предполагаю, что представители обвинения сами изложат результаты этого перекрестного допроса Суду. Если, однако, положение таково, что этот перекрестный допрос и вопросы, которые задавались во время него, еще не переведены, то, возможно, было бы целесообразным сейчас, в связи с оглашением этого документа, огласить результаты перекрестного допроса.

ДОДД: Господа судьи, мы получили ответы на письменные, опросные листы, посланные Обвинением, но я осмеливаюсь предложить, чтобы вместо того, чтобы тратить время на их оглашение, мы, с разрешения суда, дали их перевести на все четыре языка. Для их оглашения потребуется около десяти минут, и мы не настаиваем на их оглашении, если Трибунал не сочтет это необходимым. /Пауза/.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: Да, конечно, г-н Додд.

ЗАЙДЛЬ: Г-н председатель, г-да судьи! Я не знаю, переведены ли уже письменные показания посла Гауса, которые я вчера передал Суду, и имеются ли переводы в руках судей? Я вчера в средине дня передал бюро инфор-

мации шесть копий и с тех пор ничего не слышал об этом документе.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: Может ли Обвинение сообщить Трибуналу в каком положении находится это дело?

СЭР ДЭВИД МАКСУЭЛЛ ФАЙФ: Милорд, обвинение еще не получило экземпляра этого письменного показания, поэтому мы не знакомы с его содержанием. Мы предлагаем, чтобы д-р Зайдль, если возможно, отложил оглашение этого документа до тех пор, пока мы не ознакомимся с ним.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: Да, я боюсь, что мы будем вынуждены отложить оглашение этого документа.

ЗАЙДЛЬ: Хорошо. Я перехожу теперь к третьей книге документов.

Господа судьи, этот том книги документов содержит, главным образом, высказывания и цитаты из книг и речей иностранных государственных деятелей, дипломатов и экономистов по вопросу о возникновении Версальского договора. По поводу содержания Версальского договора, относительно вызванных этим договором территориальных изменений, как например, вопрос о польском коридоре и, главным образом, также по вопросу об опустошающих экономических последствиях, которые означал этот договор для Германии и для остальной части мира.

/К микрофону подходит сэр Дэвид Максуэлл Файф/.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: Да, сэр Дэвид?

СЭР ДЭВИД МАКСУЭЛЛ ФАЙФ: Милорд, я прочел документы, содержащиеся в этой книге, и я хотел бы сказать о них пару слов. В них содержатся мнения, выраженные большим количеством людей, включая политических деятелей, эконо-

4313

H1195-0131

H1195 – 0132

мистов и журналистов. Эти мнения выражены в форме полемики, а иногда в форме публицистики. Большинство из них всем известны, они были известны еще 15-25 лет тому назад, когда они были высказаны впервые.

И так, я заявляю Трибуналу, что этот вопрос мало относится к делу, я вношу предложение, которое, я надеюсь, Трибунал сочтет разумным. Оно заключается в следующем: Обвинение должно, как я предложил уже вчера, разрешить пока представить эту книгу - де бене Эссе, но когда доктор Зайдль будет произносить свою заключительную речь, он сможет использовать аргументы различных джентльменов, о которых он упоминал, если он считает, что они были правы. Он может использовать различные положения в качестве иллюстрации, конечно при условии, если вопросы, которых он будет касаться, по мнению трибунала будут относиться к делу. Это сохранит за доктором Зайдлем право использовать эти документы, как я сказал в зависимости от того, в какой степени они относятся к делу, но я считаю, что было бы совершенно неправильно оглашать их в настоящий момент как доказательство. Это всего лишь мнения, высказанные в полемической и публицистической форме, представляющие собой, как утверждает обвинение, материал, не относящийся к делу. Однако, я очень стремлюсь к тому, чтобы за доктором Зайдлем были сохранены все права, когда он будет произносить свою заключительную речь. Поэтому я полагаю, что было бы целесообразнее, если бы эти материалы были представлены сейчас без оглашения, а затем, в зависимости от степени их отношения к делу, которое будет решаться тогда, когда Трибуналу будут представлены все доказательства, д-р Зайдль сможет их использовать, как я сказал, в своей заключительной речи.

7314

Я надеюсь, что Трибунал это сочтет не только целесообразным, но и разумным методом представления такого рода материалов.

ЗАЙДЛЬ: Господин председатель, разрешите мне...

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: Одну минуту, доктор Зайдль. Мы вас заслушаем через минутку. /Короткая пауза/.

Повидимому, будет лучше, если вы сейчас скажете то, что вы хотите сказать. Считаете ли вы приемлемым для себя предложение, выдвинутое сэром Дэвидом Максуэл Файф?

ЗАЙДЛЬ: Господин председатель. На первый взгляд предложение сэра Дэвида Максуэлла Файфа кажется вевьма разумным. Однако, я все же должен сказать, что если так рассматривать этот вопрос, для защиты возникнет целый ряд затруднений. Аргументы, касающиеся отношения к делу ряда документов, которые по своему характеру должны быть рассмотрены в ходе пред"явления доказательств, будут включены в заключительную речь защиты. Это приведет к тому, что защитника, во время его заключительной речи все время будут прерывать, так как ему придется приводить аргументы в пользу отношения его цитат к делу. Вследствие этого целые части его речи потеряют всякое значение как доказательства и, таким образом, возникнет опасность, что целостность речи нарушится.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: Да,сэр Дэвид?

СЭР ДЭВИД МАКСУЭЛЛ ФАЙФ: Милорд, конечно, с каждым адвокатом может случиться, что некоторые части его выступления будут сочтены неотносящимися к делу. Поэтому я считал, что это может быть выходом из положения. Но, если это предложение не будет принято, то я со всем почтением, но в категорической форме

7305

H1195 – 0133

H1195 – 0134

от имени обвинения заявляю, что условия Версальского договора не имеют отношения к настоящему делу. Я уже заявлял, что я не собираюсь вдаваться в подробности по этому поводу. Я хочу, чтобы было совершенно ясно, что вопросы, затронутые в приведенной здесь цитате, явились предметом политических споров почти во всех европейских странах. По поводу справедливости и практичности условий, в частности, экономических условий Версальского договора, были высказаны различные мнения. Я не отрицаю того, что это явилось спорным вопросом, но я утверждаю, что этот спорный вопрос не должен здесь обсуждаться Трибуналом. В качестве политического деятеля, я сам огласил здесь почти все цитаты из высказываний английских государственных деятелей за последние годы и я уверен в том, что многие из присутствующих на заседаниях суда, очевидно, имеют свое собственное мнение и взгляды, но это не касается настоящего Трибунала и в особенности я считаю, что неправильно было бы выставлять в качестве доказательства мнение, которого придерживалась одна сторона во время полемики. Всем этим речам на английском языке предшествовали материалы, в ответ на которые были высказаны эти речи, или же эти материалы являлись ответом на эти речи; я предполагаю что то же самое относится к речам сенатора Бора из США.

Во-вторых, я считаю, что все это не является действительно доказательным материалом; это еще следует решить; причем решение о степени отношения к делу должно быть вынесено тогда, когда это будет удобно Трибуналу. Вот почему я выдвинул предложение о том, что целесообразно будет принимать решение тогда, когда

7316

весь фактический доказательный материал будет предоставлен Трибуналу. Но, оставив в стороне мое предложение, я хотел бы внести полную ясность в вопрос об отношении к делу. Обвинение единодушно считает, что справедливость или практическая выполнимость условий Версальского договора совершенно не относится к делу.

Я здесь хочу сделать некоторое разграничение между двумя характерами доводов: доводов второго характера коснулся д-р Штамер, а именно о фактических условиях, содержащихся в предисловии к статьям военного характера. Это совсем иная сторона вопроса, которую, насколько я понимаю мы сможем обсуждать тогда, когда некоторые предложения правового характера будут выдвинуты одним из защитников, от имени всех защитников. Но, как я сказал, справедливость и практическая выполнимость Версальского договора, в частности, его экономические условия, являются об"ектом крупной полемики. По этому поводу имеется буквально тысячи совершенно различных мнений и я утверждаю, что это не является вопросом, который подлежит рассмотрению этим Трибуналом и, во-вторых, эти все вопросы не имеют доказательной силы. Это не доказательный материал, даже если бы он являлся вопросом, подлежащим обсуждению.

ЗАЙДЛЬ: Разрешите мне кратко возразить на это.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: Сэр Дэвид, заключается ли Ваше предложение в том, что д-р Зайдль не может оглашать выдержки из всех этих документов.

СЭР ДЭВИД МАКСУЭЛЛ ФАЙФ: Да, конечно; если, согласно моему заявлению, они не относятся к делу, то он не может их оглашать.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: Да, они не приемлемы.

7317

H1195-0135

H1195 – 0136

СЭР ДЭВИД МАКСУЭЛЛ ФАЙФ: Они не приемлемы.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: Да, хорошо.

СЭР ДЭВИД МАКСУЭЛЛ ФАЙФ: Конечно, мое первоначальное предложение заключалось в том, чтобы обсуждение вопроса о принятии их в качестве доказательства было отложено до того времени, когда будет представлен весь доказательный материал, но если мое предложение не будет принято, тогда я просто заявляю, что этот материал неприемлем.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: Итак, д-р Зайдль.

Д-р ЗАЙДЛЬ: Могу ли я кратко ответить, г-н председатель?

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: Да.

Д-р ЗАЙДЛЬ: Господин Председатель, это означало бы полное изменение моих намерений, если бы предположили, что я пред"явлением данной книги документов хочу доказать, что Версальский договор является проявлением мудрости государственных деятелей или нет. Не это для меня важно в данном случае. Пред"явлением этих документов скорее будет доказано или предложено для дискуссии: во-первых, являлась ли другая сторона при заключении договора или во время предварительных переговоров относительно 14 пунктов Вильсона, со своей стороны виновной в нарушении договорных обязательств или, что в данном случае можно предположить, в частности, что существовало положение "

". Во-вторых, пред"явление документов должно доказать, выполняла ли другая сторона те обязательства, которые она взяла на себя для того, чтобы таким путем установить или дать Суду возможность вывести заключение относительно того, какие правовые последствия могли быть вызваны в этом случае для Германии;

в третьих, в-третьих, Версальский договор и его нарушение подсудимыми занимает центральное место в первом пункте обвинительного заключения, а именно в отношении заговора, который инкриминируется подсудимым.

Обвинение, вследствие этого, на вопрос Суда, с какого момента можно считать начавшимся этот заговор, также ответило, что он начался уже в 1921 году.

В-четвертых. Представитель обвинения...

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: Я совершенно не понял, что Вы хотите сказать в Вашем последнем пункте?

ЗАЙДЛЬ: Я хотел сказать, что для начала заговора, который инкриминируется обвинением, Версальский договор имеет решающее значение и то, что между возникновением этого договора, по крайней мере и заговором, о котором здесь утверждается, имеется причинная связь. Прежде, чем говорить о нарушениях права и виновности, необходимо установить факты, которые являются причиной этого заговора, о котором здесь утверждает обвинение.

В-четвертых. Представители обвинения пред"явили обширные доказательства для того, чтобы проследить развитие НСДАП. Обширные книги документов были переданы Суду для того, чтобы показать рост членства в партии и увеличение количества мандатов в рейхстаге. Если же этот материал доказательств относился к делу, я утверждаю, исходя из приведенных выше соображений о причинной связи, что обстоятельства и факты, относящиеся ко времени заключения Версальского договора, которые вообще сделали возможным такое развитие партии, должны относиться к делу.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: Утверждаете ли Вы, что мнение журналиста, высказанное после того, как был заключен Версальский договор, мнение, согласно которому этот договор

7319

H1195-0137

H1195-0138

рассматривался как несправедливый по отношению к Германии, может быть приемлемо как для истолкования договора, так и для других целей, имеющих отношение к настоящему Трибуналу?

ЗАЙДЛЬ: Господин председатель! Я признаю, что отдельные высказывания одного иностранного журналиста не относятся к делу. Я, однако, утверждаю, что показания государственного секретаря Лансинга относительно происхождения Версальского договора и его показания в связи с предисторией этого договора определенно имеют некоторое отношение к делу. В какой степени эти доказательства являются материальными доказательствами, это вопрос, который сейчас не может быть разрешен. Этот вопрос Суд сможет разрешить только тогда, когда будут пред"явлены все доказательства.

Далее, я утверждаю, что высказывания председателя комитета по иностранным делам сената США относительно Версальского договора, его заключения и влияния на заговор, о котором утверждает обвинение, который в первую очередь был направлен против Версальского договора, имеет „prima facie" определенную доказательную силу, и это не касается большинства других документов, включенных в 5-й том книги документов. Я напомню высказывания Густава Касселя, постоянного финансового эксперта британского правительства и ряда других...

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: Таким образом, Ваша точка зрения заключается в том, что из-за условий Версальского договора или не из-за того, что подписавшиеся стороны нарушили эти условия, Германия была оправдана в развязывании агрессивной войны.

7320

ЗАЙДЛЬ: На этот вопрос я сейчас не могу окончательно ответить, в общей связи, пока я не заслушал доказательства других подсудимых. Я, однако, утверждаю, что нарушение Версальского договора другой стороной при некоторых обстоятельствах, дало право Германии или подсудимым на вооружение, а это уже означало нарушение Версальского договора, которое инкриминируется подсудимым. Что касается вопроса о праве на агрессивную войну, необходимо отложить окончательное разрешение этого вопроса до тех пор, пока в Суде не будет официально оглашен афидевит посла Гауса.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: Я хотел бы задать Вам еще один вопрос. Хотите ли Вы сказать, что 14 пунктов президента Вильсона представляют собой материал, приемлемый в качестве доказательства для составления письменного документа о Версальском договоре?

ЗАЙДЛЬ. Я не утверждаю, что 14 пунктов Вильсона уже сами по себе являются доказательством, которое следует принять. Однако, я утверждаю, что связь между этими 14 пунктами Вильсона и Версальским договором и вытекающие из этого противоречия, являются первоначальной причиной для того заговора, о котором утверждает Обвинение.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: Считаете ли Вы, что поскольку Версальский договор основывался на 14 пунктах Вильсона, он был несправедливым?

ЗАЙДЛЬ: Господин председатель! Был ли Версальский договор справедливым или несправедливым - это положение, которое я вовсе не хочу доказывать этими

4321

H1195-0139

H1195 – 0140

документами. Являлся ли договор справедливым или нет, по моему мнению, является фактором, который, может быть, выходит за рамки этого процесса. Я, однако, утверждаю, что договор, по крайней мере, во многих своих пунктах, не привел к тому, что и государства - победители ожидали от него в то время.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: Хотите ли Вы еще что-либо добавить, доктор Зайдль?

ЗАЙДЛЬ: В настоящий момент нет.

/К микрофону подходит д-р Дикс, защитник подсудимого Шахта/.

ДИКС: Так как речь идет о принципиальном вопросе, который был поднят сэром Дэвидом и так как защита всегда должна считаться с тем, что Суд уже в настоящий момент примет решение относительно вопроса, являются ли и в какой степени эти доказательства, о которых здесь упоминалось, допустимыми, - я считаю себя обязанным высказаться по поводу заявления, сделанного моим коллегой Зайдлем, с которым я в остальном вполне согласен. Я хотел бы дополнить кое в чем его высказывания, а именно относительно совершенно ясного вопроса - Вашего вопроса, Ваша честь, который начинается словами: "Считаете ли Вы относящимися к делу эти документы... "

Я думаю - я избегаю повторений -, я думаю, однако, что один очень важный пункт относительно отношения к делу документов до сих пор не был рассмотрен. Это - суб"ективная сторона. Это - отношение документа

7322

к делу в тех случаях, если он служит для выяснения истины пред"являемых доказательств и суб"ективных обстоятельств дела по каждому из рассматриваемых вопросов, т.е. внутренняя сторона этих обстоятельств. Если, например, один из подсудимых совершил поступок, который с чисто об"ективной точки зрения являлся нарушением Версальского договора, то для правовой оценки его действий, - с суб"ективной точки зрения, очень важно, действовал ли он по мнению ученых, справедливых и образованных представителей всех наций, исходя из тех взглядов и того мировоззрения, которые не только были его специальными взглядами, но и взглядами официальных представителей также и тех наций, которые воевали с Германией в 1914-1918 году. Для того, чтобы не говорить совершенно абстрактно, я приведу конкретный пример:

Один из подсудимых стоит на точке зрения необходимости вооружения Германии, а не необходимости ведения агрессивной войны. Я оставляю открытым вопрос, имеет ли он право настоять за политику вооружения то ли потому, что этот договор не выполнялся другой стороной, то-ли в виду того, что вследствие заключения других договоров или тайных переговоров, он потерял свою силу. С моей точки зрения, решающее значение имеет доказательство того, являлся ли этот подсудимый в своих взглядах, оправдывавших его действия, или взгляды, на основании которых он действовал, во всех отношениях поддерживались заслуживающими доверия представителями других национальностей, не немцев, даже тех, которые в 1914-1918 г. стояли на других позициях т.е. были противниками договора.

7323

H1195-0141

H1195-0142

С точки зрения Обвинения, насколько я ее понял, вооружение, как таковое, не является преступлением, а считается Обвинением уликой для доказательства преступления, которое заключалось в ведении агрессивной войны. Если один из подсудимых докажет, что он поступал, исходя из вполне честных и добропорядочных взглядов, которые разделялись также и представителями других наций, сознательно и в соответствии со своей совестью, как по отношению к международному праву и международной морали, а также и по отношению к условиям его родины,- то эти документы, среди которых имеются также высказывания и речи, в которых разделяется точка зрения данного подсудимого, имеют для суб"ективной стороны обстоятельств дела не только большое, но и вообще решающее значение.

Эту точку зрения я прошу Высокий Суд особо учесть, когда он будет принимать уже в настоящий момент решение по вопросу, поднятому сэром Дэвидом, который должен был его поставить, так как этот вопрос, - я это признаю, имеет принципиальный характер. Я в настоящий момент рад тому, что, исходя из практических соображений, я согласен с сэром Дэвидом. Я буду говорить только о своей точке зрения и я предпочел бы, если бы решение этого вопроса было отложено до того момента, который назвал сэр Давид. Я лично согласен с теми ущемлениями наших прав, о которых говорил коллега Зайдль и которые возникли вследствие этого с тем, чтобы Суд принимал свои решения после того, как он получил широкую перспективу в отношении вопросов и соображений, которые важны для принятия решения по данному вопросу и о которых я в настоящий момент не мог рассмотреть исчерпывающе в своей краткой речи, так как я и не собирался держать здесь пространной речи, а лишь хотел остановиться на одном моменте в отношении -

7321

дуры пред"явления доказательств.

(К микрофону подходит защитник подсудимого Риббентропа - Хорн).

ХОРН: Я хотел бы сделать еще пару замечаний относительно высказываний моего коллеги.Дикса. Я прошу Суд....

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: Одну минуту . (Пауза, совещаются). Трибунал хотел бы знать, сколько защитников полагают, что они имеют право выступить по этому вопросу. Если д-р Хорн желает изложить свои доводы, то Трибунал согласен его выслушать, но, Трибунал на этой стадии процесса не намерен выслушивать всех защитников по этому вопросу. Желает ли еще кто-нибудь из защитников выступить? Если да, то Трибунал решит, будет ли он выслушивать еще кого-либо или нет. Следует ли понимать это так, что только один доктор Хорн выступит перед Трибуналом с краткими замечаниями по этому вопросу. Если это не так, то Трибунал решит будет ли он заслушивать еще кого-либо по этому вопросу.

ХОРН: Господин Председатель, я, естественно, не могу навязывать свое мнение по этому вопросу моим коллегам. Я лично хотел бы только сделать краткое замечание по правовым вопросам.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: Тогда Вы должны посоветоваться с Вашими коллегами.

ХОРН: Если г-н Председатель сейчас хочет принять решение, тогда мне необходимо проконсультироваться с моими коллегами.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: Конечно.

7328

H1195 – 0143

H1195 – 0144

ХОРН: Разрешите мне, господин председатель, сказать сначала о том, что думают по этому вопросу мои коллеги. В этом решении заинтересованы в первую очередь особенно представители организаций. Я хочу теперь перейти к следующему моменту, который касается меня лично. Обвинение.....

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: Доктор Хорн, я просил Вас посоветоваться с другими защитниками и узнать, желают ли они, чтобы выступили только Вы один. Только при этом условии я намерен Вас выслушать.

(Д-р ХОРН еще раз совещается со своими коллегами).

ХОРН: Да, господин председатель. Мои коллеги согласны с тем, чтобы я сделал последнее замечание по этому вопросу.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: Очень хорошо, продолжайте.

ХОРН: Не подлежит сомнению, что Обвинение в значительной степени основывалось на нарушениях Версальского договора. Для оценки этих нарушений договора, с моей точки зрения необходимо рассмотреть те факты, которые могут позволить оценить правовую сторону этого договора. Нет сомнения в том, что этот Версальский договор был заключен под давлением. Вследствие этого, признанным положением международного права является, то, что такого рода договоры с правовой точки зрения имеют ряд серьезных недостатков и подозрительны. Те факты, которые служат доказательством этого утверждения и правовых воззрений, должны быть, по-моему, здесь рассмотрены.

Если я правильно понял сэра Дэвида, в дальнейшем вопросе речь идет о полемике на тему о правовых, полити-

4326

ческих и экономических последствиях этого договора. Я не хотел бы далее останавливаться на этом пункте, но прошу удовлетворить мое первое ходатайство относительно пред"явления здесь документов, которые позволят оценить Версальский договор с правовой точки зрения.

СЭР ДЭВИД МАКСУЭЛЛ ФАЙФ: Господа судьи, я хотел бы вначале с Вашего разрешения остановиться на доводах, которые выдвинул доктор Дикс. Насколько я понял, его первое главное предложение заключалось в следующем:

Если какой-либо подсудимый совершил какое-либо действие, которое является нарушением Версальского договора и,если он может показать, что,по мнению здравомыслящих , справедливых и образованных людей, принадлежавших к государствам, являвшимся другими сторонами, подписавшими договор, сам договор был настолько порочным, что его нарушение было оправданным,то это будет приемлемый довод. При всем моем уважении к доктору Диксу, я считаю, что это несолидный довод и необоснованный ни с точки зрения принципа права, ни с точки зрения существа вопроса.

Так как уже признано, что имеется договор, что этот договор был нарушен, поскольку из приведенного д-ром Диксом примера явствует, что эти факты признаны, то нельзя в качестве довода приводить то обстоятельство, что в странах, являвшихся сторонами, подписавшими договор имелось определенное количество выдающихся людей, считавших, что условия его были неправильными. Договор явно существует, и лицо, которое умышленно нарушает условия этого договора, тем самым расторгает этот договор, как бы энергично его не поддерживали.

4327

H1195-0145

H1195 – 0146

Во втором пункте доктор Дикс основывался на совершенно иных положениях. Он сказал, что эти доказательства могут иметь отношение к делу именно с точки зрения перевооружения, так как это свидетельствует о том, что договор считался устаревшим. Как ни странно, но существует теория международного права относительно того, что договоры, обычно менее существенные договоры, могут аннулироваться действиями подписавших их сторон. Я не буду оспаривать того, что Вы не сможете привести примеров, подтверждающих это, хотя они и очень редки и обычно касаются менее важных вопросов. Но доказательства, пред"явленные Трибуналу, сейчас совершенно не имеют отношения к этому вопросу. Эти материалы представляют собой, главным образом, современные материалы в виде полемики, в которых говорится, что некоторые положения договора были неправильными либо с политической, либо с экономической точки зрения. Этот довод совершенно отличен от того, который привел доктор Дикс. Он является таким доводом, который, при известных обстоятельствах, следовало бы обсудить, т.е., что договор устарел, что нарушение его было оправдано и что, поэтому, условия его фактически потеряли свою силу.

В ответ на это я скажу, что это доказательство совершенно не относится к данному вопросу. Я надеюсь, что доктор Дикс меня простит и я уверен, что здесь моя вина, но я недооценил того, что он называет суб"ективным доводом. Но насколько я могу судить, повидимому, здесь можно дать весьма хороший ответ, а именно, что, если он стремится этими доводами подсказать, что вина подсудимого может быть уменьшена, так как он, подсудимый, считал, что договор был порочным по виновности подсудимого

4328

может судить лишь Трибунал,который будет допрашивать этого подсудимого и оценит его точку зрения.Однако не будет полезным при решении вопроса о том,действовал ли подсудимый Гесс,потому что он думал,что Версальский договор был порочным, если мы узнаем какое мнение высказывал по этому поводу лет двадцать тому назад редактор газеты "Обзервер" или "Манчестер Гардиен",или что писали в своих меморандумах,много лет спустя, какие-либо выдающиеся государственные деятели, при всем нашем уважении к ним.Суб'ективная точка зрения имеет большое значение при решении вопроса на основании доказательства.В отношении суб'ективных доводов может дать ответ сам подсудимый,находясь перед Трибуналом. Доктор Хорн затронул гораздо более широкие вопросы,в частности,один вопрос,который я считаю совершенно не относящимся к делу и совершенно выходящим за рамки настоящего процесса.Он хотел бы,чтобы Трибунал вынес решение относительно того,был ли Версальский договор заключен по принуждению.Этот вопрос, конечно вызовет рассмотрение всего вопроса о правительстве германской республики,о положении уполномоченных и правовом положении лиц,подписывавших договор. Ответом на это может быть то,что Трибунал разбирает совершенно определенно высказанные обвинения,подробно сформулированные в обвинительном заключении .Все материалы,которые представляются в качестве доказательств по вопросу о действиях до нацистского правительства Германии и,даже, самого нацистского правительства,показывают,что в течение ряда лет Версальский договор принимался в качестве законной и фактической основы их деятельности.

4329

H1195 – 0147

H1195-0148

Был принят ряд различных методов,для того,чтобы добиться изменения Версальского договора,но мне нет необходимости разбирать перед Трибуналом подробно Локарнские договоры,которые признавали Версальский договор,которые были подписаны в 1925г. и рассматривались самим нацистским правительством как существующие и действующие.

Кроме того,я считаю,что сами эти факты совершенно устарели,не относятся к делу и противоречат условиям Устава,для того ,чтобы этот Трибунал рассмотрел вопрос о том,был ли Версальский договор подписан по принуждению.

Насколько я понял,доктор Хорн не интересовался экономическими условиями,а также их справедливостью или несправедливостью,но я хотел бы почтительно напомнить Трибуналу ,что именно этот вопрос сейчас представлен на рассмотрение Трибунала. Как я уже сказал,а повторяться я не желаю,здесь были изложены многие мнения,высказанные лицами, занимавшими различные высокие посты и которые в свое время понесли за это ответственность в разной степени;энергично поддерживая мои взгляды,которые я стремился выразить по поводу Версальского договора,я высказываю мое мнение по второму пункту: а именно,что принимать в качестве доказательства заявления,сделанные,главным образом,по политической линии,или в ответ на нападки или в качестве нападок на фоне политики,проводимой в стране,где эти заявления были сделаны, является просто неправильным употреблением термина"доказательства".Это не является материалом,имеющим доказательную силу и я хотел бы сейчас равным образом - нет,не равным образом,так как первый пункт имеет первостепенное значение,

4330

на которое я почтительно обращаю внимание Трибунала - заявить,что было бы неправильно называть этот материал доказательствами. Это - материал,по которому адвокаты могут выставлять различные доводы и если эти доводы имеют отношение к делу.Но,однако, я считаю,что именно по этим причинам Трибунал не должен принимать этот материал в ка - честве доказательств.

ТРИБУНАЛ(СУДЬЯ БИДДЛ): Сэр Дэвид,содержалось ли что-либо в Версальском договоре,которое призывало бы от имени подписавших договор сторон,кроме Германии,к разоружению или предусматривало бы подобное разоружение; если подобные призывы имеются,можете ли вы привести примеры ?

СЭР ДЭВИД МАКСУЭЛЛ ФАЙФ: Да.Предисловие к военным условиям обычно основывается на этом пункте.Это находится вначале и изложено,примерно,на четырех строчках.Эти строки составлены в весьма общих выражениях; в них предусматривается общее разоружение после того,как будет произведено разоружение Германии.Конечно, положение было таково - я полагаю,что мои сведения правильны - что условия о разоружении были приняты. Вопрос о том,должны ли были быть приняты условия разоружения, согласно имеющимся доказательствам,не имеет большого значения. Оно было принято в 1927 г.После этого Вы,очевидно,об этом помните,состоялось несколько конференций по разоружению, рассматривавших этот вопрос,а в 1933 году Германия покинула происходившую тогда конференцию по разоружению.

Теперь я постараюсь быть совершенно об'ективным. Я совершенно не намереваюсь здесь высказывать ни мнение обвинения,ни мнение защиты,но таково положение вещей.

У331

H1195-0149

H1195-0150

ТРИБУНАЛ (СУДЬЯ БИДДЛ): Мне кое-что не совсем ясно, когда вы сказали "принято",Вы хотели сказать ,что разоружение, к которому призывали,было принято Германией ?

СЭР ДЭВИД МАКСУЭЛЛ ФАЙФ: Да,что ответ Германии на требования Версальского договора был принят союзниками в 1927 году и комиссия по разоружению,находившаяся в Германии, выехала из Германии; ее возглавлял,мне кажется,французский генерал Денуе.

ТРИБУНАЛ (СУДЬЯ БИДДЛ): Насколько я понял из Ваших доводов,все,что находится в этой папке,не относится к данному вопросу ?

СЭР ДЭВИД МАКСУЭЛЛ ФАЙФ: Нет,нет.

ТРИБУНАЛ (СУДЬЯ БИДДЛ) : Вопрос заключается...

СЭР ДЭВИД МАКСУЭЛЛ ФАЙФ: Это не относится к данным вопросам.Я хочу сказать,что мы займемся этим вопросом,когда к нему подойдем. Я понял из нескольких слов,сказанных д-ром Штамер,что это будет один из вопросов,которые мы будем обсуждать при рассмотрении вопроса о праве,которые будут представлены и которыми защита располагает.

ЗАЙДЛЬ(защитник подсудимого Гесса): Я думаю,что сэр Дэвид здесь немного заблуждается.В 3-м томе книги документов по делу подсудимого Гесса имеется целый ряд цитат из речей иностранных государственных деятелей,которые ссылаются на эти военные оговорки Версальского договора и в которых высказывается мнение,что Германия выполнила свои условия по Версальскому договору,но что не были выполнены взаимные обязательства.

Y382

СЭР ДЭВИД МАКСУЭЛЛ ФАЙФ: Простите, я сейчас таковых не припоминаю. Я прочел эти материалы, но может быть есть еще какие-либо дополнительные материалы, имеющие к этому отношение. И я не думаю, что я не отдаю должного трудам д-ра Зайдля по сбору этих материалов, если я скажу, что хотя они и существуют, то они являются второстепенными. Самая главная цель этих материалов - нападки на условия Версальского договора политического и экономического характера. Я надеюсь, что я отдал должное трудам доктора Зайдля. Мое желание было таково и таково мое впечатление.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: Трибунал об'являет перерыв.

(Об'является перерыв до 14.00 часов).

7383

H1195 - 0151

H1195 - 0152

С Т Е Н О Г Р А М М А

ЗАСЕДАНИЯ МЕЖДУНАРОДНОГО ВОЕННОГО ТРИБУНАЛА

от 26 марта 1946 г.

Вечернее заседание.

Встать! Суд идет!

КОМЕНДАНТ СУДА. Господа судьи, я должен сообщить, что подсудимый Штрейхер будет отсутствовать на вечернем заседании суда.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ. Трибунал вынес решение о том, что доказательства, касающиеся несправедливости Версальского договора или того, что он был заключен по принуждению, являются неприемлемыми, и поэтому Трибунал отклоняет 3-й том документов, предоставленный от имени подсудимого Гесса.

ЭЙДЛЬ. Господин председатель, господа судьи! Ввиду того, что том III книги документов подсудимого Рудольфа Гесса не принят Судом в качестве документального доказательства, я заканчиваю представление документов. Остается лишь представленное мною ранее письменное показание посла Гаусса, и я прошу не выносить решения о допустимости этого доказательства до тех пор, пока я не получу возможности изложить доводы, показывающие, что это доказательство, а также и секретное соглашение имеют отношение к делу. Однако я хочу установить, что при помощи этого письменного показания должен быть доказан лишь факт существования секретного соглашения и его содержание, а не

общий ход событий и история создания этого договора. Поэтому я оглашу лишь некоторые выдержки из этого документа.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ. Доктор Зайдль, мы полагаем, что это письменное показание свидетеля Гаусса, данное под присягой, сейчас находится в процессе перевода. Затем оно будет передано всем обвинителям. Обвинители затем смогут сообщить нам свое мнение и мы сможем судить о том, является оно приемлемым или нет. Обвинение сможет сообщить нам, желает оно или нет вызвать сюда посла Гаусса для того, чтобы подвергнуть его перекрестному допросу.

Доктор ЗАЙДЛЬ. Да.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ. Поэтому мы должны отложить этот вопрос до тех пор, пока не будет сделан перевод.

ДОКТОР ЗАЙДЛЬ. Хорошо. Кроме того я намеревался допросить самого подсудимого в качестве свидетеля. Однако он, исходя из своей принципиальной точки зрения в вопросе о компетенции данного Трибунала, попросил меня отказаться от допроса. Вследствие этого я отказывась от допроса подсудимого. Каких-либо документов, которые я хотел бы представить, у меня сейчас также больше не имеется.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ. Благодарю вас. Сейчас Трибунал перейдет к делу подсудимого Риббентропа.

/К микрофону подходит доктор Хорн/.

ДОКТОР ХОРН. /защитник подсудимого Риббентропа/. Господин председатель, господа судьи! Мой подзащитный

7335

H1195 - 0153

H1195 – 0154

Иоахим фон Риббентроп поручил мне перед тем, как я начну предоставление документов, сделать от его имени заявление, которое гласит:

Будучи имперским министром иностранных дел, я должен был проводить в жизнь все внешнеполитические принципы и указания Адольфа Гитлера. Я несу полную ответственность за те действия в области внешней политики, которые я при этом совершал.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ. Доктор Хорн, я думал, что защитники должны были бы знать решение, которое мы вынесли и которое заключается в том, что на данной стадии не должно произноситься речей, но должны предоставляться доказательства, - устные показания, а также краткие ссылки на документы и предоставление их в качестве доказательства. Вы поняли это?

ХОРН. Я не знал, господин председатель, что здесь нельзя огласить заявление от имени подзащитного.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ. Трибунал в нескольких случаях высказывался устно и, несомненно, один раз письменно о том, что сейчас не могут произноситься никакие речи и что они могут произноситься в то время, которое предусмотрено Уставом. Сейчас вам предоставляется возможность представлять все доказательства и представлять документы в качестве доказательства и давать необходимые комментарии пояснительного характера по документам.

ХОРН. На бывшего министра иностранных дел Иоахима фон Риббентропа в Обвинительном заключении, а также в выступлениях английского Обвинения возлагается ответствен-

Y336

ность за все преступления, перечисленные в §6 Устава Международного Военного Трибунала.

Сэр Дэвид Максуэлл Файф на заседании Международного Военного Трибунала 8 января 1946 года перечислил все пункты обвинения, предъявленного моему подзащитному:

1/ Использование должностного положения, своего личного влияния, а также тесной связи с Гитлером, для ускорения прихода к власти НСДАП, а также для подготовки войн.

2/ Участие в составлении политических планов и в подготовке национал-социалистского заговора в целях ведения агрессивной войны ....

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ. /Прерывая/ Д-р Хорн, Вы вновь произносите здесь речь?

ХОРН. Нет, господин председатель, я укажу лишь кратко на одной странице, как я хочу организовать процедуру представления доказательств, в связи с чем я прошу разрешить мне сказать относительно проведенной мной классификации документов.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ. Очень хорошо.

ХОРН. 2/ Сэр Дэвид Максуэлл Файф указал на участие подсудимого в политическом планировании и в подготовке национал-социалистских заговорщиков к ведению агрессивных войн и войн в нарушение международных договоров. Таким образом на него возлагается ответственность за проведение внешней политики в соответствии с планами политических заговорщиков.

7337

H1195-0155

H1195 - 0156

3/ Далее он обвиняется в преступлениях против мира, в военных преступлениях, преступлениях против человечности и в особенности в преступлениях, совершенных против граждан и имущества оккупированных областей.

Подсудимый Риббентроп заявил, что он невиновен во всех этих преступлениях. Для того, чтобы опровергнуть эти обвинения, предъявленные ему, я и приступаю к представлению документов.

В начале своего выступления обвинитель ссылался на доказательство США № 5, документ ПС-2829. Обвинитель при этом особо подчеркивал то, что Риббентроп являлся обергруппенфюрером СС. Обвинитель утверждал, что это звание не было только почетным званием. Подсудимый же со своей стороны утверждает, что звание группенфюрера СС, а затем обергруппенфюрера было ему дано Гитлером только в качестве почетного звания, так как Гитлер хотел, чтобы члены правительства на официальные приемы являлись в военной форме. Чин группенфюрера СС казался Гитлеру наиболее отвечающим той должности, которую занимал подсудимый.

Подсудимый никогда не служил в СС и никогда не командовал какими-либо частями СС. Он не получил также никакого военного образования, которое бы соответствовало высокому званию, присвоенному ему.

Это я докажу при допросе самого подсудимого в качестве свидетеля.

4338

H1195 – 0157

Далее Обвинение заявило, что фон Риббентроп после прихода партии к власти был некоторое время консультантом НСДАП по вопросам внешней политики. Это утверждение **ими** также опровергается, а именно документом ПС-2829, который находится в книге документов, пред - ставленной мною Трибуналу. Я оглашаю раздел II, в котором сказано:

"Советник фюрера по вопросам внешней политики с 1933 по 1938 г."

Этот документ стоит 1-м в книге документов Риббентропа и из этого документа следует, что Риббентроп с 1933 по 1938 г. был лишь советником Гитлера по внешнеполитическим вопросам.

Обвинитель,ссылаясь на документ Д-472, ГБ-130, т.е. на второй документ книги документов Риббентропа, выдержку из архивов публицистских работ, утверждает, что подсудимый еще до 1932 года работал в интересах НСДАП, поставив себя на службу партии еще в 1930 г.

Обвинение ссылается на второй абзац этого документа,на строки с 6-й по 9-в,где сказано:

"Используя свои заграничные связи,он установил новые связи с Англией и Францией,которые он, служа НСДАП с 1930 г. сумел развить и распространить на политические круги". Конец цитаты.

Это утверждение не соответствует действитель - ности.

До 1932 года подсудимый не являлся членом какой-либо политической партии в Германии и, в частности, не был членом НСДАП. Он по своим политическим убеждениям был близок к немецкой народной партии, т.е. партии Штреземана.

В 1932 году подсудимый познакомился с Гитлером. Его взгляды на внешнюю и внутреннюю политику ...

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ. Доктор Хорн, я не хотел бы Вас прерывать, но я не понимаю, что Вы сейчас делаете. Мне кажется, что Вы сейчас останавливаетесь на той части доказательств, которые должен дать сам подсудимый Риббентроп, и, если это так, то, когда он будет их давать, они будут совпадать с Вашим заявлением. Также мне кажется, что Вы ссылаетесь на те документы, которые были предоставлены обвинением, и сами на них отвечаете. Это совсем не то, чего желает Трибунал на данной стадии процесса. Трибунал вполне понимает, что в соответствующее время Вы выступите с любыми аргументами, которые Вы сочтете справедливыми в связи с теми доказательствами, которые были выдвинуты по делу подсудимого Риббентропа. Но, как я уже сказал, и я полагал, что это совершенно ясно, Трибунал в настоящее время желает заслушивать весь доказательный материал от имени фон Риббентропа, а также разрешает представить документы, в отношении содержания которых Вы можете допускать любые краткие пояснительные комментарии. И если имеется какая-либо часть документа, который уже представлялся Обвинением, но не цитировался им, а Вы полагаете, что на нее необходимо сослаться, как на пояснение к той части документа, которая была использована Обвинением, тогда Вы можете представить, как доказательство, эту часть с соответствующими комментариями. Но я не понимаю, что же Вы тогда сейчас делаете, если не произносите речь?

7340

H1195-0158

H1195-0159

ХОРН. Господин председатель! Я привел факты, которые я хочу использовать против утверждений Обвинения, так как последние по моим данным и по моим документам, не соответствуют действительности. Что касается пункта первого Вашего заявления, господин председатель, я должен здесь сказать, что состояние здоровья подсудимого фон Риббентропа в данное время очень плохое. Сегодня утром врач сообщил мне, что фон Риббентроп страдает так называемыми вазомоторными дефектами речи. Поэтому я хотел избавить его от части свидетельских показаний, т.е. высказать здесь то, что должен был бы сказать сам подсудимый, и таким образом довести до сведения Трибунала точку зрения подсудимого. Я не знаю, сможет ли подсудимый Риббентроп ввиду своего состояния здоровья и дефектов речи более кратко изложить свои показания, чем это сделаю я сам. Таким образом, подсудимому при допросе его в качестве свидетеля останется лишь подтвердить под присягой сказанное мной.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ. Если подсудимый фон Риббентроп слишком плохо себя сегодня чувствует для того, чтобы давать показания, то он может дать показания несколько позднее. Если у Вас есть какие-либо свидетели, кроме подсудимого Риббентропа, то они могут дать показания сегодня. А что касается документальных доказательств, то Вы можете совершенно обычным путем предоставлять эти документы в качестве доказательства, таким же образом, как это делали доктор Штамер и доктор Зайдль, и в соответствии с неоднократными раз'яснениями Трибунала.

4341

ХОРН. Я хотел сначала представить документы и только после этого допросить моих свидетелей. Я установил, что здоровье Риббентропа все ухудшается, и я не знаю, смогу ли я допросить подсудимого фон Риббентропа в конце представления доказательств. Но я должен все-таки исходить из того, что я не смогу этого сделать; вообще же здесь речь идет об очень немногих вопросах, которые следует выяснить.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ. Доктор Хорн, Вы, во всяком случае, не можете сами давать показаний, и если Вы не можете вызвать фон Риббентропа, то Вы должны вызвать других свидетелей, которые могут давать показания, которые мог бы дать он, если бы было возможно. Если, к сожалению, это будет невозможно, то в таком случае может пострадать дела Риббентропа, и Трибунал сделает все возможное со своей стороны для того, чтобы дать ему возможность дать показания на любой стадии процесса. Если он, как Вы полагаете, действительно настолько болен, что не может давать показания, то в таком случае его показания могут быть отложены до конца представления доказательств от имени подсудимых, конечно, при представлении соответствующего медицинского свидетельства.

ХОРН. Если Трибунал хочет заслушать показания подсудимого позднее, я откажусь от своего предложения, но с просьбой, что в том случае, если я не смогу его заслушать или не смогу заслушать его полностью потому, что, как я снова подчеркиваю, здесь мы имеем дело с расстройством речи, он получил бы, по крайней мере, возможность под-

7342

H1195-0160

H1195-0161

твердить эти факты как свидетель.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ. Вы можете вызвать любых свидетелей. Трибунал не выносил такого решения, что подсудимый должен быть вызван первым. Вы ходатайствовали, кажется, о вызове восьми свидетелей помимо самого подсудимого и Вы можете вызвать любого из них или перейти сейчас к рассмотрению ваших документов, но чтобы Вы ни делали, Вы должны делать это в соответствии с решением Трибунала.

ХОРН. В таком случае я перейду к вопросу о занятии Рейнской области.

27 февраля 1936 года между Французской республикой и Советским Союзом был заключен и ратифицирован договор о взаимопомощи, содержание которого с очевидностью означало нарушение как положений Локарнского пакта, так и положений, установленных пактом Лиги Наций. Кроме того, этот договор был явно направлен против Германии. В то же самое время ...

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ. Вы только сейчас сказали /что/, что-то противоречило международному праву. Но это не является ни ссылкой на любой документ, который Вы представляете в качестве доказательства, ни устными комментариями по поводу представляемых документов. Если у Вас имеется какой-либо документ, который Вы должны представить в качестве доказательства, то представляйте его, пожалуйста, и затем давайте необходимые пояснительные комментарии.

ХОРН. Прежде всего я сейчас хочу сослаться на документ № 1 книги документов Риббентропа. Речь идет о меморандуме немецкого имперского правительства правительствам, подписавшим Локарнский пакт, от 7 марта 1936 года.

Y343

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ. На какой это странице?

ХОРН. Это книга документов, страница 6. В пояснение я хочу добавить, что этот меморандум был передан державам, подписавшим Локарнский пакт, ввиду того, что между французским правительством и Советским Союзом был ратифицирован договор о взаимопомощи, после чего германское министерство иностранных дел получило сведения о плане, который был выработан французским генеральным штабом и который сводился к тому, чтобы французская армия продвинулась вперед по течению Майна для того, чтобы таким образом отделить южную Германию от северной Германии, и прежде всего для того, чтобы через Чехословакию протянуть руку русской армии.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ. Доктор Хорн, для соблюдения формальностей при ведении протоколов судебных заседаний, необходимо каждый документ представлять в качестве доказательства под соответствующим номером. Насколько мне известно, Вы еще не представили ни одного из этих документов в качестве доказательства и не дали им соответствующих номеров.

ХОРН. Этот документ я представляю под номером Риббентроп-Док. №1. Этот номер проставлен на документе справа вверху.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ. Очень хорошо.

ХОРН. Я прошу в целях экономии времени все документы, которые я буду цитировать под „Риббентроп-документ номер такой-то", принимать в качестве доказательств.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ. Очень хорошо, и в том порядке, в котором Вы их цитируете?

ХОРН. Да, господин председатель.

7344

H1195-0162

H1195-0163

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ. Они будут пронумерованы таким образом. Очень хорошо.

ХОРН. Хорошо. Эти только что приведенные детали вскрывают причины того, почему вообще был составлен этот меморандум. Для подтверждения только что упомянутого мною факта о договоренности, достигнутой французским генштабом, я допрошу по этому вопросу свидетеля фон Нейрата, когда он будет выступать здесь у свидетельского пульта.

Для обоснования точки зрения германского правительства, изложенной в меморандуме и заключавшейся в том, что как Локарнский пакт, так и Пакт Лиги Наций считались нарушенными, я ссылаюсь на третью страницу этого документа, страница 8 книги документов, и оглашаю на этой странице следующую цитату:

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ. Доктор Хорн, был ли этот документ, представленный в качестве доказательства за № 1, + одним из тех документов, о которых Вы ходатайствовали и который был допущен Трибуналом?

ХОРН. Так точно, господин председатель. Здесь речь идет о выдержках из "Документов германской политики", том 4-й. Я подчеркиваю, что мне разрешили пользоваться сборником этих документов, а также двумя книгами документальных доказательств.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ. Трибунал хотел бы ознакомиться с подлинником этого документа.

ХОРН. Господин председатель, я должен заявить, что мы не в состоянии пред'являть подлинники документов, так как министерство иностранных дел было занято союзниками, которые конфисковали большую часть документов. Поэтому, я должен буду обратиться к соответствующим учреждениям оккупационных властей, с ходатайством о предоставлении подлинных документов, так как мы сами не имеем этой возможности и можем ссылаться только на сборники этих документов.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ. Из какого документа заимствована эта копия?

ХОРН. Эта копия, господин председатель, заимствована из 4 тома "Документов Германской политики", что, господин председатель, помечено в Вашей книге документов. Вышеуказанный документ находится на странице 123 сборника "Документов германской политики".

7345

Поэтому, господин председатель, я хочу в пояснение добавить следующее: Если Трибунал желает увидеть оригиналы ~~в книгах~~, то я должен буду принести этот сборник сюда из документальной комнаты. Этот сборник составлен на немецком языке и я не думаю, что он окажет какую-либо помощь Трибуналу.

Можно ли мне упомянуть еще о том, что...

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ. Доктор Хорн, с точки зрения соблюдения формальности и точности, Трибунал должен вносить в протокол суда каждый документ, который составляет часть протоколов суда, независимо от того, является-ли он подлинником или копией; + какой бы документ ни представлялся в качестве доказательства,-он должен быть вручен Трибуналу и должен храниться Трибуналом. Он должен быть представлен в качестве доказательства и вручен генеральному секретарю или его предста-вителю и, таким образом, в протоколах судебного заседания Трибунала будет указан каждый документ, представленный в качестве доказательства. Но мы не можем рассматривать документы, подобные этому, который представляет собой лишь копию того подлинника, который должен быть представлен в качестве доказательства. Если подлинник находится в документальной комнате, тогда он легко может быть представлен Трибуналу.

ХОРН. Господин/ председатель, Трибунал недавно огласил свое решение относительно того, что мы вправе составлять копии документов и удостоверять их правильность для того, чтобы затем представлять эти копии Трибуналу, как доказательства. Мы каждый документ сравнивали с оригиналом или с печатно

7346

H1195-0164

H1195-0165

копией и в конце каждого документа удостоверяли правильность копии этого документа.

Этот документ снабжен моей подписью. Он находится сейчас в распоряжении Трибунала, если не ошибаюсь, в 5 экземплярах.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ. Доктор Хорн!...

/ К микрофону подходит Додд/.

Да, пожалуйста, господин Додд.

ГОСПОДИН ДОДД. Мы полагаем, что то, что я скажу, возможно, будет полезным. Мы готовы принять эту цитату из тома, на который ссылается защитник. Мне кажется, что мы сами представили таким же образом некоторые документы и мы просили в свое время такого же снисхождения суда. Я считаю, что суд может принять этот документ на том же основании. Я советовался лишь с сэром Дэвидом, но я совершенно уверен, что наши французские и русские коллеги также согласятся с нами.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ. Я полагаю, господин Додд, что этот чисто формальный вопрос заключается в том, что единственный документ, который представлен в качестве доказательства или приобщен к делу, является копией, которая не содержит подписи доктора Хорна. Поэтому ничто не указывает на то, что это действительно является верной копией. Конечно, если бы мы имели подпись доктора Хорна, мы были бы готовы принять ее, как верную копию с подлинника. То, что мы получили, является лишь машинографической копией какого то документа, который не был нам представлен.

4347

ГОСПОДИН ДОДД. Очень хорошо, Ваша честь. У меня не было возможности внимательно просмотреть его. Между прочим, только вчера поздно вечером мы получили этот документ. У нас не было времени для того, чтобы изучить его. Но, во всяком случае, я считаю, что если доктор Хорн заверит этот документ так, как это предлагает лорд судья, и позднее представит подлинную копию, то этого было бы достаточно.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ. Конечно, этого было бы достаточно. Доктор Хорн, Вы понимаете, что я имею в виду? Если Вы через некоторое время представите настоящий документ, который Вы сами подписали, что покажет, что он является подлинной копией, то мы вполне удовлетворимся этим.

ХОРН. Господин председатель, во всей книге документов нет ни одного документа, которого бы я не подписал и не передал бы для перевода в 5-ти экземплярах. Разумеется, я не могу подписать также все переводы. Этот документ, находящийся перед г-ном председателем в книге документов, имеет мою подпись на немецком тексте.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ. Вы имеете в виду, что Вы передали документы для перевода с Вашей подписью, показывающей, что это верная выдержка, и Вы не знаете сейчас где эти документы, поскольку они были переданы в отдел переводчиков. Это верно, не так ли?

ХОРН. Лишь отчасти, г-н Председатель. Я передал все эти документы в отдел, ведающий ими, на немецком языке с моей подписью и оттуда они должны были быть переданы для перевода. С того момента, как я отдал документы, я, конечно,

4348

H1195-0166

H1195-0167

не знаю, что с ними произошло дальше.

Я хочу указать еще раз на то, что те книги, которые мы использовали, - у нас имеются только в одном экземпляре, а они нужны всем адвокатам, и сейчас для дальнейшей работы. Поэтому я не могу передать Трибуналу оригинал, не являющийся моей собственностью. Это может быть сделано только с согласия руководителя документального отдела, лейтенанта Прадера.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ. Доктор Хорн, если в будущем Вы и другие защитники будете в соответствующий срок иметь готовые книги документов, то, может быть, Вы сможете договориваться о том, что Вы будете вручать книгу документов тогда, когда Вы будете представлять ее в качестве доказательства, и тогда ее можно будет передать суду.

ХОРН. Я не думаю, г-н председатель, что такая возможность вообще существует, так как эти "Документы немецкой политики" /я привожу это в качестве примера/ имеются у нас в одном экземпляре, и нужны всем защитникам. Я не могу взять у них эти книги, теперь, когда они хотят работать над ними, для того, чтобы предоставить их Суду в качестве доказательств. От них ~~этих книг~~ я получить не могу; эти книги имеются только для работы и для выборки выдержек. После этого я их должен возвратить.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ. Да, но Вы сейчас представляете в качестве доказательства отдельную выдержку из этой книги и Трибунал единственно хочет того, чтобы эта выдержка была заверена Вами или каким-нибудь другим доверенным лицом, как верная выдержка из книги документов, и что этот документ, подписанный таким образом, может быть представлен. В настоящий момент может быть трудно представить его, поскольку Вы передали его какому-то официальному лицу в бюро перевода ~~ков~~ и потому Вы не можете представить его, но ведь можно сделать так, чтобы он мог быть представлен в будущем. Я говорю не только об этом конкретном документе, но говорю о том, чтобы в будущем другие защитники представляли документы, заверенные или же ими самими или же другими доверенными лицами.

ЛОРД. Это уже сделано, господин председатель. Я уже передал Трибуналу книгу документов с моей подписью в 5 экземплярах.

7350

H1195-0168

H1195 – 0169

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ. Да. Правило Трибунала заключается в том, что они должны вручаться этому Суду в то время, когда они предоставляются; так же эти документы должны передаваться какому то определенному лицу для перевода. Это общее правило. Но сейчас мы лучше будем продолжать, поскольку мы уделяем этому слишком много времени.

ХОРН. Как я только что услышал, все эти подписанные мною документы уже принесены сюда от генерального секретаря, так что я сейчас могу предоставить Трибуналу эти подписанные экземпляры на немецком языке.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ. Очень хорошо.

ХОРН. Теперь разрешите мне продолжить изложение только что высказанной мною точки зрения о правовых последствиях договора, заключенного между Францией и Советским Союзом в 1935 году. Я цитирую со страницы 3, что соответствует 8-й странице моей книги документов. Я цитирую:

"Поэтому важным может являться только то, придерживалась ли Франция, принимая эти обязательства, тех норм в ее отношениях с Германией, которые были ей предписаны Рейнским пактом.

Германское правительство вынуждено ответить на это отрицательно.

Рейнский пакт должен был гарантировать мир на западе Европы тем, что Германия, с одной стороны, и Франция и Бельгия, — с другой, в своих взаимоотношениях на будущее должны были отказаться от применения военной силы. Если при заключении этого Рейнского пакта были допущены некоторые исключения из этого правила об отказе от войны, выходящие за пределы самообороны, то, как известно, политические причины этого заключались лишь в том, что Франция еще ранее приняла на себя

определенные, связывавшие ее обязательства по отношению к Польше и Чехословакии и не хотела приносить эти обязательства по отношению к своим союзникам в жертву идее абсолютного обеспечения мира на Западе. В то время Германия по чистой совести согласилась с этим положением ограниченного отказа от войны. Она не выставила возражений против положенных французским представителем на Локарнский стол договоров с Польшей и Чехословакией, но, конечно, при том условии, что эти соглашения будут приспособлены к схеме и положениям Рейнского пакта и в них не будет каких-либо противоречий с 16-м пунктом статута Лиги Наций, как это предусматривается в новом договоре, заключенном между Францией и Советским Союзом.

Содержание данных соглашений, ставшее в то время известным германскому правительству, соответствовало этим условиям. Исключения, допущенные Рейнским пактом, не распространяются непосредственно на Чехословакию и Польшу, они сформулированы абстрактно. Однако смысл всех связанных с этим переговоров заключался в том, чтобы германо-французский отказ от войны согласовать с желанием Франции сохранить уже взятые ею на себя обязательства. Поэтому если Франция, используя абстрактную формулировку допускаемых Рейнским пактом возможностей войны, заключает с хорошо вооруженным государством договор, направленный против Германии, и если она /Франция/, таким образом, решительно ограничивает действие договора, который был ею заключен с Германией, даже не придерживаясь при этом формальных правовых границ, то этим самым она создает совершенно новое положение и нарушает политическую систему Рейнского пакта как по его смыслу, так и практически".

4352

H1195 – 0170

H1195-0171

Я выпускаю следующий абзац и цитирую дальше, на 9-й странице книги документов.

"Германское правительство в переговорах, которые оно вело в последние годы, всегда подчеркивало, что все те обязательства, которые предусматриваются Рейнским пактом, будут выполняться Германией постольку, поскольку и другие, подписавшие этот договор государства, будут придерживаться его. Это само собой разумеющееся условие не может считаться выполненным Францией. На все те дружественные предложения в гарантии мира, которые все время делались ей Германией, Франция, в нарушение Рейнского пакта, ответила заключением военного союза с Советским Союзом, направленного исключительно против Германии. Таким образом Рейнский пакт, подписанный в Локарно, потерял свой внутренний смысл и практически перестал существовать. Поэтому Германия, со своей стороны, более не считает себя связанной этим пактом, утратившим силу".

Имея ввиду этот русско-французский договор, а также учитывая намерения генерального штаба Франции, Гитлер пригласил к себе Риббентропа для того, чтобы относительно предполагаемой позиции Англии в случае возможной реоккупации немцами...

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ. Вы читаете это из документа, д-р Хорн, не так ли? Вы начали рассказывать нам что-то о Гитлере?

ХОРН. Да, я здесь сделал некоторое отступление после слов "не связанной этим пактом, утратившим силу". Я сделал это для того, чтобы показать роль Риббентропа. На основании этого русско-французского договора и намерений французского генерального штаба Гитлер поручил подсудимому Риббентропу ...

7353

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ. Мы услышим это от фон Риббентропа, не так ли?

ХОРН. Господин председатель, нам было разрешено делать некоторые комментарии к документам, поэтому о немецкой внешней политике я могу ...

/К микрофону подходит полковник Покровский/

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ. Пожалуйста, полковник Покровский.

ПОЛКОВНИК ПОКРОВСКИЙ. Насколько я понимаю, Трибунал уже раз"яснил защитнику Риббентропа, доктору Хорну, что защита сейчас представляет документ, хотя доктор Хорн и не считает нужным указывать, где он отходит от документа и где он этот документ цитирует, но я имел возможность заметить, что в том документе, который сейчас пред"является под № РИ-I, отсутствуют какие-либо ссылки на планы французского генерального штаба. В числе документов, имеющихся в книге, пред"явленной защитником Риббентропа, я также не мог обнаружить каких-либо копий из планов французского генерального штаба. При этих условиях мне становится совершенно непонятным, откуда доктору Хорну известно о планах французского генерального штаба, и на каком основании он ссылается на отсутствующие здесь документы при пред"явлении доказательств по делу Риббентропа.

ХОРН. Господин председатель ...

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ. Одну минуту. Доктор Хорн, то, что Вы сейчас рассказывали Трибуналу, не являлось пояснением к документу, но Вы рассказывали, что делал Гитлер и что делал Риббентроп в связи с тем, что делал Гитлер. Этого нет в представленных доказательствах. Вы не должны нам говорить того,

7354

H1195-0172

H1195-0173

чего нет в доказательствах. Вы можете давать только комментарии для того, чтобы сделать понятным сам документ.

ХОРН. Господин председатель, подсудимый фон Риббентроп обвиняется в руководстве германской внешней политикой в целом. Обвинители изобразили внешнюю политику Германии такой, какой они ее видят со своей точки зрения, а нам было разрешено хотя и не произносить речей, но все же, делая комментарии, выразить нашу противоположную точку зрения, точку зрения защиты. При этом я должен опираться на определенные факты, документы и показания. Представляя одни лишь документы без всяких пояснений, я не смогу дать общей картины, отображающей весь ход политики.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ. Доктор Хорн, Трибунал и не требует от Вас того, чтобы Вы дали полную картину на данной стадии. В настоящий момент Вы можете лишь представлять доказательства. Вы можете дать полную картину в своей заключительной речи. Этот документ абсолютно понятен. Этот документ хорошо известен нам всем и абсолютно понятен и нет надобности рассказывать нам о том, что делал Гитлер или Риббентроп.

ХОРН. Я уже сказал ранее, что по тому вопросу, который был здесь затронут русским обвинителем, может дать показания подсудимый фон Нейрат. Но, необходимо учесть, что допросить подсудимого фон Нейрата я могу только тогда, когда он будет выступать здесь в качестве свидетеля. Но уже сейчас я могу сослаться на факты, являющиеся доказательствами защиты.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ. Видите ли, это было бы его функцией. Если Вы сейчас собираетесь сказать нам то, что, как Вы полагаете, собирается сказать подсудимый Нейрат, отвечая на поставленные

У355

ему вопросы, то это будет носить форму открытого заявления. Это не предусматривается Уставом. Мы должны ждать, пока Вы будете допрашивать фон Нейрата.

ХОРН. Я оглашаю из этого только что процитированного документа, а именно, из документа РИ Док. № I, на странице 10-й книги документов следующее:

"Немецкое правительство вынуждено теперь столкнуться с новым положением, которое создано этим союзом, положение, которое обостряется еще и тем, что франко-советский договор находит свое продолжение в таком же параллельном договоре о союзе между Советским Союзом и Чехословакией. В интересах элементарного права народа на защиту своих границ и в интересах сохранения у него возможностей обороны, германское имперское правительство сегодня восстановило полный и неограниченный суверенитет империи в демилитаризированной Рейнской области". Конец цитаты.

Я прошу Трибунал принять весь этот документ в качестве доказательства. Совершая этот шаг, германское

4356

H1195-0174

H1195-0175

правительство отменяло определенные статьи Версальского договора, относящиеся к демилитаризации Рейнской области. Так как сегодня утром Трибунал вынес решение, согласно которому высказывать свою точку зрения относительно Версальского договора не разрешено, я пропускаю соответствующие документы в книге документов Риббентропе и перехожу к документу "Риббентроп док. № 8", который находится на странице 21-й книги документов.

Можно ли мне задать еще один вспомогательный вопрос, господин председатель?

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ. Конечно.

ХОРН. Разрешается ли представлять официальные документы, относящиеся к Версальскому договору, которыми до заключения договора обменивались между собой отдельные правительства? Речь идет о правительственных документах, а не о какой-либо полемике относительно самого договора. Можно ли представить эти документы после сегодняшнего решения Трибунала?

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ. На 21-й странице?

ХОРН. Сейчас я говорю о документе Риббентроп док.№ 8.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ. На какой странице он находится?

ХОРН. На странице 14-й книги документов.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ. Доктор Хорн, Трибунал хотел бы знать, к какому вопросу, рассматриваемому судом, имеет отношение этот документ.

7357

ХОРН. Я хотел этим документом обосновать немецкую точку зрения относительно Версальского договора. Этот документ "Риббентроп—док. № 2" – нота Германии Соединенным Штатам, которая содержит предложение о перемирии и о заключении мира.

Затем я хотел представить документ № 4, содержащий ноту, которой я хотел доказать, что перемирие должно было быть заключено на основании 14 пунктов Вильсона, с двумя исключениями.

Далее я хотел представить документ № ....

Сэр ДЭВИД МАКСУЭЛЛ ФАЙФ. Милорд! Я не хотел вмешиваться, но дело в том, что это тот самый вопрос, по поводу которого две недели тому назад Трибунал вынес решение, когда подсудимый Геринг ходатайствовал об истребовании документов по тому же самому вопросу. Сегодня утром Трибунал вновь подтвердил свое решение. Единственный вопрос, к которому это может иметь отношение, заключается в том, соответствовали ли Версальский договор 14 пунктам Вильсона и не был ли он в связи с этим несправедливым договором, и этот вопрос освещен в решении Трибунала, которое было оглашено час назад.

ХОРН. Г-н председатель, разрешите мне еще раз сказать следующее. Как я, так и другие мои коллеги поняли сегодняшнее решение Трибунала в том смысле, что нам не разрешено перед этим Трибуналом делать замечания о несправедливости этого договора и о том, что он был заключен по принуждению. Мы поняли это решение Трибунала именно так.

4358

H1195 – 0176

H1195-0177

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ. Именно поэтому я спросил Вас, к какому вопросу это имеет отношение. И Вы заявили, что это имеет отношение к делу, ибо оно показывает мнение Германии об этом договоре. Эти документы относятся к периоду, предшествовавшему заключению договора, и, следовательно, могут иметь отношение только к тому, был ли договор справедливым или несправедливым.

ХОРН. Представляя этот документ, я лично не хотел говорить о том, был ли этот мирный договор справедливым или несправедливым; я хотел сказать лишь то, что этот договор имел много недочетов правового характера и что основной договор не соответствовал соглашениям, предшествовавшим его подписанию.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ. Если основной договор не соответствовал предварительному договору, то, согласно Вашему возражению, основной договор был нечестным договором? Именно по этому вопросу Трибунал и вынес свое решение.

ХОРН. Именно по этой причине, г-н председатель, я пропустил эти документы и сказал, что я не буду на них ссылаться. В связи с этим я перехожу к документу № 8.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ. Поскольку у Вас еще имеется большое количество документов, сейчас мы сделаем перерыв на 10 минут.

(Об"является перерыв на 10 минут).

Встать, суд идет!

Г-н ДОДД. Я не хочу отнимать много времени у Трибунала, но в связи с заявлением д-ра Хорна относительно состояния здоровья подсудимого Риббентропа, я думаю, что нам необходимо также информировать Трибунал о том, что наше мнение о состоянии его здоровья несколько отличается от мнения д-ра Хорна.

7359

Я говорил с полковником Андрьюсом и с одним из армейских докторов. Полковник Андрьюс говорил с ними обоими. По нашему мнению, Риббентроп не болен и может занять свидетельский пульт. Он находится в несколько нервном состоянии и выглядит несколько испуганным, но он не является ни в какой степени больным человеком и может давать свидетельские показания.

(К микрофону подходит г-р Хорн).

ХОРН. Теперь я перехожу к странице 21 книги документов, документ Риббентроп - 8 книги документов. Я прошу Суд принять этот документ к сведению. Речь идет вновь о копии, взятой из "Документов германской политики" т.4, которую я подписал и передал Суду. Это-речь посла фон Риббентропа на 91 заседании Совета Лиги Наций в Лондоне о советском пакте, Локарнском договоре и германском плане мира. Я сошлюсь на стр.3-й речи, произнесенной 19 марта 1936 г., и начну мою цитату с параграфа 5-го. Я цитирую:

"Франция и Россия после заключения этого пакта становится судьями в своем собственном деле, так как они при необходимости могут самостоятельно, без рекомендации Лиги наций, определить агрессора и, таким образом, по собственному усмотрению выступить с войной против Германии.

Эти точные обязательства обоих государств вытекают ясно и недвусмысленно из 1-го параграфа протокола, предшествующего подписанию договора о союзе. Это значит, что Франция в данном случае может, по собственному усмотрению, решить - кто является агрессором - Германия или Советский Союз. Она делает только оговорку, что, вследствие такого военного выступления, по собственному усмотрению, она не будет подвергаться санкциям со стороны стран-гарантов по Рейнскому

4360

H1195-0178

H1195 – 0179

паку-Англии и Италии. Эта оговорка не имеет значения ни с правовой точки зрения, ни с точки зрения реальной политики.

С правовой точки зрения: как сможет Франция, самостоятельно определяющая агрессора, предусмотреть, какую позицию займут страны-гаранты по Локарнскому договору в отношении такого действия с ее стороны? Ответ на вопрос, должна ли Франция в данном случае опасаться применения санкций со стороны гарантов Локарнского пакта, практически зависит не только от лояльного выполнения договора гарантами, в чем германское правительство ни в какой мере не желает сомневаться, но и от разнообразнейших предпосылок чисто фактического порядка, вероятность или невероятность которых никоим образом не может быть предусмотрена заранее.

Кроме того, оценка отношения нового союзного договора к Рейнскому пакту, не может быть поставлена в зависимость от договорных отношений между Францией и Германией, с одной стороны, и государствами - гарантами - с другой. Она зависит исключительно от непосредственных договорных отношений между Францией и Германией. В противном случае надо предположить, что Германия будет молчаливо переносить любые нарушения рейнского договора Францией в надежде на то, что о ее безопасности позаботятся гаранты.

Совершенно очевидно, что не таков был смысл Рейнского пакта.

С точки зрения реальной политики для государства, которое, вследствие своего решения, ошибочного потому, что оно будет принято заранее, должно будет подвергнуться нападению со стороны превосходящей военной коалиции, - будет незначительным утешением получить признание своего права в виде последующих санкций против осужденного Лигой

4361

Наций агрессора. И какие санкции вообще могут быть действительны для такой простирающейся от Восточной Азии до Ла-Манша коалиции? Оба эти государства, столь мощные, являются влиятельнейшими членами Лиги Наций, и в особенности сильными в военном отношении, поэтому по всем практическим соображениям против них не может быть принято каких-либо мер.

Поэтому с точки зрения реальной политики это второе ограничение, имеющее в виду принятие соответствующих санкций, не имеет какого-либо значения.

Я прошу членов Совета уяснить себе не только правовое и политическое значение обязательства Франции самостоятельно действовать, но, прежде всего, поставить вопрос о том, можно ли защищать ту точку зрения, что прежнее германское правительство, подписавшее Локарнское соглашение, взяло бы когда-либо на себя обязательства, предусмотренные этим пактом, если бы в нем содержались такие односторонне-обязывающие моменты, какие появились впоследствии".

Конец цитаты.

Теперь я перехожу к странице 26-й книги документов и того же документа и для об"яснения немецкой точки зрения добавляю еще следующую цитату:

"Франко-советский союз, однако, означает для германского правительства, кроме того, также и с исторической точки зрения, полное устранение теперешнего европейского равновесия сил и тем самым фундаментальных политических и правовых предпосылок, на основании которых был заключен тогда Локарнский договор". Конец цитаты.

9382

H1195-0180

H1195-0181

Тем самым Германия изложила свою юридическую точку зрения относительно Локарнского пакта и условий Версальского договора о демилитаризации Рейнской области. Чтобы доказать волю Германии к разоружению, в том же самом документе на стр.7, что соответствует странице 27-й книги документов, представлено подробно разработанное предложение о разоружении.

Я прошу Суд принять к сведению только что цитированный документ, для того, чтобы я позже на него смог сослаться.

На этом я заканчиваю мои об"яснения, касающиеся обоснования Германией оккупации Рейнской области. О роли подсудимого фон Риббентропа при занятии Рейнской области я подробно буду говорить, тогда, когда вызову подсудимого к свидетельскому пульту.

После оккупации Рейнской области подсудимый фон Риббентроп вернулся в Лондон, где он тогда работал в качестве посла. 4 февраля 1938г. он был назначен министром иностранных дел и с тех пор руководил внешней политикой по директивам Гитлера. В доказательство этого утверждения я сослаюсь на находящийся в книге документов - документ "Риббентроп № 10". Он не скопирован и не записан на пластинку.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ. У нас нет этой книги. Наш последний документ это - документ № 8. Я полагаю, Вам следует продолжать.

ХОРН. Речь идет об очень кратком документе, который я передаю Суду для приобщения к делу. Речь идет о выдержке из речи фюрера в немецком рейхстаге в опере Кролль в Берлине 19 июля 1940 г. Цитата:

7363

"Я не могу закончить это чествование без того, чтобы в заключение не поблагодарить человека, который в течение многих лет осуществлял мои директивы, работая верно, неутомимо и самоотверженно. Имя члена партии фон Риббентропа, как министра иностранных дел, будет вечно связано с политическим расцветом германской нации". Конец цитаты.

Эту цитату я предоставляю суду, чтобы показать, по каким принципам подсудимый фон Риббентроп должен был вести внешнюю политику.

Я прошу теперь Суд заслушать свидетеля статс-секретаря фон Штеенграхта. (Пауза, вводят свидетеля).

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ. Назовите ваше имя, пожалуйста.

СВИДЕТЕЛЬ. Адольф Штеенграхт.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ. Повторяйте за мной слова присяги. Клянусь богом...

ШТЕЕНГРАХТ. Клянусь богом...

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ. Всемогущим и всеведущим...

ШТЕЕНГРАХТ. Всемогущим и всеведущим....

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ. Что я буду говорить чистую правду...

ШТЕЕНГРАХТ. Что я буду говорить чистую правду...

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ. Ничего не утаю и ничего не прибавлю.

ШТЕЕНГРАХТ. Ничего не утаю и ничего не прибавлю.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ. Вы можете сесть, если хотите.

ХОРН. Какую должность занимали вы в последнее время в министерстве иностранных дел?

ШТЕЕНГРАХТ. С мая 1943г. я исполнял обязанности статс-секретаря министерства иностранных дел.

ХОРН. В чем заключалась ваша деятельность?

ШТЕЕНГРАХТ. Чтобы понятно изложить мою деятельность, я прежде всего должен сказать, что с начала войны министр

7364

H1195 – 0182

H1195 – 0183

иностранных дел имел свое постоянное место пребывания вблизи от главной ставки Гитлера, т.е. был удален от Берлина на несколько сотен километров. Работал он там очень в ограниченном кругу людей. Министерство иностранных дел в Берлине выполняло административные и технические задачи. Прежде всего, оно поддерживало постоянную связь с иностранными дипломатами.

Вот за эту работу я, будучи стае-секретарем, с мая 1943г. нес полную ответственность. Решения по вопросам внешней политики, а также указания по этим вопросам я получал из главной ставки, причем в большинстве случаев без всякого участия, иногда даже без последующего подтверждения со стороны министерства иностранных дел.

ХОРН. Кто давал директивы по вопросам внешней политики?

ШТЕЕНГРАХТ. Внешняя политика не только в директивах, но иногда даже во всех подробностях определялась самим Гитлером. Риббентроп часто говорил о том, что фюреру вовсе не нужен министр иностранных дел, что он желает иметь только секретаря, занимающегося вопросами внешней политики. Риббентроп, насколько я знаю, был согласен с такими взглядами фюрера, так как, таким образом, он с помощью авторитета Гитлера мог бы устранить час уничтожающего побочного влияния на внешнюю политику и на Гитлера. И, может быть, тогда он имел бы влияние на речи Гитлера, которые тот и по вопросам внешней политики готовил без помощи Риббентропа.

ХОРН. Имелись ли другие инстанции или лица, которые, наряду с министерством иностранных дел, занимались внешней политикой?

7365

ШТЕЕНГРАХТ. Да. На практике не было почти ни одной партийной инстанции или организации, которая бы с 1933 г. не стремилась участвовать во внешней политике, управления по иностранным делам, через которое оно старалось установить сношения с заграницей и ~~питалась~~ тем самым, создать свои собственные внешнеполитические каналы.

Каждое из этих учреждений имело нечто вроде

Я думаю, что таких отделов было около 30. Например: Гитлеровская молодежь, СА, Германский трудовой фронт, СС, аппарт Розенберга, внешнеполитический отдел, министерство пропаганды, аппарат принца Вальдека, отдел Риббентропа, Нордическое общество, Германская академия, рейхсбанк и многие другие. Наряду с этими учреждениями, на внешнюю политику, проводимую Гитлером, имели большое влияние люди, непосредственно окружавшие Гитлера, и такие лица, как Гиммлер, Геббельс и Борман. Также Геринг, насколько я знаю, имел известное влияние на внешнюю политику, но только до 1938 г., в всяком случае, но не позже.

ХОРН. Пытался ли фон Риббентроп воспрепятствовать подобным влияниям, или исключить их?

ШТЕЕНГРАХТ. По собственным наблюдениям, я могу высказать только следующее суждение. Почти каждый из тех, кто никогда не был заграницей, затем ~~еще~~ в мирное время, а после оккупации случайно побывал там, хорошо позавтракал в столице той или иной чужой страны, - считал себя большим знатоком данной страны. Все они докладывали Гитлеру свои об"яснения и мнения. К несчастью, такие суждения нравились Гитлеру;

9366

H1195 – 0184

H1195-0185

причем, чем больше они удалялись от фактического положения вещей, чем больше они противоречили внешне-политическим нуждам и, к сожалению, чем больше они показывали, так называемую силу и вступали в противоречие с чувством примитивной гуманности, тем, тем больше они нравились Гитлеру, который рассматривал эти высказывания и описания как беспристрастное суждение. Иногда эти описания оказывали непоправимое действие и служили Гитлеру наряду с его, так называемой, интуицией, исходным пунктом для его принципиальной точки зрения. Если мне возразят, что для специалиста было легко опровергнуть то или иное сложившееся, таким путем мнение или оценку, я могу указать на следующее: пока будущий посол в Париже был всего лишь учителем рисования, Гитлер с интересом читал его доклады, но, когда он стал официальным представителем Германии, его доклады, в большинстве случаев, нечитанными бросались в корзину для бумаг. Доклады Гиммлера, мнения Геббельса и влияние Бормана на фюрера играли большую роль, также, как и информация неконтролируемых агентов, имела большее значение, чем суждения экспертов и знатоков.

ХОРН. Векало ли министерство иностранных дел сношениями со всеми иностранными государствами?

ИТТЕНГРАХТ. Я хотел бы заметить, что я не ответил на вторую часть вашего вопроса. Я имею ввиду исключение

7367

указанного побочного влияния.

При методе работы Гитлера так называемое побочное влияние на его работу вообще нельзя было исключить. Риббентроп вел бесконечную ожесточенную борьбу против этой организованной дезорганизации, причем почти против всех германских учреждений. Я хотел бы отметить, что, по крайней мере, 60 процентов своего времени он посвящал только этим делам.

ХОРН. Ведало ли министерство иностранных дел сношениями со всеми другими государствами?

ШТЕЕНГРАХТ. В мирное время, да.

ХОРН. С началом войны изменились ли функции министерства иностранных дел?

ШТЕЕНГРАХТ. Да. Фактически министерство иностранных дел теряло все свои права по отношению к любому государству, в тот момент, когда германские войска пересекали его границу. Министерство иностранных дел даже не имело права поддерживать прямые сношения с иностранными правительствами оккупированных стран, а в большинстве случаев даже не пользовалось правом иметь представителя министерства иностранных дел в качестве наблюдателя, без всякой компетенции. Это особенно относится к восточным областям и к Норвегии.

7368

H1195-0186

H1195 – 0187

Если Риббентроп пытался, несмотря на оккупацию, в известном отношении сохранить самостоятельность страны, как, например, Норвегии, то эту деятельность дипломатов называли вредной для государства и почти предательской и ответственные за это лица должны были немедленно по приказу Гитлера прекращать свою работу и выходить в отставку из министерства иностранных дел.

В общем изменившееся положение министерства иностранных дел лучше всего характеризует выражение Гитлера: "Министерство иностранных дел должно по возможности до конца войны исчезнуть с лица земли". Гитлер хотел сократить состав министерства иностранных дел до 20-40 человек, и частично было даже запрещено вести переговоры с министерством иностранных дел или устанавливать с ним какую-либо связь.

Министерство иностранных дел и его чиновники были всегда ненавистны Гитлеру. Их называли поражёнцами, об"ективными юристами и космополитами, которым можно поручать только такое дело, которое не должно быть сделано.

ХОРН. Существовала ли вообще в Германии внешняя политика в традиционном смысле слова?

ШТЕЙНГРАХТ. Нет. Во всяком случае я никогда не замечал такой политики. Гитлер как-то раз заявил: "Дипломатия - это обман народа. Договоры - это ребячество; они соблюдаются лишь до тех пор, пока стороны находят их полезными". Так судил Гитлер о всех дипломатах мира.

7369

ХОРН. Имело ли министерство иностранных дел влияние на восточные области и те области, которые руководились гражданской администрацией?

ШТЕЕНГРАХТ. Этого вопроса я уже коснулся. Я уже сказал, что в тех областях, в которых существовало военное правительство или же была гражданская администрация, имелся представитель министерства иностранных дел, которого если вообще терпели, то терпели лишь как наблюдателя,—во всяком случае, он не имел официальных полномочий. Таково было правило. Я думаю, что утверждать это, применительно ко всем странам я не могу, т.к. ситуации были разные.

ХОРН. Считаете ли Вы Риббентропа типичным национал-социалистом или нет?

ШТЕЕНГРАХТ. Риббентроп, судя по всей его общей позиции, не является типичным представителем национал-социализма. Он, удивительно мало знал о догмах и доктринах национал-социализма. Он только считал себя лично связанным с Гитлером, за которым он следовал с солдатским повиновением; он находился в некоей гипнотической зависимости от личности Гитлера. Но я никогда не назвал бы его типичным представителем национал-социализма.

ХОРН. Был ли Гитлер человеком, для которого были доступны возражения и об"яснения?

ШТЕЕНГРАХТ. В первые годы после 1933 года он еще был таким, но затем, он с течением времени, он все меньше допускал деловые возражения.

С тех пор, как я стал статс-секретарем, я лишь два раза видел его на официальных собраниях. Поэтому я могу судить

7370

H1195-0188

H1195 - 0189

лишь по успеху или неуспеху нашей работы. В течение моей поч-ти двухлетней работы действительно нельзя упомнить ни одного случая, когда бы он согласился на какое-либо наше предложение. Наоборот, нам всегда приходилось опасаться, что какими-либо предложениями личного характера мы можем побудить его как раз к обратным насильственным мерам. Основной чертой его характера было недоверие, доходившее до невероятных пределов.

Поэтому деловые, порядочные люди, которые пытались воздействовать на Гитлера в желательном для них направлении, по-моему, занимали совершенно безнадежную позицию. А с другой стороны, все предложения о применении насильственных мер или высказывания о недоверии со стороны безответственных людей воспринимались очень охотно. Эти люди назывались сильными, тогда как действия всякого сколько-нибудь нормального человека проклинались как слабость или пораженчество. Если человек хоть раз выражал разумное мнение, то его влияние на Гитлера могло исчезнуть навсегда.

ДОРН. Какие выводы делал Гитлер о возражавшем ему человеке?

ШТЕЙНГРАХТ. На этот вопрос полностью я не могу ответить. Я коснулся его в моих предыдущих ответах. Реакция, на мой взгляд, зависела, прежде всего, от настроения диктатора. С другой стороны, важно также, кто возражал и сколько силы или слабости он в это время показал. По какова была атмосфера, в общем может показать случай, который рассказывал связной офицер Риббентропа при Гитлере,

7371

по имени Хебель, вскоре после смерти президента Рузвельта. Он сказал: "Сегодня было принял мой последний час. Геббельс вышел из комнаты фюрера, он говорил о перспективах для Германии, которые, по мнению фюрера, открывались перед ней в связи со смертью Рузвельта, и набросал картину полную надежд. Я, Хебель, считал, что такое суждение необоснованно и осторожно сказал об этом Геббельсу. Он пришел в ярость и назвал меня деморализующим скептиком, который у каждого порядочного человека разрушает хорошее настроение и надежди. Я был вынужден,—так сказал Хебель,—лично пойти затем к Геббельсу и просить его оставить это дело без последствий, так как, если бы он сообщил о моем мнении Гитлеру, то тот просто надавил бы на кнопку, вызвал бы Раттенхубера, начальника своей службы безопасности, и приказал бы увести меня и расстрелять".

ХОРН. Чем Вы об"ясните, что столь многие лица оставались в окружении Гитлера, несмотря на то, что они не могли быть согласны со многими принципиальными вопросами?

ФТЕЙНГРАХТ. Верно, что многие лица оставались на своих постах, несмотря на то, что они внутренне относились отрицательно, даже враждебно, к методам правления Гитлера. Основания для этого были различны. Прежде всего надо сказать, что НСДАП, как сильнейшая партия в рейхстаге, пришла к власти в соответствии с парламентарными правилами игры. Чиновничество из-за этой смены правительства, не имело никакого повода уйти со своих постов. Переход к диктатуре и связанным с нею совершенно другим взглядам на государство неожиданно исключил возможность свободного

7372

H1195 – 0190

H1195-0191

отношения отдельного лица к новому режиму. Начался всем известный ужасный террор. Повсюду - в министерствах и канцеляриях, в личных квартирах и гостиницах подслушивали шпионы, которые за плату или из фанатизма готовы были донести обо всем, что они слышали. Несмотря на это, многие сознательно пошли бы на крайности, если бы с помощью отставки можно было что-нибудь улучшить. Но оказалось, что эти случаи самопожертвования, прежде всего принесение в жертву семьи, были бесполезны, так как они тщательно скрывались от общественности и вследствие этого не оказывали никакого действия.

Но прежде всего надо было учитывать, что на освободившееся место затем назначался человек еще более радикального направления. Сознавая эти факты, многие остались на своих постах, чтобы воспрепятствовать указанному развитию. Большое количество зверств, совершенных Гитлером или Гиммлером, неоднократно давало повод иностранцам считать, что германский народ в целом тоже несет за них ответственность, по крайней мере, знает обо всех этих зверствах. Но это не так, ибо большинство людей, занимавших высокие посты, лишь после окончания войны узнало об этих событиях во всем их об"еме и подробностях. Может быть, ключ к этому дает речь, которую Гиммлер произнес в Познани 3 октября 1943 года перед своими обергруппенфюрерами и о которой мне стало известно лишь сейчас. В ней говорилось, что его особые поручения, т.е. действия против евреев...

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ. Продолжайте, пожалуйста.

ФЛЕНГРАХТ. ... и концлагери сохранялись в такой же тайне, как и события 30 июня 1934 года, о которых немецкий народ узнал в подробностях тоже только сейчас.

7373

Вина за все эти события лежит на относительно маленькой группе людей, насчитывающей лишь несколько тысяч. Это те, кто проводил неслыханный террор и по отношению к немецкому народу. В первую очередь мы обязаны инакомыслящим, оставшимся на своих постах, тем, что например, женевская конвенция не была расторгнута, десятки и сотни тысяч английских и американских летчиков и пленных не были расстреляны, а несчастные, пленные, тяжело раненные во время войны, были возвращены на родину; Греция, находясь в ужасном положении, получала продовольствие по морю; курс валюты, как в Бельгии, так и во Франции, насколько возможно, поддерживался; частично было предотвращено или, по крайней мере, ограничено также совершенно бессмысленных с военной точки зрения разрушений в чужих странах и на родине. Этому же мы обязаны тем, что, по крайней мере, в некоторых местах продолжали жить законы права и гуманности. Вначале эти люди потеряли мужество, т.к. ни одна заграничная держава не сочла события

7374

H1195 – 0192

H1195 – 0193

в Германии поводом для того, чтобы разорвать отношения с Германией. Почти все державы до самого начала войны вели переговоры с национал-социализмом, заключали с ним договоры и посылали своих дипломатических представителей на национал-социалистские партийные с"езды в Нюрнберг.

Следует особо учесть, что национал-социалистская Германия, по крайней мере с внешней стороны, пользовалась гораздо большим уважением со стороны других держав, чем Веймарская республика, несмотря на всю ее верность договорам и соблюдением правовых норм.

Потом наступила война и с нею у каждого чиновника, офицера и каждого отдельного немца явился особый долг. Должны ли были, а если должны, то могли ли те, которые еще чувствовали себя слугами народа, покинуть, при этих условиях, свои посты? Помогли бы они таким шагом своему народу и человечеству? Испугала бы это Гитлера или хотя бы послужило для него предостережением?

ХОФМ. После французского похода делали ли Вы Риббентропу предложения внешнеполитического характера в целях достижения мира?

ШТЕЕНГРАХТ. Да. Какого-либо политического поста я тогда не занимал. Однако, я чувствовал потребность, которую, как мне кажется, испытывали многие, если не все немцы, увидеть вновь водворенным мирный порядок во всем мире. В день капитуляции Бельгийского короля я предложил:

7375

Во-первых: создание Соединенных Штатов Европы на демократической основе. Это означало бы самостоятельность Голландии, Бельгии, Польши и т.д.

Во-вторых, если этого нельзя будет добиться от Гитлера, то, по крайней мере, возможно меньшее вмешательство в самоуправление стран.

ХОРН. Говорил ли Риббентроп в этом духе с Гитлером?

ШТЕЕНГРАХТ. Насколько мне известно - да. Но тогда Гитлер назвал эти планы преждевременными.

ХОРН. Говорили ли Вы в этом духе еще раз с Риббентропом зимой 1942/43 г.?

ШТЕЕНГРАХТ. Да. Тогда Риббентроп разработал совершенно конкретные предложения. Они предусматривали суверенность и самостоятельность всех оккупированных стран, в том числе и Польши. И далее - широкое хозяйственное сотрудничество.

ХОРН. Как реагировал тогда Гитлер на эти предложения?

ШТЕЕНГРАХТ. Гитлер отклонил эти предложения на том основании, что время для этого тогда было неподходящее и военное положение недостаточно благоприятно. А потому это было бы истолковано как признак слабости.

ХОРН. Теперь к другому вопросу. Указывал ли Риббентроп Гитлеру, перед началом русского похода, на слова Бисмарка об опасности превентивной войны?

ШТЕЕНГРАХТ. Риббентроп часто мне говорил, что пакт с русскими очень ему нравится. В отношении превентивной войны он заявил Гитлеру: „Милосердный бог не позволяет смотреть в свои карты." Мне известно также, что Риббентроп старался представить Гитлеру наших знатоков России для того, чтобы они рассказали ему о России и уговорили его отказаться от этой войны. Но Гитлер, насколько я знаю, их даже не принял. Он дал

4376

H1195 – 0194

H1195-0195

только очень короткую аудиенцию графу фон Шуленбургу. Однако и он, который считал такую войну несчастьем, и решительно выступал против нее, не мог изложить свои соображения о России и причины, говорившие против войны, так как Гитлер после своего короткого доклада на эту тему, минут через 20, не дав ему говорить, коротко с ним распрощался.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ. Доктор Хорн, согласно решению Трибунала свидетели могут освежать свою память, пользуясь заметками, но Трибуналу кажется, что этот свидетель читает почти каждое слово из того что он написал. Он фактически произносит речь, которую Вы написали заранее, и если это будет продолжаться, то Трибунал должен будет подумать о том, не следует ли изменить это правило и вновь придерживаться обычного правила, а именно, что свидетелю не должно разрешаться пользоваться какими-либо заметками за исключением тех, которые делаются в данный момент.

ХОРН. Господин председатель, я говорил о комплексе вопросов с этим свидетелем. Запись, если она велась, была сделана свидетелем самостоятельно и я не знал ее точного содержания.

Я буду просить свидетеля отвечать на мои вопросы, не используя каких-либо записей, которых я не видел. Я еще раз подчеркиваю, что ответы свидетеля мне не были известны.

Господин свидетель! Известно ли Вам, что Риббентроп пытался повлиять на Гитлера в том смысле, чтобы остановить меры, предпринимаемые против евреев и церкви?

ШТЕНГРАХТ. Да. Мне известно, что Риббентроп часто говорил с Гитлером на эту тему. Меня приводила в совершенное

отчаянные политика, проводившаяся по отношению к еврейскому вопросу и вопросу церкви. Вследствие этого я, как было сказано, довольно часто беседовал с ним на эту тему. Но он всегда, когда приходил от Гитлера, говорил мне, что Гитлер не разрешает говорить с собой на эти темы. Гитлер говорит, что эти проблемы должны быть решены еще во время его жизни.

ХОРН. Имел ли Риббентроп возможность, работая в министерстве иностранных дел, знать о военных планах?

ШТЕНГРАХТ. Риббентроп часто говорил мне, что он в военном отношении совершенно не ~~заинтересован~~ ориентирован. Что касается министерства иностранных дел, то оно не имело ни малейшего понятия о стратегических планах.

ХОРН. Каковы были взаимоотношения между Риббентропом, Гиммлером, Борманом и Геббельсом?

ШТЕНГРАХТ. Отношения между Риббентропом и этими господами были исключительно плохими. Происходила постоянная борьба. Я думаю, что Риббентроп стал бы жертвой Гиммлера, если бы с Гитлером что-нибудь случилось. Если можно так выразиться, в то время происходила постоянная борьба и война с обменом неслыханно резкими письмами.

ХОРН. Каковы вообще были отношения между высшими партийными и государственными учреждениями?

ШТЕНГРАХТ. Конечно, отношения были в разных случаях разные, несмотря по характеру самого учреждения и их начальников. Но можно сказать, что отношения в общем не были хорошими и прежде всего на практике никогда не имелось необходимого для государства взаимопонимания. Одному министру вызвать к телефону другого министра для того, чтобы иметь возможность с ним поговорить о некоторых вопросах, было

7378

H1195 – 0196

H1195 – 0197

чрезвычайно трудно, труднее чем вызвать на землю ангела Гавриила. Да, даже по самым важным и необходимым вопросам не всегда можно было получить деловой ~~ответ~~ совет. На практике в общем между учреждениями не было никакой связи. Вообще все они были совершенно различными как по своему характеру, так и по своим идеям.

ХОРН. Известно ли Вам что-либо о протестах Ватикана, прежде всего относительно польского духовенства?

ШТЕЕНГРАХТ. Об этом я услышал позже и речь, повидимому, идет о двух протестах, касающихся польско-католического духовенства. Эти две ноты были в свое время переданы нунцием тогдашнему статс-секретарю. Тогдашний статс-секретарь передал их, как водится, дальше Риббентропу, а Риббентроп в свое время представил их Гитлеру. Ввиду того, что Ватикан не признал генерал-губернаторства, а поэтому нунций не имел отношения к этим областям, Гитлер при пред'явлении этих нот заявил:

"Они целиком являются наглой ложью. Верните эти ноты в резкой форме через статс-секретаря обратно нунцию и скажите ему, что в будущем Вы не будете принимать нот подобного содержания".

ХОРН. Обрабатывались ли затем эти ноты министерством иностранных дел?

ШТЕЕНГРАХТ. Затем были изданы строгие и точные директивы, по которым во всех случаях, когда представителями стран делались сообщения по делам, к которым они не имели отношения, будь это в разговоре или в нотах, вербальных нотах, меморандумах или других письменных документах, эти документы

7379

не должны были приниматься, а устные протесты должны были резко отвергаться.

ХОРН. Известно ли Вам, что фон Риббентроп после ужасного налета на Дрезден воспрепятствовал расстрелу 10000 военнопленных?

ШТЕЕНГРАХТ. Да, мне известно следующее: офицер связи Риббентропа при Гитлере однажды в большом волнении позвонил мне и сообщил, что, по предложению Геббельса, фюрер намерен в качестве репрессалий за жертвы в Дрездене расстрелять американских и английских пленных, я думаю, прежде всего, летчиков. Я тотчас же отправился к Риббентропу и сообщил ему об этом. Риббентроп сильно разволновался и стал белым, как полотно. Да, он почти окаменел, считал это невозможным, подошел к телефону и сам позвонил этому офицеру связи, чтобы удостовериться в правильности моего сообщения. Тот подтвердил эти сведения.

Затем Риббентроп сейчас же встал и пошел к Гитлеру. Приблизительно через полчаса он вернулся и сказал мне, что ему удалось уговорить Гитлера отменить этот приказ. Вот все, что я знаю об этом случае.

ХОРН. Известно ли вам что-нибудь о созыве антиеврейского конгресса?

ШТЕЕНГРАХТ. О созыве так называемого антиеврейского конгресса мне кое-что известно. Это нам опять было сообщено я думаю, тем же офицером связи при Гитлере. По предложению Бормана Гитлер приказал созвать с помощью аппарата Розенберга антиеврейский конгресс. Риббентроп не поверил этому, но

4380

H1195 – 0198

H1195 – 0199

должен был признать, что это правда после телефонного разговора с нашим офицером связи. Так как, на основании этого решения, мы официально уже не могли воспрепятствовать этому, то мы включились в это дело и старались с помощью тактики затягивания сделать невозможным его проведение. И, несмотря на то, что приказ был издан весной 1944 года, а война окончилась лишь в апреле 1945 года, этот конгресс фактически так и не состоялся.

ХОРН. Могли ли Вы заметить, что Риббентроп в отношении к своим сотрудникам был резок, раздражаясь против них, зачастую резко отстаивал какую-либо позицию, руководствуясь интересами государства, хотя на самом деле он иногда думал совсем по иному?

ШТЕЕНГРАХТ. Точно ответить на этот вопрос было бы очень смело, но я думаю, что я должен ответить на это утвердительно. Из-за ложной лойяльности по отношению к Гитлеру, насколько я знаю, в тех случаях, когда он шел с уже составленным мнением к Гитлеру и возвращался с совершенно противоположным решением, – он пытался изложить своим сотрудникам точку зрения Гитлера. Это он делал всегда с особой резкостью. Я полагаю, что это он делал тогда, когда что-либо противоречило собственным первоначальным идеям.

ХОРН. Выступил ли фон Риббентроп во время войны за сохранение Рима и Флоренции?

ШТЕЕНГРАХТ. Насколько я знаю, да. Он говорил об этом с Гитлером.

7381

ХОРН. Известна ли Вам написанная Геббельсом статья в "Рейхе" или в "Фелькишер Беобахтер" о суде линча?

ШТЕЕНГРАХТ. Да, случайно. Я пришел однажды к Риббентропу. Он читал газету и был снова вне себя. Он спросил меня: читал ли я неслыханную статью Геббельса. Речь шла о статье о суде линча.

ХОРН. Протестовал ли Риббентроп у Геббельса против этой статьи?

ШТЕЕНГРАХТ. Насколько я знаю, он поручил начальнику отдела печати, который всегда был связан с Геббельсом, протестовать против этой статьи. Но он, к своему удивлению, должен был констатировать, что этот протест не имел никакого смысла, так как статья была не только инспирирована Гитлером, но, кажется, даже написана по его приказу и поэтому уже ничего нельзя было сделать.

ХОРН. Как относилось министерство иностранных дел к этой тенденции, выраженной в статье?

ШТЕЕНГРАХТ. Министерство иностранных дел категорически отвергло эту статью, так как она нарушала правила международного права; мы тем самым в обширной области также отходили от норм международного права. Кроме того, статья апеллировала к низким человеческим инстинктам, приносила большой ущерб, как делам внутренней, так и делам внешней политики.

Кроме того, такая статья, которая читалась несколькими сотнями тысяч, миллионами человек, уже потому так или иначе наносила непоправимый ущерб. Мы решительно выступали за то, чтобы в прессе, ни при каких обстоятельствах, не писалось ничего подобного. Но я должен, к сожалению, сказать, что это

Y382

H1195 – 0200

H1195 – 0201

дело было очень тяжелым, особенно потому, что вражеские летчики очень часто обстреливали крестьян на полях и прохожих на дорогах, т.е. именно гражданское население. И наши аргументы о том, что международное право должно при любых условиях соблюдаться у нас, ни в какой мере не принимались во внимание большинством немецких учреждений, а главное - самим Гитлером. Напротив, и в этом случае нас называли формальными юристами. После этого мы пытались, насколько возможно, с помощью военных организаций воспрепятствовать проведению этого приказа.

ХОРН. Известен ли Вам батальон "Гюнсберг"?

ШТЕЕНГРАХТ. Батальон "Гюнсберг" мне неизвестен. Я знал бывшего советника посольства Гюнсберга из министерства иностранных дел. Этот советник Гюнсберг, насколько я помню, - я тогда еще не имел отношения ко всем этим делам, - получил от Риббентропа поручение с несколькими людьми из министерства иностранных дел следовать на автомашинах за действующими частями и заботиться о том, чтобы иностранные миссии, например, в Брюсселе, Париже и т.д., которые находились под охраной властей, не были заняты нашими войсками. И одновременно Гюнсберг имел поручение в министерствах иностранных дел сохранить архивы, которые представляли интерес для ~~военной~~ внешней политики. После окончания похода во Францию, Гюнсберг, насколько я знаю, не вернулся на действительную службу в министерство иностранных дел, а перешел в тайную полевую полицию, где получил форму, ибо как гражданское лицо он не мог попасть в эти страны.

4383

ХОРН. Чем и когда окончилось поручение Гюнсберга?

ШТЕЕНГРАХТ. Риббентроп после этого дела, собственно говоря, потерял интерес к Гюнсбергу и к первоначальному поручению. После того, как начался русский поход, Гюнсберг снова явился, насколько я знаю, и заявил, что он намерен делать то же самое и на Востоке. Риббентроп сказал ему: хорошо, Вы можете с несколькими людьми отправиться в действующие части и посмотреть там, есть ли там что-нибудь интересное для нас, но прежде всего позаботьтесь о том, чтобы, когда мы придем в Москву, не были разорены иностранные миссии и были бы сохранены архивы. Сам он считал, однако, что к министерству иностранных дел он уже не принадлежал; очевидно, он получал поручения от другого учреждения. Позже у него было большое количество людей, много автомобилей, но, так как он не получил ничего из всего этого от министерства иностранных дел и получил где-то военную форму, он, очевидно, работал для другого учреждения.

ХОРН. Во всяком случае, как военный, он уже не принадлежал к министерству иностранных дел?

ШТЕЕНГРАХТ. Нет, не принадлежал. Кроме того, Риббентроп, когда он услышал, что тот ведет такое крупное дело, поручил мне обратиться немедленно к СС и заявить, что он, Риббентроп, больше не желает иметь ничего общего с Гюнсбергом. Я сказал тогда обергруппенфюреру Вольфу, что хотел бы отметить, что мы не имеем больше ничего общего с Гюнсбергом и чтобы он позаботился об использовании его вместе со всеми его людьми в войсках СС. Это все, что я знаю о Гюнсберге.

7384

H1195 – 0202

H1195 – 0203

ХОРН. Желаете ли Вы, Ваша честь, сейчас прервать допрос или же я имею право задать еще несколько вопросов?

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ. Поскольку Вы не собираетесь заканчивать сейчас, я думаю, мы сейчас лучше сделаем перерыв. Вы будете еще долго допрашивать этого свидетеля?

ХОРН. Я хотел бы задать ему еще ряд вопросов.

(Об'является перерыв до 10 час. утра 27 марта).

мс, нд, зп,
вв, лт.

7385

С Т Е Н О Г Р А М М А

ЗАСЕДАНИЯ МЕЖДУНАРОДНОГО ВОЕННОГО ТРИБУНАЛА

от 27-го марта 1946 г.

/Утреннее заседание/

Встать. Суд идет!

ХОРН. Господин свидетель, граф Чиано был Вам известен. Когда и где Вы с ним познакомились?

ШТЕЕНГРАХТ. Графа Чиано я знаю, но не как политического деятеля, а как человека. Познакомился - я не могу точно вспомнить, когда я с ним познакомился, повидимому, во время его посещения Германии. Я тогда работал в протокольном отделе министерства иностранных дел.

ХОРН. О чем Вы говорили с графом Чиано?

ШТЕЕНГРАХТ. Так как в политическом отношении я с ним не работал, то я не знаю ни о каких его политических установках.

ХОРН. Другая область. Верно ли, что господин фон Риббентроп дал указание, при всех условиях, защищать французский франк от инфляции?

ШТЕЕНГРАХТ. Этого рода мероприятия могли относиться лишь к тому времени, когда я не был еще статс-секретарем. Но я знаю, что принципиальная линия во Франции и всех других оккупированных областях была такова, что при всех обстоятельствах валюту следовало, по возможности, поддерживать или, лучше сказать, держать всеми силами. Поэтому мы часто посылали золото в Грецию, чтобы предпринять там попытку до некоторой

4386

H1195-0204

H1195 – 0205

степени сохранить валюту.

ХОРН. Каков был результат этой посылки золота в Грецию?

ШТЕЕНГРАХТ. Тем, что золото было привезено в Грецию, мы оказали давление на курс иностранной валюты. Благодаря этому греческие торговцы, которые большей частью собирали запасы продовольствия, были запуганы и должны были вывезти это продовольствие на рынок; таким образом это продовольствие попало к греческому народу.

ХОРН. Верно ли, что господин фон Риббентроп дал строгое указание, не проводить никаких конфискаций в оккупированных областях, а вести переговоры с местными правительствами?

ШТЕЕНГРАХТ. Раз Вы так ставите вопрос, можно ответить, что в принципе это верно, но при этом я еще раз отмечаю, как я это уже делал вчера, что в оккупированных областях у нас не было никаких функций, стало быть, у нас не было никаких сил для конфискации, или такие силы подчинялись другим инстанциям. Но прежде всего верно, что мы только вели переговоры с местными правительствами и фон Риббентроп категорически запретил нам поддерживать какие-либо непосредственные меры со стороны других учреждений по отношению к оккупированным странам.

ХОРН. Господин председатель, в данный момент у меня нет больше вопросов к свидетелю.

КУБУШОК. /защитник фон Папена/. Господин свидетель, знали ли Вы господина фон Папена в период своей деятельности в министерстве иностранных дел, особенно когда Вы были статс-секретарем министерства иностранных дел?

ШТЕЕНГРАХТ. Господина фон Папена я лично знал еще в течение нескольких лет до 1932 г. Затем я на долгое время потерял его из виду и встретился с ним лишь тогда, когда я стал статс-секретарем министерства иностранных дел. Затем мне постоянно приходилось общаться с ним, как по служебным, так и не по служебным делам.

КУБУШОК. Получали ли Вы, особенно в последнее время Вашей деятельности в качестве статс-секретаря, донесения, которые г-н фон Папен направлял в Берлин, будучи послом в Анкаре?

ШТЕЕНГРАХТ. Если г-н фон Папен не посылал этих донесений непосредственно фон Риббентропу, что было возможно - я не знаю - то я получал их еженедельно обычным служебным путем.

КУБУШОК. Помните ли Вы, что господин фон Папен занял пост посла в Турции в апреле 1939 г., после предварительного двукратного отказа, в тот день, когда Албания была занята Италией, и тем самым на Юго-Востоке появилась реальная угроза войны?

ШТЕЕНГРАХТ. Тогда я не был статс-секретарем, у меня не было никакой политической должности, так что мне не особенно хорошо известна связь событий в то время. У меня сегодня такое впечатление, что он тогда занял этот пост после того, как итальянцы заняли Албанию. Он сам позже говорил мне, что тогда существовала опасность, что итальянцы продвинутся дальше на Балканы, в результате этого у них может возникнуть конфликт с Турцией и тем самым будет создана угроза миру во всем мире. По этой причине он, якобы, и решил тогда занять этот пост. Какого числа это было - я не могу точно сказать.

7388

H1195-0206

H1195 – 0207

КУЛУПОК. Что Вы можете сказать в общем о мирных усилиях господина фон Папена?

ШТЕЕНГРАХТ. У меня такое впечатление, что г-н фон Папен всегда старался всеми средствами поддержать мир. Он, совершенно очевидно, считал бы несчастьем для Германии и мира, если бы началась война.

КУЛУПОК. Были ли те усилия, которые г-н фон Папен во время войны прилагал для достижения мира, направлены на то, чтобы, несмотря на военные успехи, отказаться от каких-либо аннексий и в полной мере восстановить политический суверенитет побежденных государств; коротко говоря, путем разумного самоограничения создать терпимый режим для всех европейских государств?

ШТЕЕНГРАХТ. В общем и целом было ясно, что Папен всегда выступал за то, чтобы снова наступил мир, причем был бы восстановлен суверенитет всех стран, и за то, чтобы не было допущено никакого вмешательства и не было причинено ущерба материального и иного рода остальным государствам.

КУЛУПОК. Эту позицию г-н фон Папен занимал также и во время крупнейших германских военных успехов?

ШТЕЕНГРАХТ. Я думаю, что в принципе его позиция в этом отношении никогда не менялась.

КУЛУПОК. Эти постоянные мирные усилия г-на фон Папена преследовались Гитлером? Считался ли в связи с этим г-н фон Папен неудобным, посторонним?

ШТЕЕНГРАХТ. Я не имел возможности говорить по этому вопросу с Гитлером; я знаю только, что обычно Гитлер и другие лица критиковали Папена как человека, который всегда идет по линии

4389

наименьшего сопротивления.

КУБУШОК. Говорил ли Вам откровенно фон Папен, что заключение мира будет невозможно до тех пор, пока в Германии существуют Гитлер и партия, и за границей нет необходимого для ведения переговоров доверия ?

ШТЕНГРАХТ. Да, я говорил с господином фон Папеном, - по-моему, это было в апреле или в мае 1943 года, - на эту тему, подробно говорил, так как я тогда только что стал статс-секретарем. Он совершенно ясно изложил мне ту позицию, о которой Вы сейчас говорили. Ему было ясно, что с помощью Гитлера и его методов нельзя заключить мир с заграницей.

КУБУШОК. Последний вопрос, господин свидетель.

Обвинение упрекает подсудимого фон Папена в том, что он был беспринципным оппортунистом, Вы, господин свидетель, уже несколько лет знаете подсудимого по его докладам и по всем служебным делам подсудимого с его начальством. На основании этих знаний создалось ли у Вас впечатление, что эта характеристика фон Папена правильна или Вы можете сказать, что Папен, судя по этим докладам и его служебной деятельности, кажется человеком, который всегда говорит правду, даже тогда, когда она очень неприятна его начальнику, и даже если сказать эту правду сначала подвергнуть себя личной опасности?

ШТЕНГРАХТ. Да, я вполне могу сказать, что это так. По-моему, лучшим доказательством этого является то, что г-н фон Папен в конце концов ушел с поста вице-канцлера и из правительства, стал частным лицом и лишь, когда появилась величайшая необходимость, г-н фон Папен был вызван и, по-моему, г-н фон Папен предоставил себя в распоряжение лишь потому, что сказал себе, - у меня есть еще определенный кредит, я - хороший католик и

7390

H1195 – 0208

H1195 – 0209

поэтому я представляю течение, направленное против всего бесчеловечного и т.д., может быть я лично сумею оказать какое-либо влияние в этом направлении. Я сам никогда не присутствовал ни на одном заседании или совещании между Гитлером и Папеном. Но, в частности, от нашего офицера связи при Гитлере я часто слышал, что Папен очень легко говорил Гитлеру о многих вещах, которые никто другой не мог бы сказать Гитлеру и я думаю, что таким образом он многому воспрепятствовал, во всяком случае, в определенное время.

КУБУШОК. Благодарю.

НЕЛЬТЕ /защитник Кейтеля/. Господин свидетель! Вы показали, что в связи с ужасным налетом на Дрезден, Гитлер намеревался издать приказ, по которому тысячи военнопленных должны были быть убиты в качестве репрессалий.

ШТЕЕНГРАХТ. Да.

НЕЛЬТЕ. Верно ли я понял Ваше вчерашнее показание, что все, что Вы говорили об этом деле, является сообщениями или основано на сообщениях, исходящих от господина фон Риббентропа?

ШТЕЕНГРАХТ. Нет.

НЕЛЬТЕ. Что Вы знаете из собственного опыта?

ШТЕЕНГРАХТ. Из собственного опыта я знаю только, что наш офицер связи при Гитлере позвонил мне по телефону и сказал, что Геббельс посоветовал Гитлеру расстрелять 10.000 или больше английских и американских военнопленных в качестве репрессалий, и что Гитлер хотел на это согласиться или даже согласился, – я тотчас же сообщил об этом Риббентропу; он немедленно пошел к Гитлеру, а через полчаса заявил мне, что этот приказ отменен. В этой связи мне ничего неизвестно о фельдмаршале Кейтеле.

4391

НЕЛЬТЕ. Таким образом, Вы не знаете, от кого исходил этот приказ?

ШТЕЕНГРАХТ. Нет.

НЕЛЬТЕ. Я подразумеваю, - по чьей инициативе?

ШТЕЕНГРАХТ. Очевидно, инициатива принадлежала Геббельсу, судя по полученной мною информации.

НЕЛЬТЕ. Через г-на фон Риббентропа, да?

ШТЕЕНГРАХТ. Нет, фон Риббентроп не имел никакого к этому отношения.

НЕЛЬТЕ. Значит, от господина Хевеля?

ШТЕЕНГРАХТ. Да, мне это сказал господин Хевель. Он позвонил мне и сказал об этом.

НЕЛЬТЕ. И Вы ничего не знаете об участии военных?

ШТЕЕНГРАХТ. Я ничего не знаю об участии военных.

НЕЛЬТЕ. Благодарю Вас.

ДОКТОР ЛАТЕРНЗЕР /защитник Генштаба и ОКВ/:

Господин свидетель! У меня к Вам только один вопрос. Вы лично, как статс-секретарь, или министерство иностранных дел, информировали военные органы, например верховное командование сухопутных сил и верховное командование военно-морских сил о касавшихся их вопросах текущей германской политики?

ШТЕЕНГРАХТ. Нет, они не информировались.

ДОКТОР ЛАТЕРНЗЕР. У меня больше вопросов нет.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ. Желает ли английское обвинение подвергнуть свидетеля перекрестному допросу?

ПОЛКОВНИК ФИЛИМОР. Свидетель, Вы сказали нам вчера, что подсудимый Риббентроп был против преследования церквей, был против преследования евреев и не знал о том, что происходило

4392

H1195-0210

H1195-0211

в концлагерях. Вы сказали нам, что он не был типичным нацистом. Каковы же качества типичного нациста?

ШТЕЕНГРАХТ. Под типичным национал-социалистом я понимаю человека, который фанатически разделяет и защищает все доктрины национал-социализма. Я сказал, что господин фон Риббентроп следовал за Гитлером лично, но на самом деле очень мало знал об основных идеях и никогда ими не интересовался. Он никогда не выступал на собраниях, никогда не участвовал в организации больших приемов, так что, собственно, знал исключительно мало о народе и его настроениях.

ПОЛКОВНИК ФИЛИМОР. Под типичным нацистом Вы подразумевали человека, который преследовал церкви?

ШТЕЕНГРАХТ. Я не понял этого вопроса.

ПОЛКОВНИК ФИЛИМОР. Я повторю. Типичным нацистом Вы считаете человека, который занимался преследованием церкви?

ШТЕЕНГРАХТ. Во всяком случае, был человеком, который, если Адольф Гитлер считал что-либо правильным, не выражал своего мнения по данному вопросу.

ПОЛКОВНИК ФИЛИМОР. И человека, который принимал очень активное участие в преследовании и истреблении евреев?

ШТЕЕНГРАХТ. Этого я также не хотел сказать, это ограничивается известным кругом людей. Большая часть фанатиков не знала ничего об этих жестокостях и была бы против этих жестокостей, если бы была правильно ориентирована относительно них.

ПОЛКОВНИК ФИЛИМОР. Я понял так, что Вам ничего самому не было известно о них, это так?

ШТЕЕНГРАХТ. Что я ничего не знал об этом?

ПОЛКОВНИК ФИЛИМОР. Да.

7393

ШТЕЕНГРАХТ. Я, в качестве статс-секретаря и благодаря тому, что читал иностранные газеты и встречался с членами оппозиции, знал об этих делах концлагерях. Во всех этих случаях я выступал против, насколько это было в моих силах. Но о тех вещах, которые я сейчас услышал здесь, я ничего не знал.

ПОЛКОВНИК ФИЛИМОР. Сейчас я хочу Вас спросить по другому вопросу. Вы сказали нам, что у Риббентропа не было полномочий на оккупированных территориях. Вы сказали дословно, что министерство иностранных дел потеряло полномочия в тот самый момент, когда германские штыки пересекли границу. Это правильно?

ШТЕЕНГРАХТ. Я сказал, что в тот момент, когда немецкие штыки пересекали границу, министерство иностранных дел повсюду теряло свое исключительное право вести переговоры с иностранными правительствами; что, кроме того, в большинстве стран министерство иностранных дел не имело даже права иметь дипломатических наблюдателей без всякой компетенции, это особенно относится к Норвегии и к восточным областям.

ПОЛКОВНИК ФИЛИМОР. Вы сказали, что министерство иностранных дел не имело права иметь там представителя и что прямые отношения с оккупированными территориями были прерваны. Это правильно?

ШТЕЕНГРАХТ. Нет, я сказал, что министерство иностранных дел во всех оккупированных областях не имело больше исключительного права вести переговоры с правительствами, так как в этих странах была гражданская или военная администрация с комендатурами, с начальником военной администрации, и эти учреждения сами обращались в правительство и другие исполнительные органы оккупированных стран. Так что тут нельзя уже

4394

H1195-0212

H1195 – 0213

сказать, что министерство иностранных дел имело исключительное право вести переговоры с правительствами. Но в странах на Севере и на Востоке вообще не было наших людей. И Гитлер отдал распоряжение, чтобы и из других стран, как Голландия, Бельгия и т.д. мы отозвали своих наблюдателей. Но мы этого не сделали.

ПОЛКОВНИК ФИЛИМОР. Вы сказали, что во Франции у Вас был посол, который непосредственно отчитывался перед Риббентропом, не так ли?

ШТЕЕНГРАХТ. Да.

ПОЛКОВНИК ФИЛИМОР. И в его обязанности входило также давать советы тайной полевой полиции и тайной государственной полиции, по вопросам конфискации политически важных документов; конфискации общественной собственности, затем - в большей степени - частной собственности и, в первую очередь, предметов искусства, принадлежащих евреям, на базе тех инструкций, которые были специально изданы по этим вопросам? Это правильно?

ШТЕЕНГРАХТ. Вчера я уже указывал, что я лишь с 1942 г. вообще имел отношение к политическим делам. Если я правильно понял Ваш вопрос, г-н представитель обвинения, Вы стоите на той точке зрения, что Гестапо и германские исполнительные органы во Франции были подчинены нам. Это неверно.

ПОЛКОВНИК ФИЛИМОР. Вы не отвечаете на мой вопрос. Я спросил Вас: имел ли министр Абец такие обязанности?

ШТЕЕНГРАХТ. У него не было задания, конфисковать имущество французов или проводить какие-нибудь мероприятия против евреев. При мне и через мои руки такие приказы не проходили

4395

и он мог ...

ПОЛКОВНИК ФИЛИМОР. Я прошу, чтобы свидетелю показали документ 3614-ПС. Милорд, он был представлен как французский документ 1061 4 февраля.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ. Какой номер ПС?

ПОЛКОВНИК ФИЛИМОР. № 3614-ПС. Это - письмо от 3 августа 1940 года, подписанное Риббентропом, начальнику ОКВ. Оно гласит: "Фюрер назначил послом бывшего министра Абеца и после моего доклада распорядился о следующем:

"I. На посла Абец возложены следующие задачи во Франции:"

Дальше перечисляются задачи и шестая задача - та самая, о которой я спрашивал свидетеля, гласит:

"Давать советы тайной полевой полиции и тайной государственной полиции относительно конфискации политически важных документов".

"7. Изъятие и конфискация общественной собственности - - в основном - частной собственности и, в первую очередь, предметов искусства, принадлежащих евреям на базе тех инструкций, которые были даны специально по этому вопросу". Затем, заключительный абзац:

"Фюрер настоящим приказывает, что посол Абец является особо ответственным за решение всех политических вопросов в оккупированной и неоккупированной Франции. В тех случаях, когда его функции могут затрагивать военные интересы, посол Абец будет действовать только по согласованию с военным командующим во Франции. Посол Абец прикомандировывается к военному командующему во Франции, как его уполномоченный. Как и прежде, его местопребыванием остается Париж. Инструкции для

H1195-0214

H1195 – 0215

выполнения его задач он получает от меня и отвечает только передо мной по всем этим вопросам.

Подписано Риббентроп".

Я хотел бы задать Вам один или два вопроса относительно евреев. Вы сказали нам, что Вы и подсудимый Риббентроп ...

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ. Полковник Филимор, Трибунал хотел бы знать, почему свидетель сказал, что посол Абец не имел задачи конфискации собственности. Почему Вы это сказали?

ШТЕЕНГРАХТ. Посол Абец не имел никакой исполнительной власти, и существовало категорическое запрещение вмешиваться во внутренние французские дела. Так что он мог лишь обращаться к французскому правительству и, если французское правительство своей исполнительной властью проводило что-нибудь, то это было действие французского правительства, но не действие Абеца.

ПОЛКОВНИК ФИЛИМОР. Это не ответ на поставленный Вам вопрос. Вопрос заключался в том, почему, когда Вас спросили имелось ли у Абеца задание консультировать тайную полевую полицию и тайную государственную полицию по вопросам конфискации политически важных документов, Вы ответили, нет?

ШТЕЕНГРАХТ. Я сказал, что через мои руки не проходил такой приказ, так как я стал статс-секретарем лишь в мае 1943 года. Приказ датирован 3 августа 1940 года. Но здесь речь идет исключительно о служебных указаниях послу Абецу.

ПОЛКОВНИК ФИЛИМОР. В то время Вы были личным ад"ютантом Риббентропа. Это так?

4397

ШТЕЕНГРАХТ. Я был эд"ютантом, но не политическим секретарем. Я был исключительно ...

ПОЛКОВНИК ФИЛИМОР. Вы были эд"ютантом?

ШТЕЕНГРАХТ. Я был эд"ютантом, т.е. я занимался техническими делами. В то время я никогда не представлял ему политических докладов.

Но я хотел бы отметить, если можно, что здесь речь идет об указании послу Абецу и это указание было совершенно опрокинуто действительным положением дел, ибо советы тайной полевой полиции ...

ПОЛКОВНИК ФИЛИМОР. Как Вам могло это быть известно, если Вы были только личным эд"ютантом и не занимались политическими вопросами?

ШТЕЕНГРАХТ. Посол Абец был послом до мая 1945 года. Таким образом, с 1942г. до 1945 года я находился в переписке с ним и в это время посол Абец постоянно боролся против тех мер, которые все-таки проводились гестапо. Борьба была ожесточенной и ему лично угрожали при каждом удобном случае. Значит, можно говорить о советах, но следовали ли им - это другой вопрос: - в никаких средств принуждения у него не было.

ПОЛКОВНИК ФИЛИМОР. Следует ли считать, что Ваш ответ об оккупированных территориях, относится только к периоду после 1942 года?

7398

H1195-0216

H1195-0217

ШТЕЕНГРАХТ. По собственному опыту я могу говорить лишь о периоде после 1942 года.

ПОЛКОВНИК ФИЛИМОР. Да. Я хочу вернуться сейчас к вопросу о евреях. Вы сказали нам, что Вы и Риббентроп, приняв политику промедления, предотвратили созыв антиеврейского конгресса в 1944 году. Это правильно?

ШТЕЕНГРАХТ. Да.

ПОЛКОВНИК ФИЛИМОР. И что Вы были против политики преследования евреев?

ШТЕЕНГРАХТ. Да.

ПОЛКОВНИК ФИЛИМОР. И также подсудимый Риббентроп был против этой политики?

ШТЕЕНГРАХТ. Да.

ПОЛКОВНИК ФИЛИМОР. Я хочу, чтобы Вы взглянули на документ 3319-ПС. Милорд, это новый документ. Это будет документ Великобритания 287 /пред"является документ свидетелю/.

Взгляните на 4-ю страницу немецкого текста, страницу I английского текста.

Это письмо, датированное 28 апреля на тему об антиеврейских выступлениях в иностранных государствах. Внизу на 4-й странице имеется пометка.

4399

ШТЕЕНГРАХТ. Я ее не нашел.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ. Страница 4; пометка внизу страницы, обведенная черной рамкой. Вы увидите письмо от 28 апреля 1944г.; "содержание": антиеврейские действия в иностранных государствах; адресовано всем немецким делегациям и миссиям за границей .

ШТЕЕНГРАХТ. Да.

ПОЛКОВНИК ФИЛИМОР. Обратитесь сейчас к 10 странице. Вы увидите, что письмо это подписано Вами. Это правильно?

ШТЕЕНГРАХТ. Да.

ПОЛКОВНИК ФИЛИМОР. Вы помните это письмо?

Я зачитаю Вам первый абзац для того, чтобы освежить Вашу память. "Имперский министр иностранных дел...".

ШТЕЕНГРАХТ. Да.

ПОЛКОВНИК ФИЛИМОР. "... приказал создать отдел информации № 14 по вопросам /антиеврейские выступления за границей/ под руководством полномочного посланника И.К. Шлеера. Задача этого отдела - углубить и укрепить антиеврейскую информацию за границей. Это будет сделано путем об"единения всех экспер-

H1195-0218

H1195 – 0219

тов отделов и рабочих групп министерства иностранных дел, которые заинтересованы в этом вопросе и принимают участие в сборе антиеврейской информации за границей. Это также будет сделано в тесном сотрудничестве со всеми учреждениями, которые имеют отношение к антиеврейской деятельности, но не входят в министерство иностранных дел и в германские миссии в Европе".

Дальше перечисляются сотрудники, ряд отделов министерства иностранных дел. И затем один постоянный представитель главного имперского управления безопасности, т.е. учреждения Гиммлера, не так-ли?

ШТЕЕНГРАХТ. Да.

ПОЛКОВНИК ФИЛИМОР. И один представитель учреждения рейхслейтера Розенберга, этот отдел помещен над внутренним 2. Это министерство иностранных дел, которое было связано с СС, не так ли?

ШТЕЕНГРАХТ. Да.

ПОЛКОВНИК ФИЛИМОР. В это время начальником был человек

4401

по имени Вагнер, а его помощником фон Тадль?

ШТЕЕНГРАХТ. Да.

ПОЛКОВНИК ФИЛИМОР. Вы все еще говорите, что Вы были против политики преследования евреев?

ШТЕЕНГРАХТ. Да, это я утверждаю, как и прежде. Я утверждаю также, как и в своих более ранних показаниях, что даже созыв еврейского конгресса в своих последствиях не обратился бы против евреев, ибо все, что происходило в Германии, происходило под печатью молчания и никто об этом не информировался. Евреи исчезали. Но если был бы созван международный конгресс, то пришлось бы поставить вопрос, где же собственно эти евреи, что собственно происходит с этими евреями?

ПОЛКОВНИК ФИЛИМОР. Не заключается ли вопрос в том, что Вы хотели отложить антиеврейский конгресс, потому что это стало бы известным всему миру, но Вы были совершенно готовы к тому, чтобы создать организацию в Министерстве иностранных дел?

4402

H1195 – 0220

H1195-0221

ШТЕЕНГРАХТ. Нет, господа! Мы должны отделить друг от друга два совершенно различные комплекса. Один комплекс: в Германии существовали учреждения, которые проводили мероприятия против евреев. Эти организации имели ответвления за границей и без ведома или содействия министерства иностранных дел похищали людей за границей. Поэтому какое-либо улучшение и введенная в нормальное русло политика могли иметь место лишь в том случае, если бы какое-нибудь германское учреждение взяло на себя ответственность за эти действия. Ибо мы ничего не знали, а только лишь все время получали жалобы от руководителей иностранных миссий. Но у нас не было возможности контроля. Когда я обращался в учреждения, ведавшие внутригерманскими делами ...

ПОЛКОВНИК ФИЛИМОР. Был ли этот отдел учрежден для того, чтобы контролировать антиеврейскую политику?

ШТЕЕНГРАХТ. Мы сегодня говорим, повидимому, о двух различных вещах. Был приказ провести антиеврейский конгресс, чтобы ведомство Розенберга отвергло созыв антиеврейского конгресса ...

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ. Вы не отвечаете на вопрос. Вопрос был следующий: была ли эта организация, на которую ссылаются в этом письме, учреждена для того, чтобы контролировать антиеврейскую деятельность за границей. Таков был вопрос. Можете ли Вы ответить на него: да или нет?

4403

ШТЕЕНГРАХТ: Общий контроль министерство иностранных дел уже потому не могло осуществлять, что все антиеврейские вопросы разрабатывались ведомством Розенберга.

ПОЛКОВНИК ФИЛИМОР: Для каких же целей была учреждена эта организация в министерстве иностранных дел?

ШТЕЕНГРАХТ: Мы должны были по приказу Гитлера об"единить все германские организации и создать архив, чтобы сконцентрировать там все материалы и мы были заинтересованы в том, чтобы...

ПОЛКОВНИК ФИЛИМОР: Приказание исходило от Риббентропа, не так ли?

ШТЕЕНГРАХТ. Да.

ПОЛКОВНИК ФИЛИМОР. Так, как это изложено в Вашем письме?

ШТЕЕНГРАХТ. Да, и мы были заинтересованы в том, чтобы тем самым получить обзор всего того, что, собственно, происходило с евреями и др., и поэтому мы привлекали к себе людей из всех учреждений.

ПОЛКОВНИК ФИЛИМОР. Через минуту я Вам покажу, что в действительности происходило согласно вашей же собственной переписке, а сейчас я хочу Вам указать на следующее: Вы отложили созыв антиеврейского конгресса только потому, что Вы не хотели, чтобы мир знал об этом и у Вас, не было ни малейшего возражения против учреждений антиеврейской организации в Германии. Не посмотрите ли Вы на страницу 32-ю немецкого текста. Милорд, это 23-я страница английского текста.

Вы увидите письмо из ведомства Розенберга в министерство иностранных дел, подписанное Бройтигамом. Это на 32-й

4404

H1195-0222

H1195 - 0223

странице немецкого текста. Внизу страницы стоит цифра "32". Бройтигам был Вашим офицером для связи с Розенбергом, не так ли, свидетель? Был-ли Бройтигам Вашим офицером для связи в ведомстве Розенберга?

ШТЕЕНГРАХТ. Нет, Бройтигам, я думаю, был в 1941 году в Министерстве Иностранных Дел.

ПОЛКОВНИК ФИЛИМОР. И в 1942 году.

ШТЕЕНГРАХТ. Да, и в 1942 году так как он ранее в министерстве иностранных дел занимался восточными делами, то он был передан Розенбергу и стал чиновником ведомства Розенберга.

ПОЛКОВНИК ФИЛИМОР. Очень хорошо. И Вы увидите, что здесь он ссылается на совещание с оберштурмбанфюрером Эйхманом /Это начальник отдела гестапо по еврейским вопросам/ и доктором Ветцелем и он посылает Вам копию соглашения заключенного в Тигине, в Румынии 30 августа 1941 года, с просьбой уведомить о получении.

ШТЕЕНГРАХТ. Г-н представитель обвинения, здесь, по моему, ошибка, это письмо от 11 марта 1942 года. Я стал статс-секретарем в мае 1943 года. Поэтому я не знаю этого дела. Я только хотел заметить...

ПОЛКОВНИК ФИЛИМОР. Вы слушайте и ждите до тех пор, пока Вам зададут вопрос. Дело пойдет быстрее, если Вы просто будете слушать текст письма: "Обращаю Ваше внимание особенно на 7-й пункт этого соглашения. Я уже выразил свою точку зрения ~~от~~ в письме от 5 марта 1942 года". К этому приложено соглашение между германским и румынским генеральными штабами, и если Вы обратите внимание на 7-й абзац на стр. 38 немецкого текста и 27-й странице английского текста, то Вы увидите текст

4405

заключенного соглашения: "Депортация евреев из Трансильвании. Депортация евреев через БУГ невозможна в настоящее время. Они должны, поэтому, быть собраны в концентрационных лагерях и использоваться для работы до тех пор, пока проведение депортации на восток станет возможным после конца военных операций".

Дальше, на следующей странице немецкого текста имеется примечание /на 27-й странице английского текста/:

"Согласно информации от директора генерала Лекка 110 тыс. евреев эвакуируются из Буковины и Бессарабии в два лёса в районе реки Буг. По имеющимся у него сведениям эвакуация производится на основании приказа, изданного маршалом Антонеску. Цель этого мероприятия - ликвидация этих евреев".

Итак, сомневаетесь ли Вы, что это соглашение, приложенное к письму, посланному в Министерство иностранных дел/ должно было попасть к подсудимому Риббентропу?

ШТЕЕНГРАХТ. Да. Значит, этот документ и это соглашение я вижу сегодня в первый раз. Обо всей этой истории я ничего ...

ПОЛКОВНИК ФИЛИМОР. Ответите ли Вы на вопрос? Сомневаетесь ли Вы в том, что это письмо, а также соглашение, приложенное к нему, должно было быть показано подсудимому Риббентропу?

ШТЕЕНГРАХТ. Тогда в Министерстве Иностранных Дел был пом.статс-секретаря, некто Лютер, который совершенно самостоятельно решал все дела и я вел в свое время против него ожесточенную борьбу, хотя меня никто об этом не просил; он хотел ввести у нас национал-социалистские методы. Представил

Уд406

H1195-0224

H1195 - 0225

ли он это письмо Риббентропу или нет, я не могу сказать.

ПОЛКОВНИК ФИЛИМОР. Хорошо. Обратимся к тому времени, когда Вы были статс-секретарем. Посмотрите на стр. 31 немецкого текста 20-ю страницу английского текста.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ. Полковник Филимор, что означают слова, следующие за тем отрывком, который Вы только что зачитали на 27-й странице: " Бухарест, 17 октября 1941 года/ подпись неразборчива/ и затем: "для обсуждения с вице-министром, президентом Антонеску; секретно, Бухарест 16 октября 1943 года"?

ПОЛКОВНИК ФИЛИМОР. Милорд, это просто напечатано "Бухарест, октябрь 17 1943 года". И затем следует следующее письмо. Предыдущая часть является примечанием на документе.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ. Очень хорошо.

ПОЛКОВНИК ФИЛИМОР. Это заметка на документе германского представительства в Бухаресте.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ. Продолжайте.

ПОЛКОВНИК ФИЛИМОР. Я не занимал внимание Трибунала последующими ~~///~~ письмами. Они относятся к более раннему времени, к вопросу об изгнании евреев из фирм принадлежащих гражданам германской империи. /К свидетелю/.

Посмотрите на 31 страницу немецкого текста, 20-ю страницу английского текста. Вы увидите документ, который был послан...

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ. Когда вы обратились к этому документу, Вы дали не полностью дату, он относится кажется к 1944г., не так ли?

ПОЛКОВНИК ФИЛИМОР. К 1942 г. я полагаю, милорд.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ. Это должно было быть 28 апреля 1942г.

4407

- это дата имеется наверху документа?

ПОЛКОВНИК ФИЛИМОР. Милорд, письмо, которое я зачитывал, датировано мартом 1942 г. и помечено штампом министерства иностранных дел: "Получено 13 марта".

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ. Я говорю обо всем документе, о первой странице документа.

ПОЛКОВНИК ФИЛИМОР. Милорд, это папка, один из довольно громоздких документов; здесь собраны документы, начиная с наиболее раннего времени, которое помечено внизу и затем до 1944 г.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ. Хорошо. Тогда та часть, которую Вы сначала читали...

ПОЛКОВНИК ФИЛИМОР. Это относилось к 1944 г.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ. Очень хорошо. К какой странице Вы перешли сейчас?

ПОЛКОВНИК ФИЛИМОР. К 30 странице, милорд. К свидетелю: Итак, это сообщение от фон Таддена, который был как Вы нам сказали помощником начальника внутреннего второго отдела в германской миссии в Бухаресте. Оно датировано 12 октября 1943 г. и отмечено штампом, как полученное 18 октября и к нему приложено письмо, подписанное Мюллером из Главного Имперского Управления Безопасности: "Ко всем германским полицейским властям за границей." Вы увидите, что оно было направлено начальнику полиции безопасности в Праге, Гааге, Париже, Брюсселе, Метце, Страсбурге, Люксембурге, Кракове, Киеве, Смоленске, и т.д. Октябрь 1943 г. Это после того, как Вы стали статс-секретарем?

ШТЕЕНГРАХТ. Да.

ПОЛКОВНИК ФИЛИМОР. Вы были назначены в апреле ?

ШТЕЕНГРАХТ. Да.

4408

H1195 – 0226

H1195 – 0227

ПОЛКОВНИК ФИЛИМОР. Тема письма - обращение с иностранными подданными еврейского происхождения, находящимися на территории, подвластной Германии. "По соглашению с министерством иностранных дел, все евреи, которые остаются на территории, подвластной Германии после так называемой реэвакуации и которые имеют подданство следующих стран, должны быть подвергнуты эвакуационным мерам: Италия, Швейцария, Испания, Португалия, Дания, Швеция, Финляндия, Венгрия, Румыния, Турция".

"Поскольку эвакуация этих евреев на восток еще не может производиться в настоящее время, они должны быть временно направлены: в концентрационный лагерь: в Бухенвальде - евреи мужского пола старше 14 лет и в концентрационный лагерь Равенсбрук - еврейки, а также и дети. Необходимые меры должны быть проведены в следующие сроки: /а/ для евреев, итальянского подданства, немедленно,/б/ для евреев турецкого подданства - 20 октября 1943 года, /в/ для евреев подданства других стран, названных выше - 10 октября 1943 года".

"Особого ходатайства об охране не требуется для доставки в концентрационный лагерь, но управление концентрационного лагеря должно быть извещено о том, что перевод в концентрационный лагерь производится согласно мер по эвакуации".

И затем дальше идут организационные меры, касающиеся их багажа.

И если Вы посмотрите на стр. 31-Е, то Вы увидите внизу 22 страницы английского текста, что это письмо подписано Мюллером и затем подписано чиновником учреждения Гиммлера. И затем на следующей странице английского текста, все еще на 31-Е немецкого текста говорится о том, что управле-

4409

-ние Гиммлера послало его в министерство иностранных дел фон Таддену 2 октября.

Итак, Вы не видели этого документа, когда он поступил в министерство иностранных дел?

ШТЕЕНГРАХТ. Нет. Я вижу этот документ сегодня в первый раз. ПОЛКОВНИК ФИЛИМОР. Вы были статс-секретарем?

ШТЕЕНГРАХТ. Да. Речь идет, совершенно очевидно, о мероприятии, приказ о котором был дан другим учреждениям. Внутри германской империи министерство иностранных дел не имело никакой исполнительной власти и никаких возможностей по-этому дела...

ПОЛКОВНИК ФИЛИМОР. Не имело исполнительной власти, но оно было послано Вам для информации.

ШТЕЕНГРАХТ. Оно было получено нами, это сообщение, только для сведения, и мне оно не было представлено.

ПОЛКОВНИК ФИЛИМОР. У Вас был отдел, связывающий Вас с СС, отдел господина фон Таддена. Разве он не был компетентным чиновником?

ШТЕЕНГРАХТ. Точного смысла этой истории я до сих пор не знаю, т.к. я не мог еще прочесть спокойно. Я могу только высказать следующее соображение о всем этом деле: Давно обсуждался вопрос, должны ли мы отправлять евреев, которые живут в Германии, в их родные страны. Об этом речь идет?

ПОЛКОВНИК ФИЛИМОР. Нас не интересуют плоды Вашего воображения. Вы знаете или не знаете?

Я спросил Вас, был ли фон Тадден компетентным чиновником.

ШТЕЕНГРАХТ. Этого документа я не видел.

ПОЛКОВНИК ФИЛИМОР. Вы не отвечаете на вопрос. Был ли фон Тадден компетентным чиновником?

ШТЕЕГРАХТ. Фон Тадден был работником Министерства Иностранных Дел, знающим свое дело.

ПОЛКОВНИК ФИЛИМОР. Да, знающим свое дело. И не думаете ли Вы, что Вам, как статс-секретарю он должен был показать этот документ?

7410

H1195-0228

H1195 – 0229

ШТЕЕНГРАХТ. Да, конечно, он должен был это сделать, если по этому делу не вели переговоров другие учреждения. Я никогда не включался в мероприятия против евреев, точно так же указания, шедшие за границу относительно действий против евреев, не проходили через мои руки. Вчера, в начале своих показаний, я указывал на то, что многие дела обсуждались непосредственно в высших инстанциях и даже министерство иностранных дел о них не информировалось и приказы по этим делам...

ПОЛКОВНИК ФИЛИМОР. Но это документ, о котором Вы были информированы?

ШТЕЕНГРАХТ. Мюллер послал его в министерство иностранных дел.

ПОЛКОВНИК ФИЛИМОР. А Вы послали его в Вашу миссию в Бухаресте?

ШТЕЕНГРАХТ. Он, конечно, должен был мне его представить, но я не видел его.

ПОЛКОВНИК ФИЛИМОР. Если Вы только снова посмотрите на это письмо, Вы заметите, с чего начинаются эти инструкции Мюллера. Она начинается: "По договоренности с министерством иностранных дел..."

ШТЕЕНГРАХТ. Где об этом написано, я, к сожалению, не могу найти.

ПОЛКОВНИК ФИЛИМОР. Это в начале письма. Содержание: "Обращение с евреями иностранного подданства находящимися в сфере германского владычества". И затем он начинает: "По договоренности с министерством иностранных дел..." Означает ли это, по договоренности с господином фон Тадденом?

Уч11

ШТЕЕНГРАХТ. Я полагаю, что дела такого рода проходили через соответствующего референта и, так как здесь речь идет о принципиальных вещах, были представлены непосредственно господину фон Риббентропу. Я прошу спросить господина фон Риббентропа, знает ли он это дело, или нет. Я этого дела не видел.

ПОЛКОВНИК ФИЛИМОР. Этот вопрос настолько важен, что соглашение такого рода не могло быть заключено без ведома Риббентропа, не так ли?

ШТЕЕНГРАХТ. Я стою на той точке зрения, что если бы это дело было мне представлено, я никогда не решил бы его сам. С моей точки зрения, это такое дело, которое должно было быть представлено Риббентропу.

ПОЛКОВНИК ФИЛИМОР. И, конечно, фон Риббентроп был одним из самых жестоких преследователей евреев, не так ли?

ШТЕЕНГРАХТ. Это неверно.

ПОЛКОВНИК ФИЛИМОР. Я намереваюсь прочитать Вам короткий отрывок из протокола совещания между фюрером, Риббентропом и регентом Венгрии Хорти. Это документ Д-736, который был представлен, как ГБ-283, сэром Дэвидом Максуэлл Файф, подсудимому Герингу. Это совещание имело место 17 апреля 1943 года в замке Клессгейм. Вы видите, что протокол подписан Шмидтом.

ШТЕЕНГРАХТ. Да.

ПОЛКОВНИК ФИЛИМОР. Там был поднят еврейский вопрос. "Фюрер сказал, что это вина евреев, которые считают, что сутяжничество и спекуляция - главная форма их деятельности, даже во время мировой войны; точно также,

2412

H1195 - 0230

H1195 – 0231

как в Англии, большинство лиц, получавших наказания за преступления, связанные с нарушением системы нормирования продуктов и т.п. были евреями. На вопрос Хорти о том, что же он должен сделать с евреями, теперь, когда он лишил их почти всех возможностей добывания средств к жизни и что не может же он убить их всех, имперский министр иностранних дел заявил, что евреи должны быть или истреблены или взяты в концентрационные лагери. Другого варианта не существовало". Фюрер далее продолжает говорить, описывая их как туберкулезные бациллы.

Итак, видя этот документ, Вы все еще говорите, что подсудимый фон Риббентроп был против политики преследования и истребления евреев?

ШТЕЕНГРАХТ. Вчера я уже сказал, что господин фон Риббентроп, когда он бывал у Гитлера...

ПОЛКОВНИК ФИЛИМОР. Неважно, что было вчера. Я задаю Вам этот вопрос сейчас, т.е. сегодня. Вы видели теперь этот документ. И Вы все еще утверждаете, что Риббентроп был против политики преследования и истребления евреев?

ШТЕЕНГРАХТ. Я хотел бы сделать различие между собственными мислями фон Риббентропа и тем, что он говорил, когда был под влиянием Гитлера. Я уже вчера сказал, что он полностью был под его гипнозом и был его послушным орудием.

ПОЛКОВНИК ФИЛИМОР. Да, стал его орудием и с тех пор он был готов выполнять все, что хотел Гитлер и стал таким же неистовым нацистом, как любой другой. Это правильно?

4413

ШТЕЕНГРАХТ. Он слепо следовал приказам Гитлера.

ПОЛКОВНИК ФИЛИМОР. Да и до такой степени, что по/творствовал каким угодно жестокостям; это правильно?

ШТЕЕНГРАХТ. Так как он не имел исполнительской власти, то он лично никогда не совершал этих жестокостей.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ. Хотят ли другие главные обвинители подвергнуть свидетеля перекрестному допросу?

(К микрофону подходит обвинитель США, полковник Джон Харлан Эймен).

ПОЛКОВНИК ЭЙМЕН. Вы дали показания вчера о том, что вы не считали Риббентропа типичным нацистом. Это правильно?

ШТЕЕНГРАХТ. Да.

ПОЛКОВНИК ЭЙМЕН. Считаете ли вы Геринга типичным нацистом?

ШТЕЕНГРАХТ. Геринг говорил на всех собраниях и боролся за захват власти и соответственно этому имел совершенно другую базу в партии, чем Риббентроп.

ПОЛКОВНИК ЭЙМЕН. Я думаю, что Вы можете ответить на мой вопрос - да или нет. Мы стараемся по мере возможности экономить время.

ШТЕЕНГРАХТ. Да, конечно.

ПОЛКОВНИК ЭЙМЕН. Считаете ли вы Геринга типичным нацистом, согласно тем же критериям, которые вы применили к Риббентропу? Да или нет?

ШТЕЕНГРАХТ. На этот вопрос нельзя так просто ответить - да или нет. Я всюду стараюсь...

4414

H1195 – 0232

H1195 – 0233

ПОЛКОВНИК ЭЙМЕН. Вы ответили на вопрос таким путем из-за уважения к Риббентропу, не так ли?

ШТЕЕНГРАХТ. Геринг был лицом особого рода. Я не могу заключить его в рамки обычных национал-социалистов, как это обычно делают.

ПОЛКОВНИК ЭЙМЕН. Другими словами, Вы не знаете, думаете ли Вы, что он типичный нацист или нет? Вы хотите, чтобы Трибунал понял Вас именно так?

ШТЕЕНГРАХТ. Под типичным нацистом понимают среднего нациста. Геринг был личностью особого рода и его нельзя сравнивать с остальными национал-социалистами.

ПОЛКОВНИК ЭЙМЕН. Хорошо. Знакомы ли Вам все эти господа, которые сидят сейчас здесь на скамье подсудимых перед Вами.

ШТЕЕНГРАХТ. Да, конечно.

ПОЛКОВНИК ЭЙМЕН. Не скажете ли вы мне, кто из этих лиц, с Вашей точки зрения, являются типичным нацистом, согласно тем критериям, которые Вы применили вчера к Риббентропу?

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ. Полковник Эймен. Я не хочу прерывать Ваш перекрестный допрос, но я хочу сказать, что слишком много шума и смеха в зале суда, и я не могу допустить этого.

Продолжайте, полковник, Ваш перекрестный допрос.

ПОЛКОВНИК ЭЙМЕН. Вы поняли мой последний вопрос? Пожалуйста, назовите имена тех подсудимых, находящихся сейчас на скамье, которых Вы считаете типичными нацистами, согласно критериям, примененным Вами вчера к подсудимому Риббентропу?

2415

Защитник ХОРН. Господин председатель, я убежден, что здесь от свидетеля требуют сделать такой вывод, который, насколько я понимаю, должен быть сделан судом в конце процесса. Это вопрос, на который свидетель не может ответить.

ПОЛКОВНИК ЭЙМЕН. Нет, этот вопрос был поднят здесь вчера тем же защитником в отношении Риббентропа.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ. Трибунал считает, что это вполне допустимый вопрос. Трибунал полагает, что выражение "типичный нацист" было применено самим свидетелем.

ПОЛКОВНИК ЭЙМЕН. Пожалуйста назовите нам прежде всего имена, без длинных об"яснений, если Вы можете.

ШТЕЙНГРАХТ. Вчера я сказал, что под "типичным нацистом" я понимаю человека, который верит в догмы и доктрины национал-социализма. Сегодня я хотел бы добавить, что под типичными национал-социалистами я понимаю всех тех людей, которые во время борьбы представляли национал-социалистскую мысль и были пропагандистами национал-социализма. Известна книга Розенберга, известен г-н Франк как председатель академии германского права, разумеется, также Гесс. Это - люди, которых я особенно хотел бы выделить, так как они известны своими сочинениями и речами, а от г-на фон Риббентропа никто никогда не слышал ни одной предвыборной речи.

ПОЛКОВНИК ЭЙМЕН. Но Вы не отвечаете на мой вопрос. Могу ли я из этого заключить, что, по Вашему мнению, Розенберг, Франк и Гесс являются единственными лицами, которых Вы можете охарактеризовать, как "типичних нацистов" согласно вашим критериям.

3416

H1195 - 0234

H1195 – 0235

ШТЕЕНГРАХТ. Должен ли я просмотреть весь ряд подсудимых и дать оценку каждому?

ПОЛКОВНИК ЭЙМЕН. Да, именно так. Назовите имена. Я не хочу слышать Ваше мнение. Я хочу знать, кого из них, согласно Вашим критериям, вы считаете типичными нацистами?

ШТЕЕНГРАХТ. Да, критерий я уже указал, он заключается в том, чтобы люди на собраниях откровенно высказывали идеи национал-социализма. Здесь я назвал самих внающихся из них.

ПОЛКОВНИК ЭЙМЕН. И Вы считаете, что все остальные не являются типичными нацистами? Так я вас понял?

ШТЕЕНГРАХТ. Этого я не сказал. Я должен тогда всех перебрать.

ПОЛКОВНИК ЭЙМЕН. Я три раза уже Вас просил именно это сделать. Назовите их имена, каждого в отдельности.

ШТЕЕНГРАХ. Тогда я вижу там еще г-на Заукеля. Г-н Заукель был гаулейтером и в национал-социалистском движении занимал ведущий пост; потом я вижу имперского руководителя молодежи, который воспитывал гитлеровскую молодежь.

ПОЛКОВНИК ЭЙМЕН. Кто еще? Назовите мне просто имена. Не давайте этих раз"яснений, пожалуйста.

ШТЕЕНГРАХТ. Я думаю, что я тем самым указал на типичных представителей партии.

ПОЛКОВНИК ЭЙМЕН. А Штрейхера?

ШТЕЕНГРАХТ. Я его не вижу здесь (Смех в зале). Иначе я бы ответил на это утвердительно.

417

ПОЛКОВНИК ЭЙМЕН. Другими словами, Вы считаете его типичным нацистом, согласно вашим критериям?

ШТЕЕНГРАХТ. Да, но его перегибы я не желаю приписывать другим национал-социалистам.

ПОЛКОВНИК ЭЙМЕН. Следует ли понимать, что пока Вы работали с Риббентропом, Вам ничего не было известно об избиениях, пытках, голоде и убийствах, которые имели место в концентрационных лагерях?

ШТЕЕНГРАХТ. Я знал благодаря тому, что ко мне обращались иностранные дипломаты и благодаря тому, что мне сообщали о концентрационных лагерях немецкие оппозиционеры, а также через вражескую пропаганду я знал относительно части методов. Но я подчеркиваю - части методов. Обо всем об"еме и размахе я узнал лишь в плену.

ПОЛКОВНИК ЭЙМЕН. Известно ли было Вам о том, что священнослужителей подвергали пыткам и голоду и убивали в концентрационных лагерях в то время, когда Вы работали с Риббентропом?

4418

H1195 – 0236

H1195 – 0237

ШТЕЕНГРАХТ. Нет. Об отдельных делах, которые там происходили, я не знал ничего точно. В тех случаях, когда это происходило с духовными лицами, я считал бы для себя достоверным только то, что сообщил бы мне нунций или Ватикан; но это не было сделано. Несмотря на то, что Ватикан, как я отметил вчера, не мог сообщать о таких случаях, я сам занимался этими вопросами и всегда старался успешно разрешить их. В 87 случаях я выступал, хотя мне грозили смертью. В сотнях случаев я вмешивался и таким образом спас жизнь тысячам людей или облегчил их участь.

ПОЛКОВНИК ЭЙМЕН. Если Вы не будете ограничиваться прямыми ответами на мои вопросы, то это будет затруднять ведение допроса и уменьшать возможность экономии времени. Итак, старайтесь отвечать на мой вопрос да или нет, если возможно, давайте короткие об"яснения. Вы понимаете меня?

ШТЕЕНГРАХТ. Хорошо, если я смогу, я это, конечно, буду делать.

ПОЛКОВНИК ЭЙМЕН. Было ли Вам известно о том, что священнослужителей мучили, подвергали голоду и убивали в концлагерях в то время, когда Вы работали с Риббентропом?

ШТЕЕНГРАХТ. Нет.

ПОЛКОВНИК ЭЙМЕН. Вы не знали о том, что происходило со священнослужителями, монахами или с другими заключенными в концлагерях? Это правильно?

4429

ШТЕЕНГРАХТ. Я ведь сказал, что в сотнях случаев, когда ко мне обращался нунций, даже если речь шла о евреях, к которым унций неимел никакого отношения, и в случаях, когда нунций действовал ради польского духовенства т.е. тоже в той области, к которой он не имел отношения, несмотря на то, что я имел строжайшее предписание не заниматься этими случаями, я все же занимался ими; хотя существовал приказ "Мрак и Туман", я всегда давал сведения, если мог их получить. Кроме тех сведений, которые я получал по службе - других я не имел.

ПОЛКОВНИК ЭЙМЕН. Кто дал Вам инструкцию о том, чтобы ничего не делать в отношении этих жалоб?

ШТЕЕНГРАХТ. Эти приказы исходили непосредственно от Гитлера, а ко мне попадали через господина фон Риббентропа.

ПОЛКОВНИК ЭЙМЕН. Как Вы об этом узнали?

ШТЕЕНГРАХТ. Я вчера уже сказал, что те две ноты, которые были переданы для меня статс-секретарем Вайцзеккером через Риббентропа Гитлеру и были отвергнуты с замечанием, что все это чистейшая ложь и, кроме того, нунций не имеет отношения к этим делам - эти ноты должны были быть возвращены и в будущем мы не должны были принимать подобные документы. Кроме того, вообще не следовало вести разговор на эту тему; это относилось не только к нунцию, но ко всем случаям вмешательства не в свои дела, особенно когда вмешивались иностранные дипломаты.

ПОЛКОВНИК ЭЙМЕН. Вы хотите, чтобы Трибунал понял, что Вы пытались что-то сделать в отношении этих жалоб в то время, как Риббентроп ничего не делал в этом отношении, это правильно?

Y420

H1195-0238

H1195-0239

ШТЕЕНГРАХТ. Я старался на собственную ответственность решать все эти дела, которые согласно указанию я вообще не имел права принимать. Если же какойлибо случай имел принципиальное значение, или же тем самым можно было спасти жизнь многих людей, я всегда обращался к Риббентропу. Риббентроп в большинстве случаев передавал эти дела Гитлеру, причем предварительно мы делали так, чтобы он не мог ответить, что нунций не имеет отношения к этому делу. Гитлер в таких случаях или категорически отклонял все предложения или говорил, что дело должно быть сначала проверено полицией. Получалась гротескная картина; все гуманитарные дела или дела, которые по внешнеполитическим причинам должны были быть непременно сделаны, решались не министром иностранных дел, а в конечном счете уголовными инспекторами Майером и Шульце, которым достаточно было лишь сослаться на "интересы государственной безопасности".

ПОЛКОВНИК ЭЙМЕН. Подчинялся ли Риббентроп инструкциям, которые были получены от фюрера, о том, чтобы не предпринимать никаких действий в отношении этих жалоб или нет? Да или нет?

ШТЕЕНГРАХТ. На этот вопрос я не могу ответить, так как не знаю, сколько приказов он получал от Гитлера и следовал ли он этим приказам в каждом данном случае.

ПОЛКОВНИК ЭЙМЕН. Вы показали, что Вы получали инструкции не предпринимать никаких действий в отношении этих жалоб, полученных из Ватикана. Это правильно?

ШТЕЕНГРАХТ. Да, но эти инструкции я не выполнял.

7421

ПОЛКОВНИК ЭЙМЕН. Хорошо. Я спрашиваю Вас - подчинялся ли Риббентроп этим инструкциям или нет?

ШТЕЕНГРАХТ. Это была высшая инстанция. Поэтому я не могу сказать, какие приказы Гитлер давал лично Риббентропу, так как не знаю этого.

ПОЛКОВНИК ЭЙМЕН. От кого Вы получали Ваши инструкции?

ШТЕЕНГРАХТ. От Риббентропа.

ПОЛКОВНИК ЭЙМЕН. Риббентроп дал показание на допросе о том, что ему не было известно ничего о том, что происходило в концлагерях до тех пор, пока фюрер не приказал поместить в концлагерь Лютера. Вам известно, кто был Лютер?

ШТЕЕНГРАХТ. Да.

ПОЛКОВНИК ЭЙМЕН. Кем же он был?

ШТЕЕНГРАХТ. Он был помощником статс-секретаря в министерстве иностранных дел, ему подчинялся отдел "Германия".

ПОЛКОВНИК ЭЙМЕН. Когда он был помещен в концлагерь?

ШТЕЕНГРАХТ. Приблизительно в феврале 1943 года.

ПОЛКОВНИК ЭЙМЕН. Далее, не является ли правдой по существу то, что Риббентроп имел целый письменный стол, набитый жалобами из Ватикана об убийстве, зверстве, мучениях голодом священнослужителей и монахов, на которые он никогда не давал ответа, даже не уведомлял о получении их?

ШТЕЕНГРАХТ. Г-н представитель обвинения, что происходило до мая 1943 года - я не знаю. Пока я был статс-

7422

H1195-0240

H1195-0241

секретарем я ни разу не отказался принять какую-либо ноту или ответить на какую-либо ноту.Я принимал все ноты и всегда,как я уже сказал ранее,старался помочь людям. О том,что было до моей службы,я не могу дать показаний, так как ничего не знаю.

ПОЛКОВНИК ЭЙМЕН. Я сейчас и не говорю о том времени, я говорю о периоде,незадолго до и сейчас же после Вашего появления там в 1943 году. Сейчас я хочу зачитать Вам.

ШТЕЕНГРАХТ. Мне очень жаль; я охотно ответил бы на этот вопрос,если бы что-нибудь знал об этом.В мое время... я не могу сказать ничего об этом,так как не знаю.

ПОЛКОВНИК ЭЙМЕН. Хорошо. Я прочту Вам отрывок из допроса Риббентропа и спрошу Вас - соответствует ли Вашим представлениям об этих фактах по памяти то,что он показал?

ШТЕЕНГРАХТ. Я только бы хотел заметить - до мая 1943 года я не занимался политическими делами,так что не могу ничего сказать об этом на основании собственного опыта.

ПОЛКОВНИК ЭЙМЕН. Итак,когда я буду зачитывать Вам эти показания,Вы увидите,что здесь имеются ссылки на те сообщения,которые оставались в его письменном столе без ответа в течение неопределенного периода времени. Имели ли Вы доступ к письменному столу Риббентропа? Вы знали,что там находилось?

ШТЕЕНГРАХТ. Нет.

Ч423

ПОЛКОВНИК ЭЙМЕН. "Вопрос. Получили ли Вы из Ватикана сообщение от 2 марта 1943 года,в котором было Ваше внимание обращено на преследование многих епископов и священнослужителей,заключение их в тюрьмы,расстрелы и другие акты вмешательства в свободу вероисповедания?

"Ответ.Я не могу припомнить в данный момент,но я знаю,что у нас были протесты из Ватикана,т.е. я имею ввиду,что у нас был полный письменный стол протестов из Ватикана".

Соответствует ли это тому,что помните Вы?

ШТЕЕНГРАХТ. Я должен,к сожалению,сказать,что это было до того,как я вступил в должность. Я не могу знать, был ли у Риббентропа полный ящик этих писем.

ПОЛКОВНИК ЭЙМЕН. Если они оставались у него в столе от марта до мая месяца,то Вы должны знать об этом,не так ли?

ШТЕЕНГРАХТ. Я? Нет,я не был слугой г-на фон Риббентропа,который следит за его креслом и ящиком стола.

ПОЛКОВНИК ЭЙМЕН. Таким образом,Вы показываете,что Вы ничего не знали о каких-либо протестах,исходивших от Ватикана,кроме тех,на которые Вы уже ссылались?

ШТЕЕНГРАХТ. Кроме тех протестов,о которых я уже сказал,я ни о каких протестах не знаю. Я подчеркиваю еще раз, что в то время,когда я работал,я принимал все протесты и отвечал на них.

ПОЛКОВНИК ЭЙМЕН. Я прочту Вам дальше из допроса:

"Вопрос. Отвечали ли Вы на эти протесты,исходившие от папы?

"Ответ. Мне кажется,было очень много протестов,на

7424

H1195-0242

H1195-0243

которые мы не ответили, довольно большое число".

Соответствует ли это тому, что Вы помните?

ШТЕЕНГРАХТ. Да, это, конечно, верно, так как соответствовало указанию, которое было первоначально дано.

ПОЛКОВНИК ЭЙМЕН. Кем?

ШТЕЕНГРАХТ. Гитлером.

ПОЛКОВНИК ЭЙМЕН. Кому?

ШТЕЕНГРАХТ. Конечно, Риббентропу.

ПОЛКОВНИК ЭЙМЕН. И это были те инструкции, которые, как Вы сказали, Вы сами нарушали? Это правильно?

ШТЕЕНГРАХТ. Которым я не следовал, иначе бы я должен был просто не принимать все эти ноты Ватикана на том основании, что они не относятся к делу. Я также не должен был принимать, например, жалобы шведского посланника о жестокостях в Норвегии, которые я, однако, тоже принял.

ПОЛКОВНИК ЭЙМЕН. Я Вам прочту дальше:

"Вопрос. Итак, Вы хотите сказать, что Вы даже не читали протестов из Ватикана, которые поступали в Ваш рабочий стол?

"Ответ. Да, это правильно. Фюрер принял в отношении вопросов, связанных с Ватиканом, такую позицию, что они вскоре совсем перестали поступать ко мне".

Это соответствует тому, что помните Вы?

ШТЕЕНГРАХТ. Что Риббентроп больше не получал протестов? Да, это верно, это соответствует тому, что я говорил ранее, что во всех этих случаях, когда я не должен был принимать принципиально этих нот, я пытался вынести решение на свою ответственность, но это было в нарушение приказа.

7425

ПОЛКОВНИК ЭЙМЕН. И в процессе чтения этих жалоб из Ватикана, которые оставались без ответа, Вы и Риббентроп детально ознакомились с тем, что имело место в концентрационных лагерях? Это так?

ШТЕЕНГРАХТ: В этих нотах - в тех, которые я видел - никогда ничего не говорилось об обращении в лагерях, речь шла только о том, что поднимаются протесты, почему вынесен смертный приговор, или почему арестован священник и тому подобные дела, или о закрытии церквей и т.п.

ПОЛКОВНИК ЭЙМЕН. Я не хочу занимать время Трибунала зачитыванием документов, которые уже были представлены, как доказательства. Я ссылаюсь на документы за №№ 3261-ПС, 3262-ПС, 3264-ПС, 3267-ПС, 3268-ПС, 3269-ПС. Но в этих документах... - простите, сэр, № 3269-ПС не представлен, как доказательство. Но в этих документах, свидетель, изложены детально многочисленные отдельные случаи, а также массовые случаи того, что имело место в действительности в концентрационных лагерях. Вы утверждаете, что Вам совершенно неизвестны все эти случаи?

ШТЕННГРАХТ. Господин представитель обвинения, я, по-моему, не так говорил. Я говорил, что мне было известно относительно этих случаев только то, что мне сообщали иностранные дипломаты; если в мое время поступали подобные сообщения, то я их тоже, конечно, знаю. Этого я никогда не оспаривал.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ. Свидетель! Из того, что Вы сказали, по крайней мере, как я Вас понял, - вытекает, что в этих но-

Y426

H1195 - 0244

H1195 – 0245

тах не было даже никаких упоминаний об обращении в концентрационных лагерях?

ШТЕЕНГРАХТ. Я уже упоминал ранее, в ответ на общий вопрос, знал ли я о положении в концентрационных лагерях и о зверствах, я сказал, что я знаю все то, что сообщалось мне иностранными дипломатами и оппозицией, и что я мог почувствовать из иностранных газет. Так что, если в этих документах имелись детали и документы относятся к моему времени, то я знаю эти детали. Можно спросить, от какого числа эти документы?

ПОЛКОВНИК ЭЙМЕН. Имеется много документов, относящихся к различным датам, которые могли бы быть дополнительно получены, но я не хочу занимать слишком много времени у Трибунала. Я хочу выяснить только, известно ли было Вам и Риббентропу об избиениях, пытках, голоде и убийствах, которые имели место в концентрационных лагерях и которые были предметом постоянных, не прекращающихся протестов из Ватикана, о получении которых даже не посылалось уведомлений, а сами они не читались, как показал Риббентроп.

ШТЕЕНГРАХТ. Я это понял. Я ничего не знал о жестокостях в концентрационных лагерях, проводившихся в том об'еме и с таким зверством, о которых я слышал здесь. Я должен решительно отрицать, если мне говорят, что я знал об этом через Ватикан. И я уверен, что господин фон Риббентроп ничего не знал о подробностях, о которых говорили здесь и которые мы видели в фильме.

ПОЛКОВНИК ЭЙМЕН. Свидетель, не является ли фактом, что, если бы Вы прочли любую из тех жалоб Ватикана, которые игнорировались, согласно показаниям Риббентропа, то Вы бы узнали обо всем, что происходило в концентрационных лагерях до последней детали? Да или нет?

ШТЕЕНГРАХТ. Нет, это неверно. Я вчера уже сказал, что ключ к этому находится, пожалуй, в речи Гиммлера от 3 октября 1943 г., в которой он сказал, что мероприятия против евреев и дела концлагерей должны держаться в такой же тайне, как дела 30 июня 1934 года. Подавляющее большинство немецкого народа подтвердит Вам, что до самого последнего времени они не могли знать ничего об этих происшествиях. И если я обращался к группенфюреру Мюллеру или к другим лицам, тогда я всегда получал сведения,что в концлагерях все идет наилучшим образом и не может быть и речи об истязаниях. Я настаивал на том, чтобы иностранцы, в частности, Красный Крест, осмотрели какой-либо концлагерь. Представители датского Красного Креста были привезены в концлагерь Терезиенштадт. Это был еврейский концлагерь; после осмотра датский посланник пришел ко мне и сказал, что, против ожидания, там все обстоит благополучно. Я выразил ему свое удивление по этому поводу и он сказал мне; "Да, наши люди были там, там есть театр, собственная полиция, свои больницы, деньги; положение хорошее". Я не имел никакого основания сомневаться, что это действительно так. Сам же я не мог получить никаких сообщений об этом от какого-либо немецкого учреждения; они, конечно, побоялись бы сообщить что-либо человеку из министерства иностранных дел. Но я хотел бы еще раз подчеркнуть, что о жестокостях мы действительно не имели ни малейшего представления.

ПОЛКОВНИК ЭЙМЕН. Почему они боялись сообщить министерству иностранных дел об этих зверствах? Сделало ли министерство иностранных дел,что либо,чтобы отбить у них охоту делать такие сообщения?

7428

H1195 – 0246

H1195 - 0247

ШТЕЕНГРАХТ. Обо всех делах,которые нарушали международное право, мы старались сообщить тем или иным путем Красному Кресту. Мы делали это в особенности во всех случаях, касавшихся военнопленных и если нам казалось, что там что - нибудь не в порядке, мы сами сообщали об этом швейцарскому представителю: "поезжай туда и посмотри, что происходит", также и в этом случае,если бы я обратился к швейцарцу и сказал ему по секрету, что в концлагере произошел такой то случай, Швейцария и Красный Крест, вероятно, вмешались бы, но все-таки могли бы произойти неприятные вещи.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ. Полковник Эймен, мне кажется, мы должны сделать перерыв на 10 минут.

ПОЛКОВНИК ЭЙМЕН. У меня еще всего несколько вопросов.

/Объявляется перерыв на 10 минут/

Встать! Суд идет!

ПОЛКОВНИК ЭЙМЕН. Насколько Вам известно, после того, как Риббентроп получил полный письменный стол жалоб из Ватикана, которые он не читал и о получении которых он не посылал уведомлений, предпринял ли он какие-либо шаги или сделал что либо, чтобы вяснить, были ли правдивы эти жалобы не соответствовали они имевшемуся положению или нет?

ШТЕЕНГРАХТ. О жалобах, которые поступали до начала моей деятельности, я ничего не знал.

ПОЛКОВНИК ЭЙМЕН. Я спрашиваю Вас о любых жалобах, которые были получены из Ватикана и которые когда-либо попали к Вам, с особой ссылкой, конечно, на набитый ими письменный стол, о котором дал показания сам Риббентроп. Знаете ли Вы о каких-либо шагах,которые когда либо были предприняты Риббентропом в связи с жалобами, полученными из Ватикана о

7429

зверствах, имевших место к концентрационных лагерях. Пожа - луйста, постарайтесь ответить - да или нет?

ШТЕЕНГРАХТ. Насколько я помню, о жалобах такого рода он при случае докладывал Гитлеру и ожидал от него решений.

ПОЛКОВНИК ЭЙМЕН. Хорошо, и когда Гитлер сказал ему о том, чтобы он не обращал никакого внимания на эти жалобы, он, как обычно, сделал точно так, как сказал фюрер,а именно - ничего. Это правильно, насколько Вам известно?

ШТЕЕНГРАХТ. Да, он следовал приказам Гитлера.

ПОЛКОВНИК ЭЙМЕН. Т.е. он ничего не предпинимал?

ШТЕЕНГРАХТ. Да, если приказы так гласили, то он ни - чего не предпринимал.

ПОЛКОВНИК ЭЙМЕН. Не сказали ли Вы Трибуналу, что инструкция, исходившая от фюрера предписывала не обращать внимания на эти жалобы. Да или нет?

ШТЕЕНГРАХТ. Да.

ПОЛКОВНИК ЭЙМЕН. Итак, Риббентроп, как обычно, не предпринял ничего в отношении этих жалоб после того, как фюрер инструктировал его, что он не должен обращать на них внимание? Это правильно?

ШТЕЕНГРАХТ. Я не совсем понял Вашего вопрос.

ПОЛКОВНИК ЭЙМЕН. Я спросил, что после того, как Риббентроп получил инструкции от фюрера не обращать внимания на эти жалобы из Ватикана, Риббентроп, как обычно, действо - вал именно так, как ему было предписано, а именно не пред - принимал ничего?

ШТЕЕНГРАХТ. Да, я предполагаю, что это было так. Но мне также известно, что он пытался неоднократно добиться

7430

H1195 – 0248

H1195 - 0249

решения фюрера, но получал все время один и тот же ответ. Я знаю, что однажды он обратился к Гиммлеру и просил его не проводить мер против евреев. Он также сделал ему предложение, - передать еврейских детей и женщин в распоряжение Англии и Америки.

ПОЛКОВНИК ЭЙМЕН. И Вам также было известно, какой ответ он получил на это предложение, не так ли?

ШТЕЕНГРАХТ. Я не знаю этого ответа.

ПОЛКОВНИК ЭЙМЕН. Несомненно, Вам должно было быть известно, что ничего подобного никогда не было сделано?

ШТЕЕНГРАХТ. Что никогда не было сделано? Я не понял Вашего вопроса.

ПОЛКОВНИК ЭЙМЕН. Предложение, которое как Вы говорите, Риббентроп сделал Гиммлеру. Это предложение никогда не было проведено в жизнь, не так ли?

ШТЕЕНГРАХТ. Я не понимаю, что значит не было реализовано. Насколько мне известно, Риббентроп обратился тогда непосредственно к иностранным государствам. Но я не знаю, какой ответ он тогда получил, во всяком случае не знаю его в деталях.

ПОЛКОВНИК ЭЙМЕН. Насколько Вам известно, это предложение никогда не было проведено в жизнь, это правильно?

ШТЕЕНГРАХТ. Да, из этого предложения ничего не вышло.

ПОЛКОВНИК ЭЙМЕН. И само собой разумеется Вам известно, что Риббентроп и Гиммлер вообще не были в хороших отношениях, не так ли?

ШТЕЕНГРАХТ. Да.

ПОЛКОВНИК ЭЙМЕН. Это было общеизвестно, не так ли?

7431

ШТЕЕГРАХТ. Да, со временем вражда между ними беспре - рывно усиливалась.

ПОЛКОВНИК ЭЙМЕН. Насколько Вам известно, Риббентроп принимал бром каждый день?

ШТЕЕНГРАХТ. Этого я не знаю.

ПОЛКОВНИК ЭЙМЕН. Вы никогда не наблюдали это?

ШТЕЕНГРАХТ. Может быть; я этого не знаю.

ПОЛКОВНИК ЭЙМЕН. Видели ли Вы, чтобы он принимал бром или он сам говорил Вам, что он его принимает?

ШТЕЕНГРАХТ. Да, конечно, я вспоминаю сейчас, что он принимал что-то красное, но я особенно не обращал на это внимания.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ. Должны ли мы заниматься вопросом о том, принимал ли он бром?

ПОЛКОВНИК ЭЙМЕН. Милорд, это нас интересует, поскольку на допросах он сказал, что его память в отношении всех этих событий очень пострадала именно в связи с тем, что он злоупотреблял этим лекарством.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ. Хорошо.

ПОЛКОВНИК ЭЙМЕН. Итак, свидетель,- не были ли Вы однажды в заключении в местечке, известном под именем "Мусорная яма"?

ШТЕЕНГРАХТ. Где, в "Мусорной яме"?

ПОЛКОВНИК ЭЙМЕН. Вблизи Люксембурга.

ШТЕЕНГРАХТ. В "Мусорной яме"? Я не помню этого.

ПОЛКОВНИК ЭЙМЕН. Вблизи Люксембурга.

ШТЕЕНГРАХТ. Заключен в "Мусорной яме"? Нет, не помню.

ПОЛКОВНИК ЭЙМЕН. После того, как Вас взяли под стражу, где Вы были заключены?

ШТЕЕНГРАХТ. В Мондорфе.

ПОЛКОВНИК ЭЙМЕН. В течение какого периода времени?

ШТЕЕНГРАХТ. В Мондорфе всего 11 недель.

ПОЛКОВНИК ЭЙМЕН. И в это время целый ряд подсудимых, которые сейчас здесь, также были там в тюремном заключении?

7432

H1195 – 0250

H1195 - 0251

ШТЕЕНГРАХТ. Да

ПОЛКОВНИК ЭЙМЕН. И пока Вы там были, Вы могли свободно разговаривать с некоторыми из заключенных?

ШТЕЕНГРАХТ. Да.

ПОЛКОВНИК ЭЙМЕН: И время от времени Вы беседовали с ними? Это правильно?

ШТЕЕНГРАХТ. Да, но я не был втечение всего времени вместе с ними, так как затем переехал в другой лагерь.

ПОЛКОВНИК ЭЙМЕН. В течение этих бесед с тем или другим заключенным не делали ли Вы заявления, которое я собираюсь сейчас Вам зачитать, слово в слово или такого же аналогичного по смыслу?

Вы понимаете вопрос?

"У Риббентропа отсутствует даже слабый намек на порядочность и правдивость. Эти понятия для него не существуют".

Пожалуйста ответьте "да" или "нет". Вы сказали это свидетель? Вы сказали это?

ШТЕЕНГРАХТ. Я был бы Вам очень благодарен, если бы мог еще раз услышать, что, якобы, я там сказал.

ПОЛКОВНИК ЭЙМЕН. Теперь вспомните, я спрашиваю Вас, сказали ли Вы это точно такими словами или другими словами имеющих тот же смысл. Вы понимаете меня?

ШТЕЕНГРАХТ. Я не совсем понял немецкий перевод Вашего вопроса.

ПОЛКОВНИК ЭЙМЕН. А сейчас Вы понимаете?

ШТЕЕНГРАХТ. Я не понимаю, я не понял точно немецкого перевода.

4433

ПОЛКОВНИК ЭЙМЕН. Да, но поняли ли Вы мой вопрос, а именно, что Вы должны сказать, употребили ли Вы именно эти слова или другие, подобные им? Я еще раз Вам прочту. Вы понимаете меня?

ШТЕЕНГРАХТ. Да, я буду Вам очень благодарен.

ПОЛКОВНИК ЭЙМЕН. " У Риббентропа отсутствует даже слабый намек на порядочность и правдивость. Эти понятия для него не существуют".

ШТЕЕНГРАХТ. Я не могу припомнить, что бы я говорил что-нибудь в этом роде, мне нужно знать, кому я это сказал.

ПОЛКОВНИК ЭЙМЕН. Вы отрицаете то, что Вы сделали такое заявление, или Вы просто не можете вспомнить, делали Вы его, или нет?

ШТЕЕНГРАХТ. Я не могу вспомнить, что я сказал это.

ПОЛКОВНИК ЭЙМЕН. Возможно ли, что Вы могли сказать это?

ШТЕЕНГРАХТ. Возможно, что в какой-то связи я и сказал что-то в этом роде.

ПОЛКОВНИК ЭЙМЕН. Хорошо.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ. Хотят ли другие обвинители задать вопросы свидетелю?

/К микрофону подходит представитель русского обвинения генерал ЗОРЯ/.

ГЕНЕРАЛ ЗОРЯ. Я ограничусь, в целях экономии времени, несколькими вопросами. Насколько можно было понять перевод Ваших показаний, которые Вы дали вчера, Вы заявили, что на внешнюю политику Германии, помимо Министерства иностранных дел, оказывали влияние многие лица и учреждения?

ШТЕЕНГРАХТ. Да.

ГЕНЕРАЛ ЗОРЯ. Скажите, кто из обвиняемых по настоящему делу, которых Вы видите на скамье подсудимых, пытались влиять

4434

H1195 – 0252

H1195 – 0253

и влияли в какой-то степени на внешнюю политику Германии?

ШТЕЕНГРАХТ. Внешняя политика, само собой разумеется, с начала войны...

ГЕНЕРАЛ ЗОРЯ. Я прошу Вас не делать здесь декларации по поводу внешней политики Германии, а указать совершенно точно, кто из подсудимых по настоящему делу пытался влиять и влиял на внешнюю политику Германии?

ШТЕЕНГРАХТ. Основные линии внешней политики намечал Гитлер. Тот факт, что мы оккупировали многие страны, а во время оккупации заняли самые различные места в этих странах...

ГЕНЕРАЛ ЗОРЯ. Все это нам известно. Я Вас прошу указать, кто из обвиняемых по настоящему делу, назвав их фамилии, пытался влиять и влиял на внешнюю политику Германии? Вам понятен мой вопрос?

ШТЕЕНГРАХТ. В главном внешняя политика, как я это уже показал вчера, делалась лично Гитлером. Но те лица, которые работали в специальных областях, разумеется влияли на внешнюю политику в том или ином направлении. Так,например, лицо, имевшее специальное поручение, касающееся полиции, проводило различные полицейские мероприятия; лицо, занимавшееся рабочим вопросом, проводило соответствующие мероприятия, касавшиеся рабочих. То же самое относится и к другим секторам.

ГЕНЕРАЛ ЗОРЯ. Вы, опять-таки, не ответили на мой вопрос. Я прошу Вас указать, независимо от формы и размеров ~~этого~~ этого влияния, кто из обвиняемых по настоящему делу пытался влиять и влиял в той или иной форме на внешнюю политику Германии, кроме представителей министерства иностранных

4435

дел?

ШТЕЕНГРАХТ. Я полагаю, что Вы ставите этот вопрос в связи с походом на Россию; поскольку с момента вступления германских войск на территорию России министерство иностранных дел уже не было компетентным...

ГЕНЕРАЛ ЗОРЯ. Я Вас прошу понять точно мой вопрос и ответить, кто из обвиняемых и в какой форме, безотносительно к конкретным вопросам внешней политики, пытался влиять на внешнюю политику Германии и влиял.

ШТЕЕНГРАХТ. Все вопросы, связанные с Россией, входили в компетенцию министерства по делам восточных областей.

ГЕНЕРАЛ ЗОРЯ. Нет, не только по отношению к России.

ШТЕЕНГРАХТ. В Норвегии политику делал Тербовен. Конечно, он на своем посту оказывал влияние на отношение Гитлера к Норвегии и вообще ко всем норвежским проблемам. Само собой разумеется, что начальствующие администрации в отдельных оккупированных странах, дававшие Гитлеру отчет в своих действиях, также имели на него влияние.

7436

H1195 – 0254

H1195 – 0255

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ. Мы не хотим, чтобы Вы произносили речи. Мы хотим, чтобы Вы отвечали на вопросы. Вас спросили не о том, кто вообще влиял на иностранную политику, но кто именно из этих подсудимых влиял на иностранную политику. Вы можете сказать - никто или Вы можете сказать - некоторые. Это вопрос, на который Вы должны быть в состоянии ответить.

ШТЕЕНГРАХТ. Я предполагаю, что Розенберг имел влияние на решение вопросов, связанных с Россией, Франк - с Польшей, Зейсс-Инкварт на решение вопросов, связанных с Голландией. Остальные вопросы касались специальных секторов. Имели, конечно, свой голос СС, вооруженные силы и различные другие органы. Они, конечно, имели некоторое влияние, но именно только некоторое. В основном внешняя политика делалась Гитлером.

ГЕНЕРАЛ ЗОРЯ. Не хотите ли Вы назвать в этой связи фамилию обвиняемого Геринга?

ШТЕЕНГРАХТ. Герингу был поручен четырехлетний план и, конечно, в этой связи имел известное влияние на решение вопросов, связанных с Россией.

ГЕНЕРАЛ ЗОРЯ. В чем заключалось это влияние?

ШТЕЕНГРАХТ. Я должен повторить Вам еще раз, что ни министерство иностранных дел, ни я ничего не имели общего с Россией. Нам вообще было строго запрещено вмешиваться в русские дела. Мы также не должны были заниматься делами прессы и пропаганды. Поэтому я особенно плохо осведомлен как раз в русском вопросе.

ГЕНЕРАЛ ЗОРЯ. Имел ли влияние обвиняемый Геринг на другие вопросы, кроме русского?

4437

ШТЕЕНГРАХТ. Я не понял перевода Вашего вопроса.

ГЕНЕРАЛ ЗОРЯ. Оказывал ли обвиняемый Геринг влияние в области внешней политики на другие вопросы?

ШТЕЕНГРАХТ. Я хотел бы сказать, что до 1938г. он, несомненно, имел влияние на Гитлера при решении внешнеполитических вопросов.

ГЕНЕРАЛ ЗОРЯ. Вы сообщили в своих показаниях о том, что в июле 1944 г. министерство иностранных дел включилось в подготовку антиеврейского конгресса, который предполагалось созвать в Кракове. Я Вас прошу ответить кратко - так или нет?

ШТЕЕНГРАХТ. Да.

ГЕНЕРАЛ ЗОРЯ. Известно ли Вам, кто намечался в качестве почетных членов этого конгресса?

ШТЕЕНГРАХТ. Очевидно, их было много; среди них был также и Риббентроп, если мне не изменяет память.

ГЕНЕРАЛ ЗОРЯ. Еще кто-либо из обвиняемых?

ШТЕЕНГРАХТ. При всем желании я не могу сейчас этого сказать. Насколько я помню, Розенберг и ряд других руководящих лиц, фамилий сейчас вспомнить не могу. Но, конечно, имеются документы об этом, так что это легко можно установить.

ГЕНЕРАЛ ЗОРЯ. Пытался ли Риббентроп в какой-либо форме протестовать против того, чтобы его имя было включено в список почетных членов этого конгресса?

ШТЕЕНГРАХТ. Насколько я помню, Риббентроп очень неохотно согласился занять этот пост. Но я не думаю, чтобы он намеревался проявлять какую-либо активность в этом деле.

4438

H1195-0256

H1195 – 0257

ГЕНЕРАЛ ЗОРЯ. Насколько я Вас понял, Вы недавно дали показания о том, что между Риббентропом и Гиммлером существовали враждебные отношения?

ШТЕЕНГРАХТ. Да, плохие отношения.

ГЕНЕРАЛ ЗОРЯ. Не можете ли Вы сказать, существовал ли между Риббентропом и Гиммлером контакт в работе, поддерживали ли они этот контакт в какой-либо области, в какой-либо отрасли своей работы?

ШТЕЕНГРАХТ. Собственно говоря, не существовало делового контакта, так как это должно было бы быть в хорошо организованном государстве. Конечно, бывали вопросы, которые касались как одного, так и другого; в такой степени контакт между ними существовал.

ГЕНЕРАЛ ЗОРЯ. В какой форме этот контакт существовал и какой именно?

ШТЕЕНГРАХТ. Он, собственно, заключался лишь в том, что Риббентроп и Гиммлер виделись каждые 2 месяца. Кроме того у нас в министерстве иностранных дел имелось лицо, которое осуществляло связь с рейхсфюрером СС Гиммлером.

ГЕНЕРАЛ ЗОРЯ. Каким же образом это увязывается с той враждой между Гиммлером и Риббентропом, о которой Вы говорили?

ШТЕЕНГРАХТ. Я полагаю, что Вы сейчас имеете в виду второй вопрос, на который я ответил. В каждом нормальном государстве существовало такое положение: господа министры встречались по крайней мере один раз в год и обменивались мнениями. В данном случае было не так, как мы уже сегодня слышали, сферы их деятельности очень близко соприкасались. Таким образом, хотели этого или не хотели, между

2439

ними должна была быть установлена связь.

ГЕНЕРАЛ ЗОРЯ. Правильно ли я Вас понял, что Гиммлер и Риббентроп даже не встречались между собой?

ШТЕЕНГРАХТ. Они встречались, может быть, раз в три месяца или раз в четыре месяца, при чем встречались, главным образом, тогда, когда Риббентроп и Гиммлер оказывались случайно вместе у Гитлера.

ГЕНЕРАЛ ЗОРЯ. И специальных встреч между ними не было, делового контакта между ними не было?

ШТЕЕНГРАХТ. Собственно говоря, нет.

ГЕНЕРАЛ ЗОРЯ. Я попрошу, чтобы Вас ознакомили с документом № СССР-120, который уже принят в качестве доказательства Трибуналом.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ. Какой Вы назвали номер?

ГЕНЕРАЛ ЗОРЯ. СССР-120. Вы видите, это соглашение между Гиммлером и Риббентропом об организации разведывательной работы. Знакомо Вам это соглашение?

ШТЕЕНГРАХТ. Да.

ГЕНЕРАЛ ЗОРЯ. Повидимому, контакт между Гиммлером и Риббентропом был более тесный, чем Вы хотели это здесь представить.

ШТЕЕНГРАХТ. Мне не кажется, господин представитель Обвинения, чтобы я пытался создать у Вас ложное впечатление. Это связано в данном случае с приказом Гитлера от 12 февраля 1944г. Согласно этому приказу Гиммлер взял на себя руководство всей заграничной деятельностью, причем министерство иностранных дел не принимало в этом никакого участия. Став преемником Канариса, он после

4440

H1195-0258

H1195 – 0259

этого приказа занял выдающееся положение за границей. Если бы министерство иностранных дел не пыталось тем или иным образом установить какого-либо контакта с этой организацией, то оно не имело бы никакого влияния за границей. Мы должны были очень упорно бороться за этот документ, так как именно на основании этого документа Гиммлер был обязан доложить нам в начале об информации, поступавшей к нему из-за границы, чего он в начале не делал.

Вот что было причиной, почему мы подписали это деловое соглашение.

Но, насколько я помню, это соглашение на практике не вступило в силу, поскольку приказ был издан Гитлером 12 февраля 1944 г., а мы вплоть до февраля 1945 г. никак не могли придти к соглашению. Лишь постепенно дело наладилось. Приблизительно дата относится к этому месяцу. Таким образом, затяжка была достаточно длительной.

ГЕНЕРАЛ ЗОРЯ. Вы говорите, что это соглашение не вошло в силу?

ШТЕЕНГРАХТ. Я этого не говорю. Соглашение вступает в силу в тот момент, когда оно подписывается. Но на практике оно не вступило в силу или почти не вступило в силу.

ГЕНЕРАЛ ЗОРЯ. Я думаю, что следует удовлетвориться вашим ответом на этот вопрос.

Перехожу к следующему. Приходилось ли вам входить в соприкосновение с Кальтенбруннером?

ШТЕЕНГРАХТ. Приходилось ли мне соприкасаться с

7441

Кальтенбруннером? Да.

ГЕНЕРАЛ ЗОРЯ. По каким вопросам?

ШТЕЕНГРАХТ. Как раз по тем вопросам, которые направил мне нунций, а именно по вопросам, касавшимся тех лиц, которые были вывезены из-за границы на основании приказа "Мрак и туман". Относительно этих лиц мы не имели права давать какие-либо сведения. По этим вопросам я не раз обращался к Кальтенбруннеру частным порядком и указывал ему на то, что этот приказ бесчеловечен. Кальтенбруннер часто из любезности давал мне сведения об этих лицах и я, вопреки существующим приказам, передавал эти сведения за границу, так как я считал, что было бы негуманным поступать иначе. Вот основные пункты, по которым я соприкасался с Кальтенбруннером.

ГЕНЕРАЛ ЗОРЯ. В частности, имели ли вы с ним беседу по вопросу о датских полицейских, которые были заключены гестапо в лагерь без конкретных обвинений. Я прошу Вас ответить на вопрос в форме: "да", "нет".

ШТЕЕНГРАХТ. Да.

ГЕНЕРАЛ ЗОРЯ. На одном из допросов вы показали, на допросе, который вел американский следователь, что, несмотря на то, что эти полицейские были возвращены в Данию, с ними очень плохо обращались?

ШТЕЕНГРАХТ. Да.

ГЕНЕРАЛ ЗОРЯ. В чем заключалось это плохое обращение?

ШТЕЕНГРАХТ. Я узнал тогда, кажется, через датского посланника, что 1600 датских полицейских...

Д442

H1195-0260

H1195 - 0261

ГЕНЕРАЛ ЗОРЯ. Я прошу вас быть кратким. В чем заключалось плохое обращение с датскими полицейскими, которые были заключены в лагерь без конкретного обвинения?

ШТЕЕНГРАХТ. Эти полицейские были вывезены из Дании. Как только я узнал об этом, я в тот же день пошел к Кальтенбруннеру и просил его, чтобы с этими людьми при любых обстоятельствах обращались как с военнопленными или гражданскими интернированными лицами.

ГЕНЕРАЛ ЗОРЯ. Я прошу прощения, но Вы не отвечаете на мой вопрос. В чем заключалось плохое обращение с этими датскими полицейскими?

ШТЕЕНГРАХТ. Я полагаю, что Вы хотите знать, ответственнен ли Кальтенбруннер лично за это? В этой связи я должен сообщить Вам кое-что другое. Я...

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ. Может быть Вы ответите на вопрос? Он был повторен Вам. Вы должны понять, содержание вопроса: в чем заключалось плохое обращение? Знаете Вы или не знаете? Если знаете - скажите.

ШТЕЕНГРАХТ. Из числа этих заключенных, насколько я помню, приблизительно 10% умерло.

ГЕНЕРАЛ ЗОРЯ. Это все, что вы можете сообщить по этому вопросу?

ШТЕЕНГРАХТ. Об отдельных фактах дурного обращения мне с датской стороны было сообщено, что людям не позволяли носить форму, а выдали им обычную для концлагеря одежду, что эта одежда была очень тонкой и что поэтому многие умирали от воспаления легких, а также, что питание было недостаточным. Больше я ничего не узнал тогда. Я также слышал, что их били.

7443

ГЕНЕРАЛ ЭОРЯ. Скажите, свидетель, когда-нибудь Вам приходилось сталкиваться с деятельностью подсудимого Заукеля?

ШТЕЕНГРАХТ. С деятельностью Заукеля лишь следующим образом: мы выступали против того, что из-за границы в Германию насильственно доставлялось такое большое количество людей.

ГЕНЕРАЛ ЭОРЯ. Не припомните ли Вы одного из совещаний с участием Заукеля, на котором Вы присутствовали. Об этом совещании Вы также дали показания на допросе, который был проведен перед этим процессом.

ШТЕЕНГРАХТ. Да.

ГЕНЕРАЛ ЭОРЯ. Помните ли Вы, что Вы показывали: "Однако, меры, которыми пользовались при наборе людей в России и других странах, не поддаются описанию"?

ШТЕЕНГРАХТ. На этом заседании ... Я не понял вопроса.

ГЕНЕРАЛ ЭОРЯ. На допросе от 28 сентября 1945 года Вы показали /я цитирую дословно/: "Однако меры, которыми они пользовались при наборе людей в России и т.п. странах, не поддаются описанию". Помните ли Вы эти свои показания?

ШТЕЕНГРАХТ. Я подтверждаю эти показания.

ГЕНЕРАЛ ЭОРЯ. Вы их подтверждаете. Перечислите хотя бы кратко, какие именно неподдающиеся описанию меры предпринимались Заукелем в России и других странах?

ШТЕЕНГРАХТ. Я знаю лишь один случай, о котором мне было доложено тогда. Речь идет о следующем: в какой-то области люди были приглашены в театр на представление. Затем театр был окружен, а люди, находившиеся в нем, увезены в Германию на принудительную работу. Речь шла о подобных мерах.

4444

H1195-0262

H1195 – 0263

ГЕНЕРАЛ ЗОРЯ. У меня больше нет вопросов.

/К микрофону подходит полковник Покровский/

ПОЛКОВНИК ПОКРОВСКИЙ. Прошу разрешения задать еще один вопрос, вернее, уточнить ответ на один вопрос.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ. Полковник Покровский, Трибунал указал уже, что ему желательно по возможности сокращать перекрестный допрос, Трибунал не может и не желает заслушивать более, чем одного обвинителя от каждой из четырех стран. Я боюсь, что мы не можем более заслушивать Ваш дальнейший перекресный допрос.

ПОЛКОВНИК ПОКРОВСКИЙ. Это - не новый вопрос. Свидетель не ответил на четыре раза повторенный вопрос.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ. Но во всяком случае - это - новый обвинитель.

ПОЛКОВНИК ПОКРОВСКИЙ. Нет. Советское обвинение задало вопрос о том, кто из обвиняемых влиял на внешнюю политику? Свидетель сказал: - вооруженные силы. Я хотел бы ...

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ. Простите, полковник Покровский, что я уже довел до Вашего сведения правило, установленное Трибуналом. Мы не в состоянии заслушивать более чем одного обвинителя. Я надеюсь, что обвинители будут проводить перекрестный допрос по-возможности кратко.

БОР /французский обвинитель/. В связи с тем, что этот свидетель был уже допрошен в течение длительного времени, я хочу лишь задать очень короткий вопрос.

Свидетель, я хочу, чтобы Вы уточнили, что вытекает из Вашего заявления - действительно ли, что германское посольст-

9445

во в Париже находилось под властью Риббентропа и зависело только от него? Так ли это?

ШТЕЕНГРАХТ. Я не понял немецкого перевода этого вопроса.

ФОР. Вытекает ли из сделанных Вами показаний и из того, что Вам известно, что германское посольство в Париже находилось под властью подсудимого Риббентропа и зависело лишь от него?

ШТЕЕНГРАХТ. Да.

ФОР. Вытекает ли из этого, что каждое важнейшее мероприятие, предпринятое послом, должно было быть известно подсудимому Риббентропу?

ШТЕЕНГРАХТ. Да.

ФОР. Я хотел лишь уточнить этот пункт, в связи с бесспорностью того, что было сказано ранее в показаниях свидетеля ... И у меня нет больше к нему вопросов.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ. Сейчас Трибунал сделает перерыв до двух часов.

/Перерыв до 2-х часов/

мс-аП
нд-вв
лт

H1195 – 0264

H1195-0265

С Т Е Н О Г Р А М М А

ЗАСЕДАНИЯ МЕЖДУНАРОДНОГО ВОЕННОГО ТРИБУНАЛА

от 27 марта 1946 года.

Вечернее заседание.

Встать, Суд идет!

КАУФМАН: /Защитник подсудимого Кальтенбруннера/. Я прошу, господин председатель, разрешить мне поставить только один вопрос, который я не мог поставить ранее. Русский обвинитель спросил, обсуждался ли с Кальтенбруннером вопрос о датских полицейских, причем осталось совершенно неясным, какое отношение имел к этому сам Кальтенбруннер. Я хотел бы задать этот единственный вопрос.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: Да, пожалуйста.

КАУФМАН: Господин свидетель! Скажите суду, какую позицию занял Кальтенбруннер, когда вы обсуждали с ним вопрос о датских полицейских, с которыми обращались бесчеловечно? Что он тогда говорил, когда вы обсуждали с ним этот вопрос? Какую позицию он занял?

ШТЕЕНГРАХТ: Этот вопрос не совсем правильно поставлен. Вы говорите:"с которыми бесчеловечно обращались",—это неверно, так как с ними вообще не могли никак обращаться, их только что доставили в концентрационные лагери. В тот момент, когда я узнал об этом, я пошел к Кальтенбруннеру и заявил ему, что это невозможно, чтобы людей заключали в концентрационные лагери. С ними нужно обращаться или как с военнопленными или как с интернированными гражданскими лицами. Кальтенбруннер выслушал меня и сказал, что он придерживается такого же мнения, и в моем присутствии отдал приказ перевести их из концентрационных лагерей в лагери военнопленных. Мне казалось, что на этом все кончилось, но через I4 дней я узнал, что они еще находятся в концентрационных лагерях. Я снова обратился к Кальтенб-

руннеру. Последний сказал мне, что он не находит об"яснения этому . Я тоже не знал, чем бто об"яснить, так как приказ о переводе людей был отдан в моем присутствии. Мы много говорили по этому поводу. У меня создалось впечатление, что здесь вмешалась другая какая-то сила и что Кальтенбруннер не мог настоять на своем.

КАУФМАН: Он был против такого бесчеловечного обращения?

ШТЕЕНГРАХТ: Он всегда мне говорил, что он стоит за то, чтобы их перевели в лагери для военнопленных. Для них это было бы безусловно лучше.

КАУФМАН: У меня нет больше вопросов.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: Доктор Хорн, желаете ли вы задать дополнительно вопросы этому свидетелю.

ХОРН: У меня нет больше вопросов к этому свидетелю.

СУДЬЯ БИДДЛ: Выступал ли Риббентроп за нарушение Версальского договора или он выступал против этого?

ШТЕЕНГРАХТ: Я бы сказал...

СУДЬЯ БИДДЛ: Скажите сначала "да" или "нет", а затем можете давать пояснения.

ШТЕЕНГРАХТ: Он хотел изменений.

СУДЬЯ БИДДЛ: Выступал ли Риббентроп за реоккупацию Рейнской области?

ШТЕЕНГРАХТ: Я не знал в то время Риббентропа и поэтому не могу ответить на этот вопрос.

СУДЬЯ БИДДЛ: Выступал ли Риббентроп против вооружения?

4448

H1195 – 0266

H1195-0267

ШТЕЕНГРАХТ: Я не могу ответить и на этот вопрос,так как я не знал еще Риббентропа в то время. Впервые я увидел его в 1936 году.

СУДЬЯ БИДДЛ: Выступал ли он за аншлюсс?

ШТЕЕНГРАХТ: Я полагаю, что да.

СУДЬЯ БИДДЛ: Выступал ли он за заключение тройственного пакта?

ШТЕЕНГРАХТ: Да.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: Свидетеля можно увести.

ХОРН: Я вчера закончил представление своих документов документом "Риббентроп № 10" /на стр. 35-й книги документов/. На основании этого документа я доказал,что Риббентроп проводил свою внешнюю политику по тем указаниям,которые ему давал Гитлер. Я хочу последующими документами доказать,каково было внешне-политическое положение в феврале 1938 г.,когда Риббентроп был назначен на эту должность.Я прошу суд принять без доказательства следующие документы,номера которых я сейчас сообщу Трибуналу.Я не буду ничего зачитывать из них,чтобы иметь возможность возвратиться к ним в своей защитительной речи.

/Пауза/.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: Продолжайте, господин Хорн.

ХОРН: Первый из этих документов - это документ "Риббентроп № 14".Здесь речь идет опять о выдержках из "документов немецкой политики",том 1-й.Он озаглавлен "Воззвание имперского правительства к германскому народу от 1 февраля 1933 г." Этот документ коротко характеризует тогдашнее положение Германии и намерения правительства Гитлера,пришедшего к власти 30-го января 1933 года.

Следующий документ, который я прошу принять без доказательства, - это документ по делу Риббентропа, доказательство № 15. Здесь идет опять-таки речь о документе,

взятом из первого тома "Документов германской политики"; он озаглавлен "Выступление Адольфа Гитлера в Потсдаме 21 марта 1933 г.". Также и в этом документе изложены основные принципы, которыми намеревалось руководствоваться новое правительство в области внешней и внутренней политики.

Следующий документ, который я прошу принять без доказательства, - это документ по делу Риббентропа, доказательство № 16. Это - опять-таки документ из только что упомянутой книги документов, он называется: "Программная речь Адольфа Гитлера на заседании рейхстага в оперном театре Кроля 23 марта 1933 года". Следующим документом, который я прошу Трибунал принять без доказательства, является документ по делу Риббентропа, доказательство № 17. Это - опять-таки выдержка из "Документов немецкой политики".

ПОКРОВСКИЙ: Я очень не хотел бы прерывать доктора Хорна, но... ни одного документа из называемых им, начиная с номера 14 и, насколько я понимаю, до № 44 включительно, советское обвинение не получило. И я не вижу возможности оказывать посильную помощь суду при рассмотрении этих документов до того момента, пока мы их получим. Я полагаю, что, очевидно, Трибунал найдет правильным отложить рассмотрение этих документов до того момента, пока советское обвинение будет этими документами располагать.

ХОРН: Можно ли мне дать короткое об"яснение? Я осведомился об этом настолько, насколько поступили переводы документов. Я предоставил мои документы, как это следовало сделать, три недели тому назад и последние документы представил, примерно, 10 дней тому назад. Мне было сообщено, что в отделе переводов слишком мало французских и русских переводчиков для того, чтобы перевести эти документы на оба языка, как это было сделано на английском языке. Конечно, все это вещи, на которые я не могу оказать никакого влияния.

7450

H1195-0268

H1195-0269

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: Доктор Хорн! Трибунал благодарит Вас за выполнение возложенных на Вас обязанностей и считает поэтому, что документы должны предоставляться, конечно, если против них не будет возражения, после того, как будут иметься переводы этих документов.

ХОРН: Да, господин президент, Я сегодня уже говорил об этом полковнику Покровскому, но я не знал, какие документы были уже переведены на русский язык. Поэтому я не мог пойти навстречу русскому обвинению, т.к. это было сверх моих сил.

Г-н ДОДД: Господа судьи! Может быть, доктор Хорн сможет кратко сказать, для какой цели он предоставляет эти документы. Я знаю, что в отношении ряда документов не будет возражений. Но такие возражения могут быть сделаны после того, как нам будет известна цель предоставления этих документов.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: Г-н Додд, доктор Хорн уже предоставил целый ряд документов и просил принять их без доказательства. И если обвинение считает необходимым сделать какие-то определенные возражения, то не лучше ли будет сделать их позднее.

Г-н ДОДД: Я думаю, что это могло бы оказать помощь и избавило бы нас от излишних выступлений, если бы он указал для какой цели он предоставляет эти документы.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: Я думаю, что это может занять гораздо больше времени.

ХОРН: Я хочу дать краткое пояснение по этому поводу. Мой подзащитный, начиная с 1933 года, находился на должностях, которые связаны с внешней политикой. Он обвиняется в проведении такой внешней политики, которая

ставила своей целью вести агрессивную войну. Этими документами я покажу, как развивалась политика, и что подсудимый фон Риббентроп, со своей стороны, старался избежать агрессивной войны. Например, документ по делу Риббентропа— доказательство № I7, который я прошу принять без доказательства; он находится в книге документов на странице 40 и содержит речь Адольфа Гитлера в германском рейхстаге от I7 мая I933 года о национал-социалистской политике мира.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: Да, продолжайте, д-р Хорн.

ХОРН: Да, этот документ от I7 мая I933 года, ~~я~~ и привожу для доказательства стремления Германии к разоружению и для доказательства того, что имперское правительство старалось достичь урегулирования всех вопросов в Европе.

Следующим документом я прошу Трибунал принять без доказательства документ по делу Риббентропа, доказательство № I8. Это опять-таки документ из того же сборника; он озаглавлен: "Договор о взаимопонимании и сотрудничестве", заключенный I5 июля I933 года (и) известный под названием "Пакт четырех держав". Он находится на стр. 42 книги документов. Этот пакт четырех держав был заключен по инициативе Муссолини между Германией, Францией, Англией и Италией. Целью заключения этого пакта является проведение общего разоружения и прежде всего введение в силу статьи I9 устава Лиги Наций.

7452

H1195 – 0270

H1195-0271

Этот пакт не был подписан, так как Франция его не ратифицировала. Следующим документом, который я прошу Трибунал принять без доказательства, является документ по делу Риббентропа, доказательство № 20. Речь идет о "Воззвании имперского правительства к немецкому народу о выходе из Лиги Наций от 14 октября 1933 года". Этот призыв имперского правительства устанавливает безрезультатность конференции по разоружению и указывает причины выхода Германии из Лиги Наций. В приложении к этому ~~выступлению~~ обращению помещено ~~выступление~~ Гитлера по радио к воззванию немецкому народу, в котором он указывает причины выхода Германии из Лиги Наций. Эту-то речь я представляю Трибуналу в качестве документа по делу Риббентропа, доказательство № 21, и прошу принять этот документ без доказательства. Эта речь находится на странице 45 книги документов. Для того, чтобы оправдать политику перед народом и чтобы добиться ее поддержки у народа, рейхспрезидент Гинденбург 11 ноября 1933 г. призывал немецкий народ к выборам. Этот призыв содержится в документе по делу Риббентропа, доказательство № 23, на 48 странице книги документов. Я прошу Трибунал принять этот документ без доказательства. Он находится на странице 49, лежащей перед Вами книги документов. В ходе проведения политики разоружения Германия 18 декабря 1933 г. издала меморандум по вопросу о проблеме разоружения. Я прошу Трибунал принять этот документ по делу Риббнетропа, доказательство № 25, без доказательства.

Следующим документом я представляю Трибуналу документ, находящийся на странице 51 книги документов.

Он отражает ход переговоров о разоружении и позицию Германии при переговорах. Я прошу Трибунал принять этот документ по делу Риббентропа, доказательство № 26, без доказательства. Этот документ находится на странице 51 книги документов и озаглавлен "Германский меморандум о разоружении от 19 января 1934 года". Точка зрения Германии на вопрос о разоружении изложена также в документе по делу Риббентропа, доказательство № 27, на странице 53 книги документов. Он озаглавлен "Германский меморандум от 13 марта 1934 года". Я прошу Трибунал принять этот документ без доказательства. В ответ на английский меморандум по вопросу о разоружении от 16 апреля 1934 г. германское правительство послало ноту английскому правительству. Я прошу принять этот документ по делу Риббентропа, доказательство № 28, без доказательства. В ходе переговоров о разоружении Франция предложила в 1934 году заключить пакт, который был известен под названием Восточный пакт. Об этом Восточном пакте германское правительство высказалось в комюнике германского имперского правительства от 10 декабря 1934 года, которое находится на странице 56 книги документов; я дал ему номер доказательства по делу Риббентропа 30. Я прошу Трибунал принять этот документ без доказательства.

Следующий документ находится на странице 57. Я представляю суду документ по делу Риббентропа, доказательство № 31. Это-копия из книги "Документы немецкой политики", том 3-ий. Она представляет собой ответную ноту имперского правительства от 14 февраля 1935 года на предложение о заключении воздушного пакта. По поводу этого пакта Германия высказывает следующее мнение: Я зачитаю из этого документа абзац 2-й:

7454

H1195-0272

H1195 – 0273

"Немецкое правительство приветствует это предложение, которое дает гарантии против всякого неожиданного нападения с воздуха, и согласно заключить конвенцию, которая предусматривает введение в действие воздушных сил держав, подписавших конвенцию, для того, чтобы избежать жертв при внезапном воздушном нападении". Затем в 1935 году в Германии снова была введена всеобщая воинская повинность. В связи с этим имперское правительство обратилось к немецкому народу с прокламацией. Вы найдете эту прокламацию на странице 59 книги документов. Она окажется документом по делу Риббентропа, доказательство № 33. Я прошу принять эту выдержку из прокламации без доказательства. В качестве документа по делу Риббентропа, доказательство № 34, я представляю коммюнике германского имперского правительства от 14 апреля 1935 г. об отношении Германии к Восточному пакту. Этот документ находится на странице 61 книги документов. Я не буду ничего зачитывать из этого документа и прошу принять его без доказательства.

Введение всеобщей воинской повинности державы, подписавшие Версальский договор, рассматривали как нарушение § У этого договора. Эти государства протестовали против введения всеобщей воинской повинности в Германии. В ответ на этот протест Лиги Наций от 17 апреля 1935 г. последовал протест германского имперского правительства. Этот протест находится на странице 63 книги документов. Я дал этому документу по делу Риббентропа номер доказательства 35 и прошу принять его. В этом документе германское правительство оспаривает у стран, входивших в Лигу Наций, принявших решение от 17 апреля, право

7455

быть судьями над Германией. В этом протесте Германия заявляет, что она рассматривает эту позицию как умаление прав Германии и не согласна с ней.

Я перехожу теперь к документу по делу Риббентропа, доказательство № 36. Этот документ находится на странице 64 книги документов. Здесь идет речь о немецком меморандуме державам, подписавшим Локарнский пакт. Это — меморандум от 25 мая 1935 года. Здесь говорится о несовместимости советского пакта с Локарнским договором. Подсудимый Риббентроп принимал активное участие в составлении этого меморандуме и в защите точки зрения Германии перед Лигой Наций и державами, подписавшими Локарнский договор. Я прошу принять этот документ без доказательства, так как он показывает правовую точку зрения Германии именно в отношении этой проблемы.

Другой меморандум Локарнским державам находится на странице 68 книги документов. Здесь опять подчеркивается несовместимость советского пакта с Локарнским договором. Это-меморандум от 25 мая 1936 года, и я также прошу принять его. Правовая точка зрения, которая предшествовала этому меморандуму, выражена в речи Гитлера в рейхстаге 21 мая 1935 года, в которой он хотел еще раз доказать волю Германии к миру и разоружению, т.е. он говорил о мирной политике Германии. Одновременно Риббентроп передал в Лондон предложение о разоружении и мире. Я прошу принять этот документ без доказательства как документ по делу Риббентропа, доказательство№ 37. Он находится на странице 69 книги и далее моей книги документов.

В качестве следующего доказательства, которое

7456

H1195 – 0274

H1195 – 0275

показывает, что Германия пыталась провести разоружение и добиться взаимопонимания, я представляю документ по делу Риббентропа, доказательство № 38, который находится на странице 77 моей книги документов. Здесь идет речь о германо-английском морском соглашении от 18 марта 1935 года, в заключении которого Риббентроп принимал деятельное участие. Он особенно старался, чтобы именно этот договор был ратифицирован. Он сам сделал все, чтобы французское правительство дало свое согласие на заключение этого договора. Это было необходимо потому, что этот договор являлся отклонением от вышеупомянутой 5-и части Версальского договора. В этой части говорится о положениях о разоружении и вооружении. Риббентропу удалось добиться согласия французского правительства. Я представляю этот документ, доказательство как документ по делу Риббентропа, № 38, и прошу принять его. Я хочу при этом добавить, что как Риббентроп, так и Гитлер, считали этот договор краеугольным камнем предложения о взаимопонимании и союзе с Англией. Риббентроп как в период пребывания в качестве посла в Англии, так и будучи министром иностранных дел, всегда старался добиться заключения именно такого договора.

Следующим документом я представляю документ по делу Риббентропа, доказательство № 39 /он находится на странице 79 книги документов/. В связи с занятием Рейнской области германское правительство сочло необходимым 7 марта 1937 г. высказать свою точку зрения в специальном меморандуме державам, подписавшим Локарнский пакт. Эта точка зрения изложена в вышеупомянутом доказательстве. Я прошу Суд принять и этот документ без доказательства.

7457

Занятие Рейнской области привело к протесту заинтересованных в этом держав. В ответ на этот протест Риббентроп обратился с речью к совету Лиги Наций в Лондоне и заявил перед советом Лиги Наций свой протест в ответ на протест Локарнских держав. Этот протест бывшего посла фон Риббентропа, который я пред"являю в качестве документа по делу Риббентропа, доказательство № 40, и который находится на странице 38 книги документов, - я прошу Трибунал принять без доказательства.

Следующим документом я пред"являю Трибуналу документ по делу Риббентропа, доказательство № 41, на странице 84 книги документов и прошу принять этот документ без доказательства. Он представляет собой последнее предложение Германии о мире в связи с тогдашним предложением о мире и разоружении. Он имеет заголовок "Мирный план германского имперского правительства от 31 марта 1936 года". В последующее время Германия старалась добиться снятия с нее вины за начало войны.

В 1937 году германо-итальянские отношения стали еще более тесными и в связи с этим 30 января 1937 года, в день четвертой годовщины национал-социалистской революции, Гитлер предложил германскому рейхстагу на заседании в оперном театре Кроля, в Берлине, добиться и с другими европейскими странами таких же отношений, как и с Италией.

Я прошу принять этот документ по делу Риббентропа, доказательство № 43. Этот документ находится на странице 88 книги документов. В этом документе Германия еще раз требует снять с нее вину. Я зачитываю третий абзац этого документа. Там сказано:

7458

H1195 – 0276

H1195 - 0277

"Я торжественно отрекаюсь от подписи под тем заявлением, которое сделало слабое в то время германское правительство под нажимом, вопреки своей уверенности в обратном, заявив, что Германия - виновница войны". Конец цитаты.

Следующим доказательством служит...

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ. Простите, пожалуйста, Вы ссылаетесь на документ № 44?

ХОРН. Извините, если я забыл сказать, я ссылался на документ по делу Риббентропа-доказательство № 43, который находится на странице 88 книги документов.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ. Вы что огласили одну выдержку из этого документа, которая, кажется, не была переведена?

ХОРН. Если я правильно понял, г-н Председатель,- в книге документов нет английского перевода?

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ. Я не вполне уверен. Я сам лично этого не заметил. Оглашали ли Вы что-нибудь, что не содержится в этой книге документов?

ХОРН. Нет, г-н Председатель, я цитировал только то, что находится в книге документов,-это на странице 88, абзац 3-й. Это-тот абзац, который начинается: "И,

Ч459

в четвертых..."

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ. Это-третий параграф? Не так ли?

ХОРИ. Да,-это третий абзац, но он разделен на четыре подабзаца и я зачитал четвертый подабзац. Я перехожу теперь к документу по делу Риббентропа, доказательство № 44, который находится на странице 90 книги документов. Этот документ содержит германскую ноту относительно нейтралитета Бельгии от 13 октября 1937 г. Этот документ, учитывая события 1940 года, является очень важным и я хочу для выяснения немецкой позиции по этому вопросу зачитать абзац, который находится на 91 странице под пунктом 1. Начало цитаты: "Немецкое правительство устанавливает, что целостность и неприкосновенность Бельгии представляют общий интерес для всех западных держав. Оно подтверждает свою решимость не нарушать ни при каких условиях этой неприкосновенности и всегда с уважением относиться к Бельгии, исключая, конечно, тот случай, если Бельгия будет участвовать в войне против Германии, в которую последняя будет втянута, ~~в военный конфликт~~". Конец цитаты. Я прошу принять этот документ без доказательства.

На этом я кончаю представление документов, исходя из которых в моей защитительной речи я освещу внешнеполитическое положение в Германии к тому времени, когда Риббентроп стал министром иностранных дел. Я буду ссылаться в данное время на эти документы.

7460

H1195-0278

H1195 – 0279

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ. Представили ли Вы их в письменном виде суду через секретаря?

ХОРН. Да, я еще раз, в связи со вчерашним совещанием, подписал эти документы и опять передал их в руки генерального секретаря.

Следующие документы, которые я буду представлять, должны послужить основой для моих высказываний относительно участия Риббентропа в политике, которая привела к присоединению Австрии. Я сначала ссылаюсь на документ № 386-ПС, который уже был представлен обвинением и который содержится в моей книге документов. К сожалению, я не могу указать суду страницы, так как мы сами еще не получили книги документов. Этот документ идет после документа по делу Риббентропа, доказательство № 44, который находился на странице 90 книги документов.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ. Документальное доказательство № 44 является последним документом во второй книге документов? У Вас больше нет никаких документов? Не так ли?

ХОРН. Мне сегодня сообщили, что английская книга документов готова и представлена Трибуналу. Но, к сожалению, мы еще не получили этой книги документов и поэтому я не мог сравнить страницы.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ. Мы еще не получили этих документов. У нас имеются только два документа и последним документальным доказательством, содержащимся во второй книге документов, является документ, идущий за № 44, который Вы только что огласили.

7461

Но, доктор Хорн, поскольку этот документ уже представлен в качестве документального доказательства, ~~то~~ — нет необходимости представлять его вновь. Вы можете сказать, что Вы на него ссылаетесь. Это все, что необходимо сделать.

ХОРН. Да, но мне кажется, что мы должны сейчас решить вопрос о дальнейшем представлении документов. Я хочу еще раз сказать, что после того, как суд об"явил свое решение о порядке представления документов, я по всем правилам передал суду эти документы для перевода, причем я представил 6 книг документов, снабженных моей подписью. К сожалению, переводческий отдел не справляется с переводом представленных документов обвинением. Я также оказался в неприятном положении, так как не могу помочь Суду, указав страницы для того, чтобы свободно продолжать свой доклад.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ. Доктор Хорн, мы думаем, что лучше будет, если Вы будете продолжать. Однако, Вы должны нам сообщать о том, что это за документы, были ли они Вами уже представлены в качестве документального доказательства или Вы собираетесь их представить в качестве документального доказательства сейчас?

ХОРН. Следующие документы представляются впервые. Документом № 386, я хочу доказать, что Риббентропа не было среди присутствовавших. И он ничего не знал об этом документе и его содержании. Речь идет об известном документе Госсбаха. Он узнал о нем только здесь.

Следующий документ, на который я ссылаюсь в своей защитительной речи, — это документ, представленный Обвинением

7462

H1195 – 0280

H1195-0281

под № 2461-ПС. Это-официальное сообщение о встрече фюрера и рейхсканцлера с австрийским канцлером Шушнигом в Берхтесгадене 12 и 15 февраля 1938 г. Я ссылаюсь на этот документ, чтобы доказать, какое участие принимал Риббентроп в этом совещании.

Следующий документ, на который я буду ссылаться и прошу суд принять без доказательства, - это документ по делу Риббентропа, доказательство № 11, который находится в моей книге документов. Это документ...

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ. Доктор Хорн, Трибунал считает, что нет необходимости ссылаться на какие-либо документы, которые уже представлены в качестве доказательства, если Вы не собираетесь оглашать какие-либо выдержки из этих документов или ссылаться на некоторые выдержки, которые еще не оглашали. Я хочу сказать, что если Обвинение оглашало какую-то определенную выдержку из какого-то определенного документа, а Вы желаете ссылаться на какую-то другую выдержку из того же документа, то Вы сможете это сделать; если же документ был оглашен полностью, то всякая дальнейшая ссылка на этот документ может повлечь лишь различные споры и не может рассматриваться как доказательство. Поэтому, в интересах сохранения времени, нет необходимости ссылаться на документы 386-ПС или 2461-ПС в том случае, если Вы не будете ссылаться на те выдержки из этого документа, которые еще не были оглашены Обвинением.

ХОРН. Тогда разрешите перейти к документу по делу Риббентропа-доказательство № 11 и прошу принять этот документ. Здесь идет речь о договоренности между германским имперским правительством и австрийским правительством от 11

июля 1936 года. Когда Риббентроп прибыл вместе с Гитлером 12 февраля 1938 года в Берхтесгаден для собеседования с бывшим австрийским канцлером доктором Шушнигом, он не знал о планах Гитлера, которые ~~ду~~ представляли собой отклонение от той договоренности, которая существовала между Германией и Австрией в 1936 году. Он беседовал с Шушнигом в духе договоренности 1936 года. Затем, через месяц, Австрия была присоединена к империи. Для доказательства того, что это присоединение произошло согласно желаниям австрийского народа, я ссылаюсь на документ по делу Риббентропа, доказательство № 12, и прошу Трибунал принять его. Он представляет собой результаты народного голосования и выборов в германский рейхстаг от 10 апреля 1938 года. Этот документ свидетельствует о том, что в Австрии тогда имели право голосовать 4.400.000 человек, голосовали 4.400.000 человек, почти все голосовали за присоединение Австрии и только 11.000 - против этого присоединения.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ. Имеется ли у Вас этот документ? В нашей книге документов этого документа нет. Имеется ли этот документ у Трибунала?

КОРН. Этот документ находится в книге документов по делу Риббентропа, доказательство № 12.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ. Да, по некоторым причинам он представляется под номерами от 10 по 14. Здесь, повидимому, какая-нибудь ошибка. Просто этот документ не был размножен. Его нет в нашей книге документов, но у нас имеется, поэтому все в порядке. Продолжайте.

3464

H1195-0282

H1195-0283

ХОРН. Господин Председатель, из этого документа явствует, что в то время австрийский народ отдал 99 процентов своих голосов за присоединение к Германии.

Следующим документом я представляю документ по делу Риббентропа, доказательство № 13, и прошу принять его без доказательства.

Этот документ по делу Риббентропа, доказательство № 13, свидетельствует о том, что, по мнению не только германского правительства, но и английского правительства, присоединение Австрии едва бы могло произойти путем дипломатических переговоров. Для подтверждения сказанного я хочу зачитать из этого документа цитату. Это - заявление, сделанное помощником статс-секретаря Баттлером в палате общин. Оно гласит: /Это заявление было сделано 14 марта 1938 года/. (Начало цитаты):

"Английское правительство вместе с друзьями Женевской Антанты рассмотрело это положение вещей и пришло к единогласию / я подчеркиваю слово "единогласие"/ в том вопросе, что обсуждение австрийского положения в Женеве не привело бы к положительным результатам, а эти результаты были бы опять новым унижением. И помощник статс-секретаря установил, что Англия не давала никаких особых гарантий в отношении достигнутой Сен-Жерменским договором "независимости" Австрии." Конец цитаты.

Я прошу принять этот документ без доказательства. Вслед за этим было произведено об"~~ъединение~~ единение Австрии с Германией, согласно закону от 13 марта 1938 г., который был также подписан и Риббентропом.

4465

Этим я заканчиваю представление документов относительно вопросов, связанных с Австрией.

Я теперь перехожу .... /пауза/...

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ. Одну минутку, доктор Хорн, Трибунал крайне заинтересован в сохранении времени, но, как явствует из указателя Вашей книги документов, имеется более 300 отдельных документов, на которые Вы намерены ссылаться; большинство этих документов представляет собой выдержки из различных книг "Германских Белых книг" и других книг, которые Трибунал разрешил Вам представить. Не будет ли для Вас более удобным представить их вместе, указав, что Вы представляете их в качестве доказательства за №№ от 44 до 314, чем давать по порядку каждому документу отдельный номер. Если имеются отдельные выдержки, которые Вы хотите сейчас огласить, то Вы можете это сделать. Но, по-моему, нет никакой необходимости тратить лишнее время на то, чтобы давать /33/ сейчас каждому документу в отдельности определенный номер.

ХОРН. Хорошо, г-н председатель, я буду только называть номера документов, которые я попрошу принять без доказательства. Я буду указывать от и до, если будет речь итти о нескольких цифрах.

А теперь я перехожу к вопросам, относящимся к Чехословакии. Американский обвинитель в своей обвинительной речи сказал по этому поводу: "На этом кончается описание событий, которые мне всегда казались самой печальной страницей в истории народов: насилие и разрушения, которые чинились над слабым и немногочисленным чехословацким народом." В доказательство того, что чехословацкого народа не было как такового ни до, ни после 1939 г., я зачитаю несколько цитат из книг лорда Ротермира " Предостережения и предсказания", которая допущена судом. Речь идет о документе по делу Риббентропа, доказательство № 45.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ. Разве Трибунал разрешил Вам использовать книгу Ротермира?

ХОРН. Да, мне ее разрешил Трибунал и даже дал мне английский экземпляр этой книги. Я передаю этот экземпляр суду.

4466

H1195-0284

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: Д-р Хорн, вопрос о допустимости документа должен был окончательно решаться в том случае, если та или иная книга представляется в качестве доказательства. Вы должны помнить, что Трибунал в одном из своих решений указал, что мнение отдельных авторов по вопросу об этике истории и текущих событиях не может приниматься в качестве доказательства. Лорд Ротермир является автором, но он не был членом Британского правительства и поэтому нет никаких причин для того,чтобы его книга или его высказывания в этой книге были приняты в качестве документальных доказательств.

ХОРН: В этих цитатах, которые я хочу зачитать, речь идет исключительно о фактическом материале и я прошу суд принять эти факты без доказательства. Здесь нет речи о каких-либо полемических вопросах.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ. Решение, принятое Трибуналом,заключается в следующем: Трибунал в соответствии с 21-ой статьей Устава будет принимать без доказательства официальные правительственные документы,заявления и т.д. Этот документ не является официальным правительственным документом и поэтому не может рассматриваться Трибуналом,как доказательство, поскольку в нем излагается лишь точка зрения лорда Ротермира. Д-р Хорн, Вы можете мне сказать, что Вы хотите доказать этим материалом?

ХОРН: Я хочу доказать, во-первых, несколько исторических фактов и,во-вторых, что трудности, которые испытывало многонациональное чехословацкое государство, привели к осложнениям с немецким меньшинством и тем самым германским правительством. Этим я хочу вскрыть причины и мотивы, которые привели к присоединению Судетской области к империи.

Г-н ДОДД: Ваша честь, от имени делегации Соединенных Штатов я хочу решительным образом возразить как против первого, так и против второго довода доктора Хорна. Если я правильно понял перевод, то он, по-моему, заявил, что представляя этот документ, он пытается прежде всего доказать, что чехо-

7467

H1195 – 0285

H1195 – 0286

словацкого народа как такового вообще не существовало.Я не думаю,что этот вопрос может явиться темой обсуждения на данном процессе.Мы возражаем против того,чтобы этот документ был представлен в качестве доказательства.Особенно мы возражаем против доводов,изложенных д-ром Хорн в его втором об'яснении.

ХОРН. Разрешите еще раз указать на то,что этим я хочу показать те мотивы,которые привели к выходу Судетской области в 1938 году из состава Чехословакии.Если мне нужно рассмотреть какой-либо поступок с точки зрения международного права и вынести приговор,то я должен в первую очередь рассмотреть причины,побудившие к этому,в противном случае я не буду иметь возможности вести следствие.

Затем я хочу еще указать на то,что я попросил у Суда в качестве документальных доказательств - документы Лиги Наций,и еслибы я их своевременно получил,то я имел бы возможность ссылаться на них,но,так как я их еще не получил, ~~то~~ вместо них я хочу представить Суду эти факты.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ. Повторите,пожалуйста,то,что Вы сказали о Лиге Наций.Я не понял,что Вы сказали.

ХОРН. Я запросил у библиотеки Лиги Наций находящиеся у Лиги Наций документы по вопросу о нацменьшинствах и хотел представить их в качестве доказательства.Эти документы хочет получить также и Генеральный Секретарь.Я до сих пор не имею документов,которые,согласно статье 21,приравниваются к правительственным отчетам или являются ими,и должен ограничиться этими фактами,не обладающими такой доказательственной силой.

7468

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ. Отметили ли Вы те выдержки в книге документов, на которые Вы собираетесь ссылаться?

ХОРН. Да. Я затребовал все документы относительно Чехословакии в том виде, как они были составлены секретариатом Лиги Наций и Международного Трибунала в Гааге в форме судебного дела. Это - сборник, который все время издается Лигой Наций, сборник официальных документов.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ. Я Вас спросил только одну вещь: отметили ли Вы те выдержки из книги лорда Ротермира, которые Вы собираетесь представлять?

ХОРН. Я прошу еще раз повторить вопрос, я не расслышал.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ. Я спросил Вас, отметили ли Вы те выдержки из книги лорда Ротермира, которые Вы намереваетесь использовать?

ХОРН. Да, я отметил эти выдержки. Это - на страницах 137, 150, 138, 151, 161...

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ. Говорите медленнее, я хочу их записать.

ХОРН. Страницы 161-162, 140, 144, 145, 157. Здесь приведены лишь краткие выдержки из этой книги.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ. Доктор Хорн, сейчас для нас наиболее удобно об'явить перерыв.

(Об'является перерыв на десять минут).

Встать! Суд идет!

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ. Доктор Хорн, Трибунал вынесет решение относительно того, примет ли он в качестве доказательства все выдержки из книги Ротермира, лишь после того, как он получит перевод. Тем временем продолжайте представление

4469

H1195-0287

H1195-0288

Ваших документов таким образом,как я Вам это порекомендовал,не вдавайтесь в излишние детали,за исключением тем, которые Вы считаете крайне необходимыми.

ХОРН. Разрешите коротко заметить,что угнетение немецких меньшинств в пограничных областях Чехословакии привело к организации судетско-немецкой партии и к сотрудничеству этой партии с немецкими инстанциями,и что подсудимый Риббентроп,будучи министром иностранных дел Германии,в пределах данных ему прав вел переговоры с руководителями национальных групп.В доказательство этого Обвинение уже пред'явило ряд документов,на которые я в дальнейшем буду ссылаться.Разрешите в связи с этим внести только одну поправку к документу за № 2788-ПС,где на странице 2-й,примерно в середине страницы,говорится: "Ввиду об'ема..." и дальше идет ошибка в переводе.В нашем документе написано "провокация",в то время как в подлиннике написано"уточнение" требования,чтобы избежать вступления в правительство.Я прошу устранить эту ошибку,искажающую смысл цитаты.

В дальнейшем ходе пред"явления доказательств Обвинением утверждается,что подсудимый Риббентроп поддерживал самовольные действия руководителей судетско-немецкой партии.В опровержение этого,я процитирую еще неоглашенную часть документа за № ПС-3060,откуда вытекает как раз противоположное соображение,а именно,что тогдашний министр иностранных дел фон Риббентроп выступил против самовольных действий руководителей судетско-немецкой партии через своего посланника в Праге.Я хотел бы в доказательство этого огласить

ГАРФ

параграфы 1-й и 2-й этого документа.

Цитирую:

"Отказ Франка, т.е. одного из руководителей судетско-немецкой партии, подействовал благотворно. Я беседовал с Гейнлейном, который в последнее время уклоняется от сотрудничества со мной и имеет разногласия с Франком, и получил от него следующие обещания: "Во-первых, руководящими для политики и тактики судетско-немецкой партии являются указания германского посольства, связанные с германской внешней политикой. Мои указания должны точно выполняться".

Эти указания не имели отношения к общей политике, которая хотела избежать вмешательства во внутренние дела Чехословакии и в политику судетско-немецкой партии.

Относительно подробностей действий немецкого правительства и министерства иностранных дел в отношении судетско-немецкой партии я допрошу фон Риббентропа во время допроса его в качестве свидетеля.

Я хочу теперь перейти к документу по делу Риббентропа, доказательство № 46, который я предлагаю вниманию Суда. Этот документ представляет собой сообщение посольства Чехословацкой республики в Париже. Оно занимается вопросом о значении и цели миссии лорда Ренсимена в Праге. Из него вытекает, что эта миссия была организована для выигрыша времени в деле проведения вооружения.

7471

H1195 – 0289

H1195 – 0290

Я хочу зачитать этот документ: "Париж, 5 августа 1938 г. Секретно. Господин министр Масильи считает, что назначение лорда Ренсимена в Прагу является благоприятным обстоятельством. Антони Иден заявил в разговоре с послом Корбеном, французским послом в Лондоне, что, если как следует поразмыслить, назначение лорда Ренсимена в Прагу является хорошим шагом, так как он, видимо вовлекает Англию в дела Центральной Европы в большей степени, чем это было раньше. Масильи считает, что англичане знают, что будет война и что они стараются всеми средствами задержать развязывание войны. Он признает вполне, что целью посылки лорда Ренсимена в Прагу является устранение конфликта, который таит в себе опасность для Чехословакии, так как, якобы, ради того, чтобы выиграть время, лорд Ренсимен мог предложить что-либо, что может нанести колоссальный вред Чехословакии. В связи с этим мнением Масильи я привожу еще дополнительную информацию, которая весьма поучительна. На недавно состоявшейся конференции относительно снабжения зерном, проходившей в Лондоне, англичане, доминионы, Америка и Франция провели отдельные совещания. Французский делегат беседовал с министром Элиотом, британским министром здравоохранения, и Морисоном, британским министром сельского хозяйства, а также с выдающимся специалистом сэром Артуром Стритом, который служил в министерстве сельского хозяйства и на которого было возложено решение важной задачи в министерстве авиации. Из речей и переговоров, которые велись английской торговой конторой, у французского делегата создалось положительное мнение о том, что англичане проявляют интерес к проблемам снабжения зерном не для того, чтобы предотвратить конфликт, а для того, чтобы выиграть его. Министры Элиот и Морисон, видимо, верят в возможность конфликта. Сэр Артур Стрит заявил, что через 6 месяцев он приведет в порядок английскую авиацию, поэтому в Англии придают такое большое значение выигрышу времени."

7472

Я привожу здесь эти сведения в связи с миссией лорда Ренсимена в Прагу, потому что, как я уже сказал, вопрос о выигрыше времени играет значительную, если не решающую роль в посылке лорда Ренсимена в Париж. Сердечно приветствую вас. Преданный Вам Усуский". Конец цитаты.

Затем 29 сентября 1938 г. было заключено Мюнхенское соглашение, в котором также участвовал фон Риббентроп. В какой степени он участвовал в его заключении, об этом я приведу соответствующие доказательства, когда подсудимый будет давать свидетельские показания относительно своей политики. Затем 30 сентября было сделано совместное заявление, которое я оглашаю здесь как документ по делу Риббентропа, доказательство № 47. Это заявление фюрера и британского премьер-министра Чемберлена от 30 сентября 1938 г. было задумано как средство для устранения всех спорных вопросов, которые существовали между Англией и Германией. Реакция на это соглашение в Германии и Англии была различной. В доказательство того, как реагировала на это Англия, я сошлюсь на документ по делу Риббентропа, доказательство № 48, который я оглашаю сейчас перед Судом с просьбой принять его к сведению. Здесь речь идет о выдержке из речи британского премьер министра Чемберлена в палате общин 3 октября 1938 г. Я хочу зачитать следующий отрывок из первого абзаца. Начало цитаты: "Если мы можем извлечь урок из событий этой недели, то это только тот, что длительный мир нельзя достичь, пребывая в бездействии и ожидая его. Чтобы добиться его, нужно приложить много усилий, действовать активно и энергично. Мы в этой стране уже в течение долгого времени были заняты выполнением обширной программы вооружений, об"ем и темпы проведения которой постоянно увеличиваются. Никто не должен думать;

7473

H1195 – 0291

H1195-0292

что мы, вследствие подписания Мюнхенского соглашения между четырьмя государствами, можем позволить себе ослабить наши силы, направленные на осуществление этой программы в настоящее время..."

В доказательство того, что эта программа вооружения, ~~относительно которой Чемберлен сказал, что она~~ как сказал Чемберлен все время увеличивалась (по темпам и объему), -я пред"явлю документ по делу Риббентропа, доказательство № 49. Речь идет здесь о речи британского военного министра Хор - Белиша, произнесенной в "Мензон гаузе" в Лондоне 10 октября 1938 года. Я прошу принять без доказательства указанные отрывки из этой речи.

Разрешите огласить несколько цитат из этого документа. Начало цитаты. "Нужно сделать значительно больше для того, чтобы наделить территориальную армию, как целую боевую единицу, еще большей мощью и эффективностью".

Я пропускаю один абзац и оглашаю абзац 5-й, который начинается следующими словами: "Что касается организации новых войск, то пехотные бригады будут состоять в будущем из трех батальонов вместо четырех, как это имеет место в регулярной армии. При использовании имеющихся материалов выясняется, что мы можем сформировать 9 дивизий в полным штатом по образцу регулярной армии... Мы планируем также формирование значительного числа современных запасных частей для корпусов и армий, например, с ухопутных полков, топографических полков, частей связи в армиях и корпусах, которые в случае начала войны, могут в любой момент занять свое место в этих соединениях. Это все согласовано с организацией нашей регулярной армии".

Это - цитата из речи военного министра. Документ по делу Риббентропа, доказательство № 50, занимается также проблемой вооружения. Это-речь У.Чирчилля от 16 октября 1938 года. Я прошу принять без доказательства отдельные выдержки из этой

речи. Я зачитаю всего несколько предложений. Я начинаю цитату: "Мы должны вооружаться... Не может быть никакого сомнения относительно того, что мы будем вооружаться. Великобритания откажется от своих обычаев столетней давности и введет национальную ~~xxxxxxxxxxx~~ воинскую повинность. Британский народ стойко встретит все то, что может постичь его. Но, как говорил президент Вильсон, недостаточно лишь одного только вооружения. Мы должны присовокупить духовную силу. Есть люди, которые говорят, что мы не должны вмешиваться в существующие ~~xxxx~~ теоретические противоречия между нацизмом и демократией. Но эти противоречия сегодня уже существуют реально". Конец цитаты.

Чтобы доказать, что Англия также проводила интенсивное вооружение и в военно-воздушных силах, значительно выходя за рамки необходимых масштабов вооружения для нужд обороны, - я пред"являю документ по делу Риббентропа, доказательство № 51, и прошу Суд принять этот документ без доказательств. Здесь речь идет о заявлении британского министра авиации - сэра Руда в Палате Общин от 16 ноября 1938 года.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ. Д-р Хорн. Я думал, что Вы поняли решение Трибунала относительно того, чтобы Вы представили все эти документы вместе. По-моему, я сказал, чтобы Вы представили их все вместе под номерами, начиная от № 44 до 300 с лишним. Вы же сейчас даете каждому документу отдельный номер, последовательно называете № 46, 47, 48, 49, 50 и 51 и собираетесь детально останавливаться на каждом из этих документов. т.е. делаете как раз то, что я Вас просил не делать. Разве Вы не поняли, что я Вам сказал?

7475

H1195 - 0293

H1195 - 0294

ХОРН. Я понял, г-н председатель, так, что я должен зачитать наиболее важные части из этих документов. Так я и сделал. Это были самые важные выдержки.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ. Вы собираетесь искать важные выдержки в каждом из 300 документов?

ХОРН. Нет, господин президент, это не так. Но, если я не могу оглашать эти выдержки, то я просил бы Суд приобщить всю мою книгу документов, как сборник доказательств, к делу, с тем, чтобы я мог позже ссылаться на них.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ. Именно это мы просим Вас сделать. Мы хотим, чтобы Вы представили сейчас все эти материалы в качестве документального доказательства под номерами, начиная с № 45 по № 300, или что то вроде этого, и, конечно, мы разрешим Вам ссылаться на эти документы позднее, когда Вы будете произносить свою речь. Если обвинение будет возражать против каких-либо выдержек, то оно должно будет заранее Вам об этом сообщить с тем, чтобы этот вопрос был подвергнут обсуждению. Но мы не хотим тратить времени Трибунала на то, чтобы Вы пред"являли каждый из этих документов по отдельности. Мы также не хотим, чтобы зачитывали какие-либо выдержки из этих документов, за исключением, тех, которые, по Вашему мнению, представляют особую важность. Во всяком случае, в настоящее время Вы не представляете полностью все материалы по делу Вашего подсудимого, а представляете лишь Ваши доказательства.

ХОРН. Господин председатель...

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ. Я напоминаю Вам, что несколько последних доказательств, на которые Вы ссылались, а Вы ссылались приблизительно на 6, касаются вопроса о перевооружении Великобритании. Эти доказательства, повидимому, носят кумуля-

7476

тивный характер? Не так ли? Поэтому все они не могут представлять для Вас особой важности. Мы хотим, чтобы Вы представили эти документы не по отдельности каждый, а все вместе и мы не хотим, чтобы Вы помимо этого делали какую-либо ссылку на отдельные документы.

ХОРН. Тогда я пред"являю документ 51-й.

(К микрофону подходит заместитель главного обвинителя от СССР - полковник Покровский).

ПОЛКОВНИК ПОКРОВСКИЙ. Насколько я понимаю, д-р Хорн до сих пор не сделал никаких выводов из тех неоднократных указаний, которые были даны Трибуналом. В пределах, в каких я имел возможность ознакомиться с постепенно поступающими ко мне переводами (кстати говоря, д-р Хорн передал эти документы не три недели тому назад, как он говорит, а значительно позднее), - я имею ряд возражений. Большинство документов вообще не имеет никакого отношения к делу и, в частности, никакого отношения к делу подсудимого Риббентропа.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ. Полковник Покровский, мы уже указали, что в настоящее время мы не будем рассматривать вопрос о том, можно ли принимать эти документы в качестве доказательства, поскольку у нас еще нет этих документов. Я не понимаю, какова цель Ваших возражений. У нас еще нет этих документов, поэтому мы не можем сказать о том, могут ли они быть приняты в качестве доказательств или нет.

ПОКРОВСКИЙ. Я имею принципиальное возражение. Часть документов (я не буду излагать их содержание, а только для иллюстрации назову два - три номера) содержит грязные и прямо клеветнические выпады частных лиц в отношении таких государственных деятелей, как господин Рузвельт, покойный

7477

H1195-0295

H1195 – 0296

президент США. Я имею в виду документы №№ 290/4, 290/3, 290/1. Имеются просто провокационные фальшивки, я имею в виду документ № 286. Имеется целый ряд документов, прямо подпадающих под те указания, которыми должен был руководствоваться доктор Хорн. И мне кажется, что если он будет продолжать оглашать эти документы...

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ. Полковник Покровский, как я уже сказал, мы еще не получили этих документов. Вы назвали документы за №№ 291, 293, 294, и 286, но мне еще неизвестно, какие номера документов вообще имеются. Я думаю, что будет гораздо лучше, если главные обвинители изложат свои возражения в письменной форме, после чего они будут рассмотрены Трибуналом. Мы еще не имеем документов. Мы не сможем вынести никакого решения до тех пор, пока мы не получим эти документы, чтобы не прервать рассмотрение этого вопроса. Мы разрешаем доктору Хорну представить все эти документы одновременно. Ваши возражения, по-моему, лишь отнимают у Трибунала время и не помогают в разрешении этого вопроса. Если Вы представите Ваши возражения в письменной форме, указав причины, на основании которых Вы возражаете против этих документов, то Трибунал рассмотрит эти возражения.

ПОКРОВСКИЙ. Мое выступление продиктовано именно желанием сэкономить время. С того момента, когда тот или иной документ, вернее, хотя бы содержание его, вкратце попало в протокол судебного заседания, этот материал становится достоянием прессы. Мне кажется, что не в наших интересах, чтобы документы, заведомо являющиеся фальшивками и судьба которых в данном процессе еще не решена Трибуналом, становились достоянием каких-нибудь кругов и доводились до

сведения общественного мнения. Между тем, среди документов, представленных доктором Хорном, есть как раз такие документы, и мне не совсем ясно, почему именно с этими документами получилась задержка в переводе, почему именно эти документы оказались переданными позднее других. В силу этого соображения я и счел себя обязанным выступить. Я думаю, что Трибунал правильно поймет причину моего выступления.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ. Вы в своем выступлении говорите о документах, которые могут быть переданы прессе, и что в связи с этим следует принять необходимые меры. Трибунал примет решение в отношении тех документов, вопрос о принятии которых в качестве доказательства им еще не решен и поэтому они не должны передаваться прессе. Я полагаю, что в прошлом допускались некоторые нарушения этого решения, но решение Трибунала говорит о том, что документы не должны передаваться прессе до тех пор, пока они не будут приняты в качестве доказательств данным Трибуналом.

ПОКРОВСКИЙ. Благодарю Вас.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ. Я также должен, возможно, добавить, что Трибунал непосредственно не занимается этим вопросом. Обвинение, а возможно и Защита должны следить за тем, чтобы документы не передавались прессе до тех пор, пока они не представлены в качестве доказательств.

ПОКРОВСКИЙ. До сих пор существовала практика такого порядка, что если документы, названные в Трибунале, попали в протокол судебного заседания, то они становились достоянием общественности.

4479

H1195-0297

H1195-0298

СЭР ДЭВИД МАКСУЭЛЛ ФАЙФ. Милорд, может быть, я смогу оказать некоторое содействие в этом практическом вопросе, так как он в некоторой степени касается также нас. Как Вашей чести известно, была установлена практика, что все документы за 24 часа до того, как их представляли в качестве доказательства Трибуналу, передавались прессе при условии, что пресса не публикует эти документы до тех пор, пока они не будут приняты в качестве документальных доказательств, и это условие всегда и полностью выполнялось. Я уверен, милорд, что ~~если~~ в том случае, когда Трибунал заявляет, что ~~в том случае, если~~ против какого-либо документа имеются возражения и ~~если~~ Трибунал еще не принял решения о том, можно ли принять этот документ в качестве доказательства, ~~или нет~~, то пресса в соответствии с установившейся практикой должна выполнить желание Трибунала о том, чтобы этот документ не опубликовывался ~~в прессе~~ до тех пор, пока он не будет принят в качестве документального доказательства. Я полагаю, Ваша честь, такое решение поможет устранить трудность, о которой Вы только-что говорили.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ. Дело в том, что в данном случае мы имеем дело с очень большим количеством документов, которые доктор Хори желает представить, и, как Вам известно, в интересах экономии времени мы предложили ему передать все эти документы вместе. Конечно, обвинению будет очень трудно представить свои возражения в отношении всех документов, если они представляются Трибуналу все сразу, а не по отдельности. Поэтому я считаю, что было бы наиболее целесообразным, если бы Обвинение, как только будут иметься

325

1980

переводы, представило свои возражения, с тем, чтобы Трибунал мог рассмотреть эти возражения. И до тех пор, пока не будет вынесено окончательное решение Трибунала по этому поводу, эти документы не должны передаваться прессе для опубликования.

СЭР ДЭВИД МАКСУЭЛЛ ФАЙФ. Милорд, я полностью с этим согласен; я хочу сказать, что до сих пор обвинение могло ознакомиться только с краткими выдержками из документов, которые имелись в книге документов № 1.

По нашему мнению, имеется целый ряд документов, против которых несомненно должны иметься возражения. Но с нашей точки зрения было бы более удобно, если бы мы могли ознакомиться с этими документами после того, как они будут переведены на различные языки, и тогда мы охотно сможем представить Трибуналу в письменной форме наши возражения в отношении тех документов, которые, по нашему мнению, не должны быть предоставлены в качестве доказательства.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ. Сэр Дэвид, большинство этих документов имеется на английском языке, поэтому Вы могли бы представить свои возражения Трибуналу как можно скорее. Пресса, возможно, будет действовать в соответствии с нашим желанием и воздержится от публикации тех документов, против которых имеются возражения, пока не будет вынесено окончательное решение Трибунала.

3481

H1195-0299

H1195 – 0300

СЭР ДЭВИД МАКСУЭЛЛ ФАЙФ. Ваша честь, Мы представим наши возражения сразу же после того, как ознакомимся с содержанием документов.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ. Очень хорошо.

ХОРН. Разрешите заявить, что пресса ничего не получила из тех документов, которые я представляю Трибуналу. Я хотел бы далее констатировать, что, согласно решению суда, только те документы должны быть переведены, которые Обвинение считает относящимися к делу.

Я считаю неправильным возражение полковника Покровского по поводу доказательственной ценности документов. Я не думаю, что Обвинение стало бы переводить те документы, которые, по мнению полковника Покровского, являются клеветническими. Я думаю, что они бы еще раньше были отклонены Обвинением; таким образом, не существует опасности, что переводы этих документов или их оригиналы попадут в прессу.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ. Я не видел документов и поэтому ничего не могу сказать, но, если Вы будете продолжать представление документов в соответствии с предложенным нами порядком, то это будет для Вас наиболее удобно.

ХОРН. Я теперь хотел бы остановиться на документах, которые относятся к вооружению Англии, как в отношении производства вооружения, так и в отношении военной экономики. Они одновременно свидетельствуют о сотрудничестве Англии и Франции. Здесь идет речь о документах № 51 до № 62 моей книги документов. Вследствие этого я

4982

прошу суд принять к сведению эти документы.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ. Вы имеете в виду документы от № 51 до 62?

ХОРН. С № 51 по 62, милорд.

Далее, я перехожу к вопросу о Словакии. Я приведу в доказательство того, что Словакия просила Германию взять ее под свою защиту, документы по делу Риббентропа 63, № 64 и № 65, доказательство № 63. Я прошу Суд принять к сведению эти документы. Кроме того, по этому вопросу я буду допрашивать подсудимого фон Риббентропа во время дачи им свидетельских показаний и, в случае необходимости, попрошу его высказаться по поводу отдельных документов.

Далее, я представляю Суду документы с № 66 по № 69 и прошу принять их к сведению. Эти документы содержат высказывания относительно реакции в Англии на занятие Германией остальной части Чехословакии 5 марта 1939 года. О подробностях создания протектората я опять-таки буду допрашивать подсудимого фон Риббетропа в связи с отдельными документами.

В качестве следующей группы доказательств я представлю суду документы, которые ссылаются на статью 99 Версальского договора, а именно - об отношении к Мемелю с точки зрения международного права. Здесь идет речь о документах № 70 и 71 из моей книги документов.

Учитывая тот факт, что я, согласно установленному порядку пред"явления доказательств, решил, что я сегодня закончу представление документов оглашением этого документа, я хотел бы просить Вашего разрешения, милорд, пред"явить остальные документы завтра, так как я, в связи с существующей практикой суда, предусматривающей частичное оглашение документов, расчитал, что я не дойду дальше, чем до этого документа, оглашая те или иные части документов.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ. Доктор Хорн, почему вы не можете представить эти документы сейчас. Вы говорите, что у Вас имеется указатель этих документов. Вы хотите сказать, что Вы представляете в качестве доказательства документы, начиная с № 71 по 300 с лишним? Вы сейчас можете их представить Трибуналу, если же со стороны Обвинения будут представлены возражения, то мы Вас заслушаем по тем вопросам, по которым будут иметься возражения.

ХОРН. Разрешите мне поговорить с моим помощником и выяснить, имеет ли он здесь эти документы для того, чтобы я мог продолжать свое выступление.

4483

H1195-0301

H1195-0302

ХОРН. Разрешите, милор, задать Вам вопрос. Я понимаю, что, согласно этому решению Суда, теперь больше не будет производиться аргументация, а только должно иметь место перечисление доказательств вне зависимости от их содержания.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ. Повидимому, когда Вы передавали эти документы для перевода, а я из Вашего заявления понял, что Вы их передали, а если Вы их еще не передали для перевода, то Вы это сделаете, Вы должны были указать, на какие выдержки Вы намерены ссылаться. Если эти выдержки Вы будете брать из книг, Вы должны указать из какой части книги Вы берете эти выдержки. В документах Вы должны указать те части, на которые Вы хотите ссылаться. В настоящее время Вы присваиваете номера различным документам и представляете их под определенными номерами в качестве доказательства в Вашей книге документов. Мы хотим, чтобы Вы их представили Трибуналу в качестве документального доказательства, и затем Обвинение, получив переводы этих документов, сможет представить свои возражения, мотивируя их или тем, что документы носят кумулятивный характер, или тем, что они не могут быть приняты по каким-либо другим причинам, и в случае необходимости Трибунал заслушает Вас по этому вопросу. А сейчас Вы продолжайте представлять Ваши документы. Вся трудность заключается в том, что представляемые Вами документы, которые имеются в указателе в Вашей книге документов, Трибунал не может видеть.

ХОРН. До сих пор решение Суда заключалось в том, что мы, согласно общему порядку представления контраргументов, могли не только пред'являть эти доказательства, но и зачитывать их в сводном контексте для того, чтобы таким образом высказать точку зрения защиты по этому вопросу.

7984

Недавно господин Джексон сделал предложение относительно того, чтобы все документы были переданы Суду и что затем обвинение будет выступать с возражениями против отдельных документов без того, чтобы они предварительно цитировались. Это предложение было тогда отклонено на основании возражений доктора Дикса, и Суд хотел продолжать прежнюю практику пред'явления доказательств, согласно которой документы оглашаются в Суде.

Сегодня, однако, имеется полное несоответствие с этим порядком, так как документы просто передаются суду комплексно. Это, безусловно, совершенно иная процедура. Необходимо по новому перегруппировать документы, чтобы затем передать их в порядке Суду, так как до этого мы руководствовались тем, что мы имели предварительно возможность зачитывать по крайней мере отдельные документы.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ. Я не знаю ни одного решения Трибунала, которое бы гласило, что Вам совершенно нельзя оглашать выдержки из документов. Но мы действительно приняли решение о том, что документы должны быть представлены в качестве доказательства и что выдержки, которые Вы хотите оглашать, должны быть отмечены Вами. Если же Обвинение пожелает представить свои возражения против этих документов, как не относящихся к делу, то оно может это сделать, и Трибунал должен вынести свое решение в том случае, если возникнут какие-либо споры по этому вопросу. Доктор Хорн, Вы, конечно, можете пред'являть любые документы Вашим свидетелям, когда Вы их будете допрашивать, и можете попросить дать об'яснения по поводу этих документов. Представление всех документов одновременно совершенно не значит, что Вы ограничены в исполь-

H1195-0303

H1195-0304

зовании этих документов.

ХОРН. Господин председатель, разрешите мне добаваить еще несколько слов. Это вопрос, мне кажется принципиальным и нуждается в обсуждении с моими коллегами. Я хотел бы, чтобы мне разрешили предварительно обсудить этот вопрос с моими коллегами. Ведь это является принципиальным отклонением от прежнего порядка предоставления документов. Таким образом, я не хотел бы брать на себя ответственность лично согласиться с этим изменением. Я думаю, что господин председатель меня поймет правильно.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ. Доктор Хорн, единственное решение по этому вопросу, принятое Трибуналом 4 февраля 1946 года, 2 а, насколько мне известно, заключалось в следующем: "Во время представления материалов защитой, защитники будут оглашать документы, допрашивать свидетелей и будут давать краткие об'яснения документальных доказательств, необходимые для правильного понимания документов".

ХОРН. Господин председатель, это положение было истолковано нами так, что нам будет разрешено поступать так же, как и Обвинению, так как основными принципами любого процесса является то, что существует равноправие между обвинением и защитой. Мы, однако, исходя из соображения экономии времени, готовы приспособиться к решению Суда в том отношении, что мы пред'являем Суду документы по темам, однако, с правом остановиться на их содержании для того, чтобы был понятен весь комплекс вопросов, связанных с этой темой. Однако, нас лишат этой возможности, если мы должны будем просто передать все документальные доказательства суду без каких-либо пояснений.

4486

Ведь мы же вообще не можем делать никаких об'яснений к документу, если я, например, сразу представляю 10 документов по одному и тому же комплексу вопросов.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ. Доктор Хорн! Сейчас Трибунал на несколько минут удалится на совещание для того, чтобы рассмотреть этот вопрос, и затем через короткое время вернется и сообщит Вам свое решение с тем, чтобы Вы могли подготовиться к завтрашнему заседанию в соответствии с решением Трибунала.

ДИКС. До того, как Суд удалится на совещание, я хотел бы поставить только один вопрос. Я до сих пор из хода процесса сделал такой вывод, что трудности возникают вследствие того, что не имеется переводов на русский и французский языки и таким образом часть делегаций не может высказать своей точки зрения по поводу этих документов и вместе с тем не может принять решения - следует ли заявлять протест против некоторых моментов. С другой стороны, Суд хочет избежать, чтобы здесь были пред'явлены документы, в отношении которых еще не ясно, имеются ли у Обвинения возражения против них. Это положение, по-моему, является причиной создавшихся трудностей. Я понял мнение суда, высказанное милордом, - прошу поправить меня, если я ошибаюсь, - не так, что следует отклониться от принятого решения или существующего до сих пор порядка, зачитывать важные, относящиеся к делу части представляемых документов, если они признаны судом относящимися к делу. Мне кажется, что до сих пор Суд не отклонился от этого принципа и что сейчас не принимаются никакие новые принципиальные решения, а ищут пути для преодоления этих трудностей. Как мы преодолеем трудности, заключающиеся в том, что доктор Хорн в настоящее время не может цитировать час-

7487

H1195 - 0305

H1195 – 0306

ти своих документов, так как Суд не в состоянии сейчас судить об их отношении к делу и допустить их, т.к. он не может заслушать сейчас мнения Обвинения по этому вопросу? Поэтому я хотел бы просить Вас до того, как суд ~~удалится~~ объявит ~~на совещание~~ перерыв с тем, чтобы мы ясно представляли себе тему для обсуждения, ~~я хотел бы спросить Суд~~ сказать мне, правильно ли ~~мое мнение о том~~ я считаю, что сейчас речь идет только о том, чтобы найти выход при полном сохранении прав, которые до сих пор имелись у защиты в отношении дачи об'яснений по поводу документов, т.е. таких об'яснений, без которых не может быть понят документ, и зачитывание отдельных выдержек, что эти основные положения остаются и нужно найти сейчас технический выход из создавшегося положения. Я был бы благодарен милороду, если бы он сообщил, правильно ли это мое понимание существа возникших трудностей.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ. Мы сейчас об'явим перерыв и удалимся на совещание; через короткое время мы вернемся и об'явим свое решение. На совещании мы рассмотрим Ваши доводы.

(П е р е р ы в)

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ. 22 марта 1946 года Трибунал вынес данное решение, явившееся повторением решения, принятого 8 марта 4946 года. Для того, чтобы не делать ненужных переводов, защита должна указывать Обвинению точные выдержки из всех документов, которые она предполагает использовать, с тем, чтобы обвинение имело возможность представить свои возражения против тех выдержек, которые по его мнению не относятся к делу. В случае разногласия между защитой и обвинением по во-

7498

просу о том, в какой степени отдельные выдержки относятся к делу, Трибунал будет решать вопрос о том,какие выдержки, имеющие отношение к делу,должны переводиться.Переводиться должны только те выдержки,которые будут цитироваться,в случае если обвинение не попросит перевода всего документа в целом".

Это постановление по целому ряду причин не было полностью выполнено,и поэтому Трибунал не получил переводов и,насколько ему известно,обвинение также не получило полностью всех переводов. Трибунал считает, что именно этот факт в какой-то степени явился причиной тех затруднений,перед которыми мы в настоящее время находимся. Трибунал,цитируя решение от 8 марта 1946 года, в своем решении от 22 марта 1946 года заявил следующее:

"При рассмотрении вопросов,которые были подняты сегодня на утреннем заседании,Трибунал,учитывающий необходимость ведения справедливого судопроизводства и учитывающий в то же время необходимость ведения его более ускоренными темпами,решил,что в настоящее время он будет действовать в соответствии с правилами, которые были приняты до сих пор и которые гласят следующее:

1/ Документы,переведенные на все четыре языка,могут быть представлены без их оглашения,однако, при их представлении защитник может кратко изложить их содержание или же обратить внимание Трибунала на отдельные выдержки и огласить только такие краткие выдержки,которые строго относятся к делу и которые являются крайне важными.

2/ Когда документ представляется в качестве доказательства, Трибунал будет выслушивать все возражения, которые могут быть представлены по поводу этого документа".

В связи с этим Трибунал огласил решение от 8 марта 1946 г., которое касается вопроса о переводе документов. В данном случае переводы не переданы как Трибуналу, так и всем членам обвинения, и поэтому Обвинение не может представить свои возражения так же, как Трибунал не может принять решение о том, могут ли эти документы быть приняты в качестве доказательства.

7489

H1195 – 0307

H1195-0308

Поэт-ому, естественно, что Обвинение возражает против того, чтобы защитник оглашал выдержки из документов, которые Обвинение еще не видело. Трибунал считает, что переводы документов доктора Хорна будут готовы завтра и поэтому Трибунал надеется, что защитники будут строго придерживаться решения, которое я только сейчас огласил. Трибунал вновь обращает внимание защиты на первый параграф этого решения Трибунала и напоминает, что защита должна строго придерживаться этого решения Трибунала: "Документы, которые переведены на черные языка, могут представляться Трибуналу без их оглашения, но при их оглашении защитник может кратко суммировать их содержание или каким-нибудь другим путем обращать внимание Трибунала на то, в какой степени эти документы относятся к делу, и может оглашать такие выдержки, которые строго относятся к делу и представляют особую важность". В этой связи я добавил бы: " и не носят куммулятивного характера". Трибунал не намеревается заседать здесь и иметь такое положение вещей, при котором из имеющихся документов по делу того или иного подсудимого будет оглашаться 300-400 документов, затем эти документы будут соответвующим образом ~~куммм~~ комментироваться, обсуждаться и т.д. Поэтому Трибунал считает, что защитник должен очень кратко суммировать содержание документов и кратко указывать на то, какое отношение тот или иной документ имеет к делу и оглашать лишь те выдержки, которые строго относятся к делу и являются очень важными и не носят куммулятивного характера.

7490

Трибунал готов строго придерживаться этого правила при том условии, если его строго будет придерживаться защита. Поэтому Трибунал считает, что если доктор Хорн после представ-ления документов или всех вместе или по группам укажет какое они имеют отношение к делу и ограничится оглашением только тех выдержек, которые действительно необходимо огласить для того, чтобы правильно понять содержание документов , то это удовлетворит Трибунал. Однако, Трибунал не намерен заседать здесь и заслушивать, как каждый документ будет представляться в качестве доказательства под отдельным номером, или же слушать краткую или пространную речь, о том, в какой степени каждый документ относится к делу, или заслушивать выдержки из каждого документа. Число документов весьма велико и Трибуналу невозможно проводить этот процесс быстро, если решение, которое я только что огласил, не будет строго выполняться и пониматься так, как я его изложил.

Как я уже указал, это решение в основном было вынесено в отношении данного случая и если защита не будет его должным образом выполнять, то это решение будет пересмотрено и изменено.

Трибунал об"являет перерыв.

/Перерыв до 10 часов утра 28.III.46г./.

7491

H1195-0309

H1195-0310

С Т Е Н О Г Р А М М А

ЗАСЕДАНИЯ МЕЖДУНАРОДНОГО ВОЕННОГО ТРИБУНАЛА

от 28 марта 1946 г.

/Утреннее заседание/

Переводчики: Гофман,
Мамедов.

Встать! Суд идет!

ХОРН. /защитник подсудимого Риббентропа/ Высокий суд, я предъявляю сейчас еще не предъявленные документы, согласно Вашему решению, по группам, с предварительными замечаниями. Я сначала обращаюсь к комплексу вопросов о Польше. В моей книге документов - это, во-первых, документ Риббентропа № 200. Я прошу суд приобщить этот документ к делу без доказательств.

В этом документе премьер-министр Чемберлен в письме Гитлеру от 22 августа 1939 г. высказывается по поводу конфликта, который существовал тогда между Германией и Польшей. Он подчеркивает в этой связи, в качестве одного из наиболее важных источников конфликта, вопрос о нац - меньшинствах. В доказательство того, что этот вопрос о нацменьшинствах уже во время возникновения польского государства играл большую роль, я сошлюсь на предъявленный

мнов документ Риббентропа № 72, который я прошу суд приобщить к делу без доказательств. Здесь речь идет о замечаниях немецкой мирной делегации относительно условий мира.

В другом документе - это документ Риббентропа № 74, который я прошу суд приобщить к делу, председатель верховного совета союзных и присоединившихся государств, Клемансо, еще раз высказывает эту точку зрения в своем письме польскому премьер-министру Падеревскому. В доказательство этих фактов ...

СЭР ДЭВИД МАКСУЭЛЛ ФАЙФ. Милорд, я хочу довести до сведения точку зрения Обвинения. Мы еще не получили этих документов и сейчас мы можем лишь в общих чертах определить, против представления каких документов мы возражаем. Насколько нам известно, возражения приводились против всей книги документов. Я хочу лишь разъяснить, что мы не возражаем против порядка представления документов, которого решил придерживаться Хорн, в соответствии с вчерашним заявлением Вашей чести, т.е. представления документов по группам. Однако мы сохраняем за собой право формально представлять наши возражения, когда мы получим эти документы.

Д-р ХОРН. Разрешите, Ваша честь, сделать замечание по этому вопросу?

/Пауза, Совещаются./

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ. Вы хотите что то сказать? Вы собирались что-нибудь добавить к тому,что сказал сэр Дэвид?

7493

H1195-0311

H1195 - 0312

ХОРН. Учитывая возражение, только что сделанное Обвинением, я хотел бы просить суд принять окончательное решение по вопросу о том, в какой степени защита может учитывать те недостатки, которые связаны с техническими трудностями и которые нельзя отнести за счет защиты.

Я хотел бы, чтобы сейчас, наконец, было принято решение, что при тех ограничениях в предъявлении доказательств, которые на нас наложены, не снижалось бы его значение, - а практически оно вообще теряет всякое значение, так как мы не имеем даже возможности принципиально обсудить эти документы с Обвинением затем также и с Судом. Поэтому я прошу отложить предъявление документов в этом сокращенном виде, в котором это было вчера определено судом, до того, пока они будут иметься в переводе.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ. Затруднения возникли повидимому исключительно из-за того, что Ваши книги документов не готовы. Это и вызвало затруднения. Если бы книги документов были бы готовы и представлены Обвинению, то Обвинение имело бы возможность возражать против них. Вот почему сэр Дэвид выдвинул свои возражения предварительного характера. Если у вас есть свидетели, которых вы собираетесь вызвать, то почему бы вам их не вызвать сейчас, пока готовят Вашу книгу документов. Этот порядок представляется Трибуналу наиболее целесообразным. Вызывайте Вашего свидетеля, а документы Вы можете представить на более поздней стадии, когда мы сможем с ними

ознакомиться. Это - единственный разумный вариант. И я не знаю, почему бы Вам не поступить таким образом.

ХОРН. Недавно один офицер из переводческого отдела сообщил мне, что он не в состоянии с имеющимся у него на сегодняшний день штатом сделать эти переводы. Вследствие этого и возникли трудности, но они не находятся в сфере того, что я лично могу сделать, так как я представил документы для перевода во-время.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ. Я говорил не об этом. Я не знаю, правильно ли меня перевели. Я говорю, если у Вас есть свидетели, которых Вы собираетесь вызвать, то почему Вы не вызываете их сейчас?

ХОРН. Я хотел бы вызвать свидетелей в ходе представления документальных доказательств, в связи с тем комплексом вопросов, о которых могут дать показания эти свидетели.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ. Да, я не сомневаюсь, что Вы намеревались так поступить, но поскольку Ваши документы не готовы для того, чтобы их представлять Трибуналу, Вы должны продолжать свое выступление, а единственное, что Вы можете сделать для того, чтобы продолжать - это вызвать свидетеля.

ХОРН. Я прошу суд тогда разрешить в течение 5 минут предварительно переговорить со свидетельницей, которую я хочу вызвать.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ. Да, конечно. Одну минуту.

/К микрофону подходит г-н Додд/.

Да, г-н Додд?

7495

H1195-0313

H1195 - 0314

Г-н ДОДД. Господа судьи. Я не пожалел бы 5 минут времени для любого защитника. Эта свидетельница нахо - дится здесь уже долгое время. Она была здесь вчера це- лый день. Я думаю, д-р Хорн уже беседовал с ней прежде. Он имел полную возможность побеседовать с ней. Он знал, что он намеревался вызвать ее в качестве свидетеля. Он ходатайствовал об этом перед Трибуналом. Я думаю, что мы здесь столкнулись с фактом, когда один человек за - держивает слушание дела.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ. Трибунал принимает решение, что свидетеля следует вызвать сейчас же.

Д-р ХОРН. Тогда я прошу вызвать в качестве сви - детельницы г-жу Бланк.

/В зал Суда входит свидетельница/.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ. Назовите Ваше имя и фамилию.

СВИДЕТЕЛЬНИЦА. Маргарита Бланк.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ. Повторяйте за мной слова присяги:

Я клянусь Богом, всемогущим и всеведущим, что я буду говорить чистую правду, ничего не утаю и ничего не прибавлю.

/Свидетельница повторяет слова присяги/

Вы можете сесть, если хотите.

ХОРН. С какого времени Вы знаете г-на фон Риббен- тропа?

МАРГАРИТА БЛАНК. Я познакомилась с бывшим уполно- моченным имперского правительства по вопросам разоруже - ния в начале сентября 1934 года в Берлине.

ХОРН. С какого времени Вы являлись секретаршей бывшего имперского министра иностранных дел г-на фон Риббентропа?

БЛАНК. С -го ноября 1934 года я стала секретаршей в ведомстве г-на фон Риббентропа.

Когда личная секретарша г-на фон Риббентропа была уволена, а новая секретарша не прибыла, г-н фон Риббентроп спросил меня, не хочу ли я занять эту должность.

Я согласилась и начала работать в качестве его личной секретарши с 1 февраля 1935 года.

ХОРН. Каково было отношение фон Риббентропа к Гитлеру?

БЛАНК. Насколько я могу судить, господин фон Риббентроп всегда питал большое восхищение и уважение по отношению к Адольфу Гитлеру. Самой главной целью для него было пользоваться доверием у Гитлера, и он самоотверженно старался оправдать его своим поведением и своими действиями. Для того, чтобы достичь эту цель, для него не существовало никаких преград. Он выполнял задачи, порученные фюрером, с самоотречением, не жалея себя; по отношению к своим подчиненным он говорил об Адольфе Гитлере в выражениях высшего восхищения. Благодарность за его заслуги, которую он выразил в своей речи в Рейхстаге, затем в письме в связи с 50-летием для его рождения, в котором была выражена похвала и большая признательность, и при награждении его золотым почётным значком партии, была для него наилучшей наградой за его самопожертвование.

7497

H1195 - 0315

H1195 – 0316

ХОРН. Правильно ли, что фон Риббентроп, в разго - воре со своими подчиненными всегда соглашался с Гитлером, даже в тех случаях, когда он был иногда другого мнения?

БЛАНК. Из того, что я уже говорила, вытекает,что в случае разногласий с фюрером господин фон Риббентроп подчинял свое собственное мнение мнению фюрера. Если Гитлером было принято какое-либо решение, то никакой критики позже уже не могло быть. Господин фон Риббентроп передавал своим подчиненным это мнение фюрера, как будто оно было его собственным мнением, для него мнение Гит - лера было всегда настолько же обязательным, как военный приказ.

ХОРН. Чем Вы объясняете такую позицию Риббентропа?

БЛАНК. Я объясняю эту позицию, во-первых, тем,что по представлению г-на фон Риббентропа фюрер был единст - венным человеком, способным принимать правильные решения по политическим вопросам, а также и, во-вторых, тем, что господин фон Риббентроп, так как он раньше был офицером и сыном офицера, всегда считал себя обязанным быть вер - ным фюреру, согласно данной им присяге, и он рассматри - вал себя в некоторой степени, как солдат, который должен выполнять полученные приказы, а не критиковать или изме- нять их.

ХОРН. Знаете ли Вы о том, что Риббентроп неодно - кратно подавал заявления об отставке?

БЛАНК. Да, такие случаи неоднократно имели место. Правда, господин фон Риббентроп не говорил о подобного

рода личных делах со своими подчиненными. Я помню в деталях только о заявлении об отставке в 1941 году; это заявление об отставке, также, как и все последующие, было написано им собственноручно. Причиной этого прошения об отставке были трудности в вопросах о взаимоотношениях с другими ведомствами в отношении функций, вследствие вмешательства этих ведомств в функции министерства иностранных дел, что привело к тому, что господин фон Риббентроп не мог больше нести ответственности за внешнюю политику империи.

ХОРН. Какой ответ был дан на эти заявления об отставке?

БЛАНК. На все эти заявления об отставке давался отрицательный ответ.

ХОРН. Вы находились во время деятельности господина фон Риббентропа в качестве посла вместе с ним в Англии?

БЛАНК. Да.

ХОРН. Правильно ли, что фон Риббентроп многие годы стремился к тесному союзу между Германией и Англией?

БЛАНК. Да. Вследствие этого господин фон Риббентроп летом 1936 года по его просьбе был послан фюрером в качестве посла в Лондон. Морское соглашение 1935 года было лишь началом; далее было запланировано соглашение по вопросам воздушных сообщений, которое по неизвестным мне причинам не было достигнуто.

ХОРН. Знаете ли Вы что-либо о том, как фон Риббентроп относился к английской теории равновесия на континенте?

7499

H1195-0317

H1195 – 0318

БЛАНК. Из целого рода высказываний господина фон Риббентропа мне известно, что он стоял на той точке зрения, что Англия, так же и сегодня, придерживается традиционной политики равновесия. Здесь его точка зрения противоречила точке зрения фюрера, который придерживался того мнения, что вследствие развития России на востоке возник фактор, который требовал ревизии прежней политики равновесия, другими словами, что Англия чрезвычайно заинтересована в постоянном усилении Германии. Вследствие этой точки зрения господина фон Риббентропа он, во время польского кризиса, считал возможным выполнение английских гарантий Польше.

ХОРН. Какие политические цели преследовал фон Риббентроп при заключении пакта трех держав?

БЛАНК. Пакт трех держав должен был стать пактом локализации войны.

ХОРН. Знаете ли Вы что-либо о том, стремился ли фон Риббентроп к тому, чтобы Соединенные Штаты не были втянуты в войну.

БЛАНК. Да. Это стремление было положено в основу пакта трех держав.

ХОРН. Перехожу к другому комплексу вопросов.

Какова была позиция господина фон Риббентропа в отношении церкви?

4500

БЛАНК. Насколько я могу судить, позиция фон Риббентропа в отношении церкви отличалась большой терпимостью. Насколько я знаю, он уже в 20-х годах перестал посещать церковь, однако он не стремился оказать какое-либо давление или влияние на своих близких в этом направлении. Вообще он не интересовался этим. Его терпимость доходила до того, что, например, своим двум старшим детям он, кажется в 1935 году, в соответствии с их собственным желанием, разрешил опять ходить в церковь.

Его терпимость в отношении свободы совести соответствовала его позиции по отношению к церкви. В этой связи я вспоминаю меморандум по принципиальным вопросам, который господин фон Риббентроп послал фюреру; в нем он выступал за политику терпимости по отношению к церкви. Зимой 1944 года он принял епископа Геккеля, чтобы обсудить с ним вопрос о церкви. В связи с поездкой господина фон Риббентропа в Рим в 1941 или 1942 г. он также посетил Папу и пробыл у него продолжительный срок.

7501

H1195-0319

H1195-0320

ХОРН. Риббентроп был замкнутым человеком, всегда погруженным в свои собственные мысли?

БЛАНК. Да. Несмотря на то, что я десять лет была его личной секретаршей, я очень редко или почти никогда не замечала, чтобы господин фон Риббентроп выходил из себя. Его работа, которой он весь отдавался, целиком занимала все его время и все его мысли в такой мере, что для личной жизни он не существовал. Таким образом, например, я не знала никого, за исключением членов его семьи, с кем бы его связывали узы тесной дружбы. Но это, однако, не исключает того, что он сознательно заботился о благосостоянии и нуждах своих подчиненных и, в частности, в случаях нужды великодушно помогал им.

ХОРН. Правильно ли, что Вы неоднократно чувствовали, что между Риббентропом и Гитлером иногда существовали некоторые разногласия во мнениях?

БЛАНК. Да. В соответствии с уже упомянутой мною позицией г-на фон Риббентропа, он никогда не говорил об этих разногласиях с нами или со своими подчиненными, но я хорошо вспоминаю периоды, когда такие сильные разногласия, безусловно, имелись. В такие периоды фюрер в течение многих недель не принимал Риббентропа. Риббентроп очень страдал физически и морально от такого отношения.

ХОРН. Риббентроп в проведении своих внешнеполитических целей был самостоятелен, или он зависел от указаний и директив Гитлера?

БЛАНК. Господин Риббентроп очень часто говорил, что он является лишь министром, отвечающим за осуществление

внешней политики фюрера и, тем самым, не является самостоятельным в своих политических стремлениях. Кроме того, при выполнении директив, даваемых фюрером, он был сильно связан указаниями Адольфа Гитлера. Так, например, наряду с ежедневными информационными сообщениями, которые передавались фюреру послом Гевелем, являвшимся представителем министерства иностранных дел, Риббентроп очень часто просил фюрера принимать решения по различным частным вопросам, а также посылал проекты инструкций послам заграницей.

ХОРН. Риббентроп страдал от того, что он хотя и нес ответственность за внешнюю политику, но не руководил ей?

БЛАНК. Господин фон Риббентроп никогда не говорил об этом в моем присутствии, но у меня было такое впечатление.

ХОРН. Какова была позиция Гитлера по отношению к министерству иностранных дел?

БЛАНК. Фюрер видел в министерстве иностранных дел старый закостенелый чиновничий аппарат, который почти не был затронут национал-социализмом. Так, я знаю из рассказав тех, кто находился в окружении Гитлера, что Гитлер очень часто высмеивал министерство и говорил, что он видит в министерстве иностранных дел реакционную пораженческую организацию.

ХОРН. Каким образом Риббентроп пытался приблизить министерство иностранных дел к Гитлеру?

БЛАНК. При назначении на пост министра иностранных дел в феврале 1938 года г-н фон Риббентроп намеревался

7503

H1195-0321

H1195-0322

произвести большие перемены в личном составе всей германской дипломатии. Кроме того, он имел ввиду произвести принципиальные изменения в подготовке кадров. Однако, в связи с началом войны, эти его стремления не осуществились. Позже, в ходе войны, он пытался снова провести эти изменения, когда вопрос подготовки кадров приобрел большое значение в министерстве; то, что за границу на пост послов назначались не профессиональные дипломаты, а также старые члены СА и СС /следует об'яснить тем/ что Риббентроп стремился преодолеть антипатию фюрера по отношению к министерству иностранных дел.

ХОРН. Какова была позиция Риббентропа по отношению к России?

БЛАНК. Позиция Риббентропа по отношению к России нашла свое выражение в заключенном им пакте о ненападении и дружбе в августе 1939 года и торговом соглашении в сентябре 1939 года.

ХОРН. Знаете ли Вы, что в Москве были подписаны не только пакт о ненападении и торговое соглашение?

БЛАНК. Да, имелось еще дополнительное секретное соглашение.

(К микрофону подходит главный обвинитель от СССР генерал РУДЕНКО).

Генерал РУДЕНКО. Господа судьи. Мне кажется, что свидетель, вызванный в данное судебное заседание, по своему

должностному положению, а именно будучи секретарем бывшего министра иностранных дел Риббентропа, может давать свои показания, касаясь личности подсудимого Риббентропа, его образа жизни, замкнутый или откровенный у него характер и т.п. Но свидетель совершенно не компетентен в отношении вопросов договоров, внешней политики и проч. В этом смысле я считаю вопросы защиты совершенно неприемлимыми и я бы просил отвести их.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ. Д-р Хорн. Этот же вопрос поднимался в отношении письменного показания д-ра Гауса, не так ли? Вы сказали, что Вы намереваетесь представить письменное показание д-ра Гауса в отношении тайного соглашения. Простите, я хотел сказать, что д-р Зейдль намеревался представить письменное показание д-ра Гауса в отношении этого, якобы, имевшего место соглашения. Не так ли?

ХОРН. Я предполагаю, что это так.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ. Советское Обвинение оспаривало правдоподобность подобного соглашения и требовало представления письменного показания. Скажите, существует ли это соглашение в письменное форме?

ХОРН. Нет.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ. Это соглашение между советским правительством и Германией заключено в письменной форме?

ХОРН. Да, оно было заключено в письменной форме. Я не имею, однако, копии этого соглашения и поэтому я просил бы Суд, в случае, если решение этого вопроса зависит от

7505

H1195-0323

H1195-0324

решения вопроса об аффидевите Гауса, чтобы мне было разрешено в соответствующий момент пред'явить аффидевит г-жи Бланк, которая видела в оригинале этот протокол. Ваша честь, Вы согласны с этим?

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ. Доктор Зайдль, есть ли у Вас лично копия этого соглашения?

ЗАЙДЛЬ. Господин председатель, имеются лишь два экземпляра этого соглашения. Один экземпляр остался 23 августа 1939 года в Москве, другой экземпляр был привезен г-ном фон Риббентропом в Берлин. Согласно сообщению, опубликованному в прессе, весь архив Германского министерства иностранных дел был конфискован советскими войсками. Я поэтому ходатайствую перед советским правительством или советской делегацией о пред'явлении оригинала этого соглашения Суду.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ. Вы не отвечаете на мой вопрос. Я не просил Вас приводить Ваши доводы. Я Вас спросил, имеется ли у Вас копия этого соглашения?

ЗАЙДЛЬ. Я сам не имею копии соглашения. Аффидевит посла Гауса дает лишь изложение содержания секретного соглашения. Он был в состоянии сделать это, так как он составил проект этого/секретного/ соглашения. Секретное соглашение было подписано комиссаром иностранных дел Молотовым и германским министром иностранных дел фон Риббентропом в том виде, в котором оно было составлено в проекте, послом Гаусом. Это все, что я хотел сказать.

7506

(К микрофону подходит генерал РУДЕНКО).

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ. Да, генерал Руденко.

РУДЕНКО. Господин председатель, я хочу сказать о следующем. То, что здесь заявил защитник Зайдль о соглашении, которое захвачено, якобы, советскими войсками в связи с захватом архива министерства иностранных дел, то есть о соглашении в августе 1939 года, заключенном в Москве, то я могу адресовать защитника к прессе, в которой было опубликовано это соглашение, или иначе германско-советский пакт о ненападении от 23 августа 1939 года. Это общеизвестно. Что же касается других соглашений, советское обвинение считает, что ходатайство доктора Зайделя о приобщении к делу письменных показаний фр. Гауса должно быть отклонено ~~судом~~ по следующим соображениям. Показания Гауса о переговорах и предистория заключения советско-герм нского пакта 1939 года являются не относящимися к делу. Представление таких показаний, неправильно освещающих события, могло быть рассчитано только на провокацию. Это с очевидностью вытекает из того, что фон Риббентроп от этого свидетеля отказался, хотя в его показаниях описывается деятельность Риббентропа, а защитник подсудимого Гесса получает от этого свидетеля показания и ходатайствует о приобщении этих показаний, хотя в них нет никаких фактов, относящихся к Гессу. В силу этих оснований я прошу Трибунал отклонить ходатайство защитника Зайделя и вопрос, поставленный защитником Хорном, как не

7507

H1195-0325

H1195 – 0326

имеющие отношения к рассматриваемому нами делу.

(Пауза. Суд совещается).

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ. Да, доктор Зайдль, Вы хотите что-нибудь еще сказать?

ЗАЙДЛЬ. Разрешите мне коротко добавить. Заявление г-на представителя советского обвинения было переведено нам не полностью. Мне не ясно, имеет ли в виду генерал Руденко вообще отрицать то, что было заключено секретное соглашение или он хочет только утверждать, что содержание этого секретного документа не является относящимся к делу. Если речь идет о первой точке зрения, то я повторяю свое ходатайство о вызове и допросе Советского комиссара иностранных дел Молотова, если речь идет о второй точке зрения, то я прошу дать мне возможность немедленно представить Суду аргументы, относительно отношения к делу этого секретного соглашения.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ. В настоящий момент мы рассматриваем возражения против показаний этой свидетельницы и поэтому мы не будем ~~далее~~ пока отвлекаться. Трибунал об'являет перерыв на несколько минут.

(Перерыв на несколько минут).

Встать, суд идет!

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ. Трибунал хотел бы указать защите, что не было никакого упоминания об этом якобы имевшем место

соглашении в ходатайстве относительно показаний, которые дает этот свидетель. Но поскольку этот вопрос был поднят, Трибунал принял решение разрешить защите допрашивать свидетеля по данному вопросу.

ХОРН. Вы говорили о тайном соглашении; каким образом Вы узнали о заключении этого соглашения?

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ. Одну минуту. Мне сказали, что мои слова неправильно переведены на русский язык. Так или иначе, я не знаю правильно ли они переведены на немецкий: я сказал, что свидетеля можно допрашивать. Я не говорил, что его допрашивать нельзя. Это ясно?

ХОРН. Благодарю, милорд. Я именно получил такой перевод, милорд.

(Обращается к свидетелю). В связи с тем, что Вы говорили о секретном соглашении, я хочу спросить, каким образом вы узнали о заключении подобного соглашения?

БЛАНК. Вследствие болезни я не смогла сопровождать г-на фон Риббентропа во время его двух поездок в Россию. Я также не участвовала в подготовительных работах по составлению проектов договоров. О существовании этого секретного соглашения я узнала, получив запечатанный конверт, о хранении которого как секретного документа были даны специальные указания, и имел надпись "Германо-русское секретное или дополнительное соглашение".

7509

H1195-0327

H1195 - 0328

ХОРН. Вы, значит, отвечали за сохранение этих секретных документов. Это правильно?

БЛАНК. Да.

ХОРН. Я сейчас перейду к другой области и спрошу Вас, стремился ли Риббентроп при всех условиях сохранять союз с Россией?

БЛАНК. В качестве человека, который подписал германо-русский пакт, Риббентроп, само собой разумеется, был заинтересован в сохранении этого договора. Кроме этого, он осознавал ту опасность, которая возникла бы для Германии в случае войны с Россией. Именно в этом отношении он беседовал с фюрером и предостерегал его. Насколько я помню, он для этой цели вызвал из Москв-ы Советника посольства посла Гильгера и Шнурре, которые должны были доложить об обстановке в Бертесгадене. Для этой же цели весной 1941 г. еще раз был вызван посол графа фон дер Шуленбург, который должен был доложить обо всем этом для того, чтобы подтвердить и обосновать предостережения, которые сделал Риббентроп фюреру в отношении России.

ХОРН. Известно ли Вам о том, что Гиббентроп предварительно был осведомлен о намерениях Гитлера присоединить Австрию к Германии?

БЛАНК. Вступление германских войск в Австрию совпало по времени с прощальным визитом посла фон Риббентропа, назначенного на пост министра иностранных дел, в Лондон. Он был поражен известием об аншлюссе Австрии, так как он ждал другого решения этой проблемы, а именно на основе эко-

номического об'единения.

ХОРН. Известно ли вам что-нибудь о том, что г-н фон Риббентроп неоднократно стремился добиться окончания войны дипломатическим путем?

БЛАНК. Да. Одним из таких шагов была поездка посланника профессора Вербера в Швейцарию зимой 1943-1944 г.г. Позднее подобные шаги активизировались, а именно в Берн был послан д-р Шмиден, а в Стокгольм - д-р Гессе. Так как не существовало специальных полномочий фюрера на ведение подобных переговоров, они должны были ограничиться только определением условий, на которых можно было начать переговоры с союзниками. Подобные же поручения имели поверенный в делах Германии в Мадриде, посланник фон Бибрах, генеральный консул Мельгаузен в Лиссабоне и посол в Ватикане фон Вейцзеккер. Бывший сотрудник ведомства Риббентропа, проживавший в Мадриде, получил поручение совершить подобную же попытку в отношении английского правительства. 20 апреля фон Риббентроп продиктовал мне пространный меморандум для фюрера, в котором он просил официального разрешения для начала переговоров. Решения фюрера по этому вопросу я не знаю, так как я покинула Берлин.

ХОРН. Известно ли Вам было, в связи с Вашей служебной деятельностью, каково было принципиальное отношение фюрера к этому вопросу?

7511

H1195-0329

H1195-0330

БЛАНК. Я знаю только от лиц, которые окружали его, что фюрер не надеялся на успех этих переговоров или только тогда решил бы начать подобные переговоры, когда снова были бы налицо какие-либо военные успехи Германии. Но когда такие военные успехи были достигнуты, он был все же против дипломатических шагов.

В отношении миссии д-ра Гессе, после того, как эта миссия провалилась, он, якобы, сказал, что он так или иначе ничего от этого не ожидал.

ХОРН. Еще один вопрос. Правильно ли, что фон Риббентроп весьма очень незадолго узнал о предстоявшей оккупации Норвегии и Дании?

БЛАНК. Да, он узнал об этом только за несколько дней до событий.

ХОРН. Известно ли Вам что-либо о том, что фон Риббентроп стоял на той точке зрения, что Англия выступит на стороне Польши?

БЛАНК. Да, это соответствовало его точке зрения в том отношении, что Англия будет придерживаться старой политики равновесия, он считал также, что Англия выполнит гарантии, данные Польше.

ХОРН. У меня больше нет вопросов к этому свидетелю.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ. Имеет ли кто-нибудь из защитников вопросы к этому свидетелю? Есть ли вопросы у Обвинения?

СЭР ДЭВИД МАКСУЭЛЛ ФАЙФ. Милорд, Обвинение тщательно рассмотрело этот вопрос. Обвинение надеется, что Трибунал не будет возражать, если Обвинение примет к сведению все показания, которые дал этот свидетель, но, придерживаясь того мнения, что все эти вопросы могут быть более успешно поставлены самому подсудимому, отказывается от перекрестного допроса.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ. Свидетель может удалиться.

ЗАЙДЛЬ. Господин председатель. Суд рассмотрел вопрос, касающийся тайного соглашения и допустил допрос свидетельницы по этому вопросу. Свидетельница знала только о существовании этого соглашения, но ничего не знала о содержании этого тайного соглашения. Я прошу сообщить мне, является ли допущение этого вопроса в отношении данной свидетельницы, одновременно и принятием решения Судом, о допущении предоставления аффидевита посла Гауса. Может быть Суд разрешит мне сейчас огласить одну выдержку из этого аффидевита?

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ. Было ли это письменное показание передано обвинению?

ЗАЙДЛЬ. В понедельник на прошлой неделе, т.е. три дня назад, я передал шесть экземпляров этого аффидевита отделу переводчиков и лейтенанту Шрадеру из информационного центра защиты. Я предполагаю, что за этот промежуток времени, т.е. три дня, представители Обвинения получили эти экземпляры.

7513

H1195 - 0331

H1195 - 0332

СЭР ДЭВИД МАКСУЭЛЛ ФАЙФ. Милорд, обвинение не получило копии этого письменного показания. Ни я, ни мои коллеги г-н Додд, генерал Руденко и г-н Шампетьер де Риб не видали его.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ. Я думаю, что лучше подождать до тех пор, пока документ не будет в руках обвинения. Затем уже можно будет его рассмотреть.

ЗАЙДЛЬ. Господин председатель, мне кажется, я сделал все, что было в моих силах, чтобы передать этот аффидевит Обвинению. Я не имею никакого влияния на деятельность генерального секретаря и прошу Суд оказать мне помощь.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ. Никто и не сказал, что Вы совершили какую-либо ошибку, д-р Зайдль.

ХОРН. Я вызываю в качестве свидетеля посланника Пауля Шмидта.

(Входит свидетель).

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ. Как Ваша фамилия?

СВИДЕТЕЛЬ. Моя фамилия Шмидт.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ. Ваше полное имя?

СВИДЕТЕЛЬ. Доктор Пауль Отто Шмидт.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ. Повторяйте за мной слова присяги: я клянусь Богом всемогущим и всеведущим, что я буду говорить чистую правду, ничего не утаю и ничего не добавлю.

(Свидетель повторяет слова присяги).

ХОРН. Господин свидетель, вы участвовали в части решающих переговоров, которые велись перед началом войны между английским послом сэром Невилем Гендерсоном и членами имперского правительства. Правильно ли, что Вы присутствовали на беседе 30 августа 1939 года между подсудимым фон Риббентропом и британским послом?

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ. Трибунал об'являет перерыв до 1 ч. 45 мин.

(Перерыв по техническим причинам).

ВВ, ЛТ

7515

H1195 - 0333

H1195 – 0334

С Т Е Н О Г Р А М М А

ЗАСЕДАНИЯ МЕЖДУНАРОДНОГО ВОЕННОГО ТРИБУНАЛА

от 28 марта 1946 г.

Вечернее заседание.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ. Да, пожалуйста, доктор Хорн.

ХОРН. Свидетель, верно ли, что вы присутствовали при переговорах 30-го августа 1939 года между подсудимым фон Риббентропом и британским послом сэром Невиллем Гендерсоном?

ШМИДТ. Да, это верно.

ХОРН. Где происходили эти переговоры?

ШМИДТ. Они состоялись в рабочем кабинете министра иностранных дел в Берлине.

ХОРН. В качестве кого вы принимали участие в этой беседе?

ШМИДТ. Я принимал в этих переговорах участие как переводчик и составитель протокола.

ХОРН. С какого времени вы работаете в министерстве иностранных дел в качестве переводчика и у кого вы работали в качестве переводчика?

ШМИДТ. Я работав в качестве переводчика в министерстве иностранных дел с 1923 года. Я работал переводчиком на конференциях и переводил, таким образом, для всех министров, начиная от Штреземана и кончая Риббентропом. Я также переводил ряду германских рейхсканцлеров, а именно: Герману Мюллеру, Марксу, Брюнингу, Гитлеру, членам имперского кабинета и представителям Германии/ на международных конференциях.

Таким образом, с 1923 года я принимал участие в качестве переводчика во всех международных конференциях, на которых Германия была представлена.

7516

ХОРН. Переводили ли вы во время этой беседы между ~~между~~ Риббентропом и сэром Невиллем Гендерсоном?

ШМИДТ. Нет, я не переводил, так как эта беседа велась на немецком языке.

ХОРН. Владел ли посол Гендерсон в совершенстве немецким языком?

ШМИДТ. Познания посла Гендерсона в немецком языке были достаточно хорошими, но нельзя сказать, что он в совершенстве владел немецким языком, так что иной раз в момент волнения он не мог понимать всего достаточно точно. Об этом свидетельствует как раз тот инцидент, который имел место во время вышеупомянутых переговоров. Ему не всегда было достаточно легко выражать точно свои мысли на немецком языке. Но обычно во время переговоров с немцами он предпочитал немецкий язык.

ХОРН. Во время переговоров господин фон Риббентроп огласил господину Гендерсону меморандум, в котором содержались предложения Германии об урегулировании германо-польских вопросов. Я спрашиваю вас теперь господин свидетель: просил ли вас Гендерсон во время этих переговоров перевести ему содержание меморандума, оглашенного ему фон Риббентропом?

ШМИДТ. Нет, господин Гендерсон не просил меня об этом.

ХОРН. Не сложилось ли у вас на основании его поведения впечатление, что сэр Невилль Гендерсон понял содержание этого меморандума полностью?

ШМИДТ. Мне это, конечно, трудно сказать. Ведь нельзя же заглянуть в душу другого человека. Но я сомневаюсь в том,чтобы он понял все детали этого документа.

7517

H1195-0335

H1195 – 0336

ХОРН. Делал фон Риббентроп Гендерсону какие-либо пояснения к тексту при оглашении этого документа?

ШМИДТ. Да. Во время оглашения этого документа время от времени министр иностранных дел давал пояснения по некоторым пунктам, которые могли быть не совсем ясными для Гендерсона.

ХОРН. Просил ли сэр Невилль Гендерсон о том, чтобы Риббентроп давал эти пояснения?

ШМИДТ. Нет, сэр Невилль Гендерсон просто сидел и слушал чтение документа и даваемые пояснения.

ХОРН. В какой атмосфере протекала эта беседа?

ШМИДТ. Я могу сказать, что атмосфера, в которой протекала эта беседа, была в известной степени наэлектризованной. Оба собеседника страшно нервничали. Гендерсон был очень неспокоен, министра же иностранных дел я никогда больше, за исключением, пожалуй, еще одного раза, не видел в таком нервном состоянии, как во время этой беседы. Для иллюстрации атмосферы, царившей во время этих переговоров, следовало бы привести один инцидент, который имел место в первой половине беседы.

Речь шла о следующем: уточнялись те пункты, которые Германия должна была предъявить Польше и польскому правительству. Министр иностранных дел уточнил все детали и закончил словами: "Вы видите, господин Гендерсон, обстановка чертовски серьезна". Когда сэр Невилль Гендерсон услышал эти слова: "чертовски серьезна", он приподнялся со своего стула и, сделав предостерегающий жест министру, сказал: "Вы сейчас только что сказали - "чертовски". Так не подобает выражаться государственному

деятель при таком серьезном положении". Эти слова ....

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ. К какому разделу Обвинительного заключения имеет это отношение?

ХОРН. Это имеет отношение к тому пункту обвинения, в котором говорится, что фон Риббентроп зачитал так быстро решающий меморандум 30 августа 1939 года, что господин посол Гендерсон не был в состоянии понять содержания этого меморандума и, таким образом, не мог передать содержание этого меморандума своему правительству и просить свое правительство передать меморандум Польскому правительству для ведения в дальнейшем переговоров между Германией и Польшей. Англия предложила тогда свое посредничество обоим правительствам. Германия на основании этого ....

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ. На какие страницы Обвинительного заключения Вы ссылаетесь? Может быть, Вы правы,—я не знаю. Я только хочу знать, на какие страницы Обвинительного заключения Вы ссылаетесь в данном случае?

ХОРН. Это относится к пункту, в котором говорится, что подсудимый Риббентроп подготавливал и не препятствовал развязыванию войны. Пункт, где фон Риббентроп обвиняется как участник заговора.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ. Это на 9-й странице, пункт "Ф"-4? Здесь ничего не сказано о том, каким образом этот документ был вручен сэру Невилю Гендерсону. Я предполагаю, что у Вас есть Обвинительное заключение. Где это имеется в Обвинительном заключении?

ХОРН. Обвинение здесь говорило, и Чемберлен в свое время заявил в парламенте, что этот меморандум был зачитан фон Риббентропом Гендерсону так быстро, что его невозможно

7519

H1195-0337

H1195 - 0338

было понять и передать его содержание для дальнейшего ведения переговоров, которые предлагала Англия. Подсудимый фон Риббентроп, таким образом, прямо обвиняется в том, что он воспрепятствовал последней возможности вести с Польшей переговоры. Показания свидетеля доказывают, что подсудимому Риббентропу нельзя приписывать эту вину.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ. Доктор Хорн, Вы утверждаете, что это было заявлено таким образом. Но в Обвинительном заключении не содержится подобного обвинения. Возможно, обвинение сослалось на это в ходе обзора исторических событий. Вы высказали свою точку зрения и мне кажется, что нет необходимости подробно останавливаться на этом вопросе.

ХОРН. Я могу продолжать? /Обращается к свидетелю Шмидту/. Таким образом, у Вас было впечатление, что оба государственных деятеля были очень возбуждены?

ШМИДТ. Да, у меня сложилось такое впечатление.

ХОРН. Чем Вы объясняете это возбуждение?

ШМИДТ. Я объясняю это напряженной обстановкой, в которой проходили переговоры, и многочисленными беседами, которые почти беспрерывно происходили в предшествовавшие дни и требовали большого нервного напряжения от всех участников.

ХОРН. Правильно ли, что Риббентроп, как утверждает это сэр Невилль Гендерсон в своей книге, употребляя самые непотребные выражения, сказал, что он никогда не будет просить польского посла прибыть к нему с визитом?

ШМИДТ. Я этого не помню. Министр иностранных дел сказал лишь, что он будет вести переговоры с польским послом в том случае, если у последнего будут соответствующие полномочия на это.

ХОРН. Этих полномочий у посла Липского не было?

ШМИДТ. На этот вопрос, который задал ему министр иностранных дел во время его посещения польским послом, Липский ответил совершенно ясно - "нет, у него нет полномочий на ведение переговоров".

ХОРН. Вслед за этим подсудимый фон Риббентроп заявил сэру Невилль Гендерсону, что он не может принять польского посла. Правильно ли это?

ШМИДТ. Нет, я только что говорил о беседе, которая состоялась между министром иностранных дел и польским послом. Во время этих переговоров польскому послу был поставлен вопрос: есть ли у него полномочия на ведение таких переговоров. Посол ответил: "Нет". После этого министр иностранных дел ответил, что в таком случае он не может вести с ним переговоров.

ХОРН. Подсудимый фон Риббентроп не передал тогда послу сэру Невилль Гендерсону меморандум, о котором мы только что говорили. Было ли у Вас впечатление, что фон Риббентроп не передал текст ультиматума послу сэру Невилль Гендерсону, потому что он не хотел, или потому, что он не имел права?

ШМИДТ. Мне трудно ответить с полной ясностью на этот вопрос, так как я не присутствовал на предварительных беседах, которые, конечно, были у Гитлера с министром иностранных дел по этому вопросу перед тем, как фон Риббентроп беседовал с английским послом. Поэтому я могу сказать только о тех впечатлениях, которые у меня создались во время беседы с английским послом и из которых я могу сделать выводы о том, какого рода инструкции могли быть даны на этот счет министру иностранных дел Гитлером. Здесь я могу заявить следующее: когда Гендерсон просил вручить

7521

H1195 – 0339

H1195 - 0340

ему документ, содержавший германские предложения, министр ино - странных дел сказал: "Нет, я не могу дать Вам этот документ",— он употребил именно эти слова.

Конечно, это было немного необычно, так как при нормаль- ных обстоятельствах Гендерсон мог ожидать, что ему после огла - шения документа вручат его.

Я сам был весьма удивлен ответом министра и посмотрел еще раз на министра, думая, что я его неправильно понял. Риббен- троп повторил еще раз: "Я не могу дать Вам документ". Но я ви - дел, что для него это дело было достаточно мучительным. Он прекрасно сознавал то затруднительное положение, в которое он поставил себя таким ответом; я могу об этом судить по той не - приятной улыбке, которая была у него в тот момент, когда он спокойным голосом заявил сэру Гендерсону: " Я не могу передать Вам этот документ".

После этого я посмотрел на сэра Невилля Гендерсона, так как я, естественно, ожидал, что он предложит мне перевести этот документ, но Гендерсон не потребовал этого. Я смотрел на Гендерсона, как бы приглашая его сделать мне такое предложение, поскольку я знал, как важно было точно и быстро передать содер- жание этого документа английскому правительству. Если бы мне было предложено перевести, я стал бы переводить текст докумен - та совсем медленно, почти диктуя, предоставив тем самым англий- скому послу возможность записать не только общие положения, изложенные в этом документе, но и все детали германских предло- жений с тем, чтобы они смогли быть сообщены английскому прави - тельству. Однако Гендерсон не реагировал на мое выражение лица. Беседа скоро закончилась и события пошли своим чередом.

7522

ХОРН. Вы приняли утром 3-го сентября 1939 года английский ультиматум германскому правительству?

ШМИДТ. Да.

ХОРН. Кому Вы передали этот ультиматум?

ШМИДТ. Утром 3-го числа между 2-мя и 3-мя часами из английского посольства позвонили в имперскую канцелярию, где я тогда находился вместе с министром иностранных дел, поскольку ожидались еще переговоры, и сообщили, что английский посол получил инструкции от своего правительства, в соответствии с которыми он должен точно в 9 часов утра сделать министру иностранных дел очень важное сообщение от имени английского правительства. Поэтому английский посол просит о встрече с господином фон Риббентропом в это время. Риббентроп ответил, что сам он не может иметь беседу в такое время, но что он уполномочивает сотрудника министерства иностранных дел, в данном случае меня, принять вместо него это сообщение английского правительства от английского посла. Так получилось, что я принял английского посла в рабочем кабинете Риббентропа в 9 часов утра. Гендерсон отказался сесть, когда я ему предложил, и стоя он огласил мне известный меморандум английского правительства германскому правительству, где говорилось о том, что если Германией не будут удовлетворены определенные требования английского правительства, то английское правительство будет считать себя в состоянии войны с Германией с 11 часов дня. После того, как при прощании мы обменялись несколькими словами, я взял документ и отправился в рейхсканцелярию.

ХОРН. Кому Вы там передали этот документ?

ШМИДТ. В имперской канцелярии я передал этот документ Гитлеру. В то время Гитлер находился в своем рабочем кабинете и беседовал с министром иностранных дел. Я перевел ему этот

4523

H1195 – 0341

H1195 – 0342

документ на немецкий язык. После того, как документ был переведен, наступила тишина.

ХОРН. Гитлер был один в этой комнате?

ШМИДТ. Нет, как я уже сказал, он находился в своем рабочем кабинете вместе с министром иностранных дел, и, когда я закончил перевод этого документа, ни министр иностранных дел, ни Гитлер в течение целой минуты не произнесли ни звука. Я мог заметить, что такой ход событий был для них совершенно не кстати. Гитлер сидел некоторое время в задумчивости на своем кресле и смотрел озабоченно прямо перед собой. Затем он прервал молчание несколько резким вопросом министру иностранных дел: "Что же нужно теперь делать?" Тут между ними началась беседа о ближайших дипломатических шагах, которые следовало предпринять. Они разговаривали о том, какого после следовало теперь вызвать, и т.д. Я, конечно, покинул комнату, так как мне нечего было больше там делать. Когда я пришел в приемную, я застал там собравшихся нескольких членов имперского кабинета и высших чиновников; вернее, я их видел уже тогда, когда направлялся к Гитлеру. Тогда на их вопросительный взгляд /а они знали, что у меня только что состоялась беседа с английским послом/ я ответил, что второй Мюнхенской конференции не будет. Когда же я снова вышел в приемную, то по озабоченным лицам я увидел, что моя фраза была совершенно правильно понята. Когда я им сообщил, что я только что передал Гитлеру английский ультиматум, в приемной наступило тягостное молчание, лица стали серьезными, и я до сих пор помню, например, как Геринг, который стоял впереди меня, обернулся ко мне и сказал: "Если мы проиграем эту войну, тогда пусть смилостивится над нами небо". Геббельс стоял один в

7524

углу и выражение его лица было очень серьезным, я бы даже сказал подавленным. Эта атмосфера подавленности охватила всех присутствовавших. Таков настроение в первый день войны в приемной в имперской канцелярии до сегодняшнего дня сохранилось в моей памяти.

ХОРН. Таким образом, у вас не было впечатления, что эти люди ожидали об"явления войны?

ШМИДТ. Нет, такого впечатления у меня не было.

ХОРН. Господин свидетель, имели ли вы возможность наблюдать, как реагировал фон Риббентроп на сообщение о нападении Японии на Пирл-Харбор?

ШМИДТ. У меня не было возможности непосредственно наблюдать это, но у нас в министерстве иностранных дел было общеизвестно, что для министра иностранных дел, как и для всего министерства иностранных дел, это сообщение было полной неожиданностью.

Это мое впечатление было подтверждено сообщением, которое мне сделал сотрудник отдела прессы. В отделе прессы существовало бюро радиоперехватов. Если имелись важные сообщения, то дежурный чиновник должен был тотчас-же сообщать о них министру иностранных дел. Когда бюро радиоперехватов отдела прессы получило первые сообщения о Пирл-Харборе, дежурный чиновник счел их достаточно важными и доложил о них своему начальнику, т.е. руководителю отдела прессы, с тем, чтобы последний передал их министру. Но, насколько я знаю, министр иностранных дел достаточно резко отослал его и заявил, что это очередная выдумка прессы, газетная утка и что отдел прессы не должен его беспокоить такими вещами. После этого пришло второе, а затем третье сообщение о Пирл-Харборе. Затем было, по-моему, также перехвачено сообщение агентства Рейтер об

7525

H1195 – 0343

H1195-0344

этом событии. После этого руководитель отдела прессы, как он мне говорил, собрался с духом и, несмотря на запрет, доложил еще раз министру иностранных дел об этом сообщении.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ. Мне кажется, что эти показания абсолютно не представляют интереса для Трибунала и совершенно не относятся к делу.

ХОРН. Фон Риббентропу инкриминируется также и то, что он подготовил агрессивную войну против Соединенных Штатов Америки.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ. То, о чем Вы сейчас говорите, - это реакция прессы. Почему мы должны здесь рассматривать вопрос о том, какова была реакция прессы?

ХОРН. Свидетель рассказывал о том, как Риббентроп реагировал на нападение на Пирл-Харбор. Фон Риббентроп ничего не знал о том, что Пирл-Харбор и Америка вообще должны подвергнуться нападению Японии. Такого соглашения не существовало между Германией и Японией. Таким образом, утверждение, что фон Риббентроп подготовил агрессивную войну против Соединенных Штатов Америки, является неправильным.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ. Вы говорили о прессе. Я не сказал, что Вы не должны спрашивать его о том, знал ли министр иностранных дел о нападении на Пирл-Харбор. Я не говорил этого. Я сказал, что, по мнению Трибунала, вопрос о том, какова была реакция прессы на это событие, не представляет особого интереса и не относится к делу.

ХОРН. Господин свидетель, Вы присутствовали во время переговоров при заключении морского соглашения с Англией. Можете ли вы рассказать нам о том, как проходили эти переговоры, относился ли фон Риббентроп ко всему этому вполне

искренне и какие цели он преследовал при этом?

ШМИДТ. Эти переговоры, во время которых я также присутствовал в качестве переводчика, проходили весьма гладко после того, как были устранены некоторые трудности.

/К микрофону подходит сэр Дэвид Максуэлл Фейф/.

СЭР ДЭВИД МАКСУЭЛЛ ФАЙФ. Милорд, насколько я понимаю,- это военно-морское соглашение от 1935 года. Как я помню и как раз сейчас я хочу это проверить,- это был один из вопросов, которые мы обсуждали в связи с ходатайством о вызове свидетелей, и Трибунал вынес по этому поводу решение о том, что не следует заниматься рассмотрением вопроса о переговорах, предшествовавших заключению этого договора. Этот вопрос возник в связи с ходатайством о вызове свидетелей. Перед Трибуналом ходатайствовали о вызове одного или двух свидетелей, которые должны были дать показания относительно этих переговоров и, как я полагаю, осветить именно тот пункт, который был затронут в последнем вопросе д-ра Хорна, а именно осветить точку зрения подсудимого Риббентропа. Я назвал одного или двух свидетелей, которые были отклонены Трибуналом,- например Лорд Монселл, который был в списке свидетелей, и, кроме того, несколько других свидетелей, которые были отклонены по той же причине. Милорд, об этом сказано в решении Трибунала от 26 февраля и Вы можете найти это на второй странице, где указывается о свидетеле Монселл, фамилия которого наиболее мне знакома, но я уверен, что там перечисляются фамилии и других свидетелей. Я знаю, что мы обсуждали этот вопрос очень подробно, когда разбирались ходатайства о вызове свидетелей.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ. И Трибунал отказал в вызове этих свидетелей. Сэр Дэвид, кто эти другие свидетели, в вызове которых было отказано?

7527

H1195-0345

H1195 - 0346

СЭР ДЭВИД МАКСУЭЛЛ ФАЙФ. У меня здесь имеется список свидетелей, в вызове которых было отказано. Там имеется адмирал Шустер.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ. Да, он был одним из них.

СЭР ДЭВИД МАКСУЭЛЛ ФАЙФ. Его показания также относились к вопросу о заключении этого договора. Затем там имеется фамилия сэра Роберта Крэги /24-й номер/ и затем лорд Монселл.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ. В его вызове было отказано.

СЭР ДЭВИД МАКСУЭЛЛ ФАЙФ. Все они вызывались по одним и тем же вопросам. № 25.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ. Да.

СЭР ДЭВИД МАКСУЭЛЛ ФАЙФ. Да, милорд, я полагаю, это именно те 3 свидетеля.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ. Доктор Хорн, что Вы можете сказать по этому вопросу? Ходатайство о вызове этих трех свидетелей - Шустера, Крэги и лорда Монселл, которые, как Вы предполагали, должны были дать показания относительно этого договора от 1925 года, было отклонено. Что касается того свидетеля, которого Вы сейчас допрашиваете, - то в ходатайстве о его вызове не указывалось, что он может дать показания по данному вопросу. Его вызвали лишь как переводчика министерства иностранных дел.

ХОРН. Я полагал, что эти три свидетеля были отклонены, потому что их показания будут иметь кумулятивный характер. Я не хочу спрашивать свидетеля о самом морском соглашении с Англией, я хочу лишь спросить об установках и взглядах Риббентропа в связи с заключением этого соглашения. Я хочу доказать Суду, что Риббентроп не действовал тогда сознательно в духе подготовки агрессивной войны и что он, по крайней мере в то время, не принимал участия в заговоре по развязыва-

нию агрессивной войны. Я также хочу доказать, что это соглашение не было заключено "для отвода глаз", как это сказал уже упоминавшийся английский посол сэр Невилль Гендерсон.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ. Ваше ходатайство в отношении после Креги заключалось в том, что этот свидетель должен дать показания о том, что Риббентроп в 1935 году посетил Англию с предложением подписать военно-морской договор и что благодаря инициативе Риббентропа Франция согласилась на заключение этого договора, что являлось отступлением от условий Версальского договора. Таким образом, договор вступил в силу. Вы в этой связи собираетесь задавать вопросы этому свидетелю?

ХОРН. Нет.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ. Если у Вас нет вопросов по военно-морскому договору от 1935 года, то, пожалуйста, можете продолжать.

ХОРН. Г-н свидетель, Вы в 1944 году присутствовали во время беседы между Хорти и Гитлером в Клессгейме, в которой также принял участие фон Риббентроп. Во время этой беседы говорилось о разрешении еврейского вопроса в Венгрии. Что говорил Вам фон Риббентроп по этому вопросу?

ШМИДТ. Во время самой беседы возникло затруднение; когда Гитлер стал настаивать на том, чтобы Хорти в еврейском вопросе был более энергичным, Хорти в сильном возбуждении ответил ему: "Что же мне делать? Может быть, я должен убивать теперь евреев?" После этого в разговоре наступила заминка; министр иностранных дел, обратившись к Хорти, сказал ему: "Да, имеются только две возможности: или то, о чем Вы говорили, или интернирование евреев". Уже потом министр сказал мне /это случалось весьма редко/, что требование Гитлера было, пожалуй, чрезмерным.

7529

H1195-0347

H1195-0348

ХОРН. 25 августа 1939 года Вы приняли участие в беседе между Гитлером, Гендерсоном и Риббентропом. На этом совещании Риббентроп и Гитлер еще раз выразили свое желание урегулировать отношения с Польшей с помощью английского посредничества. Верно ли, что Вы были посланы затем Риббентропом к Гендерсону с проектом составленной во время этих переговоров ноты, чтобы просить английского посла взяться как можно скорее за реализацию этих предложений?

ШМИДТ. Да, это так.

ХОРН. Я передаю Суду копию соответствующей телеграммы от сэра Невилля Гендерсона лорду Галифаксу. Правильно ли, г-н свидетель, что 28 августа 1939 года г-н фон Риббентроп при новых переговорах с сэром Гендерсоном еще раз заявил, что достижение соглашения между Германией и Англией путем урегулирования польского вопроса является самым горячим желанием Чемберлена, о чем английский премьер-министр сам сказал Риббентропу. Правильно ли, что Риббентроп во время этой беседы еще раз напомнил об этом Гендерсону?

ШМИДТ. Да, это правильно.

ХОРН. Я передаю Суду соответствующую ноту в качестве доказательства.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ. Вы представляете сейчас копию этого в качестве доказательства. Не так ли?

ХОРН. Я прошу Суд принять этот документ к сведению.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ. Какой номер?

ХОРН. Нота эта уже пред"являлась Обвинением. Она имеет номер ЕЛ-72 и еще один номер, под которым она также была пред"явлена Суду Обвинением. Я еще раз пред"являю ее Суду, поскольку я только что на нее ссылался. Г-н свидетель, у

меня к Вам последний вопрос. Вы во время Вашей деятельности в качестве переводчика имели достаточно возможностей наблюдать Гитлера во время его бесед с иностранцами. Какое впечатление производил Гитлер на иностранных государственных деятелей?

ШМИДТ. Конечно, не легко ответить на такой вопрос, так как нельзя заглянуть в душу человека. Но из наблюдений за подобного рода беседами можно сделать определенные выводы...

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ. Д-р Хорн, по мнению Трибунала, высказывание о том, каково было впечатление, которое оказывало поведение Гитлера на иностранных государственных деятелей, совершенно не относится к делу. Это нас ни в какой степени не интересует.

ХОРН. Хорошо, я отказываюсь от своего вопроса. У меня больше нет вопросов к этому свидетелю.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ. Желают ли другие члены защиты задать вопросы свидетелю?

/К микрофону подходит д-р Штамер/.

Д-р ШТАМЕР /защитник подсудимого Геринга/. Г-н свидетель, Вы присутствовали во время разговора, который имел место примерно за год до начала войны между лордом Лондондерри и фельдмаршалом Герингом в Каринхалле?

ШМИДТ. Да, я присутствовал во время этой беседы.

ШТАМЕР. Я прошу Вас коротко сообщить Суду содержание этой беседы.

ШМИДТ. Спустя такое значительное время, мне трудно помнить все детали этой беседы. Но я помню, что во время этой беседы обсуждались вопросы о германо-английском сближении и ликвидации причин конфликтов между Германией и Англией. Там также был затронут ряд технических вопросов, касавшихся

7531

H1195 – 0349

H1195-0350

воздушного сообщения и военно-воздушных сил. Из содержания этой беседы я очень хорошо запомнил одно высказывание Геринга, которое он сделал, заканчивая аргументацию по тому вопросу, как необходимо для Англии и Германии избегать всяких конфликтов и сохранять хорошие отношения. Он сказал следующее: "Если между нашими странами начнется война, то, конечно, кто-то из нас будет побежден, а кто-то будет победителем. Но у победившего в этом тяжелом конфликте в момент своей победы будет достаточно силы лишь для того, чтобы нанести последний удар побежденному, после чего он рухнет сам на землю, тяжело пораженный. Поэтому было бы весьма желательно, чтобы обе наши страны избегали всякого рода конфликтов и войн в своих взаимоотношениях".

ШТАМЕР. Вы участвовали в мюнхенских переговорах осенью 1938 года?

ШМИДТ. Да, я принимал участие в этих переговорах.

ШТАМЕР. Присутствовал ли там фельдмаршал Геринг?

ШМИДТ. Во время первой части этих переговоров он не присутствовал, но затем, когда круг участников значительно расширился, он присутствовал также.

ШТАМЕР. В чем заключалось его участие в этих переговорах?

ШМИДТ. Он принимал участие в обсуждении отдельных вопросов небольшой важности. Из характера его участия можно было сделать вывод, что он хотел с помощью своего вмешательства устранить все трудности, которые могли возникнуть в ходе переговоров по ряду технических вопросов. Другими словами, для него было важно, чтобы Мюнхенское соглашение не рухнуло из-за каких-либо технических вопросов, которые играли опреде-

7532

ленную роль во второй части этих переговоров.

ШТАМЕР. Присутствовали ли Вы на беседе, которая имела место осенью 1937 года между лордом Галифаксом и тогдашним фельдмаршалом Герингом в связи с беседой лорда Галифакса с Гитлером в Берггофе?

ШМИДТ. Да, я присутствовал там.

ШТАМЕР. Как проходило это совещание? Опишите кратко.

ШМИДТ. Я должен сказать вначале, что беседа в Оберзальцберге прошла очень плохо. Оба собеседника никак не могли договориться. Во время беседы с Герингом атмосфера улучшилась. Обсуждались те же пункты, что и в Оберзальцберге, актуальная тогда тема, а именно: аншлюсс, Судетский вопрос и вопрос о Данциге и коридоре. Во время беседы в Оберзальцберге Гитлер говорил, что он не желает никаких компромиссов и требует, чтобы Англия была согласна с таким решением, которое он считает правильным. Геринг же во время беседы подчеркивал все время, что он стремится к мирному разрешению вопроса путем переговоров, что нужно сделать все, чтобы добиться мирного разрешения этих вопросов и что при правильном ведении переговоров все три вопроса могут быть разрешены мирным путем.

ШТАМЕР. У меня больше нет вопросов.

/К микрофону подходит защитник Латернзер/.

ЛАТЕРНЗЕР/ /защитник Генерального штаба и ОКВ/. Господин свидетель, Вы присутствовали на очень многих политических совещаниях у Гитлера. Не констатировали ли Вы тот факт, что высшие военные руководители пытались влиять на Гитлера в том направлении, как следует расширять германские территории: мирным путем или путем войны?

ШМИДТ. Нет, я не замечал, чтобы военные пытались оказывать на него влияние в таком направлении. Во время полити-

7533

H1195 - 0351

H1195 - 0352

ческих совещаний военные руководители обычно не присутствовали, когда речь шла о больших чисто политических вопросах. Они приглашались на ту часть совещания, во время которой обсуждались чисто военные проблемы. На таких совещаниях они выступали с обсуждением чисто военных вопросов. По политическим вопросам они не выступали.

ЛАТЕРНЕР. Еще один вопрос. Могли ли Вы установить во время таких совещаний, что высшие военные руководители стремились оказывать политическое влияние на имперское правительство?

ШМИДТ. Нет, этого я не установил и этого нельзя было установить, так как в большинстве случаев военные руководители не присутствовали на такого рода совещаниях.

ЛАТЕРНЕР. У меня больше нет вопросов.

СЭР ДЭВИД МАКСУЭЛЛ ФАЙФ. Свидетель, я хочу прежде всего, чтобы Вы изложили Трибуналу кратко общие положения Ваших взглядов. Помните ли Вы, что 28 ноября Вы давали письменные показания под присягой в Оберурселе. Вы помните это?

ШМИДТ. Я не помню числа, но помню, что дал письменные показания.

СЭР ДЭВИД МАКСУЭЛЛ ФАЙФ. Может быть, Вы посмотрите на этот документ?

/Свидетелю подают документ/.

В первом параграфе говорится о Вашем опыте и о количестве совещаний. Милорд, я должен сказать, что это-документ 2808-ПС, представленный в качестве доказательства за № ВБ-288. Затем, в параграфе втором говорится:

"Каким бы успехом и положением я ни пользовался в министерстве иностранных дел, я обязан этим тому факту, что

я считал своей обязанностью в течение всего периода времени тщательно знакомиться с обсуждавшимися проблемами; всегда старался быть осведомленным о намерениях Гитлера и других руководителей. На протяжении всего периода существования гитлеровского режима я пытался быть в курсе всех событий министерства иностранных дел и связанных с ним организаций и, занимая такое положение, я имел возможность непосредственного доступа к ведущим чиновникам и к ответственным работникам различных отделов".

И затем обратите внимание на третий параграф, где Вы излагаете Вашу точку зрения на цели иностранной политики: "Общие цели национал-социализма были очевидны с самого начала, а именно: господство на европейском континенте, которое должно было быть достигнуто, во-первых, путем об"единения в империю всех групп людей, говорящих на немецком языке, и, во-вторых, путем территориальной экспансии под лозунгом "жизненное пространство".

Однако выполнение этих основных целей, казалось, должно было быть охарактеризовано импровизацией. Каждый шаг, который приносил успех, очевидно, предпринимался в связи с возникавшим новым положением, но все они были неразделько связаны с главными целями, изложенными выше".

Это правильно, господин Шмидт?

Это отражает Ваши взгляды?

ШМИДТ. Да.

СЭР ДЭВИД МАКСУЭЛЛ ФАЙФ. Прежде, чем я перейду к отдельным вопросам, я хотел бы, чтобы Вы несколько дальше развили Вашу точку зрения. Вы нам сказали, что Вы действовали под руководством каждого министра иностранных дел или вместе с

7535

H1195 – 0353

H1195 – 0354

ним, начиная с господина Штреземана. Заметили ли Вы значительную разницу в образе жизни нацистских министров и тех, которые предшествовали им?

ШМИДТ. В стиле их жизни можно было отметить определенную разницу.

СЭР ДЭВИД МАКСУЭЛЛ ФАЙФ. Возьмите для примера подсудимого Риббентропа. До того, как подсудимый Риббентроп начал принимать участие в политической жизни, был ли у него один дом в Берлине, Далем, кажется, "Ленц"-Аллея 19, Принадлежал ли ему этот дом?

ШМИДТ. Да, это так.

СЭР ДЭВИД МАКСУЭЛЛ ФАЙФ. Далее, когда он стал министром иностранных дел, у него было шесть домов. Не правда ли? Я могу напомнить Вам о них, перечислить их один за другим. Вы можете сказать мне, прав ли я. Первый дом в Роннебурге, вблизи Берлина. Площадь этого поместья составляла 750 гектаров и при этом поместьи имелась собственная площадка для игры в гольф. Был такой дом, не так ли?

ШМИДТ. Я не знаю всех подробностей об этом доме в Роннебурге, о размерах имения и о том, что там еще было.

СЭР ДЭВИД МАКСУЭЛЛ ФАЙФ. Затем, было еще одно имение в Таннек бей Дюрен, вблизи Аахена, где он разводил лошадей.

ШМИДТ. Об этом доме я ничего не знал.

СЭР ДЭВИД МАКСУЭЛЛ ФАЙФ. Затем было еще одно имение вблизи Китцбюля, которое он использовал для охоты на серн.

ШМИДТ. Мне неизвестно все это в деталях.

СЭР ДЭВИД МАКСУЭЛЛ ФАЙФ. Не в деталях, но вообще. Вы знали о его существовании?

ШМИДТ. Я считаю существование такого дома вероятным, но я никогда не слышал о нем чего-либо более определенного.

СЭР ДЭВИД МАКСУЭЛЛ ФАЙФ. Затем, конечно, у него был замок Фушль; это-в Австрии, вблизи Зальцбурга, не так ли?

ШМИДТ. Да, правильно, вблизи Зальцбурга.

СЭР ДЭВИД МАКСУЭЛЛ ФАЙФ. Вблизи Зальцбурга, да. Впоследствии этот замок был превращен в государственную резиденцию. Я позднее спрошу Вас об этом.

ШМИДТ. Хорошо.

СЭР ДЭВИД МАКСУЭЛЛ ФАЙФ. Затем, в Словакии имелось еще одно имение, предназначавшееся для охоты, называемое Пустеполе, - не так ли?

ШМИДТ. Я помню это название и помню, что г-н фон Риббентроп часто ездил туда на охоту, но более подробных сведений об этом владении у меня нет.

СЭР ДЭВИД МАКСУЭЛЛ ФАЙФ. Также использовалось еще одно место для охоты вблизи Подерсана, имение графа Чернина, вблизи Подерсан, в Богемии, в Судетской области?

ШМИДТ. Да, там, кажется, были охотничьи угодья. Там состоялись встречи с графом Чиано. Но мне кажется, владение называлось иначе.

Сэр ДЭВИД МАКСУЭЛЛ ФАЙФ. Это был тот дом, который посетил граф Чиано. Это тот самый дом, о котором я Вам упоминал. Я полагаю, что я прав, когда я сказал, что ранее он принадлежал графу Чернину?

Скажите, был ли установлен определенный оклад для имперских министров?

ШМИДТ. Я не понял Вашего вопроса.

7537

H1195 – 0355

H1195 – 0356

Сэр ДЭВИД МАКСУЭЛЛ ФАЙФ. Я задам вопрос в более ясной форме. Был ли установлен оклад - т.е. была ли установлена годовая оплата для имперских министров?

ШМИДТ. Да.

Сэр ДЭВИД МАКСУЭЛЛ ФАЙФ. Какой суммой она исчислялась?

ШМИДТ. Этого я сказать не могу.

Сэр ДЭВИД МАКСУЭЛЛ ФАЙФ. Это держалось в секрете?

ШМИДТ. Нет, я не могу сказать, не потому. Я просто никогда не интересовался, каково было жалование господина министра иностранных дел.

Сэр ДЭВИД МАКСУЭЛЛ ФАЙФ. Вы не знаете?

ШМИДТ. Нет.

Сэр ДЭВИД МАКСУЭЛЛ ФАЙФ. Если Вы скажете, что Вы не знаете, то это будет вполне достаточно для меня. Я полагаю, что, пожалуй, Вы могли бы ответить на этот вопрос. Мог ли любой предшественник имперского министра иностранных дел содержать только на свой оклад 6 вилл и поместий? Любой, с которым Вы работали?

ШМИДТ. Я не знаю, мог ли он это делать, но он этого не делал.

Сэр ДЭВИД МАКСУЭЛЛ ФАЙФ. Он не делал этого. Мы оставим этот вопрос на минуту. Сейчас я хочу, чтобы Вы мысленно вернулись к маю 1939 года. Это было, примерно, за четыре месяца до войны, когда, как раз, возник польский вопрос. Я имею ввиду, когда он уже становился серьезным вопросом. Помните ли Вы, в германском министерстве иностранных дел существовала так называемая "инструкция", изданная Риббентропом и распространенная бароном фон Вейцзеккером.[2]

ШМИДТ. Нет, мне об этом неизвестно, или, во всяком случае, я не помню. Я так бы хотел выразиться.

Сэр ДЭВИД МАКСУЭЛЛ ФАЙФ. Я постараюсь напомнить Вам и я думаю, что Вы припомните: "... польская проблема будет разрешена Гитлером в течение 48 часов. Западные державы будут неспособны оказать какую-либо помощь Польше. Британская империя обречена на гибель в пределах ближайших 10 лет. Франция истечет кровью, если она попробует вмешаться". Помните ли Вы такого рода установку, данную министром иностранных дел?

ШМИДТ. Подобной установки я не помню. Мне кажется, что эта установка могла служить скорее целям пропаганды.

Сэр ДЭВИД МАКСУЭЛЛ ФАЙФ. Не помните ли Вы, что фон Риббентроп издал инструкции о том, что ни один из чиновников министерства иностранных дел не мог высказывать какие-либо иные взгляды?

ШМИДТ. Это правильно: мы должны были придерживаться единой позиции в своих высказываниях.

Сэр ДЭВИД МАКСУЭЛЛ ФАЙФ. Помните ли Вы, что он сказал барону фон Вейцзеккеру о том, что он убьет каждого, кто будет высказывать какое-либо другое мнение?

ШМИДТ. Нет, об этом я не помню. Я могу себе представить, что виновным угрожало бы суровое наказание, но о самом факте я не помню.

Сэр ДЭВИД МАКСУЭЛЛ ФАЙФ. Не помните ли Вы, что он сказал, что он лично расстреляет таких людей?

ШМИДТ. Я считаю вполне возможным, что в порыве гнева он и сказал что-либо подобное. Но я не верю, что он серьезно намеревался это делать.

7539

H1195 – 0357

H1195 – 0358

Сэр ДЭВИД МАКСУЭЛЛ ФАЙФ. Я полагаю, что Вы должны помнить о том, какие неприятности и трудности были у барона фон Вейцзеккера, когда он решал вопрос о том, как сообщить об этом на официальном совещании в министерстве иностранных дел. Вы не помните об этом?

ШМИДТ. В то время я не допускался еще на утренние конференции, так что я ничего не могу сказать по этому поводу. Но я могу себе представить, что статс-секретарю было нелегко передать это высказывание в принятых официальных выражениях.

Сэр ДЭВИД МАКСУЭЛЛ ФАЙФ. Хорошо, далее я хочу коротко коснуться тех событий, которые относились к августу 1939 года. Я хочу только выяснить некоторые факты. Помните ли Вы, что Вы были вместе с Гитлером, когда он ожидал реакции западных держав на советский договор?

ШМИДТ. Нет, так как я в то время был в Москве вместе с делегацией, и не был у Гитлера.

Сэр ДЭВИД МАКСУЭЛЛ ФАЙФ. Вернулись Вы обратно 24 числа вместе с подсудимым Риббентропом?

ШМИДТ. Да. Но я тогда остался в Берлине, а не поехал в Берхтесгаден.

Сэр ДЭВИД МАКСУЭЛЛ ФАЙФ. Хорошо, помните ли Вы, что 25 числа Гитлер в 1-30 встретился с сэром Невилем Гендерсоном и вручил ему вербальную ноту. Вы помните это?

ШМИДТ. Мне кажется, что я не присутствовал там в то время, так как как раз в это время я находился в Москве. Эти даты можно восстановить. Я не присутствовал на одной беседе между Гитлером и британским послом в Оберзальцберге, так

как находился в Москве. Видимо, это и была та самая беседа.

Сэр ДЭВИД МАКСУЭЛЛ ФАЙФ. Это было на следующий день после того, как подсудимый вернулся из Москвы?

ШМИДТ. Нет, я остался в Берлине, я не был там.

Сэр ДЭВИД МАКСУЭЛЛ ФАЙФ. Я именно и хотел напомнить Вам об этом дне. Если Вы не присутствовали, то я оставлю этот вопрос. Присутствовали ли Вы в то время, когда господин Атолико, итальянский посол, передал сообщение от Муссолини?

ШМИДТ. Да.

Сэр ДЭВИД МАКСУЭЛЛ ФАЙФ. Вы присутствовали?

ШМИДТ. Да.

Сэр ДЭВИД МАКСУЭЛЛ ФАЙФ. Это - именно тот самый день, о котором я Вас спрашиваю. Помните ли Вы, что в этот день пришло сообщение от господина Атолико о том, что итальянская армия и военно-воздушный флот не подготовлены к войне?

ШМИДТ. Да.

Сэр ДЭВИД МАКСУЭЛЛ ФАЙФ. Я хочу, чтобы Вы помогли мне установить точное время, поскольку это важно. Не было ли это, примерно, в 2 часа дня?

ШМИДТ. Это могло быть так. Но тогда происходило столько совещаний, что я, естественно, могу перепутать дни и часы.

Сэр ДЭВИД МАКСУЭЛЛ ФАЙФ. И помните ли Вы, что сообщение о том, что англо-польский договор будет подписан в тот же вечер, пришло к Вам около 4-х часов дня?

ШМИДТ. Да, я об этом помню.

Сэр ДЭВИД МАКСУЭЛЛ ФАЙФ. Помните ли Вы, что около четырех часов дня господин Кулондр, французский посол, беседовал с Гитлером?

7541

H1195 – 0359

H1195 – 0360

ШМИДТ. Да, об этом я помню.

Сэр ДЭВИД МАКСУЭЛЛ ФАЙФ. Знали ли Вы о том, что в тот же день были отменены приказы о нападении на Польшу на следующее утро?

ШМИДТ. То, что какие-то военные приказы были отменены, - я помню. Но о каких именно приказах шла тогда речь, - я, разумеется, не узнавал.

Сэр ДЭВИД МАКСУЭЛЛ ФАЙФ. Я не спрашиваю Вас об этом, господин Шмидт. Но Вы знали о том, что приказы были отменены. Я хотел бы знать, - можете ли Вы помочь мне в этом отношении: были ли отменены эти приказы в шесть часов 15 минут, сразу же после беседы с французским послом, господином Кулондр?

ШМИДТ. Я не могу точно вспомнить, происходило ли это как раз в то время, которое вы указали.

Сэр ДЭВИД МАКСУЭЛЛ ФАЙФ. Можете ли Вы также помочь Трибуналу разобраться в следующем вопросе: были ли они изданы около двух часов, после беседы с сэром Гендерсоном? Вам известно это?

ШМИДТ. Нет.

СЭР ДЭВИД МАКСУЭЛЛ ФАЙФ. Итак, Вы не можете помочь нам разобраться в этом вопросе. Я не хочу уделять много времени вопросу о беседе, состоявшейся в ночь с 30 на 31 августа между сэром Невилем Гендерсоном и подсудимым Риббентропом. Я спрошу Вас лишь только об одном: Вы нам сказали, что подсудимый Риббентроп был чрезвычайно возбужден. Когда он читал эти условия, повышал ли он временами свой голос?

ШМИДТ. Нет.

СЭР ДЭВИД МАКСУЭЛЛ ФАЙФ. Как же в таком случае проявлялась его нервозность?

ШМИДТ. Его нервозность проявилась в тех инцидентах, которые имели место еще в начале беседы, а не во время зачитывания документа; об этом я уже говорил.

СЭР ДЭВИД МАКСУЭЛЛ ФАЙФ. Хорошо, но Вы помните это и Вы были весьма поражены отказом вручить этот документ британскому послу?

ШМИДТ. Да, конечно.

СЭР ДЭВИД МАКСУЭЛЛ ФАЙФ. Хорошо, я хотел бы знать, можете ли Вы помочь нам выяснить еще один или два вопроса. Свидетель, которого мы заслушивали вчера, сообщил, что подсудимый Риббентроп знал очень мало относительно концентрационных лагерей. Я хочу уточнить то, что было сказано. Я полагаю, что, возможно, Вы нам поможете выяснить относительно одного или двух концентрационных лагерей, которых он знал из заключенных.

Помните ли Вы человека по имени Мартин Лютер? Я имею в виду не духовное лицо, а нашего современника.

ШМИДТ. Да.

7543

H1195 – 0361

H1195 – 0362

СЭР ДЭВИД МАКСУЭЛЛ ФАЙФ. Помните ли Вы, что подсудимый Риббентроп в 1936 году доставил его в свою канцелярию?

ШМИДТ. Года я точно не помню, но помню, что он служил одно время в ведомстве Риббентропа.

СЭР ДЭВИД МАКСУЭЛЛ ФАЙФ. Да, я думаю, что старые члены министерства иностранных дел не приняли это с большой радостью?

ШМИДТ. Вполне определенно, нет.

СЭР ДЭВИД МАКСУЭЛЛ ФАЙФ. У господина Лютера в прошлом были некоторые неприятности, связанные с вопросом о четырех тысячах рейхсмарок?

ШМИДТ. Да.

СЭР ДЭВИД МАКСУЭЛЛ ФАЙФ. Но тем не менее его взяли в министерство иностранных дел и он быстро продвигался, занимая сначала пост советника посольства, затем посланника и, наконец, статс-секретаря, не так ли?

ШМИДТ. Да.

СЭР ДЭВИД МАКСУЭЛЛ ФАЙФ. Затем Вы помните, что в 1943 году он поссорился с Риббентропом?

ШМИДТ. Да.

СЭР ДЭВИД МАКСУЭЛЛ ФАЙФ. Он послал Гиммлеру, мне кажется, он сделал это через лейтенанта Бюхтнера, письмо, в котором писал о том, что точка зрения Риббентропа не является такой, которая бы позволила ему продолжать выполнять работу министра иностранных дел, и в этом письме, по-моему, предложил, чтобы Вернер Бест был назначен на этот пост. Вы помните это?

ШМИДТ. Я помню об этом, но что он рекомендовал Вернера Беста в качестве преемника Риббентропа – этого я не знаю.

СЭР ДЭВИД МАКСУЭЛЛ ФАЙФ. Во всяком случае, он предложил, чтобы Риббентроп был отстранен от этой должности. Мне кажется, он сказал об этом совершенно прямо. Мне кажется, он сказал, что по своему интеллекту он более не может занимать этот пост?

ШМИДТ. Я не видел этого доклада. Я знал об этом только по слухам.

СЭР ДЭВИД МАКСУЭЛЛ ФАЙФ. И в результате этого, после беседы с Риббентропом, Риббентроп посадил Лютера в концентрационный лагерь, не так ли?

ШМИДТ. Произошло ли это по инициативе Риббентропа или по инициативе какой-либо другой стороны - я не знаю, но в нашем министерстве стало известно, что Лютер попал в концлагерь.

СЭР ДЭВИД МАКСУЭЛЛ ФАЙФ. Да, но последовательность событий такова, что у Лютера были эти разногласия с Риббентропом и вскоре после этого он оказался в концлагере. И он не только был брошен в концлагерь, но даже организация СС просила, чтобы он был выпущен из концентрационного лагеря, но Риббентроп не согласился на это.

ШМИДТ. Об этом я не могу сказать, так как все это дело держалось в тайне г-ном фон Риббентропом в министерстве иностранных дел. Старые сотрудники министерства иностранных дел, к числу которых принадлежал и я, не пользовались таким доверием Риббентропа, чтобы он посвятил их во все детали этого случая. Я узнал об этом деле Лютера только по слухам через особые всем каналы, так что я не могу дать каких-либо точных сведений. Я могу лишь сообщить, какие слухи дошли до меня.

СЭР ДЭВИД МАКСУЭЛЛ ФАЙФ. Я уверен, что Вы хотите говорить абсолютно откровенно перед лицом Трибунала, и вопрос, который я поставил перед Вами, заключается в том, что каждый сотрудник ми-

7545

H1195 - 0363

H1195 – 0364

министерства иностранных дел знал о том,что Лютер был помещен в концлагерь,и,совершенно ясно,что он был помещен в концлагерь. Это правильно,не так ли?

ШМИДТ. Да,конечно.

СЭР ДЭВИД МАКСУЭЛЛ ФАЙФ. Хорошо,обратимся к другому случаю,относящемуся,насколько я могу сказать,к абсолютной его невиновности в отношении концлагерей. Вы помните двух несчастных людей: господина и госпожу фон Ремитц,которым принадлежал замок Фушл? Я думаю,эта фамилия пишется или Ремитц, или Ренитц. Вы помните?

ШМИДТ. Да.

СЭР ДЭВИД МАКСУЭЛЛ ФАЙФ. Итак,замок Фушл? Можете ли Вы сказать мне,как это правильно произнести?

ШМИДТ. Я так мало информирован во всех этих вопросах ...

СЭР ДЭВИД МАКСУЭЛЛ ФАЙФ. Нет,я хочу,чтобы Вы мне сказали как это произносится.

ШМИДТ. Фушл.

СЭР ДЭВИД МАКСУЭЛЛ ФАЙФ. Благодарю Вас. Этот замок Фушл принадлежал тем людям,имена которых я только что назвал.Госпожа Ремитц была сестрой Августа Тиссена,не так ли?

ШМИДТ. Я не могу ничего сказать по этому поводу,так как все эти вопросы относятся к личной жизни Риббентропа,а о ней я ничего не знал.Мои отношения с ним имели чисто служебный характер,причем они ограничивались текущими делами и теми важными политическими вопросами,по которым мне приходилось переводить.Обо всем остальном я знал лишь по слухам,так что никаких точных сведений я дать,разумеется,не могу.

СЭР ДЭВИД МАКСУЭЛЛ ФАЙФ. Я задам Вам только один вопрос После того,как замок стал собственностью имперского минист-

ра иностранных дел или,во всяком случае,он стал им пользоваться,не провел ли господин фон Ремитц несколько лет в концлагере, где он в конце концов и умер? Это Вам известно,не так ли?

ШМИДТ. Да,я знаю это по слухам; мне рассказывали,что дело обстояло именно так.

СЭР ДЭВИД МАКСУЭЛЛ ФАЙФ. Знал ли он по слухам о подобного рода случаях,имевших место в концлагерях?

ШМИДТ. Я не думаю,чтобы какие-либо точные сведения могли попасть в министерство иностранных дел.Лица,которые ведали концентрационными лагерями,особенно тщательно скрывали все это от нас,поскольку мы не считались особенно надежными.Именно от нас особенно старательно скрывали все это,так что что-либо более конкретное по всем этим вопросам никогда не доходило до нашего сведения.

СЭР ДЭВИД МАКСУЭЛЛ ФАЙФ. Но Вам было известно,не так ли, даже, ~~будучи~~ Когда Вы были в министерстве иностранных дел, о том,что имелось большое количество концлагерей,в которых было заключено огромное количество людей?

ШМИДТ. Да,об этом мы знали,но нашим источником была,главным образом,иностранная пресса,которую мы читали,и иностранное радио,запись сообщений которого нам каждое утро клали на стол.

СЭР ДЭВИД МАКСУЭЛЛ ФАЙФ. Итак,если Вы это знали из иностранной прессы и иностранного радио,то кто из подсудимых,сидящих здесь,не знал о концентрационных лагерях?Подсудимый Риббентроп,как министр иностранных дел,знал о них,не так ли?

ШМИДТ. Я хотел бы сказать так: само собой разумеется,что ему представлялась эта иностранная информация,но как он относился к ней - считал ли он ее правильной,считал ли он все это преувеличенным или просто ложью,- я не могу сказать.Сообщения как таковые он получал,но именно в качестве иностранных,а во время войны - в качестве сообщений враждебных стран.

7547

H1195 - 0365

H1195 – 0366

СЭР ДЭВИД МАКСУЭЛЛ ФАЙФ. Доктор, я не буду сейчас более обсуждать этот вопрос. Я хочу, чтобы Вы рассказали мне о следующем. Вы рассказали нам о беседе, состоявшейся 17 апреля 1943 г. между Гитлером, подсудимым Риббентропом и Хорти, во время которой обсуждался вопрос о евреях. Я хотел бы, чтобы в протоколе суда было отмечено о том, что Ваш рассказ основывается на том, что Вы сами вели протоколы и что все протоколы подписаны Вами.

ШМИДТ. Да.

СЭР ДЭВИД МАКСУЭЛЛ ФАЙФ. Я хочу перейти к другому вопросу. С 1933 по 1945 г.г. Вы все еще продолжали посещать штаб Гитлера для того, чтобы в случае необходимости выполнять роль переводчика и присутствовать на совещаниях?

ШМИДТ. Да.

СЭР ДЭВИД МАКСУЭЛЛ ФАЙФ. Например, я не знаю, помните ли Вы это, но я уверен,—Вы вспомните, что 27 февраля 1944 г. маршал Антонеску посетил Гитлера?

ШМИДТ. Да.

СЭР ДЭВИД МАКСУЭЛЛ ФАЙФ. Присутствовали ли Вы при этом?

ШМИДТ. Я помню, что я присутствовал при всех посещениях Антонеску, так как без меня беседы не могли бы проводиться. Но даты я сейчас не помню...

СЭР ДЭВИД МАКСУЭЛЛ ФАЙФ. Да, это было именно 27 февраля. Я хотел определить эту дату, напомнив Вам о том, что Антонеску был там в этот день. Помните ли Вы, что подсудимый Геринг также присутствовал на этом совещании?

ШМИДТ. Возможно, что это было так, но точно я не помню. Если во время переговоров обсуждались военные вопросы, то, может быть, он там и присутствовал.

СЭР ДЭВИД МАКСУЭЛЛ ФАЙФ. Милорд! Это-показательство за № ЗБ 207 и оно помещено на странице 2705 стенограммы. Этот документ первоначально имел номер Д-648.

Я хочу, чтобы Вы рассказали Трибуналу в общих чертах о деятельности правительства. Здесь перед Трибуналом было дано довольно много показаний о том, что имперское правительство, как таковое, после начала войны не собиралось. Несколько человек уже говорило нам об этом. Не являлось ли фактом то обстоятельство, что вместо совещания кабинета путем управление Германией осуществлялось путем регулярных совещаний в ставке фюрера?

ШМИДТ. Я считаю это возможным, но точно я этого не знаю, так как я никогда не принимал участия в таких беседах о внутренних делах и в главную ставку я приходил только тогда, когда мне приходилось сопровождать туда какого-нибудь иностранца.

СЭР ДЭВИД МАКСУЭЛЛ ФАЙФ. И так, Вы приходили только тогда, когда на совещаниях присутствовали иностранные представители. Но Вы знаете, что эти совещания регулярно созывались и что на них всегда присутствовали подсудимые Геринг, Шпеер, Кейтель, Кодль и Деница?

ШМИДТ. Можно ли назвать такого рода совещания конференциями,-этого я не могу сказать.

СЭР ДЭВИД МАКСУЭЛЛ ФАЙФ. Дело не в том, как Вы будете называть эти совещания. Я употребил это слово лишь для того, чтобы описать то, что происходило на этих совещаниях.

7549

H1195-0367

H1195 – 0368

Если Вы предпочитаете называть эти совещания конференциями, — я охотно это сделаю.

ШМИДТ: Я согласен, что такого рода совещания имели место или могли иметь место в тех случаях, когда только что упомянутые Вами лица присутствовали в главной ставке Гитлера.

СЭР ДЭВИД МАКСУЭЛЛ ФАЙФ. Я полагаю, Вы согласитесь со мной, что если вообще существовал какой-либо аппарат или организация, через которую осуществлялось управление Империей, то это были совещания или конференции, которые созывались в ставке Гитлера. Это правильно?

ШМИДТ. Я не знаю, следовало ли бы это рассматривать как правительственную деятельность. Если провести параллель между этими совещаниями и совещаниями, на которых вместе с иностранцами присутствовал и я, то можно сказать следующее: единственный, кто говорил и принимал решения, был Гитлер. Если на других совещаниях дело обстояло так же, то их можно было бы назвать правительственными совещаниями, только имея в виду, что это было правительство, состоявшее из одного человека. Остальные только слушали или их заслушивали по отдельным вопросам. Я себе все это так представляю, хотя на таких совещаниях я и не присутствовал.

СЭР ДЭВИД МАКСУЭЛЛ ФАЙФ. Я понимаю Вас, но это были такие случаи, когда каждая служба, каждый отдел, каждая организация, такая, например, как организация СС через рейхсфюрера СС Гиммлера, высказывали свою точку зрения и излагали Гитлеру фактическое положение вещей, по поводу которых возникали дискуссии, — не так ли? Это имело место в течение последних двух лет войны?

4550

ШМИДТ. Можно было бы сделать такой вывод из самого факта присутствия этих лиц. Но можно также предположить, что в ставке Гитлера они лишь получали приказы. И то, и другое возможно, но как обстояло все в действительности, - я не могу сказать.

СЭР ДЭВИД МАКСУЭЛЛ ФАЙФ. Во всяком случае, я думаю, что Вы согласитесь, господин Шмидт, с тем, что ~~бб~~ это было единственным местом, откуда фактически исходило управление Германией. Посмотрите, пожалуйста, на свои показания, данные под присягой. Я оглашу оставшуюся часть. Она очень коротка и я хочу, чтобы она была занесена в протокол суда. Параграф 4-й:

"Попытка путча в Австрии и убийство Дольфуса 25 июля 1934 г. серьезно помешали ответственным сотрудникам министерства иностранных дел, поскольку эти события дискредитировали Германию в глазах мира. Было общеизвестно, что путч был организован партией, и тот факт, что попытка путча, имела место сейчас же после кровавой чистки в Германии, давала возможность предполагать о наличии аналогии нацистских методов, которые применялись как за границей, так и внутри страны. Беспокойство, вызванное попыткой путча, вскоре усилилось признанием того факта, что эти эпизоды оказали некоторое влияние на заключение 5 декабря 1934 г. франко-советского пакта, являвшегося оборонительным мероприятием, которое Гитлер не рассматривал как предупреждение. Вслед за об"явлением в марте месяце о создании германских военно-воздушных сил и ~~вввввв~~ о введении Гитлером обязательной воинской повинности 2 мая 1935 г. последовало заключение пакта о взаимопомощи между Францией и Советским

7551

H1195-0369

H1195 – 0370

Союзом. Руководящий состав министерства иностранных дел рассматривал это как очень серьезное дальнейшее предупреждение в отношении возможных последствий внешней политики, проводимой Германией, но нацистские лидеры заняли лишь более твердую позицию в отношении западных держав, заявив, что они не дают себя запугать.

В это время, по крайней мере, ведущие чиновники министерства иностранных дел высказали фон Нейрату, министру иностранных дел, + свои опасения. Я не знаю, сообщил ли фон Нейрат в свою очередь об этих опасениях Гитлеру?

6. Вторжение германских военных сил в Рейнскую область предшествовали дипломатические приготовления нацистов, проводившиеся в феврале. В германском коммюнике от 21 февраля 1936 года вновь указывалось на то, что франко-советский пакт о взаимопомощи несовместим с Локарнским договором и с уставом Лиги Наций. В тот же день Гитлер в интервью заявил, что фактически нет никаких оснований для конфликта между Германией и Францией. Однако при сравнении этого заявления с заявлениями в книге "Майн Кампф", содержавшими угрозу в отношении Франции, возникает предположение, что создавшаяся обстановка, оправдывает последующие действия. Я не знаю, в течение какого периода велась подготовка к вступлению в Рейнскую область. Я лично знал об этом и обсуждал этот вопрос, приблизительно, за 2-3 недели до того, как это произошло.

7552

В то время высказывалось очень большое опасение, особенно в военных кругах, относительно риска, связанного с этим действием. Такой же страх испытывали и многие чиновники министерства иностранных дел. Однако в министерстве иностранных дел было хорошо известно о том, что Нейрат был единственным лицом в правительственных кругах, с которым консультировался Гитлер и который был уверен в том, что новая милитаризация Рейнской области может быть осуществлена без возникновения вооруженной оппозиции со стороны Великобритании и Франции. Положение, занимаемое Нейратом в тот период, было таково, что оно могло бы склонить Гитлера доверять Нейрату гораздо больше, чем любому представителю дипломатов старой школы, к которым он, Гитлер, относился с пренебрежением".

Затем идет абзац о санкциях в Италии, который, по-моему, не имеет отношения к делу.

Затем я перехожу к параграфу 8: "Планы об аннексии Австрии с самого начала являлись частью нацистской программы ~~с самого начала~~. Оппозиция со стороны Италии после убийства Дольфуса временно заставила более осторожно подходить к этой проблеме, но хождение о применении санкций против Италии со стороны Лиги Наций плюс быстрое усиление военной мощи Германии делали более безопасным возобновление австрийской программы.

Когда Геринг посетил Рим в начале 1937 г., он заявил, что союз Австрии и Германии неизбежен и рано или поздно его следует ожидать. Муссолини слушал эти слова на немецком языке, но хранил молчание; когда же я перевел их на

7553

H1195 – 0371

H1195-0372

французский язык, он выразил свой протест в очень решительной форме. Осуществление аншлюсса являлось по существу делом партии, при этом роль фон Папена заключалась в том, чтобы внешне сохранить нормальные дипломатические отношения в то время, как партия окольными путями вела подготовку к предполагавшемуся аншлюссу Австрии.

В речи фон Папена от 18 февраля 1938 г., произнесенной после совещания в Берхтесгадене, соглашение, достигнутое в Берхтесгадене, рассматривается как первый шаг к созданию общеевропейского государства под руководством Германии. В министерстве иностранных дел это всеми рассматривалось как явное пророчество создания Великой Германии, в состав которой войдет и Австрия". В последнем параграфе говорится, что все вышеизложенное является правильным и что Вы дали это письменное показание под присягой добровольно и без принуждений.

Итак, это правильно, не так ли, Шмидт? Еще один вопрос и я закончу. Правильно, ли что, будучи министром иностранных дел, подсудимый Риббентроп привлек большое количество людей, занимавших определенные посты в СС или в прошлом в СА, в министерство иностранных дел и включил их в свой штат?

ШМИДТ. Да, эти люди были, главным образом, сотрудниками его ведомства, т.е. его прежней организации. Они были взяты в министерство. Не все, но некоторые.

СЭР ДЭВИД МАКСУЭЛЛ ФАЙФ. Благодарю Вас.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ. Желают ли другие обвинители подвергнуть свидетеля перекрестному допросу? (Молчание). Д-р Хорн, желаете ли Вы задать дополнительные вопросы?

ХОРН. У меня нет больше вопросов к свидетелю.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ. Свидетеля можно увести.

(К микрофону подходит д-р Лефнер).

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ. Задержите свидетеля, пожалуйста.

Д-р ЛЕФНЕР (защитник СА). У меня лишь один маленький вопрос к свидетелю.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ. Скажите, пожалуйста, кого Вы защищаете?

Д-р ЛЕФНЕР. Д-р Лефнер - защитник СА. Господин свидетель, Вы, как правило, лично присутствовали во время посещений высокопоставленных иностранных государственных деятелей. Присутствовали ли Вы также во время посещения иностранных деятелей во время олимпиады 1936 года?

ШМИДТ. Да.

ЛЕФНЕР. Высказывал ли кто-либо из иностранных государственных деятелей желание ознакомиться с германскими социальными учреждениями, которые были созданы национал-социалистами до или после 1936 года?

ШМИДТ. Выражалось ли подобного рода пожелание во время олимпиады 1936 года, я не могу сейчас припомнить, но то, что такие пожелания высказывались и затем выполнялись,- видно из ряда фактов, например, из посещения Ллойд Джорджем Оберзальцберга и последовавшего затем ознакомления его с социальными учреждениями Германии, из посещений целого ряда иностранных представителей, которые, по-моему, очень живо интересовались социальными учреждениями Германии.

7555

H1195-0373

H1195-0374

ЛЕФНЕР. Вы лично когда-либо присутствовали во время таких осмотров?

ШМИДТ. В основном я не присутствовал на таких осмотрах. Но я помню, например, что Трудовой фронт имел в своем распоряжении международную организацию, которая называлась "Радость и труд". Эта организация каждый год созывала большой конгресс в Гамбурге. Я часто присутствовал на этих конгрессах в качестве переводчика.

ЛЕФНЕР. Знаете ли вы что-либо о том, какое впечатление производили эти социальные учреждения на иностранных деятелей?

ШМИДТ. Эти социальные учреждения всегда производили, по-моему мнению, весьма благоприятное впечатление.

ЛЕФНЕР. Помните ли вы, свидетель, о посещении Германии принцем Уэльским?

ШМИДТ. Да, я переводил ему тогда.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ. Какое это имеет отношение к пунктам обвинительного заключения? Доктор Лефнер, Вы должны были задавать вопросы в то время, когда задавали вопросы другие свидетели. Когда я спросил Вас, имеются ли у Вас какие-либо вопросы, Вы сказали "нет" или дали понять, что у Вас их нет. Сейчас Вы встали и говорите, что у Вас имеется только один вопрос, и Вы уже задали его. Я не знаю, сколько еще вопросов Вы собираетесь задать, но все они, по мнению Трибунала, не относятся к делу.

ЛЕСНЕР. Господин председатель, вопросы, которые я задал, вызваны допросом, который произвел сэр Дэвид. Сэр Дэвид затронул в своем допросе СА. Я должен поэтому поставить контрвопрос свидетелю. Кроме того...

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ. Сэр Дэвид не задал ни одного вопроса относительно социальных условий в Германии и он не задал ни одного вопроса об олимпийских играх в 1936 году. И, во всяком случае, Вы не являетесь тем лицом, которое имеет право задавать дополнительные вопросы.

ЛЕСНЕР. Те вопросы, которые я поставил, являются очень важными: в результате этих посещений и высказываний иностранных государственных деятелей в рядах наших членов создалось такое впечатление, что авторитетные иностранные государственные деятели выражают свое признание фюрера национал-социализма. Для вопроса виновности или невиновности миллионов немцев, которых я здесь представляю, это имеет решающее значение, так как эти миллионы немцев придавали большое значение позиции иностранных государственных деятелей. Таким образом, это имеет прямое отношение к делу и играет решающую роль. В данном случае перед нами единственный свидетель, который может дать по этому вопросу действительно точные сведения. Я уже закончил с вопросами относительно Олимпийских игр. У меня осталось лишь два вопроса к свидетелю. Я прошу Вас разрешить мне задать эти вопросы, так как сэр Дэвид....

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ (вмешиваясь). Трибунал считает, что вопросы, которые Вы сейчас зададите, не вытекают из

4557

H1195 - 0375

H1195-0376

перекрестного допроса и являются абсолютно не относящимися к делу, и поэтому Трибунал не будет далее слушать Ваших вопросов.

(К микрофону подходит адвокат Кубушок).

КУБУШОК. Адвокат Кубушок, защитник Папена. Я хотел бы в связи...

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ. Доктор Кубушок! Как вы хорошо знаете, сейчас не время задавать вопросы от имени фон Папена. Вы имели эту возможность, но Вы не воспользовались ею.

КУБУШОК. Господин председатель, я предлагаю выяснить один вопрос. Мне кажется, что здесь при переводе были допущены ошибки. Я не получил копии письменного показания этого свидетеля. Я слышал, что в аффидевите упоминалась речь Папена от 8 или 18 февраля...

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ. Очень хорошо, если это неправильно, Вы можете исправить в переводе то, что Вы желаете.

КУБУШОК. Я хотел бы напомнить, что здесь сначала говорили о Гитлере и Папене. На немецкий язык было переведено, что Папен произнес данную речь. Папен не произносил никогда такой речи, так что не следует делать никаких выводов о Папене из этой речи.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ. Д-р Кубушок, Вы получите письменное показание, данное под присягой. Вы будете иметь возможность ознакомиться с ним.

КУБУШОК. Я просмотрю письменное показание. В случае, если ошибка будет найдена, я письменно сообщу об этом.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ. Да. Если есть какая-либо ошибка в письменном показании, данном под присягой, она должна быть исправлена.

(Хори и Кубушок просматривают аффидевит).

КУБУШОК. В тексте действительно стоит фамилия Папена, но это совершенно неверно. Папен никогда не произносил такой речи. В тексте на странице 4-й указано: "Речь, произнесенная Папеном".

СЭР ДЭВИД МАКСУЭЛЛ ФАЙФ. Милорд, именно так это изложено в письменном показании, данном под присягой. Ученый адвокат заявляет, что это совершенно неверно, что он не произносил такой речи. Относясь с глубочайшим уважением к ученому адвокату, я должен заявить, что, если он желает опровергнуть правильность письменного показания, он будет иметь возможность вторично вызвать фон Папена и получить от него показания по этому поводу.

КУБУШОК. Не будет ли целесообразным, господин председатель, в этой связи поставить один небольшой вопрос свидетелю, имел ли он действительно в виду Папена?

7559

H1195 - 0377

H1195 – 0378

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ. Очень хорошо. Задайте вопрос свиде - телю.

КУБУШОК. Г-н свидетель, вы действительно имели в виду Папена, когда говорили об этой речи 18 февраля 1938 г.? Где же была произнесена эта речь?

ШМИДТ. По моему мнению, я сделал ошибку во время составления этого письменного показания. В настоящий момент я не помню, была ли произнесена такая речь, которую я упомянул в своих письменных показаниях. Вполне возможно, что я сделал ошибку. Мне кажется, что эту ошибку можно простить, если учесть то обстоятельство, что я давал эти письменные показания тогда, когда я был очень болен и ле - жал в больнице. Когда я прочитывал этот документ, я не об- ратил на это обстоятельство внимания. Я считаю, что я дей- ствительно сделал ошибку.

КУБУШОК. Таким образом, отпадает и это утверждение, и все вытекающие из него следствия?

ШМИДТ. Да, после всего того, что я сказал, можно сделать такой вывод. Я не помню такой речи и думаю, что ее следует отнести за счет моей ошибки. Ошибка же эта объясняе- тся тем, что я подписывал этот документ в тот момент, ког- да был сильно болен.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ. Да, пожалуйста, д-р Хорн. Свидетеля можно увести.

ХОРН. Разрешите еще раз высказать просьбу перед Судом, не может ли Суд принять сейчас решение, чтобы пере- вод документов был готов завтра утром. От этого зависит мое дальнейшее представление доказательств. Если завтра переводы будут готовы, то я сейчас смогу начать допрос подсудимого фон Риббентропа в качестве свидетеля. Если же

переводы до завтрашнего утра не будут готовы, то я просил бы Суд разрешить мне дальнейшее предъявление документальных доказательств.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ. Д-р Хорн, этот процесс продолжается уже много месяцев и он занял гораздо больше времени, чем кто-либо предполагал, во всяком случае, гораздо больше времени, чем предполагал любой член Трибунала. И Трибунал не может допустить дальнейшего затягивания этого процесса. Вы должны продолжать. У Вас имеются еще свидетели?

ХОРН. Нет, у меня нет больше свидетелей, господин председатель.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ. Собираетесь ли Вы вызвать подсудимого фон Риббентропа?

ХОРН. Да.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ. Почему Вы не можете сейчас допросить его?

ХОРН. Я могу начать сейчас же его допрос. Я спросил, поможет ли мне Суд, будут ли завтра готовы переводы документов. Тогда я сейчас начну допрос подсудимого в качестве свидетеля, а потом уже буду предъявлять документальные доказательства, когда обвинение получит переводы и сможет выступить с возражениями по поводу тех или иных документов.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ. Конечно, как только документы будут переведены, Вы их получите. Мы сейчас выясняем, будут ли они готовы завтра утром, но у нас еще осталось 35 минут до 5 часов. Мы хотим использовать это время.

ХОРН. Да, г-н председатель. Тогда я вызвав подсудимого в качестве свидетеля.

7561

H1195-0379

H1195-0380

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ. Пожалуйста, продолжайте, д-р Хорн.

ХОРН. Тогда я продолжаю предъявление документов.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ. Д-р Хорн, Вы сказали, что Вы намереваетесь вызвать подсудимого фон Риббентропа в качестве свидетеля? У нас здесь нет документов и Вы должны сделать так, как Вы сказали.

ХОРН. Тогда я прошу разрешить мне вызвать в качестве свидетеля подсудимого фон Риббентропа.

/К свидетельскому пульту подходит подсудимый Риббентроп/.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ. Назовите Ваше имя.

СВИДЕТЕЛЬ. Иоахим фон Риббентроп.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ. Повторяйте за мной слова присяги. Клянусь Богом ....

РИББЕНТРОП. Клянусь Богом ...

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ. Всемогущим и всеведущим ...

РИББЕНТРОП. Всемогущим и всеведущим .....

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ. Что я буду говорить чистую правду ...

РИББЕНТРОП. Что я буду говорить чистую правду ...

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ. Ничего не утаю и ничего не прибавлю...

РИББЕНТРОП. Ничего не утаю и ничего не прибавлю ...

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ. Вы можете сесть.

ХОРН. Пожалуйста, сообщите Суду в краткой форме важнейшие моменты Вашей биографии.

РИББЕНТРОП. Я родился 30 апреля 1893 года в гор. Везель. Я происхожу из старой воинской семьи. Предки моей матери были крестьянами. Учился я в детстве в Касселе и в Мерце /Эльзас-Лотарингия/. Здесь, в Эльзас-Лотарингии, я

установил первые связи с французскими культурными кругами и уже тогда полюбил эту страну. В 1908 г. мой отец ушел в отставку с действительной военной службы. Причиной этого были разногласия, связанные с личностью кайзера. Мой отец очень интересовался внешней политикой и социальной жизнью и я очень уважал его. После этого мы переселились в Швейцарию и после, примерно, годичного пребывания в Швейцарии я уже молодым человеком поехал в Лондон, где в течение года изучал языки. Тогда я получил первое впечатление о Лондоне и о величии Британской империи. Через год, в 1910 году, я поехал в Канаду. Сначала я хотел посетить германские колонии, но потом поехал в Америку. Я хотел посмотреть мир. В Канаде я провел несколько лет, примерно 2 года служил рабочим, путевым рабочим на железной дороге, простым рабочим, а затем посвятил себя строительному и банковскому делу.

В 1914 г. в Канаде меня застала первая мировая война. Меня, как и всех немцев тогда, волновала лишь одна мысль: Родина нуждается сейчас в каждом человеке; чем я могу помочь своему отечеству? Я поехал затем в Нью-Йорк. В сентябре 1914 года мне с некоторыми трудностями удалось попасть в Германию. После пребывания на фронте в течение, примерно, 4-х лет я после ранения был послан в Константинополь, в Турцию, где я пережил поражение Германии в первой мировой войне.

Это были мои первые впечатления о страшных последствиях проигранной войны. Тогдашний посол граф Бернсдорф, а затем посол д-р Дикгоф представляли германскую империю в Турции. Они были вызваны в то время в Берлин, чтобы

7563

H1195 - 0381

H1195-0382

использовать связи графа Бернсдорфа с президентом Вильсоном и посмотреть, - это была наша общая надежда,- окажется ли возможным на основании этих пунктов заключить мир и, таким образом, достигнуть примирения. С некоторыми трудностями мне удалось в марте 1919 года попасть в Берлин, где я был назначен адъютантом генерала фон Зекта, который был послан с мирной делегацией в Версаль. Затем, когда был прислан текст Версальского договора, я ночью прочитал этот документ и у меня создалось впечатление, что не могло быть в мире ни одного правительства, которое бы подписало этот документ. Это были мои первые впечатления о внешней политике на родине.

В 1919 году я вышел в отставку в чине старшего лейтенанта и занялся торговым делом. Благодаря своим коммерческим связям, я в последующие годы достаточно хорошо познакомился прежде всего с Англией и Францией. Я установил уже тогда связи с некоторыми политическими деятелями. Я пытался помочь своей стране, заняв позицию против Версальского мира. Вначале это было очень трудно, но уже в 1919, 1920 и 1921 г.г. я встретил в этих странах определенное понимание. Затем, примерно с 1929-1930 г.г., я увидел, что Германия после кажущегося расцвета в 1926-28 годах внезапно пережила серьезные экономические потрясения и что дела очень быстро катились под гору.

В 1931-1932 годах, человек,который занимался экономическими вопросами /а я как раз таким и был/,

7564

H1195 – 0383

мог установить, что Версальский договор на практике оказывал такое влияние на экономическую жизнь Германии, что последняя все более и более замирала. Я оглянулся вокруг себя /в это время я был близок к германской народной партии/ и увидел, как быстро росло число партий в Германии. Я помню, что под конец было около 30 партий или даже еще больше. Я увидел также, что безработица все больше увеличивается и что правительство во все возрастающей степени теряет доверие народа.

Я хорошо помню старания рейхсканцлера Брюнинга, которые, безусловно, были честными и искренними и, несмотря на все, безуспешными. К власти пришли затем другие правительства, однако, и они не имели успеха. Экспорт не покрывал импорта. Золотой запас имперского банка сокращался. Налоги росли. Никакие мероприятия правительства не пользовались доверием. Вот, примерно, та картина, которую я наблюдал в Германии в 1930-1931 годах.

Затем я увидел, как увеличилось количество забастовок, становилось все больше недовольных, как росло число уличных демонстраций и события принимали все более хаотический характер. Мне кажется, что не будет преувеличением сказать, что картина, которая создалась в 1930-1931 и особенно в 1932 году в Германии, была похожа на предвестницу гражданской войны. На меня это произвело, как на немца /а мне кажется, что я был всегда патриотом, как и многие другие немцы/, - чрезвычайно большое впечатление.

Я тогда стоял далеко от политической жизни, но я в эти годы сказал себе, что что-то должно произойти и что каждый на своем посту, независимо от того, каков этот пост, должен помочь создать национальный фронт на широкой основе, который вновь приобретет доверие широких масс, в особенности же широких рабочих масс.

7565

Далее я одновременно сознавал, что большинство людей, которые участвовали в создании Версальского договора, не хотели этого. Таковы были факты, которые даже теперь никто отрицать не может. Я уже упоминал однажды о том разочаровании, которое я пережил, будучи молодым офицером, имевшим личные связи с послом Диккофом / он был моим дальним родственником или свояком /, - разочарование, которое пережили мы, военные, правительственные круги и весь германский народ, в том, что пункты Вильсона были так быстро преданы забвению.

Я не намерваюсь здесь произносить пропагандистских речей, но я хотел бы только совершенно трезво оценить те факты, с которыми я тогда столкнулся. Нет сомнения в том, что, к сожалению, среди наших тогдашних противников продолжало существовать направление, которое вело не к умиротворению, а к ненависти или мести. Я убежден в том, что это не входило в намерения тогдашнего президента Соединенных Штатов Вильсона. Мне кажется даже, что он сам лично страдал от этого в последующие годы. Во всяком случае, это было моим первым соприкосновением с германской политикой. Но даже эти тяжелые условия Версальского договора, последствия которых мы пережили, как известно, не были соблюдены. Это также, может быть, является последствием войны, во время которой люди занимают определенную позицию, но затем не могут или не хотят удерживать развитие событий в своих руках.

7566

H1195 - 0384

H1195 – 0385

Постановления Версальского договора по территориальным и другим очень важным вопросам, как известно, не были соблюдены.

Я хотел упомянуть, что одним из важнейших территориальных вопросов в то время был вопрос о Верхней Силезии, и прежде всего о маленькой Мемельской области. События, которые тогда разыгрались, произвели на меня очень большое впечатление. Вопрос о Верхней Силезии затронул меня особенно потому, что у меня было там много личных связей, и потому, что мы все не могли понять, почему не соблюдались даже эти тяжелые условия Версальского договора.

Далее, вопрос о нацменьшинствах, который сыграл очень большую роль. В дальнейшем я еще подробнее остановлюсь на этом вопросе в связи с польским кризисом. Но уже с самого начала немецкие меньшинства, как известно, подвергались тяжелым испытаниям. Это имело место в Верхней Силезии и других областях, где немецкие нацменьшинства страдали от такого решения вопроса.

Далее / и это один из важнейших пунктов Версальского договора /– вопрос о разоружении. Этот вопрос также обсуждался здесь, в зале Суда. Поэтому я не хотел бы подробно останавливаться на нем еще раз. Во всяком случае, /и/ли/ лишение Германии равноправия во всех этих областях заставило меня в тот год еще более усиленно заняться политической деятельностью. Я тогда очень часто встречался и говорил с французами и англичанами, моими друзьями, о

чем я хотел бы совершенно откровенно заявить здесь: тогда уже было известным фактом, что то, что в 1930 г. национал-социалистская партия получила свыше 100 мандатов в рейхстаге, было лишь выражением естественной воли немецкого народа, который хотел бороться против такого отношения к Германии. Это было, в конце концов, не больше, не меньше, как желание жить.

Я тогда уже говорил с моими друзьями об Адольфе Гитлере, которого я еще тогда лично не знал. Они спрашивали меня, что за человек Адольф Гитлер, что он принесет Германии. Я тогда совершенно откровенно отвечал:-Дайте Германии шанс и Адольфа Гитлера не будет; если вы не дадите Германии шанс, то к власти придет Адольф Гитлер. Это было приблизительно в 1930-31 г.г. Шанс не был дан Германии и 30 января 1933 года к власти пришли национал-социалисты.

ХОРН. Как и когда Вы познакомились с Гитлером?

РИББЕНТРОП. В первый раз я увидел Адольфа Гитлера 13 августа 1932 года в Берггофе. Я примерно с 1930-31 г.г. знал в Берлине графа Гельдорфа, известного национал-социалиста. Он был моим товарищем по полку, служил со мной в одном эскадроне, и четыре года войны мы провели вместе с ним. Через его посредство я пришел в первый раз в соприкосновение с национал-социализмом в Берлине. Я попросил его в то время устроить мне беседу с Гитлером. Он это сделал, кажется, при помощи господина Рема. Я посетил Адольфа Гитлера и имел с ним длительную беседу. Адольф Гитлер изложил мне свои мысли относительно положения, которое сложилось к лету 1932 года.

7568

H1195 – 0386

H1195 – 0387

Я затем снова увидел его в 1933 году / это уже описывалось здесь моим товарищем по партии Герингом / в своем доме в Далеме, который я предоставил тогда в их распоряжение, чтобы сделать со своей стороны все возможное для создания национального фронта.

Уже тогда Адольф Гитлер произвел на меня очень большое впечатление. Особенно мне запомнились его голубые глаза на смуглом лице и все его просветленное, законченное, не замкнутое, а именно законченное существо, а также его манера выражать свои мысли. Эти мысли были всегда законченными и определенными. Казалось, что они исходят из самых глубин его души. У меня создалось впечатление, что передо мной человек, который знает, чего он хочет, у которого несокрушимая воля и который является очень сильной личностью. Я могу, обобщая, сказать, что после этой беседы с Адольфом Гитлером я ушел с убеждением, что если и существует кто-либо, кто может вывести Германию из всех этих затруднений и бедствий, то именно этот человек.

На событиях, имевших место в январе, я не собираюсь останавливаться подробно. Я хотел бы упомянуть только один эпизод - это происходило в моем доме в Далеме. Тогда вопрос шел о том, будет-ли Адольф Гитлер рейхсканцлером или нет. Я знал, что ему было тогда предложено стать вицеканцлером. Я там услышал тогда, с какой невероятной силой и убежденностью - и, если хотите, грубостью и резкостью - он выражал свое мнение, когда был уверен в том, что это может привести к возрождению и спасению его народа.

7509

ХЭРН. Вы верили в возможность ревизии Версальского договора путем обоюдного согласия договаривающихся сторон?

РИББЕНТРОП. Я должен сказать по этому поводу, что во время своих многочисленных служебных поездок за границу в 1920-32 г.г. я увидел, как бесконечно трудно было бы добиться, если это вообще было возможно при существовавшей тогда системе, ревизии Версальского договора, путем переговоров. Несмотря на это, я чувствовал, как из года в год во Франции и Англии все больше увеличивались те круги, которые пришли к убеждению, что Германии нужно как-то помочь. Я в эти годы установил очень много связей с людьми делового мира, общественной жизни, науки и искуства, в особенности с представителями университетов Англии и Франции.

Я познакомился при этом с точкой зрения англичан и французов. Я хотел бы здесь подчеркнуть, что уже вскоре после заключения Версальского договора я пришел к убеждению, что изменение этого договора возможно только путем установления соглашения между Англией и Францией. Мне казалось также, что только таким путем можно улучшить международное положение и разрешить очень большое количество конфликтов, которые возникли повсюду в результате первой мировой войны.

Таким образом было ясно, что только при достижении соглашения с западными державами - Англией и Францией _ была возможной ревизия Версальского договора. Я уже тогда вполне определенно чувствовал, что только таким путем можно будет добиться длительного мира в Европе.

7570

H1195 – 0388

H1195 - 0389

Мы, молодые офицеры, тогда слишком много пережили в связи с событиями в Силезии, Прибалтике и в других областях...

Я хотел бы еще добавить и совершенно откровенно заявить, что я с самого начала—с того дня, как только увидел и прочитал Версальский договор,—почувствовал себя, как немец, обязанным выступить против него и попытаться сделать все возможное, чтобы вместо этого договора был заключен другой, лучший. Отрицательное отношение Адольфа Гитлера к Версальскому договору и сблизило меня тогда с ним и с национал-социалистской партией.

ХОРН. Пытались ли вы изложить свои мысли Гитлеру?

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ. Доктор Хорн, сейчас пять часов и Трибунал полагает, что сейчас следует прервать заседание.

/Об"является перерыв до 10 час. утра 29 марта/.

ап-мс
нд-вв
лт.

7571

С Т Е Н О Г Р А М М А

ЗАСЕДАНИЯ МЕЖДУНАРОДНОГО ВОЕННОГО ТРИБУНАЛА

29 марта 1946 года

(УТРЕННЕЕ ЗАСЕДАНИЕ)

Переводчики: Ступникова,
Мемедов.

3529

Встать! Суд идет!

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: Прежде, чем будет продолжен допрос подсудимого ~~Розенберга~~ Риббентропа, Трибунал желал бы, чтобы я обратил внимание доктора Хорна и подсудимого Риббентропа на то, что Трибунал указал в течение последних немногих дней.

Во-первых, Трибунал указал, что Трибунал разрешил подсудимому Герингу, который давал показания первым из числа подсудимых и который об'явил себя ответственным, как второй руководитель нацистской партии, давать свои показания без какого-либо вмешательства и изложил всю историю нацистского режима от его зарождения до поражения Германии.

Трибунал не намерен разрешать кому-либо из других подсудимых продолжать показания по тем же вопросам, и может разрешить давать им показания по этим вопросам в той степени, в какой это необходимо для их собственной защиты.

Во-вторых, Трибунал решил, что доказательства в отношении несправедливости Версальского договора не могут приниматься в качестве доказательства.

В-третьих, хотя это и не входит в обязанности Трибунала, я должен указать, что во многих случаях до сведения Трибунала доходит точка зрения подсудимых и некоторых из их свидетелей, что, якобы, Версальский договор являлся несправедливым, и поэтому какие-либо показания на эту тему, кроме того, что они недопустимы, являются кумулятивными, и Трибунал поэтому заслушивать их не будет.

И, наконец, Трибунал пожелал, чтобы я указал доктору Хорну, что обязанность защитника состоит в том, чтобы

7572

H1195 – 0390

H1195 – 0391

допрашивать свидетеля, а не предоставлять ему возможность произносить речи, и, если он дает показания, которые являются недопустимыми в соответствии с постановлениями Трибунала, то Трибунал такие показания заслушивать не будет.

(К микрофону подходит защитник Зайдль).

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: Доктор Зайдль, если Вы намереваетесь сослаться на аффидевит Гауса, Трибунал сейчас не будет останавливаться на этом вопросе. Этот вопрос будет обсуждаться после того, как подсудимый Риббентроп даст показания .

ЗАЙДЛЬ: Господин председатель, я договорился с защитником подсудимого Риббентропа г-ном адвокатом Хорном.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: Доктор Зайдль, меня не интересует, говорили ли Вы с доктором Хорном или нет и существует ли какая-либо договоренность между Вами и доктором Хорном, для Трибунала сейчас не представляется удобным рассматривать показания Гауса. Сейчас Трибунал хочет заслушать показания подсудимого Риббентропа.

ЗАЙДЛЬ: Хорошо, мы все это уладим потом.

ХОРН (обращаясь к подсудимому Риббентропу): Вы вчера в конце заседания говорили о тех политических впечатлениях, которые Вы вынесли из Вашего пребывания в Англии и во Франции. Я хочу спросить Вас в этой связи, излагали ли Вы Гитлеру свои взгляды на английскую и французскую политику так, как Вы ее представляли себе в то время?

РИББЕНТРОП : Да, после 30 января 1933 года я часто видел Адольфа Гитлера и, конечно, говорил ему о тех впечатлениях, которые я выносил из своих частых поездок в Англию и Францию.

ХОРН: Какова была позиция Гитлера по отношению к Англии и Франции в то время ?

РИББЕНТРОП: Позиция Адольфа Гитлера была следующей.

Он усматривал во Франции противника Германии, исходя из той политики, которую проводила Франция по отношению к Германии после окончания первой мировой войны, и в особенности из позиции Франции в вопросе о равноправии Германии. Это мнение Адольфа Гитлера нашло свое выражение в его книге "Моя борьба".

Я хорошо знал Францию, так как многие годы имел с ней связи. Я тогда много рассказывал фюреру о Франции. Его интересовало все это и я заметил, что он проявлял явный интерес к Франции в январе 1933 года. Я познакомил его с несколькими французами и думаю, что некоторые из этих встреч и, может быть, также мои рассказы относительно настроения многих французов и о французской культуре....

ХОРН: Какие это были французы?

РИББЕНТРОП: Это были французские экономисты, журналисты, а также некоторые политические деятели. Мои рассказы очень интересовали фюрера и постепенно у него создалось впечатление, что и во Франции существуют люди, которые не отказываются от достижения взаимопонимания с Германией. Я все время выдвигал один аргумент, который основывался на моем глубоком убеждении и опыте предшествовавших лет. Как известно, величайшим желанием фюрера было добиться подлинной дружбы с Англией и соглашения с Англией. Фюрер вначале рассматривал этот вопрос совершенно, я бы сказал, оторванно от германо-французской политики. Кажется, мне тогда удалось убедить фюрера в том, что взаимопонимания с Англией можно достигнуть только путем взаимопонимания с Францией. Как я очень хорошо помню из некоторых бесед с фюрером, это произвело на него сильное впечатление. Он сказал мне, что я должен продолжать проводившуюся тогда лично мной линию взаимопонимания между Германией и Францией и должен сообщать ему о том, как идут дела в этом направлении.

7574

H1195 – 0392

H1195 – 0393

ХОРН: Вы стали затем советником Гитлера по вопросам внешней политики, а не советником партии. Как это случилось?

РИББЕНТРОП: Я уже рассказывал, что я делал Гитлеру доклады о моих поездках. Впечатления, с которыми я приезжал к нему из Англии и Франции, интересовали его; он меня часто принимал и я часто с ним говорил. И как-то само собой получилось так, что он, помимо официальных политических каналов, использовал мою помощь и мои советы относительно того, что я видел в этих странах, и прислушивался к ним.

Особый интерес он проявлял, само собой разумеется, к английским делам. Я рассказывал ему о настроениях и о людях и помимо французов представил ему целый ряд англичан, с которыми он, что он очень любил, мог в неофициальной обстановке обмениваться мнениями.

ХОРН: В чем состояло Ваше личное содействие стремлениям Гитлера притти к соглашению с Францией в 1933-1935 г.г.?

РИББЕНТРОП: Тогда первой очередной проблемой для дискуссии было разрешение Саарского вопроса. Я пытался через посредство моих личных связей в Париже раз'яснить французам, что разумное и спокойное решение Саарского вопроса путем предусмотренного Версальским договором голосования явится хорошим предзнаменованием для отношений между обеими странами. Я говорил в те годы с целым рядом людей в Париже и установил первые связи с членами французского кабинета.

Я должен упомянуть, что я разговаривал с тогдашним французским президентом Думергом, с убитым впоследствии министром иностранных дел Барту, с господином Лавалем и, прежде всего, с господином Даладье. Я припоминаю, что как раз со стороны Даладье я встретил полное понимание Саарского вопроса. Немного позднее я заметил, что во время посещения французами Гитлера всегда говорилось: "Ну что же, у Вас есть книга "Моя борьба", а там сказано о Вашей политике по отношению к Франции." Я тогда попытался убедить фюрера, что надо официально подвергнуть пересмотру это

7575

место в "Майн кампф".На это фюрер ответил, - я очень хорошо помню, - что он решил своей политикой на практике доказать всему миру, что он изменил свое мнение по этому вопросу.То, что уже написано, нельзя изменить - оно представляет собой исторический факт, и ~~что~~ его тогдашнее отношение к Франции было обусловлено французской политикой по отношению к Германии.Но теперь можно открыть новую страницу в истории обоих народов.Я попросил затем Адольфа Гитлера принять одного французского журналиста для того, чтобы публичным заявлением внести поправку в воззрения, изложенные в книге "Майн кампф".Это было бы официальным признанием перед всем миром. Он согласился на это и принял французского журналиста, дал ему интервью, - я не помню точно, когда в 1933 году. Это интервью было опубликовано, кажется, в "Матэн" и произвело тогда большое впечатление.

Я был очень доволен этим, так как таким образом был несомненно сделан большой шаг вперед на пути к взаимопониманию с Францией. Я обдумывал, что же делать дальше? Каким путем перейти от публицистики к непосредственному контакту между немецкими и французскими государственными деятелями.

ХОРН: Вы не считали тогда возможной встречу Гитлера с Деладье? Что Вы практически делали для выполнения этих планов?

РИББЕНТРОП: Я хотел как раз говорить об этом. Когда Деладье был во Франции премьер-министром, я много раз беседовал с ним и предложил ему встретиться с Адольфом Гитлером для того, чтобы совершенно открыто побеседовать и посмотреть, нельзя ли поставить отношения между Францией и Германией на совершенно новую базу. Г-н Деладье заинтересовался этой мыслью. Я сообщил об этом Гитлеру, и он заявил о своей готовности встретиться с Деладье. Эта встреча

3576

H1195 – 0394

H1195 – 0395

должна была состояться в немецком Оденвальде и все уже было согласовано. Я поехал в Париж, чтобы окончательно условиться с Лападье.

(К микрофону подходит г-н Додд).

ДОДД: Милорд, я не хотел бы прерывать прямого допроса этого свидетеля, но мои коллеги и я считаем, что, если допрос ведется слишком подробно, защитнику следует указать на это, что он должен допрашивать более конкретно, не вдаваясь в детали.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: Доктор Хорн, Трибунал думает, что это возражение вполне обосновано. Подсудимый сейчас занимается периодом, относящимся к 1933-35 гг., и говорит о попытках, которые он предпринимал для установления хороших отношений с Францией. Это имеет очень отдаленное отношение ко всем тем вопросам, которые обсуждаются по настоящему делу, и поэтому заниматься всеми этими деталями, по мнению Трибунала, означает просто тратить напрасно время.

ХОРН: Хорошо, я буду ставить далее вопросы, непосредственно относящиеся к делу (Обращается к подсудимому Риббентропу). Что послужило поводом для Гитлера назначить Вас уполномоченным по вопросам разоружения?

РИББЕНТРОП: Кажется, в марте или апреле меня назначили комиссаром по вопросам разоружения. Основание было следующее: Гитлер стоял на позиции равенства в вооружениях. Он считал, что добиться этого можно только путем переговоров с Англией и Францией. Этого мнения придерживался и я. Стремясь улучшить англо-германские отношения, – а это было также желанием фюрера, – я поехал в Лондон и установил связь с влиятельными английскими политиками.

Я беседовал с лордом Болдуином,

Прежде всего, это была связь с лордом Болдуином, а

7577

также с премьер-министром Макдональдом, ~~я беседовал~~ о стремлении Германии к равноправию и они меня охотно слушали. На основании длинной беседы, которая была у меня с Болдуином тогдашним лордом-канцлером, ныне лордом Болдуином, он выступил, по-моему, 1 декабря 1933 года с речью в палате общин; он говорил тогда, что нужно пойти навстречу Германии, нужно обещать ей равноправие в вооружениях и каким-либо путем его осуществить. Для этого существовали три возможности. Первая: чтобы Германия вооружилась, также, как и другие страны, но этого они не хотели; вторая возможность: чтобы все другие страны разоружились до уровня Германии, но это было неосуществимо. Поэтому нужно было выбрать среднее: разрешить Германии вооружиться до известного предела, а другие страны должны были в свою очередь разоружиться.

Адольф Гитлер был очень доволен этой точкой зрения, так как он видел в ней фактическую возможность осуществить равноправие Германии, но, к сожалению, не удалось в дальнейшем как-либо практически осуществить эти предложения Болдуина. Поэтому Адольф Гитлер сказал себе, что, очевидно, в условиях той системы, которая господствовала в мире, нельзя было достигнуть равноправия Германии в вооружениях путем переговоров.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: Повторите, пожалуйста, последний вопрос. Повторите последнее предложение, которое Вы сказали.

РИББЕНТРОП: Адольф Гитлер видел, что, к сожалению, в условиях господствовавшей тогда международной системы нельзя было претворить в жизнь путем переговоров хорошие замыслы лорда Болдуина.

ХОРН: Вы добились практического проведения ограничения вооружения в Лондоне?

4578

H1195 – 0396

H1195-0397

РИББЕНТРОП: Известно, что Германия Адольфа Гитлера покинула Лигу Наций и конференцию по разоружению, так как было невозможно провести в жизнь желание Германии путем переговоров. Поэтому Гитлер не видел другой возможности, как, опираясь на силы самого немецкого народа, добиться этой цели. Он, конечно, сознавал, что в этом таится определенный риск, но после опыта предшествовавших лет для него не оставалось иного пути, и, таким образом, Германия начала вооружаться.

ХОРН: Но.....

РИББЕНТРОП: Я хотел бы сначала ответить на Ваш вопрос.

Практическим результатом было следующее: в течение 1934 года мы установили более тесный контакт между германским и английским правительствами. Последовали посещения Берлина английскими государственными деятелями - сэром Джоном Саймоном и мистером Иденом и во время этих посещений было внесено предложение о том, чтобы попробовать придти к соглашению относительно флотов. Адольфа Гитлера очень занимала эта мысль и в дальнейшем между английским и германским правительствами было решено, что я буду послан в Лондон для того, чтобы попытаться заключить с английским правительством военно-морское соглашение. Мне незачем касаться деталей этого соглашения. Гитлер с самого начала говорил, что для того, чтобы добиться окончательного урегулирования всех вопросов с Англией, нужно раз и навсегда признать превосходство Великобритании на море. Он предложил установить соотношение флотов как 100 : 35 -соотношение, совершенно отличное от того, о котором велись переговоры между Англией и Германией перед войной 1914 года. В итога сравнительно кратких переговоров в Лондоне было подписано это военно-морское соглашение. Оно было очень важным для дальнейшего развития англо-германских отношений и представляло собой первый практический

7579

результат подлинного ограничения вооружений.

ХОРН: Согласилась ли тогда Франция с этим увеличением вооружения Германии и в какой мере она содействовала этому шагу ?

РИББЕНТРОП: Я должен прежде всего сказать, что Адольф Гитлер и я были очень рады заключению этого договора. Я должен заявить на основании собственных наблюдений, что я никогда еще не видел Адольфа Гитлера таким счастливым, как в тот момент, когда я лично сообщил ему в Гамбурге о заключении этого соглашения.

ХОРН: Какова была позиция Франции по отношению к этому договору ?

РИББЕНТРОП: С Францией были, естественно, некоторые трудности . Это я заметил уже во время переговоров, так как мы отошли здесь от ограничений вооружений, предусмотренного Версальским договором. Я сам затем предложил господам из Форейн Оффиса- можно назвать их имена сэру Роберту Кроги и тогдашнему английскому адмиралу Литтлу, что я поеду во Францию для того, чтобы использовать мои отношения с французскими государственными деятелями и об"яснить им пользу, которую принесет это соглашение в дальнейшем, для установления политического единства между Англией , Францией и Германией. Я хочу здесь указать на следующее: в зале суда был показан фильм, в котором мое выступление для тогдашней кинохроники после заключения

7580

H1195 – 0398

H1195 – 0399

морского соглашения приводилось в качестве доказательства двуличности немецкой дипломатии. Но я должен сказать, что я выступил тогда для того, чтобы доказать всему миру, что это какие-то односторонние переговоры между Англией и Германией, а что смысл этого морского соглашения заключается во всеобщем ограничении вооружений и что оно должно в конечном счете привести к улучшению отношений между Германией и Францией. Это желание было искренним и совершенно реальным.

Я поехал затем во Францию, говорил там с французскими политическими деятелями и думаю, что я сделал кое-что для того, чтобы этот шаг в области ограничения вооружений стал рассматриваться многими французами, как разумная мера, исходя из перспективы дальнейшего развития и из того, что нельзя надолго лишить немецкий народ равноправия.

ХОРН: Вы затем были назначены послом в Лондон, каким образом Вас назначили ?

РИББЕНТРОП: Это произошло так. После заключения морского соглашения, которое тогда приветствовалось широчайшими кругами в Англии , я приложил все усилия к тому, чтобы устроить встречу фюрера с лордом Болдуином; надо сказать, что ~~хнухххнихххБолдуинахххнекийхмистерхДжонсх~~ очень многое для организации этой встречи сделал друг лорда Болдуина, некий мистер Джонс.

7581

Фюрер уже согласился лететь в Чекерс для встречи с лордом Болдуином, но,к сожалению, в последний момент лорд Болдуин отказался. Я не знаю,почему он тогда отказался, но нет никакого сомнения в том, что определенные круги в Англии не желали взаимопонимания между Германией и Англией. Затем, когда в 1936 году умер германский посол фон Геш, я сказал себе, что нужно сделать еще одно последнее усилие со стороны Германии, для того чтобы все-же добиться взаимопонимания с Англией. Я хочу отметить, что я уже был назначен тогда Гитлером на пост статс-секретаря министерства иностранных дел и я лично попросил его взять обратно это назначение и отправить меня послом в Лондон. Гитлер согласился, причем причиной для такого решения было, очевидно, следующее: Гитлер имел свое собственное мнение об английской теории " равновесия сил" и наши мнения здесь не сходились. Я считал, что Англия будет придерживаться своей старой теории " равновесия сил", в то время как Адольф Гитлер думал, что эта теория -"равновесия сил" уже устарела и что Англия теперь хочет видеть сильную Германию, учитывая изменившееся положение в Европе и быстрое усиление в России. Таким образом, учитывая все эти фактыры, Англия, с его точки зрения, приветствовала бы усиление Германии. Для того, чтобы уяснить этот вопрос фюреру, и для того, чтобы показать ему, каково действительное положение вещей.....

Такова была одна из причин, побудивших фюрера послать меня

7582

H1195 – 0400

H1195 – 0401

в Англию. Другая причина заключалась в том, что ~~англичане~~ мы надеялись, что, установив связи с широкими прогерманскими кругами в Англии, кругами , выступавшими за англо-германскую дружбу, нам удастся установить дружественные отношения между нашими странами и даже притти к длительному соглашению; а целью Гитлера в конечном итоге всегда являлся англо-германский союз.

ХОРН: В чем заключалась Ваша деятельность в качестве посла в Лондоне ?

РИББЕНТРОП: Я хочу прежде всего сказать, что в 30 годы, особенно в 1935-36 г., я несколько раз был в Англии и по поручению фюрера зондировал там почву для англо-германского союза.

Основа самого союза известна ; она заключалась в том , что соотношение флотов как 100 : 35 должно было быть постоянным. Во-вторых, чтобы обе страны навсегда гарантировали целостность Бельгии, Голландии и Франции и чтобы Германия , не имевшая ничего против существования Британской Империи, была готова в случае надобности выступить на ее защиту , а за это Англия должна была признать Германию сильнейшим государством в Европе.

Здесь уже говорилось и я должен повторить, что эти стремления в 30 г., к сожалению, не привели ни к каким результатам. Это было одним из глубочайших разочарований для фюрера, так как союз, на который он так надеялся и который

H1195-0402

он рассматривал , как фундамент всей своей внешней политики, не был достигнут в эти годы. Я упоминаю об этом , так как это очень важно для понимания дальнейшего. Кто помешал этому союзу, я не знаю; во всяком случае, этот союз не был заключен. Будучи послом в Лондоне, я несколько раз возвращался к этому вопросу и обсуждал его в кругах, дружественных к Германии, и должен сказать, что многие англичане относились положительно к этой мысли.

ХОРН: Вы сталкивались также и с отрицательным отношением к этому вопросу ?

РИББЕНТРОП: Естественно, в Англии существовало направление, которое отклоняло союз с Германией, может быть, по принципиальным соображениям, а, может быть, просто следуя традициям английской политики.

Я хочу попросить разрешения коротко сказать, что во время олимпийских игр в 1936 году я пытался убедить в правильности моих соображений весьма влиятельного английского политика, нынешнего лорда Ванситтарта. Я несколько часов говорил с ним об этом в Берлине. Адольф Гитлер также принял его и говорил с ним по этому вопросу. Лорд Ванситтарт отнесся к этому весьма сдержанно, несмотря на наши хорошие личные отношения.

В 1937 году, когда я был в Лондоне, я увидел , что

в Англии ясно обрисовываются два направления. Одно направление, которое хотело тесной связи с Германией, и другое направление, которое не хотело такой тесной связи с Германией. Я думаю, что мне здесь можно не называть имена, т.к. всем известны те люди, которые не хотели этого сближения. Это — ставший впоследствии премьер -министром мистер У.Черчилль и другие. Я в Лондоне сделал все, чтобы дать ход этой идее, но произошли события , которые затруднили мою деятельность. В первую очередь это была политика по отношению к Испании. Известно, что тогда в Испании шла гражданская война, а в Лондоне заседал так называемый ~~кккккк~~ Комитет по невмешательству.

Передо мной, как перед послом при Сент-Джемском дворе, стояла трудная задача.

С одной стороны, я хотел всеми средствами добиться союза с Англией; с другой стороны, я должен был в Комитете по невмешательству выполнять инструкции своего правительства, а эти инструкции были часто прямо противоположны стремлениям английской политики. В результате этого получилось, что Комитет по невмешательству, представлявший собой тогда своего рода Лигу Наций, в котором я представлял Германию, мешал выполнению тех основных задач, ради которых Адольф Гитлер послал меня в Лондон. Но я должен здесь сказать, что не только

7585

H1195 – 0403

H1195 – 0404

испанская политика была тому причиной; в 1937-начале 1938 г. в Англии все время усиливалось то направление, которое не хотело союза с Германией. Почему ? Ответ весьма прост и ясен. Эти круги видели в национал-социалистской Германии фактор, который мог бы помешать проведению английской политики равновесия сил на континенте.

Я убежден, что Адольф Гитлер никогда не намеревался в то время предпринимать что-нибудь против Англии, и что он послал меня в Лондон, действительно желая достигнуть взаимопонимания с Англией.

Я сообщал фюреру из Лондона о создавшейся ситуации и сейчас хочу раз"яснить перед судом один вопрос. Этот вопрос относится в первую очередь к моей защите. Часто утверждали, что я, якобы, сообщал фюреру из Англии, что Англия вырождалась и почти не будет бороться. Я должен здесь заявить, что я с самого начала сообщал фюреру как раз обратное. Я сообщал фюреру, что, по моему убеждению, английский народ и английское руководство настроены героически и готовы до последнего бороться за существование своей империи. Я и позднее, уже во время войны , в 1941 году, в одной из своих речей по согласованию с фюрером открыто говорил об этом.
Я хочу резюмировать все, сказанное мной о ситуации в Англии в 1937- 1938 г.г., во время моей деятельности в качестве посла.

7586

Я сознавал, что будет очень трудно добиться союза с Англией, но , что, несмотря на это, нужно сделать все возможное для того, чтобы добиться мирным путем взаимопонимания с Англией, и это должно было явиться решающим фактором германской политики. Нужно было осуществлять укрепление сил Германии с учетом основных тенденций и понятий английской политики, так, чтобы эти два фактора не сталкивались друг с другом.

ХОРН: Во время своего пребывания на посту посла, Вы заключили так называемый антикоминтерновский пакт с Японией. Как получилось , что Вы, как посол, заключили этот пакт ?

РИББИНТРОП: Я прежде всего должен сказать, что в 1938 г. 4 февраля я стал министром иностранных дел. 4 февраля я был в Берлине , меня пригласил фюрер и заявил мне, что он назначил меня министром иностранных дел. Я затем... Извините , Вы говорили о пакте трех держав ?

ХОРН: Нет, Вы меня не поняли. Вы, будучи послом, заключили антикоминтерновский пакт в 1936 г., к которому затем присоединилась Италия в 1937 г., потом Испания и другие страны. Как получилось, что Вы, будучи послом, заключили

7587

H1195-0405

H1195-0406

этот пакт ?

РИББЕНТРОП: Адольф Гитлер считал тогда идеологические противоречия между Германией - национал-социализмом и коммунизмом, одним из решающих факторов своей политики. Поэтому встал вопрос о том, как-им вообще путем можно побудить другие страны выступить против коммунистических устремлений. Здесь дело идет, следовательно , о мировоззрении. Гитлер впервые, по-моему, в 1933 году говорил со мной о том, нельзя ли установить в какой-либо форме более тесную связь с Японией. Я ответил ему, что у меня есть некоторые связи с Японией и что я позондирую почву.

В результате моего зондирования выяснилось, что Япония придерживалась такой-же антикоминтерновской позиции, как и Германия. Из этих переговоров в 1933 г. -1934-1935 г.г. постепенно выкристаллизовалась мысль о том, нельзя ли положить эти обоюдные стремления в основу соответствующего пакта. По-моему, один из моих сотрудников выдвинул предложение об антикоминтерновском пакте. Я представил это предложение фюреру, и фюрер одобрил его. Но он не хотел тогда, чтобы это было сделано официальным политическим путем, так как это был

H1195-0407

вопрос мировоззрения. Поэтому он поручил мне подготовить такой пакт, который и был заключен, по-моему, в 1933 г. в моем бюро, в Берлине.

ХОРН: Если я Вас правильно понял, этот договор был заключен именно Вами потому, что Вы были руководителем ведомства Риббентропа ?

РИББЕНТРОП: Да, это совершенно верно. Ведомство Риббентропа состояло из меня и нескольких моих сотрудников. Правильно также и то, что фюрер хотел, чтобы я заключил этот пакт, потому, что он не хотел делать его слишком официальным.

ХОРН: Преследовал-ли этот пакт реальные политические цели или только касался мировоззрений ?

РИББЕНТРОП: Несомненно, что в основе своей этот пакт преследовал идеологические цели. Он должен был противостоять тогдашней работе Коминтерна в различных странах. Но, конечно, в нем содержался и определенный политический момент. Этим политическим моментом была, безусловно, антирусская направленность пакта, так как Москва являлась носительницей идей Коминтерна, и нам с фюрером казалось, что

7589

таким образом будет создан известный политический противовес русским стремлениям и самой России, которая и идеологически, и, разумеется, политически противостояла Германии.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: Доктор Хори, я спрашиваю Вас, неужели Вы и подсудимый считает, что в интересах защиты необходимо для него произносить пространные речи, почему он, будучи послом в Лондоне, должен был подписать антикоминтерновский пакт ?

ХОРН: 4 февраля 1938 года Вы были назначены на пост министра иностранных дел. Как это произошло ?

РИББЕНТРОП: Я уже говорил, что 4 февраля 1938 г. я был в Берлине. фюрер пригласил меня к себе и сказал, что в плане некоторых перемещений, касающихся различных высших постов, он намерен сменить также министра иностранных дел и что он назначил тогдашнего министра иностранных дел г-на фон Нейрата председателем тайного совета кабинета. Я тогда заявил фюреру, что я, разумеется, охотно последую его предложению.

7590

H1195-0408

H1195 – 0409

ХОРН. Вы при этом получили также высокий ~~жин~~ СС-овский чин. Обвинение утверждает, что это не было почетным чином. Как обстоит дело в этом отношении ?

РИББЕНТРОП: Я, видимо, должен исправить это заявление. Я получил чин СС еще до того и, не помню, было ли это при назначении меня министром иностранных дел или позже,- я стал группенфюрером СС. Фюрер дал мне чин и форму группенфюрера СС.

Я в это время полностью одобрял самую идею СС, причем я тогда был в очень хороших отношениях с Гиммлером. Я видел в идее СС базу , на которой мог быть создан идейный руководящий слой, как в Англии; в ходе настоящей войны эта идея нашла свое символическое выражение в мужестве наших войск СС.

Позднее я изменил свое отношение к Гиммлеру. Но фюрер присвоил мне этот чин, потому что он хотел, чтобы я на партийных собраниях носил партийную форму и имел какой либо чин в партии.

Я прошу позволения коротко сказать о своем отношении к партии. Вчера или позавчера был поставлен вопрос, был ли я настоящим национал-социалистом. Я не намерен разрешать здесь этот вопрос. Ясно одно , что я примкнул к Адольфу Гитлеру довольно поздно. Я мало занимался национал-социалистскими доктринами и программой, в т.ч. расовой теорией, о которой я знал очень мало. Я не был антисемитом и не особенно разбирался в церковных вопросах, хотя сам давно отошел от церкви. Основания для этого коренились в эволюции германской церкви в начале двадцатых годов. Несмотря на этой, мне кажется, что я всегда был хорошим христианином .

Меня тянуло к партии то, что партия хотела создать сильную, цветущую, социальную Германию. Я также этого хотел. И вот именно по этой причине я совершенно сознательно в 1932 году стал членом НСДАП.

ХОРН: Работали ли Вы до этого в партии, как утверждает обвинение, в частности, с 1930 года ? 7591

H1195 - 0410

РИББЕНТРОП: В 1930 году, на выборах в Рейхстаг, национал-социалисты получили свыше 100 мест в рейхстаге. Я уже говорил вчера об этом и мне нет нужды повторять, в каком положении находилась тогда Германия. На протяжении 1930, 1931 и 1932 г.г. я постепенно все больше сближался с партией. С 1932 г.- кажется, я вступил в партию в августе,- с этого момента и до конца войны я посвятил и отдал все свои силы национал-социалистской Германии. Я хочу совершенно открыто признать перед этим судом и перед всем миром, что я всегда стремился быть хорошим национал-социалистом и гордился тем, что принадлежу к кучке людей-идеалистов, которые не стремились ни к чему другому, кроме того, чтобы добиться уважения к Германии со стороны всего мира.

ХОРН: Какие внешне-политические проблемы отметил Гитлер в качестве наиболее насущных, когда он назначил Вас министром иностранных дел, и какое общее направление внешней политики он Вам указал ?

РИББЕНТРОП: Фюрер сравнительно мало со мной говорил в момент моего вступления в эту должность. Он сказал мне только, что положение Германии теперь вкорне изменилось. Германия опять вошла в круг равноправных наций и совершенно ясно, что в будущем, предстоит еще разрешить некоторые проблемы .

Он особо отметил тогда, как я припоминаю, четыре проб

7592

лемы, которые рано или поздно должны были быть разрешены. Он при этом подчеркнул, что такие проблемы могут быть разрешены только при наличии мощных вооруженных сил, не путем их применения, а именно благодаря самому факту их существования; так как страна, не имеющая мощного вооружения, вообще не может вести никакой внешней политики и действует, так сказать, в безвоздушном пространстве; это мы уже видели в предшествовавшие годы.

Он сказал, что мы должны выяснить отношения со своими соседями. Четыре проблемы, которые он мне назвал были: в первую очередь Австрия, потом он заговорил об освобождении Судетской области, о маленькой области Мемеля, о Данциге и о коридоре. Вот были те проблемы, которые следовало разрешить в какой-то форме ; моя задача состояла в том, чтобы оказывать ему дипломатическую помощь при их разрешении. Начиная с этого момента, я стремился помочь фюреру в подготовке разрешения этих проблем в интересах Германии.

ХОРН: Вскоре после Вашего назначения.....

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: Сейчас удобное время об"явить перерыв

/ Перерыв/

7593

H1195 – 0411

H1195-0412

Встать! Суд идет !

ХОРН: Как проводилась германская внешняя политика после Вашего назначения на пост министра иностранных дел ?

РИББЕНТРОП: Сначала я постарался подробно разобраться в делах министерства и в обстановке. Как я уже сказал, германская внешняя политика достигла такого положения, когда Германия снова пользовалась уважением в мире, и дело заключалось в том, чтобы как-то разрешить важные жизненные проблемы, которые возникли в Европе в результате Версальского договора. Это было тем более необходимо, что, например, вопросы о национальных меньшинствах являлись источником постоянных конфликтов и мешали мирному развитию Европы.

Затем я обратился к делам министерства. Это было сначала не так-то легко, так как я должен был работать с совершенно незнакомыми мне людьми. Я должен сказать, что Адольф Гитлер не всегда положительно относился к министерству иностранных дел. И в дальнейшем, в осуществлении тех дел, которые оставил мне мой предшественник министр фон Нейрат, я считал своей наиболее важной задачей приблизить министерство иностранных дел к Адольфу Гитлеру и установить взаимопонимание между ним и министерством.

7594

H1195 – 0413

Мне было с самого начала ясно, когда я приступил к работе в министерстве, что я должен буду работать в тени гиганта, что я должен буду наложить на себя определенные ограничения в своей деятельности, т.е. это означало, что я не буду в состоянии проводить внешнюю политику таким образом, каким ее обычно проводит министр- иностранных дел, ответственный перед парламентом. Выдающаяся личность фюрера доминировала , конечно и в области внешней политики. Он занимался внешней политикой во всех деталях.

Я, с своей стороны, делал ему доклады и снабжал его текущей информацией через посредство специального человека, а Гитлер давал мне определенные задания, согласно которым я должен был занимать ту или иную позицию во внешнеполитических вопросах. Далее, во время подобных бесед выкристаллизовалась в качестве первой и самой важной проблемы- проблема Австрии, которая должна была быть решена тем или иным образом.

Уже издавна Австрия больше всего занимала фюрера, который был сам австрийцем, и было совершенно ясно, что в результате укрепления мощи Германии вырвутся наружу уже и ранее существовавшие стремления укрепить связь между Австрией и Германией. Я тогда еще мало знал эту проблему, т.к. Гитлер главным образом сам занимался.

7595

H1195 - 0414

ХОРН: Когда Вы заняли пост министра или после того была ли Вам известна запись беседы от 5 ноября 1937 г., которую называли здесь документом ~~Хоссбах~~ Госсбах ?

РИББЕНТРОП: Этот документ, о котором здесь говорили различные вещи, мне неизвестен. Я впервые увидел его здесь.

ХОРН: Высказался ли Гитлер, беседуя с Вами, в духе этого документа ?

РИББЕНТРОП: Я не могу сейчас во всех подробностях вспомнить содержание этого документа, но фюрер имел обыкновение вообще сравнительно мало говорить о своих целях, намерениях и принципиальных установках, во всяком случае, со мной. Он говорил о том, что Германия должна разрешить определенные проблемы в Европе, как я уже говорил, и что для этого нам нужно быть сильными. Он говорил также о возможности того, что при этом дело может дойти до конфликтов, но подробнее он об этом не говорил. Наоборот, он всегда подчеркивал мне, что хочет разрешить все эти насущные проблемы в Европе дипломатическим путем, и что, если он разрешит их, то он намерен создать идеальное социальное народное государство, что Германия, которую он тогда создаст , будет образцом современного социального государства. Таким образом, он говорил мне о возможности военного решения вопроса, но

всегда подчеркивал, что его целью и намерением является мирный выход из нетерпимого положения, созданного Версалем.

ХОРН: Вскоре после Вашего назначения на пост министра иностранных дел, Вы были приглашены Гитлером на совещание с Шушнигом в Берхтесгаден. О чем там говорилось и какую роль Вы играли в этих переговорах ?

РИББЕНТРОП: 12 февраля 1938 года Гитлер сообщил мне, что он должен встретиться с канцлером Шушнигом в Оберзальцберге. Я сейчас не помню подробностей, но, согласно моим записям, это было 12-го февраля; я помню только, что он указал мне в качестве цели, к которой нужно стремиться, оказание в той или иной форме поддержки немецким национал-социалистам в Австрии. Там возникали трудности всякого рода, которые я сейчас уже не помню.

Во всяком случае очень много национал-социалистов было арестовано и естественное стремление этих австрийцев установить более тесную связь с империей грозило превратить австрийскую проблему в действительно серьезную проблему в австро-германских отношениях. Адольф Гитлер сказал мне тогда, что я должен буду присутствовать в Берггофе. Впоследствии говорилось- я это слышал здесь-, что Адольф Гитлер, якобы,

7597

H1195 – 0415

H1195 – 0416

сказал, что он намерен при всех условиях в 1938 году добиться права на самоопределение для этих 6 мил. немцев. Я не помню , чтобы он это сказал, но считаю это вполне возможным.

Во время приема Шушнигга я был в Оберзальцбурге. Гитлер принял Шушнигга наедине и имел с ним продолжительную беседу. Подробности этой беседы мне неизвестны, так как я не присутствовал на ней. Я помню, что Шушнигг после этой беседы встретился со мной и что я имел с ним также длинную беседу.

ХОРН: Скажите, Вы тогда, как утверждает обвинение, сказали политическое давление на Шушнигга ?

РИББЕНТРОП: Нет, это неправильно. Моя беседа с Шушниггом мне очень хорошо запомнилась, в то время как другие детали событий в Оберзальцбурге запомнились мне плохо, так как я не присутствовал ни на первом, ни на втором совещании Гитлера с Шушниггом. Беседа, которую я имел с Шушниггом, прошла в дружественной обстановке. Я понял, что Шушнигг находится под сильным впечатлением личности фюрера. Я должен еще сказать, что деталей того, о чем Гитлер беседовал с Шушниггом, я не знал, и поэтому не мог вести с ним разговора по существу дела. Наша беседа касалась главным образом, общих вопросов.

H1195 – 0417

Я сказал Пушингу, что, по-моему мнению, обе наши страны должны вступить в более тесный контакт и что, может быть, его исторической миссией является оказать этому содействие. Это - германские страны и нельзя надолго раз"единить искусственными перегородками две германских страны.

ХОРН. Говорилось ли уже на этом совещании об отходе от австро-германского договора 1936 года?

РИББЕНТРОП. Я не говорил с Пушингом по этому вопросу и думаю, что фюрер тоже никогда не затрагивал его, судя по словам Пушинга, что фюрер говорил с ним, насколько я его понял, только в том смысле, что должны быть проведены определенные мероприятия в Австрии с целью устранения источника конфликтов между этими двумя странами. Моя беседа с ним, как я уже говорил, была весьма дружественной; я еще должен заметить, что, когда я высказал Пушингу мысль о том, что обе наши страны должны вступить в более тесный контакт, Пушинг отнесся весьма положительно к этой мысли, так что я был даже несколько удивлен этим положительным отношением Пушинга. Ни о каком давлении на Пушинга во время нашей беседы не может быть речи. Беседа фюрера с Пушингом велась, вероятно, весьма ясным языком, так как фюрер хотел добиться улучшения отношений путем устранения проблем, возникших между двумя странами, и поэтому государственные деятели должны были открыто высказать свои мысли. Я слышал здесь, что в дневнике ~~Кодли~~ генерал-полковника Кодли записано, будто бы ~~тогда~~ было ~~тогда~~ оказано сильное политическое и военное давление. Я должен заявить, что мне ничего неизвестно ни о каком военном или сильном политическом давлении во время этой встречи Пушинга с фюрером. Я должен еще раз сказать, что, естественно, фюрер ясно и недвусмысленно говорил с Пушингом, но ни о каком давлении военного или политического

7599

порядка или, может быть, даже ультимативного характера я определенно ничего не слышал. Я думаю, что заметки в дневнике генерал-полковника Йодля, который лично не присутствовал при этом, основываются лишь на слухах.

Я хотел бы еще добавить, я тогда это говорил целому ряду лиц из моего окружения и также самому фюреру, - что Кушнир произвел на меня самое приятное и положительное впечатление. Кушнир говорил тогда даже, - я это очень хорошо помню, - что оба государства об"единены общей судьбой и что он должен как-то способствовать их сближению. Об аншлюсе или о чем-нибудь в этом роде между нами ничего не было сказано. Не знаю, говорил ли об этом фюрер, но не думаю этого.

ХОРН. Говорил ли Вам Гитлер тогда или несколько позже, что он намерен отказаться от германо-австрийского договора 1936 г. и хотел бы найти другое решение?

РИББЕНТРОП. Гитлер со мной об этом не говорил; вообще об австрийской проблеме я с ним очень мало говорил, если только вообще говорил. Это, может быть, звучит странно, но это понятно, так как я только 4 февраля принял министерство иностранных дел и еще должен был войти в курс всех проблем. Австрийский же вопрос, как я уже говорил, был так или иначе вопросом, которым Адольф Гитлер всегда лично занимался и который поэтому, так сказать, только регистрировался в министерстве иностранных дел, в то время как его разрешение направлялось фюрером. Я знаю и помню, что тогдашний посол фон Папен имел право направлять доклады непосредственно Гитлеру, и министерству иностранных дел. Они сообщались только в копии. Эти доклады из имперской канцелярии передавались, по-моему, прямо фюреру, так что проблема рассматривалась собственно скорее в имперской канцелярии, нежели в министерстве иностранных дел.

7600

H1195 – 0418

H1195 – 0419

ЖОРЕ. Затем Вы вернулись в Лондон для того, чтобы нанести там прощальные визиты в связи с Вашим уходом с поста посла. Что Вы услышали в Лондоне о состоянии австрийского вопроса?

РИББЕНТРОП. Я могу сказать об этом следующее. Мне лично решение австрийской проблемы всегда представлялось в том виде, что между обеими странами следует заключить в форме договора таможенную и валютную унию; я думал, что тем самым будет самым простым и естественным путем установлена тесная связь между обеими странами. Я разрешу себе напомнить, что идея о таможенной унии или о валютной унии - не помню точно - эта идея была не нова; она разрабатывалась правительствами до Гитлера и не осуществилась только в результате протеста союзных держав. Таким образом, это было давним желанием обеих сторон.

ЖОРЕ. Что же...

РИББЕНТРОП. Может быть, Вы разрешите мне сначала отвечать на Ваш вопрос о Лондоне. Согласно моим записям, 8 марта я поехал в Лондон. Дело обстояло тогда так: я уже говорил, что во время празднования годовщины прихода национал-социалистов к власти, 30 января, я случайно находился в Берлине и потом, 4 февраля, был назначен министром иностранных дел. Таким образом, я не официально успел попрощаться в Лондоне. 8 марта 1938 г. я поехал в Лондон. Перед отъездом я имел краткую беседу с Гитлером, главным образом, об английских делах. Я помню, при этом он мне сказал, что австрийский вопрос без сомнения будет благоприятно разрешен в духе тех бесед, которые велись в Берхтесгадене с Шушнигом. Я должен добавить, что не знал всех подробностей этих переговоров, и я до сих пор помню такую маленькую деталь, что несколькими неделями позднее мы затребовали из имперской канцелярии для ознакомления реферат по австрийскому вопросу. Затем я прибыл в

Лондон, кажется, это было после полудня, совершенно случайно в посольстве услышал по радио речь тогдашнего канцлера Шушнига, по-моему, в Инсбруке или Граце. Эта речь, надо сказать, очень меня удивила. Детали завели бы меня слишком далеко, да я их и не помню. Я только знаю, что весь дух и, прежде всего, тон этого выступления сразу создали у меня впечатление, что фюрер этого так не оставит, и что вся эта речь, вне всякого сомнения, противоречила духу тех переговоров, которые велись в Оберзальцберге фюрером.

Как уже было сказано, я был убежден, что Адольф Гитлер предпримет что-либо. И мне лично, я хочу открыто сказать это здесь, перед судом, мне тоже казалось необходимым, чтобы в какой-либо форме этот вопрос был разрешен, т.е. чтобы с Шушнигом поговорили совершенно открыто, чтобы дело не дошло до катастрофы, может быть, даже до европейской катастрофы.

Затем, на следующее утро, я имел длинную беседу с лордом Галифаксом. Лорд Галифакс также получил сведения из Австрии и я попытался, не зная точно, как там обстояли дела, убедить его в том, что лучше было бы немедленно разрешить этот вопрос в какой-либо форме, что это больше всего будет содействовать стремлениям к англо-германской дружбе и что нельзя допустить, чтобы это обоюдное стремление разбилось об австрийскую проблему. Лорд Галифакс очень спокойно выслушал все это и сказал, что я еще буду иметь возможность во время предстоящего завтрака переговорить по этому вопросу с английским премьер-министром мистером Чемберленом. Затем последовал завтрак у премьер-министра Чемберлена. Во время или после этого завтрака у меня была продолжительная беседа с Чемберленом. Во время этой беседы мистер Чемберлен еще раз подчеркнул свое желание притти к соглашению с Германией. Я был чрезвычайно обрадован подобным заявлением

7602

H1195 – 0420

H1195 – 0421

и сказал ему, что я твердо убежден в том, что такова же желание фюрера. Он передал со мной специальное послание фюреру о том, что это является его желанием и что он сделает все в этом направлении. Вскоре после этой беседы прибыли телеграммы из Австрии, из Вены, мне кажется, от тогдашнего посла или английского консула. Мистер Чемберлен и лорд Галифакс пригласили меня к себе в бюро. Завтрак происходил, по-моему, на Даунинг-стрит, 10, и я беседовал тогда с ними в бюро относительно этих телеграмм. Я сказал им, что у меня, разумеется, нет никаких точных сведений; дело в том, что поступило сообщение сначала об ультиматуме, потом о вступлении германских войск; мы договорились, что я постараюсь связаться со своим правительством и что лорд Галифакс после полудня приедет ко мне в посольство, чтобы обсудить эти вопросы. Я хочу подчеркнуть, что и тут г-н Чемберлен занял очень спокойную, и как мне казалось, разумную позицию по вопросу об Австрии. После полудня лорд Галифакс приехал ко мне, я имел с ним продолжительную беседу. Тем временем было об"явлено о вступлении германских войск, и я хотел бы подчеркнуть, что эта беседа с лордом Галифаксом протекала в чрезвычайно дружественных тонах и что в конце беседы я пригласил британского министра иностранных дел посетить Германию. Он принял приглашение и заявил, что охотно приедет, и просил приготовить все для охоты.

ХОРН. На следующее утро Вы имели телефонный разговор с подсудимым Герингом. Этот разговор был представлен Обвинением для подкрепления утверждения о двуличности Вашей политики. Что Вы можете сказать по этому вопросу?

РИББЕНТРОП. Это неправильно. Рейхсмаршал Геринг уже говорил, что речь шла здесь о дипломатическом разговоре, а дипломатические разговоры во всем мире ведутся одинаково. Я должен сказать, что именно из этого телефонного разговора я впервые узнал детали австрийских событий. Я узнал, не

H1195 – 0422

мопал вникать в детали, прежде всего о том, что голосование, вне сомнения, ни в какой мере не соответствовало воле австрийского народа; кроме того, я узнал ряд других моментов, которые Геринг попросил меня затронуть в беседе с английскими министрами. Но надо сказать, что практически таких бесед больше не было, так как мои прощальные визиты в официальных английских кругах были уже закончены. На основании разговора с рейхсмаршалом Герингом, я, как мне кажется, фактически не вел более ни одной беседы. Через несколько часов после этого разговора, я вылетел из Лондона в Берлин, а оттуда в Вену. Я должен сказать, что сначала поехал в Нарингаль к Герингу, который был также счастлив в связи со всем ходом событий в Австрии, как я и как все мы. Затем, по-моему, в тот же день, я полетел в Вену и прибыл туда почти одновременно с Адольфом Гитлером. Тем временем я узнал об аншлюсе; в Вене я впервые услышал о том, что мысль об аншлюсе окончательно оформилась у Адольфа Гитлера только во время его поездки по Австрии. Он был в Линце на каком-то митинге и там сразу принял решение провести аншлюс.

ХОРН. Какую проблему поставил перед Вами Гитлер после аншлюса, как проблему, которую Вам предстояло разрешить?

РИББЕНТРОП. Следующей проблемой, которую назвал мне Гитлер 4 февраля, была проблема судетских немцев. Эта проблема не была, однако, я бы сказал, априори, выдвинута Гитлером или министерством иностранных дел или еще каким-либо учреждением. Это была проблема, которая возникла сама по себе.

Кажется, представитель американского обвинения сказал здесь, что с исчезновением Чехословакии закончилась одна из самых печальных глав в истории народов, а именно насилие над маленьким чехословацким народом и уничтожение его. Я хотел бы по этому поводу сказать следующее. В этом смысле

7604

H1195 - 0423

можно говорить о чехословацком государстве, но нельзя говорить о чехословацком народе. Здесь речь шла о многонациональном государстве, в которое входили различные национальные группы. Я назову чехов, немцев, поляков, русинов, карпатских украинцев, словаков и т.п. В 1919 г. в единое государство были включены гетерогенные элементы. Несомненным и исторически правильным является то, что в этом искусственно созданном государстве, устремления отдельных народностей до известной степени расходились и чехи пытались охватить их тяжким железным кольцом. Начался гнет, а гнет всегда порождает сопротивление. Совершенно ясно, что сильная Германия, Германия национал-социализма притягивала к себе все эти рассеянные по Европе, или, во всяком случае, пограничные с Германией немецкие национальные группы. Таким образом получилось, что немецкое национальное меньшинство в Судетах, которое в 1919 г. попало под тяжелый гнет Праги, оказалось теперь под еще более сильным гнетом.

Мне кажется, что не нужно останавливаться на деталях, но я знаю из моих личных бесед в бытность мою послом в Лондоне, что вопрос о Судетах представлялся вполне определенным для "Форейн оффиса" и что именно Англия очень часто уже до1938 г. в ряде случаев, касавшихся судетских немцев, сотрудничала с Конрадом Генлейном. Несомненно, что после прихода Адольфа Гитлера к власти, угнетение немецкого меньшинства в Судетах усилилось; я хотел бы указать - я знаю это из актов министерства иностранных дел, - что рефераты Лиги наций подробно описывали те неимоверные трудности, которые испытывали судетские немцы в сфере своей культурной жизни. Я не думаю, что будет слишком сильно сказано, если скажем, что отношение к Судетской области со стороны Праги даже с точки зрения авторитетных и об"ективных органов Лиги Наций не могло находиться в

7605

соответствии с постановлениями Лиги Наций о национальных меньшинствах.

Я считал чрезвычайно важным притти к какому-либо решению для того, чтобы эта проблема не переросла в источник конфликтов, как проблема Австрии, которая подняла всю Европу на ноги. Я хотел бы подчеркнуть, что министерство иностранных дел с самого начала стремилось к тому, чтобы решить судетскую проблему путем дипломатических переговоров с главными державами, подписавшими Версальский договор. Я должен добавить, что мое личное убеждение, которое я также высказал Гитлеру, сводилось к тому, что при наличии достаточного времени и посредством соответствующих переговоров Германия 1938 года может разрешить эту проблему дипломатическим, т.е. мирным путем.

Обвинение инкриминирует мне то, что я, якобы, нелегально вызвал беспорядки в Чехословакии и, тем самым, сознательно привел к развязыванию этого кризиса. Я ни в коей мере не собираюсь оспаривать, что между судетской партией и НСДАП уже с давнего времени существовала связь, которая была основана на охране интересов судетских немцев от посягательств Праги. Я ни в коей мере не собираюсь оспаривать и того, что Судетская партия получала от империи определенную финансовую поддержку. Я даже думаю, что чехословацкое правительство подтвердит, что это был секрет Полишинеля и в Праге об этом совершенно точно знали. Но неправильно будет сказать, что со стороны министерства иностранных дел или с моей стороны было предпринято что-либо с целью превратить все это в действительно серьезную проблему.

Я не буду останавливаться на деталях, но хочу упомянуть еще только один момент. Упоминались документы, касавшиеся арестов чехословацких граждан в Германии в

7606

H1195 – 0424

H1195 – 0425

качестве репрессалии за мероприятия, проведенные против судетских немцев. Я должен сказать только, что эти меры были обусловлены тогдашней ситуацией и только ею могут быть об"яснены; они вовсе не проводились министерством иностранных дел с целью обострить положение, наоборот, я пытался в дальнейшем обуздать партию судетских немцев, действуя при этом через наше посольство в Праге или через сотрудников моего ведомства. Мне кажется, что те документы, о которых здесь было об"явлено, также частично доказывают это. Этих документов у меня здесь нет и поэтому я, к сожалению, не могу детально остановиться на этом вопросе. Но я думаю, что, может быть, защита будет иметь возможность более детально все это разобрать.

ХОРН. Каким образом дело дошло до кризиса летом?

РИББЕНТРОП. Это было так. Понятно, что такая народность всегда имеет свой собственный путь развития. У нас в министерстве иностранных дел вопрос о граничащих с германской империей, отколотых от нее группах немецкого населения часто назывался "беспокойной проблемой", т.е. проблемой, которую нельзя внешне-политически разрешить так, как может быть, нужно было бы разрешить с точки зрения внешней политики. Здесь речь шла не о буквах или параграфах, а о живых людях, которые имели свои законы и свой путь развития. Партия судетских немцев стремилась ко все большей самостоятельности и нельзя оспаривать, что ряд руководящих лиц хотели тогда добиться полной автономии или даже присоединения к Империи. Это совершенно ясно. Такова была цель партии судетских немцев. Для министерства иностранных дел, для германской внешней политики и для Гитлера в результате этого создавался ряд трудностей. Я, как уже говорил, пытался овладеть положением. Я раз или два, не помню точно, принял Генлейна и просил его, чтобы он не предпринимал

7607

никаких политических действий против Праги для того, чтобы не поставить немецкую внешнюю политику перед необходимостью проведения каких-либо акций. Это, конечно, было не всегда легко для Генлейна. Я знаю, что вожди партии судетских немцев имели доступ в другие учреждения империи и сам Адольф Гитлер, весьма интересовавшийся этой проблемой, принимал их иногда. Кризис, или я бы сказал, вся ситуация в результате этого становилась все более критической; с одной стороны, судетские немцы все более открыто и настойчиво предъявляли свои требования в Праге, а чехи, пражское правительство выступали против этих требований, так что дело доходило до инцидентов, арестов и т.д. В результате события все более обострялись. Я тогда часто беседовал с чешским посланником и просил его максимально пойти навстречу автономистам и вообще всем устремлениям судетских немцев. Но события развернулись так, что позиция Праги становилась все более непреклонной и позиция судетских немцев - также.

ХОРН. Каким образом дело дошло до визита Чемберлена, каковы были его причины и какую роль Вы играли во всем этом?

РИББЕНТРОП. Я хотел бы сказать, что летом 1938 г. события все более приближались к кризису. Посол сэр Невилль Гендерсон в Берлине, с которым я часто говорил об этой проблеме, стремился к достижению понимания в этом вопросе и, естественно, постоянно информировал свое правительство о ходе дел. Не знаю точно, но думаю, что именно по его инициативе лорд Рэнсимен прибыл в Прагу. Лорд Рэнсимен приехал в Прагу, без сомнения, с самыми лучшими намерениями и он постарался составить себе ясное представление о положении вещей.

Им было произведено расследование, смысл которого, насколько я помню, сводился к тому, что нельзя отрицать право Судетской области на немедленное самоопределение.

7608

H1195 – 0426

H1195 – 0427

Таким образом это расследование было вполне положительным для судетских немцев, но тем не менее кризис наступил. В результате этого – даты я не помню – Чемберлен через посла Гендерсона связался с имперским правительством. Таким путем в первой половине сентября Чемберлен нанес визит фюреру в Оберзальцбурге. Об этом посещении нельзя сказать многого. Фюрер говорил тогда с Чемберленом наедине. Но я знаю, и все мы чувствовали, что эта беседа происходила в исключительно хорошей и приятной атмосфере. Как я помню, фюрер мне сказал тогда, что он совершенно открыто заявил Чемберлену, что требования судетских немцев о предоставлении им права на самоопределение должны быть теперь проведены в жизнь в какой угодно форме. Чемберлен ответил тогда, – и в этом состояло, по-моему, существо всей беседы, – что он доложит британскому кабинету об этих пожеланиях германского правительства.

ХОРН. Каким образом состоялся второй визит Чемберлена в Годесберге?

РИББЕНТРОП. Насколько я помню, дело после этого не сдвинулось с места и положение в Судетах становилось все более напряженным и угрожало превратиться в очень серьезный кризис не только внутри самой Чехословакии, но также между Германией и Чехословакией, и тем самым – в общеевропейский кризис.

Тогда опять по инициативе господина Чемберлена состоялось второе посещение, по-моему, в середине или во второй половине сентября в Годесберге.

ХОРН. Каким образом был решен тогда вопрос о судетских немцах и какова было Ваше участие в этом?

РИББЕНТРОП. Тут мне, видимо, нужно будет рассказать о Годесберге. В Годесберге Адольф Гитлер, учитывая разви-

4609

запшийся кризис, сообщил г-ну Чемберлену, что он при любых условиях должен будет разрешить этот вопрос. Я хочу подчеркнуть, что детали военного порядка мне тогда не были известны. Я знаю только, что фюрер занимался тем, чтобы эта проблема в случае необходимости могла быть решена военным путем. Он сказал в Годесберге г-ну Чемберлену, что решение судетской проблемы должно быть найдено в кратчайший срок. Г-н Чемберлен сказал, что трудно будет так быстро убедить Прагу согласиться с решением, и в результате этого конференция зашла в тупик. Адольф Гитлер сам продиктовал тогда меморандум, который он сам или я должен был передать г-ну Чемберлену. Затем меня посетил друг г-на Чемберлена сэр Горацио Вильсон, который тогда сделал очень много для преодоления противоречий. Я добился того, что состоялась новая встреча вечером. Во время этой встречи, которая сначала протекала в несколько напряженной атмосфере, Гитлеру принесли сообщение о том, что Чехословакия начала мобилизацию. Это был весьма печальный факт, так как Адольф Гитлер очень сильно реагировал на это в тот момент, и как он, так и Чемберлен решили прервать совещание. Переводчик тогда как раз должен был зачитывать меморандум фюрера, в котором содержался проект решения судетской проблемы. Я исправил положение, коротко переговорив сначала с фюрером, потом с Чемберленом. Переговоры возобновились и через несколько часов дело обстояло так: г-н Чемберлен сказал фюреру, что он согласен с тем, что должно что-то произойти, и что он, со своей стороны, готов передать этот меморандум британскому кабинету и, - мне кажется, я не ошибаюсь, - он сказал еще, что он, со своей стороны, посоветует британскому кабинету, т.е. своим коллегам-министрам, чтобы Праге было порекомендовано принять этот меморандум. В качестве разрешения проблемы меморандум предусматривал присоединение Судетской

7610

H1195 – 0428

H1195 – 0429

области к германской империи и фюрер выразил в этом меморандуме пожелание, что, учитывая кризисное положение, было бы полезно провести все это в определенный срок, кажется, до 1 октября, т.е. оставалось еще 10 или 14 дней.

Г-н Чемберлен уехал; прошло несколько дней, а кризис не только не разрешался, но еще более обострился. Это я очень хорошо помню. В последней трети сентября, - даты я не помню,- ко мне однажды пришел французский посол и сказал, что он привез благоприятные вести в связи с судетской проблемой.

Потом явился английский посол. Рейхсмаршал Геринг уже говорил здесь об этом. Италия приняла участие в разрешении кризиса. Муссолини предложил Герингу свое посредничество в этом вопросе. Затем последовало предложение Муссолини о созыве конференции, в которой, кроме Италии, должны были принять участие Англия, Франция и Германия; это предложение было принято.

Французский, а потом английский послы посетили фюрера и на карте показали примерное решение судетского вопроса, о котором, по-видимому, договорились Франция, Англия и Италия. Фюрер, я помню, указал французскому послу, что это предложение неудовлетворительно. После этого французский посол об"яснил, что по этому вопросу можно будет, конечно, еще говорить так же, как и по вопросу о том, где находится немецкое население, т.е. какова граница Судетской области. Во всяком случае, фюрер может быть уверен, что со стороны Англии и Франции существует намерение как можно скорее разрешить проблему в духе немецких пожеланий, - так сказал французский посол и так же выразился, по-моему, сэр Невиль Гендерсон, несколько позже, на приеме у фюрера.

7611

Затем была созвана конференция в Мюнхене. В детали этой конференции мне, вероятно, не нужно будет вдаваться. Я хотел бы только очень коротко обрисовать результат. Фюрер, показывая по карте, об"яснил собравшимся государственным деятелям, какой район Судетской области должен быть, по его мнению, присоединен к Германской империи, чтобы окончательно ее удовлетворить. Глава итальянского правительства Муссолини в целом согласился с ходом мыслей фюрера. Английский премьер-министр сделал сначала известные оговорки и сказал, что, может быть, нужно будет еще поговорить об этом с чехами, т.е. с Прагой. Французский министр Даладье заявил, насколько я помню, что, если уже приступили за решение этой проблемы, то четыре великих державы должны ~~должны~~ будут здесь принять решение. Наконец, все четыре государственных деятеля присоединились к этому мнению, и был заключен мюнхенский пакт, по которому Судетская область присоединялась к Германской империи в соответствии с данными, нанесенными на карту. Фюрер был чрезвычайно обрадован подобным решением и я хотел бы здесь еще раз особо подчеркнуть, что, учитывая другие возможные варианты, которые стали мне известны здесь на процессе, - я также был чрезвычайно счастлив. Все мы были чрезвычайно счастливы, что этот вопрос был разрешен таким образом и в такой форме.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ. Об"является перерыв до 10-ти минут третьего. /Пауза./ Заседание состоится ровно в два часа.

/Перерыв до 14 часов./

с 20-12
ен

7612

H1195 – 0430

H1195-0431

С Т Е Н О Г Р А М М А

ЗАСЕДАНИЯ МЕЖДУНАРОДНОГО ВОЕННОГО ТРИБУНАЛА

от 29 марта 1946 года

Вечернее заседание.

Встать! Суд идет!

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: Трибунал завтра утром будет заседать с 10 часов до 1 часа дня. Это будет открытое заседание. Перед тем, как вы будете продолжать, доктор Хорн, Трибунал просил меня указать на то, что слишком много времени занимает этот подсудимый, слишком детально сообщает он о переговорах, которые предшествовали соглашениям, о которых знает история и которые очень хорошо известны каждому. Не об этом должен говорить подсудимый. Подсудимый должен говорить не о соглашениях, которые хорошо известны, а о нарушениях этих соглашений Германией и о той роли, которую он играл в нарушении этих соглашений. Очень важно, чтобы время данного Трибунала не занималось этими ненужными деталями.

ХОРН: Какую внешне-политическую реакцию вызвало Мюнхенское соглашение?

РИББЕНТРОП: Мюнхенское соглашение известно. В нем говорится о том, что Англия и Германия никогда не будут больше вести войну друг против друга, что, согласно морскому соглашению, должен сохраняться паритет 100 к 35 и что будет проводиться консультация по наиболее важным вопросам. При помощи Мюнхенского соглашения атмосфера в отношениях между Германией и Англией несомненно была разряжена до некоторой степени. Можно было надеяться, что успех этого соглашения приведет к установлению окончательного взаимопонимания. Разочарование было очень велико, когда несколько дней спустя после Мюнхена в Англии стали пропагандировать воо -

ружение любой ценой. Затем Англия начала проводить политику тесного сближения с Францией.

В ноябре 1938 года были предприняты торгово-политические мероприятия, направленные против Германии. В декабре 1938 г. английский министр колоний произнес речь, где он высказался против какого-бы то ни было пересмотра вопроса о колониях. Происходило также установление контакта с США. Наши донесения того времени показывают все возраставшую, я бы сказал, твердость в позиции Англии по отношению к Германии. В Германии создавалось впечатление, что политика Англии практически вела к окружению Германии.

ХОРН: Обвинение инкриминирует вам, что Вы в нарушение существующих норм международного права способствовали отделению Словакии от Чехословакии. Какую роль играли Вы в провозглашении автономии Словакии?

РИББЕНТРОП: Не подлежит сомнению, что существовала связь между словаками и целым рядом членов германской национал-социалистской рабочей партии. О стремлениях словаков к автономии министерству иностранных дел также было, разумеется, известно. Было бы неправдой сказать, что мы отрицательно относились к этому. Но также было бы неправильно утверждать, что мы, якобы, желали этой автономии, или способствовали ее установлению. Насколько я помню, в то время автономия была провозглашена доктором Тисо и пражское правительство под впечатлением Мюнхена признало ее. Каково было положение вещей после Мюнхена,-видно из того, что все составные части многонациональной Чехословакии стремились к автономии и независимости. Вскоре после этого, например, Закарпатская Украина возвестила о своей независимости. В других частях Чехословакии наблюдались такие же устремления.

9614

H1195-0432

H1195 – 0433

В Мюнхенском соглашении имелось положение, согласно которому Германия и Италия должны были дать Чехословакии гарантию, но фактически такого заявления не последовало. Причиной к этому было следующее: после Мюнхенского соглашения Польша направила Чехословакии ультиматум и сама заняла те области Чехословакии, в которых жило польское нацменьшинство. Венгры требовали точно также автономии и об"единения венгерских областей; по Венскому арбитражу отдельные части Чехословакии отошли к Венгрии. Обстановка в Чехословакии благодаря этому была нелегкой и продолжала оставаться напряженной. Тогда словак Тука обратился к нам и просил согласия Германии на об"явление Словакии самостоятельной. Фюрер принял тогда Туку и в результате переговоров 13-го марта Тисо провозгласил независимость Словакии.

Обвинение пред"являло здесь документ, где говорится об этой беседе фюрера с Тисо; в этом документе сказано, что я заявил, что Словакия должна быстро принять решение,-это вопрос часов, а не дней. Это следовало тогда понимать таким образом: с венгерской стороны подготавливалась тогда оккупация Закарпатской Украины и других районов Словакии. Мы, в частности Адольф Гитлер, хотели воспрепятствовать возникновению войны между Венгрией и Словакией или Венгрией и Чехословакией. Поэтому Гитлер охотно пошел навстречу желанию Тисо и позднее, после об"явления независимости Словакии словацким ландтагом, выполнил просьбу Тисо и взял на себя защиту Словакии.

ХОРН: Каковы были обстоятельства, в результате которых состоялся визит Гаха в Берлин 14 марта 1939 г.?

7615

РИББЕНТРОП: события в Словакии вызвали, разумеется, реакцию. К фюреру тогда поступили доклады о том, что в Праге, Брюнне, Иглау и т.д. произошли выступления против местных немцев. Многие из немцев бежали в империю. Зимой 1938-1939 г. я неоднократно пытался обсудить эти вопросы с пражским правительством. Гитлер был убежден, что в Праге события развивались совершенно неприемлемым для германского правительства образом. Речь идет о позиции прессы и авторитетных правительственных кругов в Праге. Кроме того, фюрер хотел, чтобы Чехия сократила свои вооруженные силы. Это было отклонено пражским правительством. В течение этих месяцев я неоднократно пытался установить дружественные отношения с Прагой. Прежде всего я очень часто беседовал с словацким министром иностранных дел Хвалковским. В середине марта словацкий министр иностранных дел Хвалковский обратился к германскому поверенному в делах в Праге и спросил его, сможет ли Гитлер принять Гаха. Я сообщил об этом фюреру и фюрер согласился принять его. Он заявил мне также, что желает сам вести переговоры. Я обменялся телеграммами с Прагой о том, чтобы они ничего не сообщали обо всем этом, но чтобы Гаха сказал, что он встретится с фюрером. Я хотел бы здесь коротко упомянуть о том, что ни министерство иностранных дел, ни я в тот момент ничего не знали о предстоявших военных событиях; мы узнали об этом лишь в последующие ближайшие дни, незадолго до событий. Перед прибытием президента Гаха я спросил фюрера, следует ли составить проект какого-либо договора, и Гитлер, как я совершенно точно помню, сказал мне, что он намеревается пойти гораздо дальше. После прибытия Гаха в Берлин, я нанес

7816

H1195 – 0434

H1195 - 0435

ему визит и помню, что он сказал мне, что собирается вручить судьбу Чехии в руки фюрера. Я об этом сообщил Гитлеру и фюрер поручил мне набросать проект соглашения. Этот проект был затем предоставлен ему и, насколько я помню, позднее изменен им. Гаха был принят затем фюрером и между ними состоялась беседа, содержание которой уже было здесь представлено в документальном порядке, так что мне нет надобности говорить об этом еще раз. Я знаю, что Адольф Гитлер совершенно ясно говорил тогда с президентом и заявлял ему, что он намеревается занять Чехию. Речь в данном случае шла о древней стране с большим историческим прошлым, которую он решил взять под свою защиту. Чехи должны были получить полную автономию и сохранить свой уклад жизни. Он сказал также, что это решение послужит счастью и благу чешского народа. Я присутствовал на этой беседе Гаха с фюрером. После нее я имел длительное собеседование с министром иностранных дел Хвалковским. Последний относительно легко согласился с нашей точкой зрения. Я просил его воздействовать на Гаха в том смысле, чтобы это решение фюрера и все связанные с ним мероприятия были проведены в жизнь без кровопролития. Мне кажется, что сам фюрер и то, что он сказал, произвели на Гаха сильное впечатление, так что он связался по телефону со своим правительством в Праге и, мне кажется, также с начальником генерального штаба, но точно я этого не знаю. Он получил санкцию своего правительства на подписание уже упомянутого мной соглашения. Это соглашение затем было подписано Гитлером, Гаха и обоими министрами иностранных дел; т.е., следовательно, и мной. Как я помню, Гаха дал затем указание,

9617

чтобы германские войска были встречены дружественно, и, насколько я знаю, вступление германских войск и занятие Чехии, провинций Богемии и Моравии произошло без каких-либо особых инцидентов. После занятия германскими войсками этих территорий, я поехал с фюрером в Прагу и уже в Праге утром фюрер передал мне прокламацию, в которой Богемия и Моравия об"являлись имперским протекторатом. Надо сказать, что эта прокламация была для меня несколько неожиданной. Я зачитал ее тогда в Праге. Насколько я помню, никаких протестов не было и, мне кажется, следует упомянуть, что занятие Богемии и Моравии, которое фюрер считал необходимым для высших интересов империи, обосновывалось историческими и экономическими причинами, а прежде всего причинами безопасности германской империи. Мне кажется, что Геринг уже говорил здесь подробно об этом.

ХОРН: Какова была общая европейская обстановка во время занятия последней части Чехословакии?

РИББЕНТРОП: Я могу заявить, что после пражской прокламации я имел с фюрером длительную беседу. Я указал фюреру, что это занятие вызовет сильную реакцию в англо-французском лагере. Я указал ему, что в Англии круги, настроенные против Германии, значительно возросли и что ими руководят весьма выдающиеся личности. В этой связи я хотел бы упомянуть об одном случае еще во время моего пребывания на посту посла в Лондоне. Меня однажды посетил в моем посольстве мистер Уинстон Черчилль. Он тогда не был членом правительства и не был лидером оппозиции - здесь, по-моему, это уже говорилось, но он был одной из самых значительных личностей в Англии. Я считал чрезвычайно важным свести его

7618

H1195 - 0436

H1195 - 0437

как-нибудь с Адольфом Гитлером и поэтому пригласил его к себе в посольство. Наша беседа длилась несколько часов и я хорошо помню все ее детали. Будет излишним приводить здесь все детали этой беседы, но в то время, как другие видящиеся личности, как, например, лорд Ванситтарт в 1936 г....

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: Как Вам известно, Трибунал уже принял решение относительно того, что документы, касающиеся заявления г-на Уинстона Черчилля в период, когда он не являлся членом правительства, не имеют никакого отношения к делу и что его заявления и переговоры абсолютно не относятся к делу, и поэтому Трибунал не желает заслушивать такие показания.

РИББЕНТРОП: Я уже сказал, что обратил тогда внимание Гитлера на реакцию со стороны Англии. Гитлер сказал мне, что необходимость занятия Богемии и Моравии об"ясняется историческими и стратегическими причинами. Я помню, что в этой связи Гитлер цитировал слова бывшего французского министра авиации Пьера Кота о том, что Богемия и Моравия являются авиационными базами для нападения на Германию. Мне кажется, что Геринг здесь уже упоминал о том, что к нам в то время поступили сведения о пребывании русских летчиков и русских комиссий на чешских аэродромах. Гитлер сказал мне-эти его слова я помню совершенно точно, - что он не потерпит этой враждебной чешской занозы в теле Германии. С чехами можно как-нибудь придти к соглашению, но для нас необходимо взять в свои руки защиту этой страны. Он упомянул также, что Советская Россия , представляющая собой мощный фактор, который нельзя не учитывать, находится в союзе с Чехословакией. Когда я обратил его внимание на реакцию в Англии, он мне ответил, что Англия не в состоянии взять на себя защиту немцев в Чехии, кроме того чехословац-

7619

кая государственная структура распалась; Словакия стала самостоятельной. В общих интересах англо-германских взаимоотношений он считает необходимым установление более тесной связи между Богемией и Моравией, с одной стороны, и империей - с другой. Протекторат кажется ему в высшей степени подходящей формой. Адольф Гитлер сказал мне затем, что для Англии этот вопрос не имеет особой важности, для Германии же он имеет жизненное важное значение. Для этого достаточно лишь взглянуть на карту,—заявил он мне. Кроме того, он не понимает, каким образом такое решение вопроса может помешать англо-германскому сотрудничеству. Гитлер сказал, я сейчас совершенно случайно помню эту цифру, что Англия располагает доминионами, протекторатами и колониями, общее число которых достигает 600; поэтому она должна понять, что такие проблемы приходится разрешать. Я указал Адольфу Гитлеру на те трудности, которые могли возникнуть в результате немецкой акции лично для мистера Чемберлена, что Англия будет рассматривать это как усиление Германии и т.д. Но фюрер в ответ на это привел все изложенные уже мной причины. Реакция Англии на эти события была сначала скорее положительной, судя по выступлению мистера Чемберлена в палате общин. Он заявил, что это не является нарушением Мюнхенского соглашения и что британское правительство не связано никакими обязательствами, чехословацкое государство распалось и поэтому данные Англией гарантии не вступили в силу; таким образом, о гарантийных обязательствах речи больше быть не может. Я могу сказать, что мы тогда были очень рады, что в Англии заняли такую позицию. Мне кажется, что два или три дня спустя господин Чемберлен в Бирмингаме...

Ф.20

H1195 – 0438

H1195-0439

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: Какое это имеет отношение к реакции в Англии, если это не было выражено в форме ноты? Я не понимаю, какое это имеет отношение к делу? Мы хотим знать, какую роль играл подсудимый Риббентроп в нарушении Мюнхенского соглашения?

ХОРН: Подсудимый фон Риббентроп обвиняется в участии в заговоре в качестве министра иностранных дел и в том, что его внешняя политика способствовала развязыванию агрессивной войны. Если подсудимый фон Риббентроп хочет и может защищаться против такого рода обвинения, то он должен изложить те обстоятельства и мотивы, которые побуждали его к подобным действиям. Я задаю подсудимому в данном случае вопросы, которые имеют целью выяснение мотивов, заставлявших его действовать тем или иным образом.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: Я не думаю, что Вы задавали вопрос относительно реакции в Англии.

ХОРН: Что побудило Гитлера в октябре 1938 года дать Вам поручение вступить в переговоры с Польшей?

РИББЕНТРОП: В отношениях с Польшей всегда существовала проблема о нацменьшинстве, которая вызывала большие затруднения. Несмотря на соглашение 1934 года, тут ничто не изменилось. В 1938 году в Польше проводилось ополячивание немецкого нацменьшинства. Гитлер хотел с Польшей, как и с другими государствами, окончательно выяснить отношения. Он поручил мне поэтому, кажется, это было в октябре 1938 года,- обсудить с польским послом вопрос об окончательном урегулировании спорных вопросов между Германией и Польшей.

ХОРН: О каких вопросах шла речь, кроме вопроса о нацменьшинствах?

РИББЕНТРОП: Были два вопроса: вопрос о нацменьшинствах был наиболее острым, второй вопрос - это вопрос о Данциге и коридоре, т.е. вопрос о связи с Восточной Пруссией.

ХОРН: Как Гитлер и Вы рассматривали вопрос о Данциге и о коридоре?

РИББЕНТРОП: Ясно, что оба эти вопроса со времени Версальского договора представляли наибольшую трудность. Гитлер должен был рано или поздно каким-либо образом разрешить эти проблемы. Я также стоял на этой точке зрения. Данциг находился под постоянным давлением со стороны Польши; он все более ополячивался и в октябре 1938 года, мне кажется, от 800 тыс. до миллиона немцев были вынуждены из коридора в Германию.

ХОРН: Как польский посол отнесся к Вашим усилиям в октябре 1938 года?

РИББЕНТРОП: Польский посол вначале занял сдержанную позицию. Он не хотел себя как-либо связывать, да и не мог этого делать. Я преподнес ему проблему в такой форме, что он спокойно мог обсудить все это дело со своим правительством; я не требовал от него определенного ответа. Он сказал, что в вопросе о Данциге он, конечно, видит известные трудности, а также что связь с Восточной Пруссией - это вопрос, над которым нужно хорошенько подумать. Однако, он вел себя весьма сдержанно и беседа окончилась тем, что он обещал сообщить своему правительству о моих предложениях от имени немецкого правительства и в недалеком будущем передать мне ответ.

Ф622

H1195 – 0440

H1195 – 0441

ХОРН: Как закончилась Ваша вторая беседа от 17 ноября 1938 года с послом Липским?

РИББЕНТРОП: 17 ноября 1938 года Липский пришел ко мне и заявил, что вопрос очень труден и что Польша, исходя из всей своей позиции, рассматривает данцигский вопрос, как особенно сложный.

ХОРН: Вы тогда по поручению Гитлера направили просьбу Липскому относительно прямых переговоров с министром иностранных дел Беком?

РИББЕНТРОП: Я тогда пригласил министра иностранных дел Бека в Берлин...

ХОРН: Когда министр иностранных дел Бек приехал в Берлин?

РИББЕНТРОП: Министр Бек, к сожалению, не приехал в Берлин, он отправился в Лондон.

ХОРН: Нет, Вы неправильно поняли мой вопрос. Когда министр иностранных дел Бек приехал в Берхтесгаден?

РИББЕНТРОП: Гитлер сказал, что он охотно лично переговорит с господином Беком об этом вопросе. Господин Бек вслед за этим приехал, я не помню точно когда...

ХОРН: В начале января, 5 января?

РИББЕНТРОП: ... в Берхтесгаден - и имел длительную беседу с Адольфом Гитлером.

ХОРН: Каков был результат этой беседы?

РИББЕНТРОП: Во время этой беседы я присутствовал. Результатом этой беседы было то, что Адольф Гитлер еще раз во всех деталях высказал господину Беку свое желание установить хорошие немецко-польские отношения и сказал, что необходимо относительно Данцига найти совершенно

другое, новое решение проблемы и что вопрос о связи с Восточной Пруссией не представляет непреодолимых затруднений. Во время беседы господин Бек мало говорил. Он сказал фреру, что данцигский вопрос создает трудности в связи с устьем Вислы, но что он продумает эту проблему во всех деталях. Он, таким образом,не отклонил дискуссии по этому вопросу, а только указал на трудности, которые в связи с польской позицией препятствуют разрешению этой проблемы.

ХОРЯ: Правильно ли, что Бек был в принципе готов к переговорам и поэтому в конце января пригласил вас посетить Варшаву?

РИББЕНТРОП: Это не совсем так. После берхтесгаденской встречи с фрером Бек имел со мной длительную беседу в Мюнхене. В этой беседе Бек снова об"яснил мне, что проблема является очень трудной; однако, он со своей стороны сделает все возможное, переговрит со своими коллегами по правительству и какой-либо выход можно будет найти. Тогда же договорились о том, что я отдам ему визит в Варшаве. Мы беседовали также по вопросу о национальных меньшинствах, о Данциге и коридоре. Мы не пошли особенно далеко в обсуждении этой темы и господин Бек просто повторил свой аргумент о трудностях. Я сказал ему, что невозможно оставить так эту проблему между Германией и Польшей. Я указал на большие трудности, которые переживает немецкое меньшинство, а также на то, я бы сказал, недостойное положение, что немцы, желающие проехать в Восточную Пруссию, всегда сталкиваются с этими же трудностями. Г-н Бек обещал помочь в вопросе о нацменьшинствах,

7624

H1195 – 0442

H1195 – 0443

а также подвергнуть дальнейшему рассмотрению другие вопросы. Я затем на следующий день кратко беседовал с маршалом Рыдз Смиглы, но мы не особенно углублялись в эту тему.

ХОРН: Пригласили ли Вы тогда Бека снова посетить Берлин и имел ли место этот визит, или министр иностранных дел Бек попытался решить вопрос другими путями?

РИББЕНТРОП: Затем случилось так, что я пригласил министра иностранных дел Бека в Берлин, так как первый его визит не был официальным. К сожалению, господин Бек не приехал в Берлин, а поехал господин Бек, как я уже сказал, в Лондон.

ХОРН: Какова была реакция лондонского визита на дальнейший ход переговоров?

РИББЕНТРОП: Реакция, которую произвел лондонский визит, была для нас полной неожиданностью. Посол Липский вручил, + мне кажется, это было...

ХОРН: 2I марта.

РИББЕНТРОП: Да, верно, 2I марта, - вручил нам внезапно меморандум.

ХОРН: Простите, что я вас прерываю. Еще до меморандума Вы 2I марта имели беседу с Липским относительно раздела Чехии и тех проблем, которые возникли в связи с созданием протектората.

РИББЕНТРОП: Это возможно. Тогда это было 26-го.

ХОРН: Да.

РИББЕНТРОП: Это верно 2I-го марта я беседовал с Липским. Во время этих переговоров Липский выразил некоторые сомнения в отношении Словакии и той охраны, которую

Y625

Германия ей обещала. Он высказал пожелание, чтобы между Венгрией и Польшей, двумя странами, между которыми всегда были тесные взаимоотношения, была установлена непосредственная граница, и спросил косвенно, не направлена ли эта охрана Словакии против Польши? Я успокоил тогда г-на Бека, так как эта гарантия ни в какой степени ни в глазах Гитлера, ни в чьих-либо других не была направлена против Польши. Это была мера, нужная для того, чтобы венгры поняли, что отныне все территориальные вопросы выяснены.

Мне кажется, однако, что господин Липский говорил, что непосредственная связь ~~нам~~ с Венгрией может быть установлена через Закарпатскую Украину.

ХОРН: Правильно ли, что между Польшей, Британским правительством, французским правительством и русским правительством, около 20 марта велись консультации?

РИББЕНТРОП: Да, это правильно. Это были консультации, которые, насколько я помню, велись по предложению лорда Саймона. Должно было быть сделано совместное заявление относительно Польши?

Польша, однако, тогда не считала это удовлетворительным и сообщила в Лондон, что такое решение нежелательно для Польши.

ХОРН: Правильно ли, что Польша стремилась к реальному союзу с Англией и Францией?

РИББЕНТРОП: Не~~сомненным~~ историческим фактом является то, что Польша старалась заключить союз с Англией.

Ц626

H1195 – 0444

H1195 - 0445

ХОРН: Когда немецкому правительству стало известно, что Польша получила обещание поддержки со стороны Англии и Франции?

РИББЕНТРОП: Я не понял Вас.

ХОРН: Когда Вам и немецкому правительству стало известно, что Англия и Франция обещали поддержку Польше?

РИББЕНТРОП: Это стало известно, я точно не могу назвать дату, во всяком случае, в конце марта. Все мы были убеждены, а теперь это, по-моему, точно установлено, что та связь, которая была установлена в конце марта между Варшавой и Лондоном, имела решающее значение для ответа, который Польша, неожиданно вручила нам в виде меморандума, по-моему, 26 марта.

ХОРН: Правильно ли, что в этом меморандуме было написано, что дальнейшее стремление Германии к изменению положения Данцига и коридора послужит для Польши основанием для войны?

РИББЕНТРОП: Да, это правильно. Это было для нас большой неожиданностью. Я помню, что я прочитал меморандум и несколько минут не мог понять, как такой ответ мог быть вообще дан. Если вспомнить, что мы в течение многих месяцев пытались достичь решения этого вопроса, а я хотел бы подчеркнуть здесь, что в свое время только Адольф Гитлер со своим большим авторитетом в немецком народе, мог провести такое решение и отвечать за него... Я не хотел бы останавливаться на деталях, но все же я хотел бы сказать, что проблема Данцига и коридора уже с 1919 года рассматривалась большинством видных государственных деятелей как проблема, в отношении которой необходимо

7627

предпринять ревизию Версальского договора. Я, например, могу сослаться на высказывания маршала Фоша, на высказывания м-ра Уинстона Черчилля, Клемансо и других. Все эти государственные деятели, безусловно, были убеждены в том, что должна быть предпринята территориальная ревизия относительно этого коридора. Гитлер со своей стороны хотел сделать великодушный шаг и заключить соглашение с Польшей на той базе, чтобы возвратить империи Данциг, оставив за Польшей коридор, причем Польше должна была быть предоставлена щедрая экономическая компенсация.

Такова была база наших предложений, над которыми я работал по поручению Адольфа Гитлера в течение 4-х или 5-ти месяцев. Тем большей была для нас неожиданность, когда внезапно другая сторона заявила, что дальнейшее преследование этих целей, которые мы считали великодушными, будет означать войну. Я сообщил об этом Гитлеру, и Гитлер, я очень хорошо это помню, весьма спокойно принял эту весть.

ХОРН: Правильно ли, что Вы на следующий день заявили польскому послу, что меморандум от 26 марта 1939 года не может служить базой для урегулирования вопросов?

РИББЕНТРОП: Это правильно. Я только что говорил о том, что Гитлер очень спокойно принял известие о резкой и серьезной ноте польского посла. Он сказал мне, чтобы я указал польскому послу на то, что на этой базе, естественно, решение вопроса невозможно. О войне,

4428

H1195 – 0446

H1195-0447

однако,не было сказано ни слова.

ХОРН: Правильно ли, что вслед за этим 6-го апреля 1939 года польский министр иностранных дел Бек поехал в Лондон и было достигнуто временное соглашение относительно взаимопомощи между Польшей, Англией и Францией?

РИББЕНТРОП: Да, это правильно.

ХОРН: Какова была реакция Германии на эти обязательства о взаимопомощи?

РИББЕНТРОП: Реакция Германии выразилась в том... мне хотелось бы указать на речь Адольфа Гитлера в Рейхстаге, в этой речи он высказал свою точку зрения в отношении всей этой проблемы. Мы восприняли этот пакт о взаимопомощи между Англией и Польшей, как противоречащий немецко-польскому пакту 1934 года, так как в пакте от 1934 года всякое насилие в решении вопросов между Германией и Польшей было исключено. В результате нового пакта, который заключила Польша с Англией без предварительной консультации с Германией, Польша обязывалась в том случае, если Германия и Англия будут вести войну, в свою очередь атаковать Германию. Я знаю, что Адольф Гитлер также рассматривал этот пакт как противоречащий тому, о чем он в свое время договорился в Мюнхене с Чемберленом, а именно об исключении возможности какого-либо насилия в решении вопросов между Англией и Германией.

ХОРН: Правильно ли, что Германия 28 апреля через Вас передала Польше меморандум, в котором содержался отказ от немецко-польской декларации 1934 г.?

7629

РИББЕНТРОП: Это правильно. Это было, мне кажется, в тот же день, что и речь фюрера в рейхстаге. В меморандуме говорилось примерно то, о чем я только что коротко рассказал, а именно, что этот договор противоречит пакту 1934 г., и что поэтому Германия не считает себя более связанной этим пактом.

ХОРН: Правильно ли, что вследствие этого меморандума произошло значительное обострение немецко-польских отношений и возникли новые трудности по вопросу о нацменьшинствах?

РИББЕНТРОП: Да, это правильно. До этого времени велись переговоры относительно того, чтобы поставить проблему о нацменьшинствах на новую базу. Я знаю, однако, точно, что эти переговоры не сдвинулись с места. Это было еще перед 28 мая, а после 28 мая положение немецкого нацменьшинства стало еще более тяжелым, чем раньше. Это было тогда, когда польский западный союз очень энергично действовал; преследования немцев, изгнание их и т.д. стояли на повестке дня. Я помню, что как раз в месяцы после 28 мая, то-есть летом 1939 г., в лагери для немецких беженцев из Польши хлынул огромный поток беженцев.

ХОРН: Как Вы и Гитлер восприняли англо-французские гарантии Румынии, Греции и позже - Турции?

РИББЕНТРОП: Эти гарантии могли быть поняты немецкой политикой только в том смысле, что Англия здесь, в Европе, ведет систематическую политику создания союзов, направленную против Германии. Это была точка зрения Гитлера, а также точно и моя.

ХОРН: Правильно ли, что после этих гарантий и после послания Рузвельта от I4 апреля 1939 г., 22 мая 1939 г. был заключен пакт о союзе между Германией и Италией, и каковы были причины заключения этого союза?

7630

H1195 - 0448

H1195 – 0449

РИББЕНТРОП: Между Германией и Италией имелись, естественно, уже давно дружественные отношения, как это всем известно; в связи с обострением положения в Европе теперь эти отношения по предложению Муссолини были укреплены; сначала граф Чиано и я обсудили союзный договор в Милане и по поручению глав наших правительств парафировали его. Это было ответом на стремления англо-французской политики.

ХОРН: Правильно ли, что кризис с Польшей был обострен ~~тем~~ тем, что 6 августа в Данциге возник таможенный конфликт и вследствие этого немецкое правительство было вынуждено занять определенную позицию в этом вопросе?

РИББЕНТРОП: Да, это правильно. Это был конфликт между польским представителем и сенатом города Данцига; польский представитель послал президенту сената ноту, в которой сообщалось, что некоторые таможенные чиновники сената не подчиняются польским указаниям. Впоследствии выяснилось, что эти сведения были неправильными, сенат ответил на эту ноту и в результате произошел обмен резкими нотами между сенатом и польским представителем.

Я тогда по указанию Адольфа Гитлера поручил статс-секретарю министерства иностранных дел сделать соответствующее представление польскому правительству.

4631

ХОРН. Верно ли, что Ваш тогдашний статс-секретарь Вейцзеккер пригласил к себе английского и французского послов 15 августа с тем, чтобы подробно информировать их о серьезности положения?

РИББЕНТРОП. Да, это правильно. Он сделал это по моему поручению.

ХОРН. Был ли 18 августа посол Гендерсон еще раз приглашен к Вашему статс-секретарю вследствие дальнейшего обострения положения в Польше и Данциге?

РИББЕНТРОП. Да, несколькими днями позже произошла беседа между английским послом и статс-секретарем. Статс-секретарь тогда в очень ясных выражениях обрисовал ему всю трудность положения и сказал ему, что обстоятельства складываются весьма серьезно.

ХОРН. Верно ли, что на этой стадии кризиса Вы приняли решение на основании тех предложений, которые были Вам сделаны, начать переговоры с Россией, и каковы были причины к этому?

РИББЕНТРОП. Переговоры с Россией были начаты еще за некоторое время до этого. Маршал Сталин в марте 1939 года произнес речь, в которой он сделал некоторые намеки относительно своего желания установить лучшие отношения с Германией. Я тогда показал эту речь Адольфу Гитлеру и спросил его, нельзя ли рассмотреть это предложение и подвести под него какую-либо реальную базу. Адольф Гитлер вначале колебался, но потом внимательнее рассмотрел этот вопрос. В это время происходили торговые переговоры и во время этих торговых переговоров я, с позволения фюрера, позондировал почву в Москве, нет ли возможности окончательно преодолеть разрыв между национал-социализмом и большевизмом и нельзя ли интересы обоих государств согласовать в некоторой степени.

ХОРН. Каков был дальнейший ход переговоров, начатых между

7632

H1195 – 0450

H1195 – 0451

советским торговым представительством в Берлине и Вашим посланником Шнурре?

РИББЕНТРОП. Переговоры посланника Шнурре привели через короткий промежуток времени к тому, что мне стало ясно, что Сталин вполне серьезно сделал свои намеки. Затем имел место обмен телеграммами с Москвой, который в середине августа привел к тому, что ~~Адольф~~ Гитлер послал телеграмму Сталину, и в ответ на эту телеграмму Сталин пригласил в Москву нашего полномочного представителя. Вся эта дипломатическая подготовка имела своей целью заключение пакта о ненападении между обеими странами.

ХОРН. Верно ли, что Вы были посланы в Москву в качестве уполномоченного?

РИББЕНТРОП. Да, это известно.

ХОРН. Когда вы полетели в Москву и какие переговоры Вы там вели?

РИББЕНТРОП. 22 августа вечером я прибыл в Москву. Прием, который мне там оказали Сталин и Молотов, был очень дружественным. Сначала мы имели двухчасовую беседу, в ходе которой был обсужден весь комплекс русско-германских отношений. Результатом было то, что, во-первых, было высказано обоюдное пожелание поставить отношения между обеими странами на совершенно новую базу. Это должно было найти свое выражение в пакте о ненападении. Во-вторых, следовало определить границы сфер интересов обеих стран, что было сделано путем заключения секретного дополнительного протокола.

ХОРН. На какой случай был заключен этот секретный дополнительный протокол, каково было его содержание и какова была его политическая основа?

РИББЕНТРОП. Я хотел бы предпослать ответу следующее замечание. Здесь уже много раз говорилось об этом секретном протоколе. Я тогда, во время переговоров со Сталиным и Молотовым, говорил очень открыто, точно так же, как и русские очень откро-

7633

венно говорили со мной. Я высказал желание Адольфа Гитлера о том, чтобы обе страны достигли окончательного соглашения, и, я, также, естественно, говорил о критическом положении в Европе. Я сказал русским представителям, что Германия сделает все для того, чтобы урегулировать мирным путем отношения с Польшей и трудности, которые там существовали, и достигнуть дружественного соглашения, несмотря ни на что. Я, однако, не оставил сомнения в том, что ситуация является весьма серьезной и что может произойти военный конфликт. Это было ясно. Для обоих государственных деятелей, как для Сталина, так и для Гитлера, речь шла об областях, которые были потеряны обеими странами в результате несчастной войны. Поэтому неправильно рассматривать эти вещи с какой-либо иной точки зрения. Как я сообщил в Москве, Адольф Гитлер был того мнения, что в какой-либо форме необходимо разрешить эту проблему; русской стороне это также было ясно.

Мы затем говорили о том, что должно быть предпринято со стороны Германии и со стороны России в случае вооруженного конфликта. Затем, как известно, была установлена демаркационная линия, чтобы в случае польской провокации или военных действий по ней была установлена граница с тем, чтобы не происходило столкновений между германскими и русскими интересами на территории Польши. Тогда была установлена известная всем граница, которая шла по линии рек Висла, Буг и Сан, и затем было договорено, что, в случае конфликта, области, расположенные западнее этой линии рек, будут представлять собой область государственных интересов Германии, а области, расположенные восточнее этих рек, будут областью государственных интересов России. Впоследствии, после того, как началась война, произошло занятие этих зон, с одной стороны, германскими войсками, а, с другой стороны, - русскими войсками.

Я еще раз хотел бы повторить следующее: я считал тогда,

7634

H1195-0452

H1195 - 0453

что как со стороны Адольфа Гитлера, так и со стороны Сталина, когда говорилось об этих польских областях и других областях, которые должны были войти в сферу интересов,- о них я сейчас скажу,- ~~то~~ речь шла об областях, которые обе страны потеряли в результате неудачной войны; оба государственных деятеля безусловно стояли на той точке зрения, что, когда последняя возможность разумно разрешить этот вопрос путем переговоров будет исчерпана, ~~то~~ безусловно Адольф Гитлер будет иметь полное право другим путем включить эти области в состав германской империи. Кроме того,—это также известно,—были разграничены и другие области государственных интересов - это касается финляндии, Прибалтики и Бессарабии.

Таким образом, было подготовлено разрешение вопроса об интересах двух великих держав, как на случай мирного разрешения конфликта, так и на случай решения конфликта военным путем.

ХОРН. Правильно ли, что эти переговоры велись исключительно на тот случай, если бы на основе пакта о ненападении и устранения политических разногласий между Германией и Россией все же не удалось бы дипломатическим путем разрешить польский конфликт?

РИББЕНТРОП. Пожалуйста, повторите еще раз вопрос.

ХОРН. Правильно ли, что это решение вопроса было предусмотрено исключительно на случай, если бы, несмотря на пакт о ненападении с Россией, не удалось дипломатическим путем разрешить польский конфликт, и что только в этом случае договор должен был вступить в силу?

РИББЕНТРОП. Да, это так. Я тогда сказал, что Германия, естественно, попытается сделать все, чтобы разрешить этот вопрос дипломатическим, мирным путем.

4635

ХОРН. Обещали ли Вам Россия дипломатическую помощь или дружественный нейтралитет при разрешении этого вопроса?

РИББЕНТРОП. Это было ясно само собой из пакта о ненападении и из всего хода переговоров в Москве. Было совершенно ясно, что в случае, если польская позиция приведет к войне, Россия по отношению к нам займет дружественную позицию.

ХОРН. Когды Вы вылетели из Москвы обратно и какое положение Вы застали в Берлине?

РИББЕНТРОП. Пакт о ненападении с Советским Союзом был заключен 23 числа. 24-го числа я вернулся в Германию. Я вначале думал, что полечу к фюреру в Берхтесгаден, однако,- не помню, кто во время полета или еще до того-мне сказали, чтобы я прилетел в Берлин. Мы полетели в Берлин, и я там доложил Адольфу Гитлеру о московских соглашениях. Положение, которое я застал, было, безусловно, очень напряженным. Я это особенно почувствовал на следующий день.

ХОРН. Какими событями можно было объяснить это обострение отношений между Германией и Польшей?

РИББЕНТРОП. Тогда, в середине августа, произошел ряд событий, которые, я бы сказал, все более увеличивали электрический заряд в воздухе. Пограничные инциденты, споры между Данцигом и Польшей; с одной стороны, Германию упрекали в том, что она посылает оружие в Данциг, с другой стороны мы упрекали поляков в том, что они проводят военные мероприятия в Данциге и т.д.

ХОРН. Правильно ли, что при Вашем возвращении в Берлин Вам сообщили о подписании польско-британского гарантийного договора, и какова была Ваша реакция и реакция Гитлера на это?

РИББЕНТРОП. Это было 25-го августа. 25 августа я узнал о беседе, которую имел фюрер с послом Гендерсоном во время

7131

H1195 – 0454

H1195 – 0455

моего отсутствия, кажется, 22 августа в Бертесгадене. Этот разговор был очень серьезным. Гендерсон передал письмо английского премьер-министра, в котором было определенно сказано, что военный конфликт между Германией и Польшей вынудит Англию вмешаться. фюрер, мне кажется, в тот же день ответил в том смысле, что в настоящее время решение вопроса дипломатическим путем, вероятно, не является возможным. Я переговорил об этом обмене письмами 25-го числа с фюрером и со своей стороны просил его еще раз продумать этот вопрос и еще раз сделать попытку урегулировать отношения с Англией. Это было 25-го числа, в день, очень богатый событиями. Утром поступило сообщение от итальянского правительства, согласно которому Италия в случае конфликта из-за Польши не выступит на стороне Германии. фюрер принял тогда решение в этот день еще раз принять посла Гендерсона. Эта беседа произошла в полдень 25-го числа. Я присутствовал на ней. фюрер еще раз подробно говорил сэру Невилю Гендерсону о своем упорном желании урегулировать отношения с Англией. Он обрисовал ему тяжелую ситуацию с Польшей и просил его взять самолет и полететь в Англию, чтобы еще раз обсудить эту ситуацию с английским правительством. Посол Гендерсон согласился на это предложение, и я послал ему во второй половине дня ноту или вербальную ноту, в которой фюрер выразил свои мысли о таком соглашении или, вернее, еще раз в письменном виде изложил то, что он сказал во время беседы, с тем, чтобы английский посол мог правильно передать эти мысли английскому правительству.

ХОРН. Правильно ли, что после того, как Вы узнали об англо-польском гарантийном договоре, Вы просили Гитлера прекратить военные мероприятия, которые были предприняты Германией?

7837

РИББЕНТРОП. Да, это так. Я как раз хотел об этом рассказать. В течение второй половины дня, вообще в течение дня я слышал, что предпринимаются некоторые мероприятия военного характера; во второй половине дня я получил сообщение, кажется, агентства Рейтер,-во всяком случае, это было сообщение прессы,- о том, что в Лондоне ратифицирован польско-английский пакт о союзе. Мне кажется даже, что там было отмечено, что польский посол Рачинский был болен, но, несмотря на это, в форейн-Оффисе внезапно произошло подписание этого пакта.

ХОРН. Этот договор был заключен до или после того, как стало известно, что Италия отказала проводить мобилизацию?

РИББЕНТРОП. Договор был заключен безусловно после этого. Я, конечно, не помню дня и часа, но мне кажется, что это было вечером 25 августа, так как итальянский отказ, мне кажется, поступил к нам в середине дня; таким образом, решение о нем окончательно было принято в Риме в то же утро или накануне. Во всяком случае, я могу рассказать об этом в связи с другим фактом; может быть, Вы разрешите мне сначала ответить на Ваш другой вопрос: что я сделал, когда получил это сообщение?

ХОРН. Да.

РИББЕНТРОП. Когда я получил это сообщение прессы,-а мне его вторично показали в имперской канцелярии,- я сразу же пошел к Гитлеру и просил его со своей стороны немедленно прекратить те военные мероприятия, которые проводились, - я не был осведомлен в военных вопросах,- и сказал ему, что совершенно ясно, что это будет означать войну с Англией и что Англия никогда не сможет отказаться от своей подписи под пактом. Фюрер немного подумал и затем сказал, что это правильно; и он немедленно вызвал своего военного ад'ютанта и, мне кажется, затем пришел фельдмаршал Кейтель; Гитлер приказал вызвать всех генералов и прекратить начатые военные мероприятия.

7638

H1195-0456

H1195-0457

Он тогда сказал примерно в таком духе, что мы получили в один день два послания Иова. Это было сообщение из Италии и это сообщение. Я считаю возможным, что сообщение о позиции Италии стало немедленно известно в Лондоне и что вслед за этим немедленно была предпринята окончательная ратификация этого договора. Об этом было сказано фюрером, эти слова фюрера я очень хорошо помню.

ХОРН. Вы и Гитлер в этот день еще раз пытались договориться с послом Гендерсоном о ликвидации конфликта и каковы были Ваши предложения?

РИББЕНТРОП. Дело обстояло так; я уже говорил, что фюрер видел Гендерсона 25-го в середине дня,- мне кажется, это было вскоре после полудня,- и сказал ему, что он по-прежнему думает достигнуть окончательного урегулирования вопросов с Англией. Вопрос о Данциге и коридоре должен быть разрешен в какой-либо форме и он хочет со своей стороны сделать Англии предложение, которое не было в вербальной ноте, чтобы разрешить этот вопрос на совершенно иной базе.

ХОРН. Правильно ли, что Гитлер предоставил в распоряжение Гендерсона самолет, чтобы эти предложения немедленно были доставлены его правительству, с тем, чтобы он просил свое правительство оказать помощь в решении конфликта с Польшей?

РИББЕНТРОП. Да, это правильно. Я помню, что Гендерсон, мне кажется, на следующий день, это было 26-ое число, полетел в Лондон на немецком самолете. Я не знаю подробностей, но помню, что фюрер во время беседы с ним сказал: "Возьмите немедленно самолет и летите к Вашему правительству".

ХОРН. Какие результаты привез посол сэр Гендерсон 28 августа в Берлин?

7639

РИББЕНТРОП: Я хотел бы сказать, что, учитывая критическое положение между Польшей и Германией, которое было известно английскому послу, фюрер высказал мне некоторое разочарование тем, что английский посол так задержался со своим ответом, тогда как атмосфера была весьма наэлектризована в те дни. 28 числа Гендерсон имел новую беседу с фюрером. Я также присутствовал на этой беседе. Ответ, который сэр Невиль Гендерсон привез из Лондона, показался фюреру сначала неособенно удовлетворительным. Ответ содержал многие пункты, которые казались фюреру не ясными. Основной пункт, однако, был тот, что Англия готова к решению всех проблем, существовавших между ней и Германией, при условии, что будет достигнуто мирное разрешение польско-германского вопроса. Во время беседы Адольф Гитлера сказал сэру Невиль Гендерсону, что он ознакомится с нотой и затем снова пригласит его к себе. Затем он...

ХОРН. Правильно ли, что в этом меморандуме Англия рекомендовала Германии повести прямые переговоры с Польшей?

РИББЕНТРОП. Это правильно. Одним из пунктов ноты было английское предложение о ведении непосредственных немецко-польских переговоров, причем указывалось, что это наиболее правильный путь для достижения решения по этому вопросу, и, во-вторых, что эти переговоры должны начаться как можно скорее, так как Англия должна признать, что положение, вследствие пограничных инцидентов и вообще, очень напряженное.

Далее в ноте было также указано, что все решения, принятые по этому вопросу,- мне кажется, это было указано в ноте,—должны гарантироваться великими державами.

ХОРН. Предлагала ли тогда Англия передать Польше немецкое предложение о ведении прямых переговоров?

РИББЕНТРОП. Да, это было так.

7640

H1195 – 0458

H1195 – 0459

ХОРН. Каковы были те немецкие предложения, которые Гитлер передал Гендерсону 29 августа 1939 года в качестве ответа на меморандум Гендерсона?

РИББЕНТРОП. Дело обстояло так. Адольф Гитлер 29 числа снова принял английского посла и сказал ему, что он готов согласиться на английское предложение от 28 числа, то-есть, несмотря на напряженное положение и польскую позицию, которую он считал нетерпимой, он все же был готов еще раз протянуть руку для мирного ращения немецко-польской проблемы в соответствии с английским предложением от 28 августа.

ХОРН. Каковы были причины того, что к этим предложениям было присоединено требование прислать польского уполномоченного до 30 августа?

РИББЕНТРОП. В сообщении, которое Адольф Гитлер передал английскому правительству через посла Гендерсона, было сказано, что немецкое правительство, учитывая напряженность положения, немедленно начнет вырабатывать соответствующие предложения для решения вопроса о Данциге и коридоре. Оно надеется, что эти предложения удастся выработать до прибытия польского представителя, которого оно будет ожидать в течение 30 августа.

ХОРН. Верно ли, что Гитлер в этом предложении установил 24-часовой срок для присылки польского уполномоченного, так как он опасался конфликта вследствие того, что две мобилизованные армии стояли друг против друга.

РИББЕНТРОП. Это абсолютно верно. Я хотел бы сказать, что во время беседы 29 числа посол Гендерсон спросил фюрера, является ли это ультиматумом, и что фюрер ответил на это: "Нет, это не ультиматум". Мне кажется, он сказал, что это практическое предложение или предложение, которое рождено данной ситуацией, или еще что-то в этом роде.

7641

Фактом было то, - я еще раз хотел бы это повторить,- что ситуация в последние дни августа на границах Данцига и коридора выглядела так, что, если бы в ближайшем будущем не произошло каких-либо изменений, ружья сами начали бы стрелять. Отсюда-тот сравнительно короткий срок, который установил фюрер. Он боялся, что в случае, если будет указан более длительный срок, то дело может затянуться и опасность вооруженного конфликта не уменьшится, а увеличится.

ХОРН. Правильно ли, что, несмотря на эти разъяснения по данному пункту, сделанные послу Гендерсону, в ответе британского правительства это предложение было названо неразумным?

РИББЕНТРОП. Я знаю реакцию в Англии по некоторым документам, которые я видел позже. Первая реакция была после моей беседы с Гендерсоном 30 августа.

ХОРН. Правильно ли, что 30 августа Вы получили доверительное сообщение о всеобщей мобилизации в Польше?

РИББЕНТРОП. Это правильно. В течение 30 числа фюрер ожидал сведений о польском представителе. Таких сведений мы не получили, а, по-моему, вечером 30-го числа получили сообщение о том, что в Польше издан приказ о всеобщей мобилизации, но еще не опубликован. Опубликован он был, по-моему, только на следующее утро. Это означало, безусловно, дальнейшее резкое обострение ситуации.

ХОРН. Правильно ли, что британское правительство фактически взяло назад свое предложение о посредничестве, предложив Германии немедленно приступить к подготовке польско-германских переговоров?

РИББЕНТРОП. Вы имеете в виду 30-ое число?

ХОРН. Да, 30-ое.

РИББЕНТРОП. Дело обстояло так. 30 числа, как я уже сказал, мы ожидали польского представителя, но он не прибыл. Адольф

7642

H1195 - 0460

H1195-0461

Гитлер, между тем, подготовил предложения, которые он собирался вручить польскому представителю, который, как об этом говорил совершенно определенно сэр Невиль Гендерсон, хотел вести переговоры с германским правительством на совершенно равных правах. Затем, незадолго до полуночи, позвонили по телефону, что английский посол должен передать сообщение своего правительства. Эта беседа затем была, по-моему, отложена; во всяком случае, в 12 часов ночи, в ночь с 30 на 31 августа произошла эта известная беседа между английским послом и мною.

ХОРН. Вы слышали вчера показания посланника Шмидта относительно этой беседы. Можете ли вы что-нибудь добавить к его рассказу?

РИББЕНТРОП. Я хотел бы следующее добавить по поводу этих переговоров. Совершенно ясно, что мы все в тот момент были взволнованы,- это правильно. Это относилось не только к английскому послу, но и ко мне. Английский посол /я хотел бы и должен здесь об этом сказать/ за день до этого имел небольшое столкновение с фюрером, которое вполне могло кончиться весьма серьезно. Мне удалось тогда предотвратить осложнения. Но в результате создалась некоторая напряженность в отношениях между английским послом и мной. Я сознательно спокойно и по-деловому принял английского посла и выслушал его сообщение. Я надеялся, что в этом сообщении в последний час будет обещано прибытие польского представителя. Однако, этого не было, а вместо этого сэр Невиль Гендерсон заявил мне, во-первых, что его правительство не рекомендует подобный образ действий и, несмотря на напряженное положение, которое еще более обострилось вследствие польской всеобщей мобилизации, предлагает немецкому правительству использовать обычные дипломатические каналы. Во-вторых, он сказал, что если немецкое правительство передаст эти предложения английскому правительству, то английское правительство готово в том случае, если оно сочтет их

благоразумными, оказать влияние в Варшаве в смысле положительного решения проблемы. В тогдашней ситуации это был весьма затруднительный ответ, так как, как уже было сказано, положение было исключительно напряженным и фюрер в течение целого дня ожидал польского представителя. Я, со своей стороны, опасался также, что, если в ближайшем будущем вопрос не будет разрешен, то — оружья сами начнут стрелять. Я тогда прочел сэру Невилю Гендерсону те предложения, которые мне дал фюрер. Я хотел бы еще раз под присягой заявить, что фюрер категорически запретил мне выпускать эти предложения из рук. Он сказал мне даже, что я должен только изложить существо этих предложений британскому послу, если я сочту это нужным. Я сделал несколько больше, так как я от начала до конца прочитал эти предложения британскому послу. Я сделал это потому, что я все же еще надеялся, что английское правительство использует свое влияние в Варшаве и будет способствовать какому-либо решению вопроса. Однако, я должен откровенно заявить, что из беседы с английским послом 30-го августа, как и из всей его позиции, которую в известной степени уже обрисовал вчера Шмидт посланник Шмидт, так и из существа сообщения британского правительства, мне я вынес впечатление, что Англия в тот момент не была готова в действительности найти справедливое решение вопроса и, скажем, сделать все возможное, чтобы добиться мирного решения вопроса.

ХОРН. Что предприняло германское правительство после сообщения содержания ноты послу Гендерсону?

РИББЕНТРОП. После беседы с английским послом я сообщил фюреру, что это была серьезная беседа. Я сказал ему также, что в соответствии с его указаниями и несмотря на желание сэра Невиля Гендерсона, я не передал ему меморандума, но что у меня создалось впечатление, что ситуация весьма серьезная и что британские гарантии Польше остаются в силе. Таково было мое вполне определен-

7644

H1195-0462

H1195-0463

ное впечатление от этой беседы.

В течение 31-го числа фюрер весь день ждал, не прибудет ли представитель польского правительства и не будет ли получено новое сообщение британского правительства. Мы здесь слышали о вмешательстве рейхсмаршала Геринга, который тогда еще раз передал во всех деталях содержание этой ноты господину Далерусу, т.ч. не может быть сомнения в том, что в течение ночи, самое позднее утром 31-го числа точное содержание предложений имперского правительства находилось в руках как лондонского правительства, так и варшавского правительства. Фюрер тогда в течение всего 31-го числа ожидал, и я убежден в том, и я хотел бы здесь это особенно подчеркнуть, он все еще надеялся, что со стороны Англии что-либо будет предпринято. Тогда же, 31-го числа, ко мне пришел польский посол; однако, известно, что он не имел никаких полномочий, чтобы что-либо предпринять, вступить в переговоры или хотя бы передать какого-либо рода предложения. Не знаю, дал бы мне фюрер право передать ему 31-го числа какие-нибудь предложения или нет, но думаю, что мог дать. Однако, польский посол не имел полномочий на то, чтобы их принять, как он мне об этом прямо сказал. Может быть, стоит указать на то, что о тогдашней позиции Варшавы подробно рассказывал свидетель Далерус.

ХОРН. Правильно ли, что Англия препроводила в Варшаву предложения Германии только вечером 31 августа?

РИББЕНТРОП. Прошу еще раз повторить вопрос.

ХОРН. Правильно ли, что предложения Германии, которые Вы вечером предыдущего дня, вечером 30-го сообщили послу сэру Невилю Гендерсону, были пересланы в Варшаву только 31 августа?

РИББЕНТРОП. Из Лондона,-Вы имеете в виду?

ХОРН. Да, из Лондона.

РИББЕНТРОП. Я Вам точно не могу ответить, но, очевидно, это можно установить по служебным документам.

7645

ХОРН. Какие причины привели затем к решению начать военные действия против Польши?

РИББЕНТРОП: Я не могу рассказать об этом подробно. Я знаю лишь, что то предложение, которое я в ночь с 30-го на 31-ое прочитал английскому послу, затем 31-го вечером было передано по радио. Реакция варшавского радио - я помню о ней очень хорошо - была, к сожалению, такова, что она означала решительный отказ от немецких предложений, которые, как я слышал, Гендерсон считал благоразумными. По-моему, польское радио называло их тогда бесстыдными предложениями, немцев называло гуннами и т.д. Об этом я еще помню. Во всяком случае, в Варшаве была занята очень резкая отрицательная позиция по отношению к этим предложениям. Я предполагаю, что именно это вынудило фюрера в ночь с 30 на 31-е число отдать приказ о наступлении. Со своей стороны я могу сказать по поводу этого только то, что я пришел в имперскую канцелярию и фюрер сказал мне, что он отдал приказ, ибо иначе нельзя было решить вопрос, и что его приказ уже выполняется. На это я сказал фюреру: "Желаю Вам счастья".

Я хотел бы еще заметить, что начало войны означало конец многолетних усилий Адольфа Гитлера установить дружественные отношения с Англией.

ХОРН. Исходило ли от Муссолини еще одно предложение о посредничестве и чем окончилось это предложение?

РИББЕНТРОП: Да это правильно. 3-го числа, утром поступило такое предложение о посредничестве в Берлин, в котором Муссолини сообщал, что он может, получив быстрое согласие германского правительства, сделать польский вопрос предметом обсуждения на конференции. Одновременно было сообщено, что французское правительство уже согласилось на это предложение. Со стороны Германии также немедленно было дано согласие. Но через несколько дней - я

7646

H1195 - 0464

H1195 – 0465

не могу точно вспомнить время - было объявлено, я кажется, в речи британского министра иностранных дел Галифакса в палате общин, или в каком-либо другом английском сообщении, что Лондон отклоняет это предложение.

ХОРН. Не знаете ли Вы, отклонила Франция это предложение или нет?

РИББЕНТРОП. Да, я уже сказал, что мы получили сообщение, кажется, также через итальянское правительство одновременно с его предложением, что французское правительство или положительно относится к предложению, или приняло его.

ХОРН. После окончания польской кампании видели Вы возможность заключения мира или нет?

РИББЕНТРОП: После окончания польской кампании я имел несколько продолжительных бесед с Адольфом Гитлером. Дело обстояло тогда так, что, безусловно, можно было почувствовать, что Франция недовольна этой войной. Наши военные говорили о "картофельной войне на западе". Судя по тому, что Гитлер мне говорил,- я убежден, что он не желал войны на западе. И, мне кажется, это была точка зрения всех членов правительства.

Я хотел бы напомнить в этой связи речь рейхсмаршала Геринга, которую он тогда произнес. Гитлер выступил тогда с речью сначала в Данциге, а потом, кажется, в рейхстаге, в которой он два раза совершенно недвусмысленно дал понять Англии и Франции, что он все еще и в любое время готов начать переговоры. Мы тогда также, правда, в очень осторожной форме постарались навести справки в дипломатических кругах о настроениях во вражеских столицах. Однако официальная реакция на речь Адольфа Гитлера показала, что нечего и думать о мире.

ХОРН. Что Вы предпринимали в дальнейшем, чтобы предотвратить расширение войны?

7647

РИББЕНТРОП. Я хотел бы сказать - моим самым горячим желанием после окончания польской кампании было стремление локализовать войну, т.е. воспрепятствовать тому, чтобы война в Европе в какой-либо степени расширилась. Я, однако, вынужден был уже вскоре констатировать, что, если война уже началась, одна политика не может в этих условиях сказать решающее слово и в таких случаях приходит в действие таблица времени, составленная генеральным штабом. Одно отбивает хлеб у другого.

Таким образом, наши дипломатические устремления были безусловно всюду - и в Скандинавии и на Балканах и в других районах-направлены против расширения войны. И, хотя все-таки это расширение произошло, я хочу заявить, на основании тех бесед, которые я вел с Гитлером, причем я убежден, что немецкие военные придерживались той же точки зрения,-что Гитлер ни в какой мере не желал каким-либо путем расширить войну.

ХОРН. Правильно ли, что Вы получали сведения о намерениях западных держав произвести нападение на Русскую область?

РИББЕНТРОП. Да, это правильно. Имея целый ряд сведений, которые все время поступали к нам. Со служебной службой информации у нас дело обстояло так, что использовалось очень много каналов. Все они сходились в кабинете фюрера. Мы в министерстве иностранных дел имели сравнительно ограниченную службу информации, мы получали сведения преимущественно из официальных дипломатических каналов. Но даже наши сведения, безусловно, позволяли сделать вывод о том, что западные державы имели намерения использовать первый удачный момент, чтобы начать наступление на Русскую область. Однако, положение на Западе было таково, что западный вал представлял собой мощную военную преграду против Франции, и, таким образом, было ясно, что такое наступление могло быть проведено только через нейтральные страны, то-есть через Бельгию и Голландию.

7648

H1195-0466

H1195 – 0467

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ. Сколько еще времени Вы намереваетесь вести допрос?

ХОРН. Мне кажется,—примерно, полтора часа будет достаточно, милорд.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ. Трибунал с большим терпением слушал чрезвычайно много подробностей. Я могу лишь сказать, что это преувеличенное освещение подробностей вряд ли поможет подсудимому.

Сейчас мы объявим перерыв.

/Объявляется перерыв до 10 ч.утра 30 марта/.

7649

С Т Е Н О Г Р А М М А

ЗАСЕДАНИЯ МЕЖДУНАРОДНОГО ВОЕННОГО ТРИБУНАЛА от 30/Х-46г.

(Утреннее заседание).

Встать, суд идет!

КОМЕНДАНТ СУДА. Подсудимый Дениц и подсудимый Штрейхер отсутствуют на утреннем заседании суда.

ГОРН (Защитник подсудимого ф.Риббентропа). 16 февраля 1923г. конференция послов передала суверенитет над Мемельской областью Литве после того, как в 1923г. вследствие насильственного акта, совершенного литовскими солдатами, эта область была уже аннексирована. Что побудило Гитлера дать эти директивы в отношении возвращения Мемельской области в 1939 г.

РИББЕНТРОП. Маленькая Мемельская область упоминалась всегда в нашем немецком гимне и была страной кровных интересов немецкого народа. Военные действия общеизвестны. После проигранной войны эта область была передана союзным державам, а позже занята литовскими солдатами в результате насильственного акта. Эта страна всегда была исконной немецкой землей и совершенно естественно, что в ходе дальнейшего развития эта страна хотела снова присоединиться к Германии. Фюрер еще в 1938 г. говорил мне, что эта проблема должна быть рано или поздно разрешена.

Весной 1939г. мы начали переговоры с литовским правительством. Эти переговоры привели затем к встрече между литовским министром иностранных дел Урбисом и мной; был заключен договор, в результате которого Мемельская область была снова присоединена к Германской империи. Это

7650

H1195 – 0468

H1195 – 0469

было в марте 1939 г. О больших страданиях этой страны в предшествовавшие этому годы, я думаю, мне нет необходимости здесь говорить. Во всяком случае, это вполне соответствовало праву народов на самоопределение, а именно то, что в 1939г. были удовлетворены желания населения Мемельской области и договор лишь утвердил положение, которое было естественным и к которому рано или поздно мы должны были притти.

ГОРН. Через полгода после этого началась война с Польшей. Какими решающими фактами следует об"яснять себе возникновение этой войны?

РИББЕНТРОП. Я уже говорил об этом вчера. Решающим было то, что Англия дала гарантии Польше. Об этом я думаю, мне не следует больше говорить. Тем самым, Польша была лишена возможности вести какие-либо переговоры и добиться взаимопонимания с нами, учитывая ее национальные особенности.

Что касается непосредственного начала войны, то к нему привели следующие обстоятельства: 1) не подлежит сомнению...

Г-н ДОДД. Господа судьи, как я уже говорил вчера утром и вновь повторяю сейчас, что для меня крайне нежелательно вмешиваться в перекрестный допрос, но я все же хочу указать на то, что сам свидетель прежде чем ответить на вопрос, заявил что он еще вчера на вечернем заседании изложил причины войны и я вполне с ним согласен. Мне кажется, что нет необходимости вновь возвращаться к этому вопросу сегодня, тем более, что вопрос о том, насколько эти показания важны и насколько они относятся к делу является очень сомнительным для нас. Поэтому нет необходимости вторично заслушивать эти показания.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ. Что вы ответите на это, д-р Горн?

Д-р ГОРН. Я хочу указать в связи с этим на то, что бывший министр иностранных дел Германии, которому инкриминируется участие в агрессивной войне, должен сказать все же пару слов в отношении решающих факторов, которые как ему кажется, привели к развязыванию войны. Конечно, подсудимый не должен повторять, то, что он вчера уже сказал, но я хотел бы слышать от него сегодня то, что он вчера еще не осветил достаточно ясно. Это не займет много времени у Трибунала.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ. Очень хорошо, д-р Горн, Вы можете продолжать, конечно, при условии, что он не будет повторять те же показания, которые давал вчера.

ГОРН. Пожалуйста, назовите очень кратко эти факторы.

РИББЕНТРОП. Это только два небольших момента, речь идет только о последних двух днях. Во-первых, не может быть сомнения в том, что 30 и 31 августа в Англии точно знали об исключительной напряженности обстановки. Этот факт также был сообщен Гитлеру в письме, и Адольф Гитлер сказал, что необходимо быстро принять решение и быстро осуществить его. Это было письмо Чемберлена к Адольфу Гитлеру. Во-вторых, Англия знала, что предложения, которые сделала Германия, были благоразумными, так как мы знали, что Англия имела эти предложения в ночь с 30 на 31 августа. Посол Гендерсон сам назвал эти предложения благоразумными. В-третьих, вследствие этого было возможно 30 и 31 числа дать какое-либо указание Варшаве и сказать полякам, чтобы они в той или иной форме начали переговоры с нами. Это было

7652

H1195 - 0470

H1195-0471

бы возможно, причем тремя способами: либо польский представитель должен был бы прилететь в Берлин (этот полет занял бы, как сказал фюрер, не более часа или полутора часов) или должна была бы иметь место встреча министров иностранных дел или глав правительств на границе или, еще проще, - послу Липскому можно было бы поручить, по крайней мере еще раз запросить эти немецкие предложения. Если бы это поручение было дано Липскому, тем самым был бы устранен кризис и начались бы дипломатические переговоры. Англия сама могла, если бы она этого хотела, включить и своего посла для участия в этих переговорах, что, после всего происшедшего, только бы приветствовалось Германией. Однако это не произошло.

Мне кажется, что из документов, с которыми я познакомился только здесь, явствует, что не было сделано ничего, что в какой-либо степени могло бы разрядить эту напряженную атмосферу. Польский шовинизм, естественно, как я мог судить по словам посла Гендерсона или по показаниям господина Далеруса, здесь проявлялся уже и в то время. Посол Липский тогда употребил очень резкие выражения, которые характеризовали позицию Польши. Таким образом можно сказать, что Польша точно знала, что в случае конфликта она получит помощь со стороны Англии и Франции и позиция Польши стала такой, что практически война была неизбежной. Я думаю, что эти факты все же имеют некоторое значение для исторического рассмотрения всего этого периода.

Я хотел бы сказать, что я лично очень сожалел о таком развитии событий. Таким образом, устранялись 25 лет

7653

моей работы, и я в последний час пытался различными путями сделать все, чтобы избежать этой войны. Я думаю, что документи посла Гендерсона показывают, что такие попытки предпринимались мной. Я сказал Адольфу Гитлеру, что горячим желанием Чемберлена является установление дружеских отношений с Германией и заключение соглашения и я тогда послал в Берлин в посольство к сэру Невилю Гендерсону, специального уполномоченного, чтобы сказать ему насколько серьезно это положение фюрера и что я прошу его сделать все, чтобы его правительство прислушалось к этим желаниям Адольфа Гитлера.

ГОРИ. В апреле 1940 г. произошло занятие Дании и Норвегии. 31 мая 1939г. вы заключили с Данией пакт о ненападении. Вследствие этого Обвинение считает вас виновным в коварной дипломатии.

Когда и каким образом Вы узнали о предстоящем занятии Дании и Норвегии?

РИББЕНТРОП. Всегда желанием фюрера и моим было то, чтобы эти страны оставались нейтральными. Я в рамках политики Адольфа Гитлера сделал все для того, чтобы просечь расширение театра военних действий и проведения именно такой политики. В апреле 1940 г. однажди Адольф Гитлер вызвал меня в имперскую канцелярию. Он сообщил мне, что он имеет сведения, согласно которим в скором времени должна иметь место оккупация или высадка английских войск в Норвегии. Поэтому он принял решение занять Норвегию и Данию, а именно через 3 дня утром. Это было первое, что я узнал по этому поводу. Для меня это было неожиданностью и

7654

H1195-0472

H1195 – 0473

фюрер показал мне затем различные документы, которые он получил от своей службы информации. Он поручил мне немедленно подготовить ноты для вручения их как датскому, так и норвежскому правительствам, чтобы сообщить им, что предстоит вступление немецких войск. Я указал фюреру на то, что мы с Данией заключили пакт о ненападении, а также и на нейтралитет Норвегии. Далее я сказал, что наше посольство в Осло имеет сведения, которые не свидетельствуют о высадке десанта. Однако по документам, которые показал мне фюрер, я увидел, что обстановка весьма серьезна и что эти сведения заслуживают доверия.

На следующий день я с моими сотрудниками начал подготовку соответствующих нот, которые на самолете 8 апреля были доставлены в Осло и Копенгаген. В этот день мы работали днем и ночью, чтобы вообще составить эти ноты. Фюрер приказал, чтобы эти ноты были направлены в Осло и Копенгаген непосредственно перед началом оккупации. Это и было сделано.

Занятие Дании происходило, как мне известно, без всякого сопротивления. Мне кажется, что не раздалось ни одного выстрела. После оккупации мы немедленно начали переговоры с датским правительством Штауининга и договорились о том, чтобы все происходило по возможности в полном спокойствии и в дружественной атмосфере. Дании были даны все гарантии в отношении целостности этой страны и в дальнейшем в Дании события развивались сравнительно спокойно.

Уб55

В Норвегии дело обстояло несколько иначе. Здесь имело место сопротивление. Мы затем пытались оставить в стране норвежского короля и уговорить его остаться. С ним еще велись переговори, но они не увенчались успехом, мне кажется, что он направился на север я думаю в Нарвик. Таким образом, возможность вести переговоры с Норвегией для нас была исключена. Затем, как известно, Норвегия была оккупирована и там была учреждена гражданская администрация.

Министерство иностранних дел с этого времени не имело никакого отношения к Норвегии. Однако я хотел бы еще сказать следующее: фюрер мне неоднократно говорил, что эти мероприятия, которые он предпринял, были чрезвычайно необходимыми и из документов, которые были обнаружены после высадки британских войск в Норвегии и затем опубликованы, - выяснилось, что без сомнения оккупация этих стран и высадка десанта в Норвегии в течение долгого времени готовились Англией.

На данном процессе часто и неоднократно говорилось о тяжких страданиях датского и норвежского народов. Я лично убежден в том, что немецкая оккупация (можно рассматривать ее как угодно), практически воспрепятствовала тому, что Скандинавия стала театром военних действий и тем самым как раз, мне кажется, спасла норвежский и датский народы от неизмеримых страданий, так как, в случае войны между Скандинавией и Германией, эти народы, естественно, терпели бы гораздо большие страдания.

7656

H1195-0474

H1195 – 0475

ГОРН. Перед оккупацией Норвегии вы имели дело с Квислингом?

РИББЕНТРОП. Я должен сказать, что фамилия Квислинг, собственно говоря, позже стала определенным понятием. До оккупации Норвегии мне лично его фамилия ничего не говорила. Правильно то, что господин Розенберг со своей стороны установил со мной связь для того, чтобы поддержать друзей Германии в Скандинавии, мне кажется, речь шла тогда о Нордическом движении и это было вполне естественно.

Тогда также мы финансировали газеты, пропаганду и политическую деятельность в Норвегии. Однако во время этих переговоров, я помню это достаточно хорошо, никогда ничего не говорилось о политическом перевороте (захвате власти), который должны были совершить определенные группы в Норвегии или о военных операциях.

ГОРН. Какое влияние оказывало министерство иностранных дел после оккупации Дании на эту страну?

РИББЕНТРОП. После оккупации Дании министерство иностранных дел было представлено посланником при датском короле. Позже, в результате определенных событий (я думаю – о них не стоит здесь говорить, так как это очень подробно), он был отозван и туда был назначен имперский уполномоченный. Одновременно в Дании имелся командующий германскими войсками и позднее начальник СС и полиции. Деятельность посланника при датском короле была деятельностью обычного, очень влиятельного посланника. Задачей его было устранение всех трудностей, которые, естественно, возникали там, где это всегда имеет место во время оккупа-

7057

ции. Деятельность имперского уполномоченного позже осуществлялась по моим указаниям в том духе, чтобы, я сказал бы, обращаться с Данией как со страной, которая настроена не враждебно, а дружественно по отношению к Германии. Это проходило красной нитью через всю нашу деятельность в Дании и, несмотря на это, спустя долгое время, когда война приняла более ожесточенный характер и вследствие этого имели место серьезные трудности, в Дании в течение всех военных лет, царило полное спокойствие и мы были вполне удовлетворены имевшимся там условиями. Позже, как я уже сказал, наступило некоторое обострение отношений в результате деятельности агентов противника, направленной против всякого рода мероприятий. Но задачей, имперского уполномоченного, всегда было, согласно инструкциям, которые исходили от меня, не обострять отношений, а, наоборот, преодолевать трудности и содействовать дальнейшему установлению хороших отношений между немецким и датским народами. Это не всегда было для него легким делом, однако, он в общем, мне кажется, удовлетворительно осуществлял те задачи, которые на него возлагались.

ГОРН. С какого времени и каким путем вы получили сообщения относительно планов англо-французского генерального штаба о включении Голландии и Бельгии в (их) зоны военных операций?

РИББЕНТРОП. Ясно, что этому вопросу всегда, а также и здесь на этом процессе, придется большое значение. Обстоятельства были таковы, что Германия путем заявления, сделанного в 1937 году, заключила с Бельгией соглашение относи-

7658

H1195 – 0476

H1195 – 0477

тельно того, что Германия будет строго соблюдать нейтралитет Бельгии, при условии, что это будет иметь место также и со стороны Бельгии. После польской кампании фюрер неоднократно сообщал мне, что его служба информации имеет сведения относительно планов противника о наступлении на Рурскую область через территорию Голландии и Бельгии. Мы также иногда получали такие сообщения, которые, правда, не были столь конкретными. Во всяком случае, Адольф Гитлер всегда считался с возможностью нападения на область, жизненно важную для Германии, а именно на Рурскую область. Я в этот период неоднократно говорил с фюрером о значении бельгийского нейтралитета и именно для всего мира. Но в то же время и я также сознавал, что здесь, естественно, будет вестись борьба, ожесточенная борьба в больших масштабах и что необходимо будет при рассмотрении этого вопроса применять другие масштабы.

В ходе развития событий, весной 1940 года сведения о таком наступлении стали более конкретными и я должен может быть упомянуть, здесь что обнаруженные позже документы, которые опубликовало министерство иностранных дел, – я имею ввиду документы французского генерального штаба и т.д., ясно доказали, что эти сведения, которые имела Германия, – соответствовали действительности, что действительно сама идея нападения на Рурскую область неоднократно обсуждалась противниками Германии, странами, тогдашними противниками Германии. Я в этой связи хотел бы в первую очередь указать, на документ, относящийся к совещанию английского премьер-министра Чемберлена с господином

7659

Далалье в Париже, на котором господин Чемберлен сделал предложение о нападении с целью разрушения жизненно важных или военных об"ектов в Рурской области, пролетая, как это говорилось над фабричными трубами Голландии и Бельгии. Я думаю, что этот документ здесь имеется и он утвержден для защиты. Такова была обстановка перед наступлением на западе, на которое решился фюрер. Таким образом, он мог расчитывать на то, что противник в любое время начнет наступление через эту область. Поэтому фюрер принял решение наступать через обе эти нейтральные страны и после наступления, мне кажется, это подтвердят также и военные деятели, были обнаружены документы и установлены факты, которые указывали на тесное взаимодействие бельгийского и как, мне кажется, и голландского генеральных штабов с английским и французским генеральными штабами. Естественно, всегда очень бывает тяжело в такой войне нарушить нейтралитет какой-либо страны и не следует думать, что мы приняли это решение просто одним росчерком пера. Я провел не одну бессонную ночь размышляя об этих событиях, но я хотел бы напомнить, что и другая сторона также размышляла над этим вопросом и другие государственные деятели также обсуждали этот вопрос.

Я напомню вам одно высказывание, в котором говорилось, что устали уже думать о правах нейтральных стран. Это высказывание было сделано одним из великих английских государственных деятелей - мистером Уинстоном Черчиллем.

7660

H1195-0478

H1195 – 0479

ГОРН. Что побудило Германию нарушить суверенитет Люксембурга?

РИББЕНТРОП. С Люксембургом дело обстояло так же, как с Бельгией и Голландией. Эта маленькая страна, и ясно, что в ходе таких больших военных событий, армии не могут ни с того, ни с сего обойти какую-либо страну. Однако в связи с Люксембургом я бы хотел указать на один факт. Это имело место летом прошлого года, т.е. 1939 года. Мы вели переговоры с Люксембургом и Францией для того, чтобы здесь добиться совершенно конкретной договоренности, относительно нейтралитета на базе договоров и соглашений. Эти переговоры вначале казалось складывались благоприятно, однако, затем внезапно, они как Люксембургом, так и Францией, были прерваны. Мы тогда не совсем поняли, почему именно это произошло. Но я знаю, что когда я сообщил об этом фюреру, это сообщение вызвало у него некоторое недоверие. В чем именно состояли мотивы побудившие, которые имела другая сторона, мы так никогда и не узнали.

ГОРН. Какие возможности оказывать влияние имело министерство иностранных дел во Франции после частичной оккупации Франции?

РИББЕНТРОП. После оккупации или частичной оккупации Франции по моей просьбе фюрер дал указание о назначении посла при правительстве Виши, хотя мы еще не были в состоянии мира с Францией и таким образом, собственно, не имели повода для того, чтобы установить дипломатические отношения,

7661

имело место лишь перемирие. Я придавал этому особое значение, так как всегда моим стремлением было установление тесного взаимопонимания и сотрудничества с Францией. Я хотел бы здесь подчеркнуть, что эти стремления снова возобновились сразу же после победы и перемирия. Фюрер об"явил о своей готовности к этому, и он затем по моей просьбе ввел, так называемую, политику Монтуара. Это нашло свое выражение в том, что после встречи с генералом Франко, фюрер в Монтуаре встретился с маршалом Петэном. Я присутствовал при этой встрече.

Я думаю, что для исторической правды здесь следует и необходимо установить, что тот прием, который Гитлер оказал главе побежденного французского государства, следует назвать рицарским и беспримерным, следует сказать, что в истории мало найдется подобных примеров. Адольф Гитлер также сделал немедленно маршалу Петэну предложение о тесном сотрудничестве между Германией и Францией. Маршал Петэн во время этих первых переговоров занял по отношению к победителю очень сдержанную позицию. Таким образом, к моему великому сожалению, эти первые переговоры закончились несколько быстрее, чем я ожидал. Несмотря на это, мы в дальнейшем ходе событий систематически пытались продолжать эту политику взаимопонимания или даже политику тесного сотрудничества с Францией. То, что это не удалось, следует об"яснить, вероятно, естественной позицией Франции, а также тенденциями ее влиятельных кругов. Во всяком случае в этот период Германия предпринимала попытки в этом направлении.

7662

H1195 – 0480

H1195 – 0481

ГОРН. Какие возможности влияния имели вы и министерство иностранных дел на положение в Бельгии после ее оккупации?

РИББЕНТРОП. На положение в Бельгии и в Голландии мы не имели никакого влияния. Фюрер учредил здесь военную и гражданскую администрацию и министерство иностранных дел не занималось здесь больше ничем и было представлено лишь офицером связи, который практически совсем или почти не имел никаких функций. Во Франции, мне следует об этом упомянуть, дела обстояли иначе, постольку, поскольку мы могли оказывать влияние на правительство Виши через посла, и я, например, использовал это влияние в области финансовой политики.

Здесь, в этом зале суда, очень много говорилось о некоем господине Геммене. Я хотел бы только сказать, что я тогда, независимо от того, какие полномочия были ему даны специально назначил его туда для того, чтобы воспрепятствовать возникновению инфляции во Франции и падению курса французской валюты. Это было то специальное задание, которое было дано в то время Геммену. Итак, я хотел, чтобы Франция, которая, безусловно, имела определенное экономическое значение для Германии, после того как она не хотела тесного сотрудничества с Германией в политической области, была бы здоровой и чтобы финансы ее были в порядке. Вот что являлось действительной основой задания господина Геммена.

7663

ГОРН. Какие внешнеполитические планы имел Гитлер после окончания кампании на Западе?

РИББЕНТРОП. По окончании кампании на Западе я говорил с фюрером в его ставке относительно дальнейшего развития событий и спросил его, каковы его дальнейшие планы в отношении Англии. Фюрер предложил мне тогда, и в этом же заключалось и мое предложение, попытаться заключить мир с Англией. Фюрер, повидимому, думал об этом, также, как и я, и был сам очень воодушевлен мыслью о попытке предложить мир или о заключении мира с Англией. Я спросил фюрера, должен ли я составить проект договора на такой случай. Фюрер сказал совершенно неожиданно: "Нет, в этом нет никакой необходимости, я сам это сделаю, т.е."мне нет необходимости это делать". Он сказал при этом буквально следующее: "Есть только четыре пункта, на основании которых я хотел бы заключить мир с Англией. Во-первых, я хочу сейчас, после Дюнкерка, чтобы никогда ни при каких обстоятельствах больше не имело места какого-либо падения престижа Англии, таким образом, я не хотел бы иметь мира, который означал бы падение престижа Англии. Такого мира я не хочу ни при каких обстоятельствах". Что касается содержания такого мирного договора, то он упомянул опять-таки четыре пункта. Во-первых, он сказал, что Германия во всех отношениях готова признавать существование Британской империи, во-вторых, Англия вследствие этого должна признать Германию крупнейшей державой на континенте, хотя бы, исходя из количества ее населения; в-третьих, я хочу получить немецкие колонии, я бы удовлетворился даже 1 или 2 колониями.

7664

H1195 – 0482

H1195 - 0483

которые я хочу получить от Англии в связи с проблемой сырья. В-четвертых, фюрер сказал, что он хочет заключить с Англией элительный союз на жизнь и на смерть.

ГОРН. Правильно-ли, что вы узнали от Гитлера в конце 1939 года о переговорах между греческим и французским генеральными штабами и о посылке французских офицеров в Грецию?

РИББЕНТРОП. Да, это правильно. Это было в рамках поставленных мне фюрером политических задач в отношении локализации войны, поэтому я должен был внимательно следить за этими событиями и в особенности на Балканском полуострове. Адольф Гитлер при всех обстоятельствах хотел исключить Балканский полуостров из зоны военных действий. В Греции в то время обстановка была следующей: Греция получила английские гарантии;между Югославией, Англией и Францией в первую очередь также были очень тесные отношения. Мы все время узнавали через информационную службу фюрера и по военным каналам о переговорах, которые велись какими-то офицерами генерального штаба между Белградом, Афинами, Парижем и Лондоном. Я в этот период несколько раз приглашал к себе греческого посла и обращал его внимание на эти события и просил его, чтобы он был весьма осторожен, что Германия ни в коей мере не имеет намерений предпринимать что-либо против греческого народа, который в Германии всегда был очень популярен. Затем поступали некоторые другие сведения относительно того, что Греция предоставила Англии свои военно-морские

4665

базы и эти обстоятельства привели к вмешательству Италии, которое было весьма нежелательно для нас и о котором, как мне кажется, уже говорил здесь рейхсмаршал Геринг. Нельзя было воспрепятствовать этому вмешательству, так как когда я прибыл в то время вместе с Гитлером во Флоренцию для того, чтобы встретиться с Муссолини было, к сожалению, слишком поздно и Муссолини сказал: "Мы уже начали наступление". Фюрер был очень огорчен и подавлен этим сообщением. Было важно всеми средствами воспрепятствовать тому, чтобы война между Италией и Грецией нашла все большее распространение. Здесь, безусловно, решающей была югославская политика. Я использовал все возможности для того, чтобы наши отношения с Югославией были еще более тесными и чтобы Югославия присоединилась тогда к заключенному уже в то время пакту трех держав. Это было вначале очень трудно, но благодаря регенту принцу Павлу и правительству Цветковича все же удалось достичь присоединения Югославии к пакту трех держав. Мы хорошо знали, что в Белграде имелись сильные элементы, которые были настроены против присоединения Югославии к пакту трех держав, против тесных отношений с Германией вообще. Фюрер сказал тогда в Вене, что заключение пакта трех держав напоминало ему похоронную процессию. Несмотря на это, мы были весьма удивлены, когда как,мне кажется, через 2 или 3 дня после подписания пакта, в Белграде, неожиданно, в результате путча генерала Симовича, правительство Цветковича было свергнуто. К власти пришло новое правительство, которое, безусловно, нельзя было

7666

H1195 – 0484

H1195 – 0485

назвать дружественно настроенным по отношению к Германии. Затем поступили сведения из Белграда относительно тесного сотрудничества с английским генеральным штабом и, мне кажется, что американские наблюдатели в этой стране хорошо знают это, и также с английской стороны мне в последние месяцы сообщили, что Англия также приняла участие в этом путче. Это было ведь вполне естественным, так как в это время велась война. Все эти события затем побудили фюрера вмешаться в события на Балканах, во-первых, для того, чтобы помочь Италии, которая была в тяжелом положении в Албании ввиду доблести греческих войск и, во-вторых, чтобы воспрепятствовать тому, чтобы Югославия, еще более ухудшила положение Италии вследствие нападения с севера, что вообще могло привести к крупному поражению нашего итальянского союзника. Таким образом, военно-стратегические мероприятия были причиной того, что фюрер принял решение о проведении кампании против Греции и Югославии и вмешательстве в их дела.

ГОРН. Если я Вас правильно понял, Греция, несмотря на заявление о нейтралитете, перед нападением Италии в октябре 1940 года предоставила английскому военно-морскому флоту базы на своих островах? Правильно ли это?

7667

РИББЕНТРОП. Да, это были сведения, которые были мне известные.

ГОРН. В сентябре 1939 года генерал Гамелен, тогдашний главнокомандующий Французскими войсками, утвердил план высадки союзников в Салониках. Когда Германия узнала об этих намерениях?

РИББЕНТРОП. Подробности относительно этих событий мы узнали только из документов французского генерального штаба, когда началась война. Но я знаю, что все сведения, которые получал фюрер из различных источников информации в империи, с самого начала вызвали в нем опасения. Он опасался, что в ближайшее время возможна организация нового фронта в Салониках так же, как и в первую мировую войну и что это приведет к сильному рассредоточению немецких войск.

ГОРН. В сентябре 1939 года Вы нанесли второй визит в Москву. Чем был вызван этот визит и о чем там велись переговоры?

РИББЕНТРОП. Мое второе посещение Москвы было необходимо ввиду окончания польской кампании. Я в конце сентября вылетел в Москву и на этот раз мне был оказан особенно дружественный прием. Обстановка складывалась тогда, так, что в польском пространстве должны были быть созданы ясные отношения. Советские войска заняли восточную часть Польши и мы тогда продвинулись до обусловленной соглашением демаркационной линии; мы заняли запаную часть Польши. Поэтому было наобходимо установить точно границу. Далее для нас было важно, чтобы отношения с Советской Россией стали еще более прочными и дружественными. ИТак, в Москве, было

7668

H1195 – 0486

H1195 – 0487

достигнуто соглашение относительно установления окончательной границы в польском пространстве и, далее, было предусмотрено заключение экономического договора, который должен был поставить экономические отношения на совершенно новую основу. Было предусмотрено заключение договора на широкой основе относительно обмена сырьем и полуфабрикатами, этот договор позднее и был заключен. Одновременно наш пакт в политическом отношении стал пактом о дружбе, этот пакт всем известен. Затем существовал еще один вопрос – вопрос о территории Литвы. Для того, чтобы установить особую атмосферу доверия между Москвой и Берлином, фюрер отказался от своего влияния на Литву и предоставил в этом втором договоре Советскому Союзу влияние на Литву. Таким образом, были разрешены все территориальные проблемы между Германией и Советским Союзом.

ГОРН. Правильно ли, что 15 июня 1940 года, после вручения ультиматума вся территория Литвы, также и та часть, которая оставалась за Германией, была занята русскими без предупреждения об этом имперского правительства.

РИББЕНТРОП. Относительно этого не было заключено никакого особого соглашения, однако, известно, что эти области были заняты.

ГОРН. Какие дальнейшие мероприятия России возбудили опасения у фюрера в отношении позиции России?

4669

РИББЕНТРОП. Имели место различные моменты, которые постепенно вызвали скептическое отношение у фюрера по вопросу о позиции России. Во-первых и это было уже указано здесь, занятие прибалтийских стран, далее, занятие Бессарабии и Северной Буковины, которая произошла + ~~без предва-~~ в конце кампании во Франции, это произошло без предварительной консультации с нами, об этом нам только сообщили незадолго до того, как это имело место. Румынский король тогда обратился к нам с просьбой дать ему совет. Фюрер, из соображений лойяльности по отношению к договору с Советской Россией, посоветовал румынскому королю выполнить русские требования и освободить территорию Бессарабии. Затем началась финская война в 1940 г. У Германии и немецкого народа, который испытывал глубокую симпатию к финскому народу, это вызвало некоторую озабоченность. Фюрер также до некоторой степени считал себя обязанным пойти и на этот раз на определенные уступки. Далее, еще два момента: во-первых, это то, что фюрер получил сообщение относительно коммунистической пропаганды на немецких фабриках и заводах, которая, якобы, проводилась под руководством русского торгового представительства и далее, и, главным образом, сведения о военной подготовке, которая имела место с русской стороны. Я знаю, что он после французской кампании неоднократно говорил мне о том, что на границах Восточной Пруссии, сосредоточено около 20 немецких дивизий и далее очень крупные силы, я случайно помню цифру - 30 корпусов, были сосредоточены по имевшимся сведениям в Бессарабии. У фюрера эти сведения вызвали озабоченность и он поручил мне тогда вни-

+ в конце кампании во Франции, это произошло 7670

H1195 - 0488

H1195 – 0489

-мательно следить за этими событиями. Тогда он даже сказал, что этот договор 1939 года, был, вероятно, заключен лишь для того, ятобы диктовать нам экономические и политические условия. Он сказал, что на всякий случай он даст распоряжение о контрмерах. Я обратил тогда внимание фюрера на опасность превентивных войн, но фюрер сказал, что во всяком случае интересы Италии и Германии должны быть превыше всего. Я сказал, что я надеюсь, что это никогда не произойдет, или, по крайней мере, мы предпримем все возможные усилия в дипломатическом порядке, для того, чтобы события развивались другим путем.

ГОРН. В ноябре, а именно с 12 по 14 ноября 1940 года русский комиссар иностранных дел Молотов приехал с визитом в Берлин. По чьей инициативе произошел этот визит и каково было содержание переговоров и совещаний?

РИББЕНТРОП. Переговоры с г-ном Молотовым в Берлине были следующего содержания: Я хотел бы предпослать этому замечанию о том, что стремясь установить с Россией дипломатическим путем выяснения отношений или достигнуть соглашения, я с разрешения фюрера поздней осенью 1940 года написал письмо маршалу Сталину и пригласил в этом письме господина Молотова в Берлин. Это приглашение было принято и в беседе, которую вел фюрер с г-ном Молотовым, обсуждался весь комплекс германо-русских отношений. Я присутствовал на этой беседе.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ. Когда это было?

ГОРН. Это было с 12 по 14 ноября 1940 года.

7671

Г-н Молотов говорил с фюрером, во-первых, о германо-русских отношениях в общем, а затем относительно ~~Финляндии~~ Финляндии и относительно Балкан. Он говорил о том, что Россия имеет жизненные интересы в Финляндии. Он говорил о том, что, на основании имевшего тогда место разграничения сфер интересов, Финляндия должна быть отнесена к сфере интересов России. Фюрер возразил на это, что Германия имеет также очень большие интересы в Финляндии, главным образом, это были интересы в области никелевой промышленности, и далее нельзя было забыть также того, что во всем немецком народе имелись симпатии к финскому народу. Он /Гитлер/ просил г-на Молотова в этом вопросе пойти ему навстречу.

Затем, позже, неоднократно также велись беседы на эту тему. Относительно Балканского полуострова г-н Молотов сказал, что он охотно заключил бы с Болгарией пакт о ненападении и вообще установил бы более тесные отношения с Болгарией. Также имелось ввиду там создать опорные пункты. Фюрер возразил или спросил, обратилась ли Болгария к г-ну Молотову. Это, однако, не имело еще, очевидно, места и вслед за этим фюрер сказал, что он по этому вопросу лишь тогда сможет занять определенную позицию, когда он поговорит с ним с Муссолини, который также был очень заинтересован в Балканском полуострове и являлся его союзником. Затем обсуждались некоторые другие вопросы, но окончательное решение, к/ сожалению, во время этих переговоров/ не было достигнуто. Переговоры проходили, собственно говоря, в той

7672

H1195 – 0490

H1195 – 0491

форме, которая, казалась мне, не могла привести к преодолению всех противоречий.

Я затем просил фюрера поручить мне возобновить переговоры с г-ном Молотовым и спросил его, согласен ли он, чтобы я с г-ном Молотовым поговорил также о возможном присоединении России к пакту трех держав. Это тогда было одним из наших намерений. Фюрер заявил, что он согласен с этим и затем я имел длительные переговоры с русским комиссаром иностранных дел. Во время этих переговоров снова обсуждались те же вопросы. Г-н Молотов упомянул то, что Россия имеет жизненные интересы в Финляндии. Он также говорил об интересах и о крепких узах, связывающих русский народ с болгарским народом, а также об общих интересах России на Балканском полуострове, и затем мы, в конце концов, договорились о том, что он поговорит об этом с г-ном Сталиным по возвращении в Москву с тем, чтобы попытаться найти решение этих вопросов. Я предложил ему присоединиться к пакту трех держав и далее предложил ему, что я еще раз переговорю с фюрером относительно всех вопросов, которые были подняты во время нашей беседы, и может быть можно будет найти какое-нибудь решение.

Таким образом, эта беседа кончилась тем, что г-н Молотов возвратился в Москву с намерением дипломатическим путем через посольства разрешить дальнейшие вопросы, которые имелись у нас.

7673

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ. Г-н Горн, поскольку эти переговоры не привели ни к какому соглашению, то, конечно, они не имеют никакого ~~этого~~ отношения к тем вопросам, которые мы сейчас рассматриваем. Вы ведь не говорите о том, что были достигнуты какие-то соглашения. Не правда ли?

ГОРН. Нет, я хотел только доказать, что со стороны Германии также были приложены усилия к тому, чтобы избежать конфликта с Россией.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ. Вопрос относительно конфликта с Россией, собственно говоря, не был затронут во время этих переговоров?

ГОРН. Нет, но из всех этих усилий, Германии, а также из показаний фон Риббентропа, вытекает, что мы стремились ~~устранить~~ устранить конфликтные вопросы, которые существовали между Германией и Россией. Обвинение утверждало, что пакт с Россией был, якобы, заключен с намерением, в дальнейшем нарушить его и напасть на Россию, т.е. , что с самого начала имелось намерение напасть на Россию. Я хотел-бы показаниями подсудимого доказать, что это неправильно.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ. Мне кажется, что вы слишком удаляетесь от вопроса. Эти показания лишь говорят только о том, что Риббентроп вступил в какие-то переговоры с Россией, которые однако, не привели ни к каким результатам. И это все. А сейчас, вы можете продолжать, д-р Горн.

ГОРН. В одном из своих последних ответов Вы говорили о концентрации войск на границе Восточной Пруссии, а именно

7674

H1195 – 0492

H1195 – 0493

о 20 немецких дивизиях. Я предполагаю, что вы оговорились.

РИББЕНТРОП. Нет, я имел в виду русские дивизии. Фюрер часто говорил об этом. Он сказал, что у нас, мне кажется, вообще есть только одна дивизия в Восточной Пруссии.

ГОРН. Не было ли занятие балканских стран Россией основанием для переговоров с Молотовым?

РИББЕНТРОП. Я не понял вопроса. Пожалуйста, повторите.

ГОРН. Не было ли занятие русскими войсками стран на Балканском полуострове и прибалтийских стран основанием для приглашения Молотова в Берлин?

РИББЕНТРОП. В отношении Балканского полуострова нет, так как там не было русской зоны оккупации. Но правильным будет сказать это о Бессарабии, которую нельзя отне-ти в точном смысле этого слова к балканским странам. Оккупация Бессарабии, наступившая тогда внезапно и быстро, а также и Северной Букавины, т.е. области, которая на переговорах в Москве не была отнесена к сфере русских интересов и которая, как фюрер сказал, тогда была страной, находившейся ранее под суверенитетом австрийской короны - и кроме того оккупация прибалтийских стран, вот что было основанием для при-глашения Молотова в Берлин. Все это действительно вызвало некоторую озабоченность у фюрера.

ГОРН. Правильно ли, что Вы и Гитлер летом 1940 года получили сообщения о том, что в Москве находится англо-французская военная комиссия?

РИББЕНТРОП. Да. Нет. Вы имеете в виду когда?

ГОРН. Летом 1940 года, после июня 1940 года.

7675

РИББЕНТРОП. Да, это правильно. Такие сведения все время поступали, хотя я сегодня не могу сказать, имело ли это место действительно летом 1940 года. В 1939 году, когда я прибыл в Москву, там были французская и английская военные миссии, задачей которых, по поручению британского и французского правительств, было заключить военный союз между Россией, Англией и Францией. Это было в рамках той политики, о которой фюрер говорил как об "английской политике изоляции" в своей речи в рейхстаге, мне кажется, 28 мая; это мне стало ясным и из послания мистера Черчиля в 1936 г.

ГОРН. Правильно ли, что во время переговоров...

СЭР ДЭВИД МАКСУэлл ФАЙФ. Милорд, я очень внимательно слежу за допросом, но для меня не ясен один вопрос, а именно какой год свидетель имел в виду - 1940 или 1939 г.? Это очень важно.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ. Вы имеете в виду английскую миссию? Июнь 1940 г.?

РИББЕНТРОП. Я хочу дать еще один ответ. Относительно 1940 года я уже сказал, что я точно не могу вспомнить; я только упомянул то, что такие сведения имелись, но я знаю, что в 1939 году эта миссия там была.

ГОРН. Во время посещения господином Молотовым в 1940 году Берлина говорилось также о том, что Россия недовольна заключенным мирным договором с Финляндией и намеревается присоединить к себе всю Финляндию?

7676

H1195-0494

H1195 – 0495

РИББЕНТРОП. В такой конкретной форме об этом не говорилось. Но позиция России ясно показывала, что она рассматривает Финляндию, как свою сферу интересов. Какие мероприятия Россия собиралась там провести - этого я не могу сказать.

ГОРН. 5 апреля 1941 года был заключен русско-югославский пакт о ненападении и дружбе. Каково было влияние этого договора на Германию?

РИББЕНТРОП. Влияние на фюрера было таковым, что это казалось ему подтверждением того, что Россия отходит от политики 1939 года. Он воспринял это как "выпад", он сказал, что он заключил пакт с другим правительством и теперь, вскоре после этого Россия заключает пакт с правительством, которое исключительно враждебно настроено по отношению к Германии.

ГОРН. Правильно ли, что Гитлер вслед за этим запретил вам предпринимать дальнейшие дипломатические шаги по отношению к России?

РИББЕНТРОП. Правильно. Я тогда указал фюреру на то, что теперь следует усиленно предпринимать попытки, направленные на выяснение позиции России. И он сказал мне тогда, что это не имеет смысла и, по его мнению, ничего не изменит в позиции России.

ГОРН. Каковы были последние причины, которые привели к конфликту с Россией?

РИББЕНТРОП. Повторите, пожалуйста.

ГОРН. Какие причины привели к началу конфликта с Россией?

РИББЕНТРОП. Я должен по этому поводу сказать следующее. Фюрер зимой 1940-41 г.г. имел перед собой следую-

4677

щую обстановку. Я считаю весьма важным здесь это выяснить. Англия не выразила готовности заключить мир, поэтому для фюрера большое значение имел вопрос относительно позиции США и позиции России. Он сказал мне по поводу этого следующее. Я с ним тогда об этом имел очень длительную беседу и попросил его дать мне точные инструкции в области дипломатии. Он сказал мне, что позиция Японии не совсем ясна и устойчива для Германии. Хотя мы и заключили пакт трех держав, однако, в Японии имеются значительные силы, которые действуют в противоположном направлении, и мы не можем знать, какую позицию займет Япония ... Италия, в результате кампании в Греции, проявила себя, как очень слабый союзник. Поэтому может случиться так, что Германия будет совсем одинока. Он говорил и относительно позиции США. Он сказал, что он всегда желал иметь хорошие отношения с США, однако, несмотря на крайнюю сдержанность, позиция США становится все более враждебной по отношению к Германии. Заключение пакта трех держав должно было как раз побудить США остаться в стороне от этой войны, так как тогда наша точка зрения заключалась в том, чтобы мы таким путем усилили те круги в США, которые выступают за мир и хорошие отношения с Германией.

Однако, эти усилия были безуспешны, и позиция США по отношению к Германии после заключения пакта трех держав не стала дружественной. Основные идеи, которые фюрер и я преследовали, а именно в случае, если начнется война в Европе и США вступят в нее, они должны будут рассчитывать на войну на два фронта и поэтому не вступили бы в войну. Этого нельзя было достичь.

7678

H1195-0496

H1195 - 0497

Затем другой вопрос, вопрос о позиции России. В этом отношении фюрер сказал следующее: Мы имеем договор о дружбе с Россией. Россия, однако, сейчас заняла такую позицию, о которой мы сейчас говорили; она вызывает у меня некоторые сомнения. Поэтому мы не знаем, что нас ожидает с этой стороны. Поступали все время новые сведения о развертывании русских войск, он сам провел военные контрмероприятия, относительно которых я не был информирован, однако, он был очень озабочен тем, что, рано или поздно, Россия - с одной стороны и США и Англия - с другой выступят против Германии. Таким образом он, с одной стороны, считался с возможностью вступления со стороны России, и, с другой стороны, наступления со стороны США с Англией, то-есть массовой высадки их войск на западе. Все эти соображения затем побудили фюрера принять решение о превентивной войне, и, самому начать превентивную войну с Россией.

ГОРН. Какие реальные политические планы были положены в основу пакта трех держав?

РИББЕНТРОП. Пакт трех держав, мне кажется, был заключен в сентябре 1940 года.

Положение было таковым, как я только что его описал, а именно, фюрер был озабочен тем, что рано или поздно США вступят в войну. Поэтому моим стремлением было путем дипломатических переговоров сделать все, чтобы усилить позиции Германии. Я расчитывал на союз с Италией, однако, она проявила себя, как слабый союзник.

7679

Таким образом, нашим единственным другом, которого мы еще имели кроме государств Балканского полуострова, после того, как Францию не удалось привлечь на свою сторону, была Япония. Поэтому мы летом 1940 года пытались устано - вить более тесные взаимоотношения с Японией. Со стороны Японии проявлялось то же стремление. Это затем привело к заключению пакта. Целью или содержанием этого пакта был союз политического, военного и экономического характера. Однако, не может быть сомнения в том и мы с самого начала так считали, - что этот пакт задуман как оборонительный пакт, то-есть пакт, который, главным образом, преследует цель держать США вне войны. И я надеялся, что, благодаря такому союзу, все же может быть будет возможность достичь мира с Англией. Сам по себе пакт не имел, как это часто утверждают, каких-либо агрессивных планов или планов ми - рового господства. Это неправильно. Его целью было, как я уже говорил, создание союза, который с одной стороны, да- вал бы Германии возможность изменить положение в Европе и, с другой стороны, давал также Японии возможность в Восточной Азии, главным образом речь шла тогда о китайс - кой проблеме, разрешить эти проблемы в своих интересах. Таким образом, это было смыслом и целью этого пакта, ко - торую я имел ввиду при заключении пакта. Положение не было неблагоприятным и при некоторых обстоятельствах мож- но было достичь нейтралитета США и изоляции Англии и, та- ким образом, на этой базе потом можно было бы добиться компромиссного мира, которого мы добивались в ходе всей войны, и в конце концов, всегда у нему стремились.

7680

H1195 - 0498

H1195 – 0499

ГОРН. Какое влияние оказало на США, согласно поступавшим к вам сведениям из посольства, присоединение Австрии и Мюнхенское соглашение?

РИББЕНТРОП. Не может быть сомнения в том, что США после занятия Австрии и заключения Мюнхенского соглашения заняли еще более враждебную позицию по отношению к Германии.

ГОРН. В ноябре 1938 года американский посол в Берлине был вызван для отчета в Вашингтон. Таким образом нормальные дипломатические отношения с Германией были нарушены. Какие причины, по вашему мнению, лежали в основе этого мероприятия?

РИББЕНТРОП. Мы никогда в деталях так и не узнали об этом, и мы очень сожалели о происшедшем, так как мы, таким образом, со своей стороны были вынуждены отозвать нашего посла из Вашингтона, т.е. вызвать его в Берлин для отчета. Но естественно, что общая позиция Соединенных Штатов была определяющей для этого мероприятия. Имелось большое количество событий, которые в это время все более склоняли фюрера к убеждению, что рано или поздно США в результате всего этого вступят в войну против нас.

Я хотел бы только остановиться в этой связи на некоторых моментах. Эта позиция была занята еще раньше и нашла свое выражение в карантинной речи Рузвельта в 1937 г. Тогда началась широкая кампания в прессе и после этого отзыва послов наступило дальнейшее обострение отношений, которое отразилось на отношениях между США и Германией во всех областях.

4681

Мне кажется, что за последние годы было опубликовано много документов относительно этого и, если я не ошибаюсь, некоторые из них были предоставлены здесь защитой. Например, относительно позиции, которую занимали тогда, во время польского кризиса некоторые дипломаты США и т.д. Далее, введение закона о наличном расчете было направлено против Германии, далее предоставление Англии эсминцев, затем закон о ленд-лизе; в других областях это отмечалось дальнейшее продвижение США по направлению к Европе, а именно: занятие Гренландии, Исландии, а также проникновение на африканском континенте; помощь Советской России после начала этой войны, - все эти мероприятия тогда все в большей степени укрепляли убеждения фюрера в том, что рано или поздно должна обязательно начаться война с Америкой.

Не может быть сомнения в том, что фюрер первоначально не хотел этой войны и я могу сказать, что в эти годы /и это, мне кажется, вытекает также из многих документов, которые были здесь предоставлены Обвинением/, я всегда пытался дипломатическим путем сделать все, чтобы США не приняли участия в военных действиях.

ГОРН. Летом 1941 г. американский президент Рузвельт издал ВМФ США так называемый приказ "об открытии огня" для обеспечения движения американских транспортов с вооружением для Англии. Каков был ответ Гитлера и немецкой дипломатии на этот приказ?

7682

H1195-0500

H1195 – 0501

РИББЕНТРОП. Это, естественно, было для нас событием, о котором мы весьма сожелели. Я не могу ничего сказать по поводу технических деталей. Однако, я хорошо помню, что Гитлер был очень возбужден, когда получил сведения об ~~этом~~ этом приказе. Мне кажется, в одной из речей на каком-то собрании (мне кажется, это было в Мюнхене, но я точно не помню) он тогда ответил на это сообщение в форме, как я случайно помню, которая показалась мне весьма странной, - он сказал: "Америка отдала приказ об открытии огня, чтобы вести огонь по немецким кораблям. Я не отдал приказа об открытии огня, однако, я приказал, чтобы на него отвечали".

Это, мне кажется, были его слова, как я теперь припоминаю. Сведения мы получили дипломатическим путем относительно этих событий, - о них, однако, знал лучше военно-морской флот, чем я. И затем, мне кажется, последовали протесты и статьи, которые освещали это мероприятие и раз'ясняли точку зрения Германии. Однако, о деталях этих протестов я Вам сейчас не могу сказать без документов.

ГОРН. Япония перед своим нападением на Пирл-Харбер известила Германию об этом своем намерении?

РИББЕНТРОП. Нет, это не имело места. Я тогда пытался ~~побудить~~ побудить Японию, а именно к нападению на Сингапур. Дело обстояло так, что мира с Англией нельзя было достигнуть и я не знал, какие мероприятия могут быть проведены в военном отношении для того, чтобы достигнуть этой цели. Во всяком случае фюрер поручил мне тогда в области дипломатии сделать все, чтобы добиться ослабления позиций Англии и тем самым достигнуть этого мира.

4683

Мы думали, что этого лучше всего можно достичь путем нападения Японии на прочные позиции Англии в Восточной Азии. Поэтому я пытался тогда побудить Японию напасть на Сингапур. После начала немецко-русской войны я также пытался побудить Японию к нападению на Россию, так как тем самым, мне казалось, можно будет быстрее всего достичь окончания этой войны.

Но Япония, этого не сделала, она не сделала ни того, ни другого из того, что мы хотели, а сделала, я бы сказал, третье, а именно напала на Соединенные Штаты Америки в Пирл-Харборе. Это нападение для нас было совершенно неожиданным. Мы считали возможным нападение Японии на Сингапур, то есть на Англию, и на Гонконг. Мы, однако, никогда не считали, что мы должны стремиться к тому, чтобы Япония напала на США. То, что при нападении на Англию следовало ожидать вступления США в войну, - эта возможность, конечно, существовала и мы часто о ней думали, однако, мы очень надеялись на то, что это не произойдет и что Америка не вступит в войну.

О нападении на Пирл-Харбор мне стало известно впервые в Берлине из прессы, а затем от японского посла Ошима. Все другие сведения, предположения или документы, которые здесь пред'являлись, абсолютно неправильны. Я хочу заявить это здесь под присягой. Я хочу даже пойти дальше и сказать и подтвердить, что это нападение даже для японского посла (по крайней мере я могу об этом судить по нашей беседе, когда он мне сообщил об этом), - также и для него было полной неожиданностью.

7684

H1195 – 0502

H1195 – 0503

ГОРН. Не желает ли господин лорд сейчас сделать перерыв.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ. Доктор Горн, сколько времени еще займет Ваш допрос?

ГОРН. Он не продлится долго – я думаю 15–20 минут.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ. Сейчас об'является перерыв.

(Перерыв на 10 минут)

ГОРН. Какие соображения побудили Гитлера и вас вступить вслед за Японией в войну с США?

РИББЕНТРОП. После сообщения о Пирл-Харборе фюрер должен был принять решение. Текст пакта трех держав говорил о том, что мы окажем поддержку Японии только в случае нападения на нее. Я направился к фюреру, изложил ему правовую сторону этого вопроса и при этом сказал ему, что, естественно, мы будем приветствовать этого нового союзника в борьбе с Англией, но что одновременно для нас возник новый противник или вернее он возникнет в том случае, если мы теперь также об'явим войну США.

Фюрер тогда решил, что поскольку США уже открывают огонь по нашим кораблям, практически уже существует состояние войны.

Таким образом, вопрос идет о чисто формальной стороне или во всяком случае практически, официального об'явления войны можно ожидать при первом же инциденте. На долгое время невозможно сохранение такого положения, которое существует сейчас на Атлантическом океане, без войны между Германией и Америкой. Он поручил затем мне составить проект ноты, текст которой он сам затем изменил, а так-

4685

а также вручить американскому представителю его паспорта.

ГОРН. Какой характер в последующее время носило сотрудничество министерства иностранных дел во время войны с союзниками Германии?

РИББЕНТРОП. Сотрудничество с Италией было, безусловно, тесным, т.е. практически мы должны были в ходе войны, в большей или меньшей степени, сами руководить там разрешением военных проблем, во всяком случае участвовать в этом. С Японией сотрудничество было очень трудным, а именно по той простой причине, что мы могли держать связь с японцами только по воздуху, с японским правительством. Мы держали связь также иногда подводными лодками, однако, совместное ведение войны или совместное политическое руководство войной было невозможным. Мне кажется, что в этом вопросе правильно утверждение американского генерала Маршала, а именно, о том, что здесь тесное стратегическое взаимодействие и планирование какого-либо характера не имели места. И в действительности, это не имело места.

ГОРН. Каково было сотрудничество с Италией?

РИББЕНТРОП. Я только что говорил об этом. Сотрудничество с Италией было, естественно, очень тесным, однако, оно было затруднительным, так как здесь скрещивалось много разнородных влияний и так как Италия с самого начала проявила себя, как очень слабый союзник во всех отношениях

ГОРН. Почему вы во время русского похода неоднократно предлагали Гитлеру заключить сепаратный мир?

7686

H1195 – 0504

H1195 – 0505

РИББЕНТРОП. В Москве была создана определенная атмосфера доверия между советским правительством и нами, между Сталиным, Молотовым и мной, которая также распространялась и на фюрера. Я помню, что фюрер, например, сказал мне однажды, что Сталину, которого он считал одним из величайших людей в истории, и усилия которого в деле создания Красной Армии он считал грандиозными, он верит, но неизвестно, что еще произойдет. Эта власть развивается и крепнет и поэтому очень трудно было установить, когда и как вообще с Россией можно было достигнуть соглашения. Я всегда через дипломатов и другими путями пытался поддерживать некоторую связь, так как я все еще думал и надеялся, что все же можно каким-либо путем достигнуть мира, который бы облегчил положение Германии на востоке, благодаря чему она смогла бы тогда сосредоточить свои силы на западе. И такой мир, возможно, привел бы позднее к общему миру. Стремясь к этому, я, впервые зимой 1942 года сделал предложение фюреру (это было перед Сталинградом) о достижении соглашения с Россией, а именно - это было ~~вдруг~~ после англо-американского десанта в Африке, который меня очень обеспокоил.

Адольф Гитлер, я встретил его тогда в поезде в Бамберге, категорически отклонил предложение об этом мире или о каких-либо действиях в этом направлении, так как он думал, что если это станет известно, то это вызовет пораженческие настроения. Тогда я предложил ему заключить на

7687

очень широкой базе мир с Россией. Во-вторых, я еще раз посоветовал фюреру заключить такой мир, изложив свои соображения в большом письменном докладе в 1943 году (это было, кажется, после разгрома Италии). Фюрер тогда охотно согласился на это предложение и наметил даже, возможно, общую демаркационную линию, однако, он сказал, что окончательный ответ он даст мне завтра. На следующий день, однако, я не получил от него какого-либо подтверждения. Я думаю, что фюрер очевидно придерживался той точки зрения, что установить связь между национал-социализмом и коммунизмом очень трудно и заключение такого мира означало бы лишь перемирие. Позже я еще раз или два раза пытался что-либо сделать, однако фюрер придерживался такой точки зрения, что вначале нужно достигнуть решающего военного успеха, а затем можно будет вести переговоры, иначе эти переговоры не будут иметь смысла. Если здесь пожелают узнать мое мнение относительно того, имели бы успех такие переговоры или нет, то я хотел бы сказать, что я сам также считал это весьма сомнительным. Я думаю, что при той сильной позиции, которую заняли наши противники и, главным образом, Англия, со времени начала войны ни в один из периодов практически не существовало возможности для Германии заключить мир, ни на Западе, ни на Востоке. Я убежден, что с того времени, как в Касабланке была принята формулировка условий безоговорочной капитуляции такая возможность вообще перестала существовать.

7688

H1195 – 0506

H1195 – 0507

Я основываю свою точку зрения отнюдь не на абстрактных рассуждениях, а на постоянном зондаже, который я проводил косвенным путем и о котором, правда, другая сторона часто ничего не знала. Мы располагали мнениями выдающихся лиц, определявших политику этих стран в течение всех этих лет. Было установлено, что принято решение вести эту войну до ко нца; я думаю, что фюрер был прав, когда он говорил, что это не имеет никакого смысла.

ГОРН. Теперь из другой области. Свидетель Лахузен показал здесь, что в сентябре 1939 года в поезде Гитлера состоялось совещание, в котором принимали участие также и вы и на котором обсуждался вопрос об организации восстания в польской Украине. Каким образом, дело дошло до такого совещания и какую роль вы играли на этом совещании?

РИББЕНТРОП. Я припоминаю, что во время польской кампании тогдашний начальник контрразведки вооруженных сил адмирал Канарис посетил меня, как он иногда это делал, во время краткого пребывания в ставке. Я тогда находился в поезде фюрера, в своем вагоне. То, что выступивший здесь свидетель Лахузен присутствовал при этом, я не помню. Напротив у меня создалось впечатление, когда я увидел г-на Лахузена в этом зале, что я вообще впервые его вижу. Канарис заходил, иногда, ко мне для того, чтобы сказать мне, что он делает в отношении службы информации и в других областях.

7689

Тогда дело обстояло именно так.И я думаю,что он рассказал мне о том,что он использует всех своих агентов,для того,чтобы в тылу польской армии,среди украинцев и других нацменьшинств вспыхнуло восстание. Здесь утверждалось,что я давал ему какие-то указания или директивы.Но он не мог получить от меня никаких указаний,а именно по двум причинам: во-первых, германский министр иностранных дел никогда не мог давать никаких указаний военным органам; во-вторых,министерство иностранныхьдел с момента начала польской кампании вообще не занималось украинским и другими вопросами,во всяком случае,я этим не занимался.Я вообще не знал подробностей этих вопросов и поэтому не мог давать никаких указаний.

ГОРН. Обвинение представило здесь циркуляр министерства иностранных дел ...

РИББЕНТРОП. Разрешите мне добавить кое-что сначала по первому вопросу. Здесь свидетель Лахузен заявил,что я, якобы,сказал:"Необходимо сжигать дома или деревни и убивать евреев". Я хотел бы здесь категорически заявить,что я никогда не говорил чего-либо подобного.Канарис тогда был у меня в моем вагоне и,возможно,я точно не помню уже сейчас,но возможно,что я впоследствии мимоходом еще раз видел его в проходе. Очевидно он получил инструкции от фюрера относительно того,как ему следует действовать в

4690

H1195-0508

H1195 – 0509

Польше в связи с украинским и другими вопросами. Высказывание, которое мне здесь приписывается, является абсолютно бессмысленным, так как, во-первых, речь шла об украинских деревнях на Украине, об украинских жителях, которые были нашими друзьями, а не врагами. Таким образом было бы совершенно бессмысленным, если бы я сказал, что эти деревни должны быть сожжены. Во-вторых, в отношении убийства евреев, я могу лишь сказать одно, что это противоречило бы всем моим установкам и что вопрос об убийстве евреев вообще тогда не обсуждался и ничего подобного даже в мыслях не было.

Таким образом, подводя итог, я могу сказать, что это совершенно не соответствует действительности. Я также никогда не давал указаний или каких-либо инструкций такого рода. Я хотел бы еще только добавить, что насколько я помню, господин Лахузен, по-моему, был не убежден в том, что именно я это сказал. У меня создалось такое впечатление.

ГОРН. Как относитесь вы к представленному обвинением циркуляру министерства иностранных дел, озаглавленному "Еврейский вопрос, как фактор внешней политики в 1938 году"?

РИББЕНТРОП. Я увидел этот циркуляр здесь впервые. Дело обстояло таким образом: в министерстве иностранных дел имелся орган, который занимался партийными вопросами и вопросами мировоззрения. Этот орган, безусловно, работал вместе с теми органами партии, которые ведали соответствующими вопросами. Этим не ведало министерство. Я видел здесь этот

7691

H1195 – 0510

циркуляр.Мне кажется,что он как раз выдержан в том духе,в котором тогда издавались подобные циркуляры для чиновников и т.д. Возможно даже,что этот циркуляр каким-то образом прошел через мою канцелярию. Однако,я думаю,что тот факт, что я не подписывал его,а также,как мне кажется,его не подписывал и статс-секретарь,и он очевидно был подписан каким-нибудь референтом,подчеркиваю,что я во всяком случае не придал ему никакого особого значения,если бы даже я его и увидел.Если он прошел через мою канцелярию или вообще через мое учреждение,я бы его,очевидно,не читал,так как такие длинные документы я вообще в принципе не читал.О них всегда мне коротко докладывали мои сотрудники. Может быть в этой связи стоит еще заметить,что в ходе моей повседневной работы,я каждый раз получал сотни писем и постановлений о которрых мне частично докладывалось,некоторые я потом подписывал.Со многими из этих документов я вообще не знакомился.Однако я хотел бы и здесь сказать,что само собой разумеется,если один из моих чиновников подписал этот циркуляр,то я полностью беру на себя ответственность.

ГОРН. Обвинение неоднократно говорило о Женевской конвенции. В этой связи неоднократно упоминалось также и Ваше имя.Как Вы относились к Женевской конвенции?

РИББЕНТРОП. Я думаю,и многие могут это подтвердить, что с начала войны,министерство иностранных дел и я,всегда во всех отношениях выступали за соблюдение Женевской конвенции. Я хотел бы добавить,что к нам всегда в данном вопросе охотно прислушивались и военные круги. То,что позже,возможно,отходили от нее в тех или иных пунктах,следует об'явнить жестокостью войны или суровым характером фюрера.

7692

Что касается летчиков-террористов,то я должен сказать, что в 1943-1944 годах англо-американские налеты с воздуха по степенно развились в ужасную опасность для Германии.Первое впечатление у меня создалось в Гамбурге.Я хорошо это помню, так как был тогда вместе с фюрером и рассказывал ему об ужас ном впечатлении,которое произвели на меня эти налеты. Я думаю,что те,кто не пережил эти налеты и не видели их результаты,не могут вообще себе представить,что это значит.Поэтому совершенно ясно,что в Германии и главным образом Адольф Гитлер неоднократно думали о том,как можно добиться прекращения этих налетов.Я хочу также упомянуть ужасный налет на Дрезден и если суд пожелает,я назову свидетеля,бывшего датского посланника Рихардта,который сам пережил этот налет и рассказывал мне через 2 дня о своих впечатлениях.Поэтому было совершенно ясно,что вопрос о летчиках-террористах фюрер хотел как-то решить.Наше мнение заключалось в том,что мы хотели решения этого вопроса в рамках женевской Конвенции,или во всяком случае,хотели,чтобы было принято решение,которое совершенно открыто могло бы быть сообщено противнику.Моя точка зрения,однако,о которой я неоднократно говорил,хотя мое ведомство не ведало непосредственно этим вопросом,а лишь косвенно было заинтересовано в нет,т.е. мы не были заинтересованы в самом отражении этих налетов,это был вопрос военного или полицейского внутриполитического характера,а мы были заинтересованы в соблюдении женевской конвенции и так моя точка зрения заключалась в том,если по этому вопросу что-либо будет сделано,то сделует сделать по этому поводу официальное сообщение. И в этом сообщении необходимо было точно определить понятие - летчик-террорист и в нем необходимо было бы указать,что эти летчики-террористы,которые

7693

H1195-0511

H1195 – 0512

обвиняются в налетах на гражданское население или подозреваются в этом, будут предаваться суду военного трибунала. Эти мероприятия, которые подготавливались, следовало тогда официально в ноте сообщить в Женеву и через государства, представляющие интересы Германии сообщить также нашим противникам. Если эти летчики были бы признаны судом военного Трибунала виновными в преднамеренных действиях, их следует казнить, если нет, то с ними следует продолжать обращаться, как с обычными военнопленными. Практически тогда не было принято соответствующее решение в этой области. Это не было моим предложением, а лишь высказыванием, мнением, о котором я дважды сообщил Гитлеру в беседах. Практически оно не было осуществлено, потому, что нельзя было найти определение для этого налета. Затем, кажется говорилось также о беседе, которая, якобы имела место в Крессгейме, в которой якобы высказывался за одно большее предложение, или что-то в этом роде. Сама эта беседа, как я хорошо помню, не имела места. Я во всяком случае не помню, чтобы в тот период также говорил по этому вопросу с Гиммлером, с которым я тогда не находился в хороших отношениях, или с Герингом, которого я видел редко. Поэтому, мне кажется, возможным, что, однажды, во время посещения государственными деятелями Крессгейма, как это случалось часто, в присутствии фюрера, имела место общая беседа по этому вопросу. Но я этого не помню. Я знаю только одно, если речь шла о каком-либо далеко идущем предложении, о котором я говорил, то это следует об'яснить только следующими обстоятельствами. Тогда это был дискуссионный вопрос. Я припоминаю, что тогда искали точное определение понятия "налет летчиков-территористов".

7694

Имелись предложения, поступавшие с различных сторон, согласно которым определенные категории налетов должны были рассматриваться как террористические налеты, мне кажется, налеты с применением бортового оружия и т.д. Возможно, что эти заметки или записи в какой-либо другой форме возникли практически, ввиду того, что автор знал мою точку зрения, хотел найти широкое решение этого вопроса и если бы оно было принято, официально провести его в соответствие с Женевской конвенцией или, по крайней мере, официально известить об этом Женеву.

В этой связи здесь еще был представлен документ, а именно предложение, выдвинутое в экспертном заключении, мне кажется, министерства иностранных дел, по этому вопросу. Я сейчас уже не помню точно, как возникло это заключение, было ли оно сделано по моему приказу или это произошло в результате переговоров со всеми частями вооруженных сил, которые хотели знать точку зрения министерства иностранных дел, по этому вопросу. Точно я этого не помню. Я только знаю, что армия всегда придавала большое значение тому, чтобы точно знать нашу точку зрения относительно Женевской конвенции. Я припоминаю, однако, это экспертное заключение и что оно было мне дано на подпись. Здесь говорилось, что я его утвердил, однако, это не соответствует действительности. Детали этого дела могут далеко завести; я хорошо помню, что я тогда это заключение рассматривал как весьма важный документ и я считал, что этот вопрос я сам

7695

H1195-0513

H1195 – 0514

не могу решить. Я передал его фюреру и, мне кажется, что фюрер тогда, - я довольно хорошо это помню, - сказал, что это чепуха, вследствие этого, данное заключение не получило дальнейшего развития, ввиду такой установки фюрера.

В дальнейшем ходе событий, так как мы лишь косвенно были заинтересованы в этом вопросе, мы только слышали, что какого-либо приказа фюрера или военных органов в этом отношении не было дано, так как армия придержи-валась точно той же точки зрения в этом вопросе, что и мы. В деталях, однако, я этого не помню. Я могу лишь сказать совершенно точно одно, что с тех пор, как возник вопрос о борьбе с летчиками-террористами, мне не было известно ни одного случая линчевания в то время. То, что такие случаи имели место, я услышал только здесь.

ГОРН. Недавно здесь выступал свидетель Далерус. С какого времени Вы его знаете?

РИББЕНТРОП. Мне кажется, что я впервые увидел г-на Далеруса здесь. Возможно, конечно, я когда-либо случайно или издали видел его в имперской канцелярии во время его, очевидно, неоднократных посещений фюрера, но я не могу вспомнить его и, когда я его увидел, у меня было впечатле-ние, что я его вижу в первый раз.

ГОРН. Имели ли Вы возможность воздействовать на использование самолетов имперского правительства, предназна-ченных для гостей?

7696

РИББЕНТРОП. Нет, возможности оказывать подобное влияние у меня не было.

ГОРН. Другой вопрос. Какие земельные участки были предоставлены Вам, как министру иностранных дел?

РИББЕНТРОП. Недавно представитель английского Обвинения здесь утверждал, что у меня сначала был один, а позже шесть домов. Я хотел бы здесь, перед судом, раз"яснить это обстоятельство. Своим трудом, после того, как я в свое время потерял все свое имущество в Америке, я снова стал состоятельным человеком. Кроме того, у меня были возможности через родственников, на деньги моей жены в 1922-1923 г.построить дом в Далеме около Берлина и прикупить несколько земельных участков. В этом доме мы жили много лет. Далее, в 1934 г., - я хотел бы подчеркнуть здесь, что это не имеет ничего общего с моей политической деятельностью, я ее тогда только начинал, на небольшое наследство, которое получила моя жена и на скопленные мной деньги я приобрел небольшое имение Зонненбург, около Берлина, с небольшим домом. Я хотел бы еще сказать, что с этого времени я не покупал нигде ни одного квадратного метра площади в Германии или где-либо в другой стране.

Здесь представитель британского обвинения говорил также и о других домах. Речь идет о так называемом дворце Фушль, который был предназначен для приема различных иностранных государственных деятелей во время войны и благодаря этому приобрел некоторую известность. Это не дворец, а башня - старая охотничья башня

7697

H1195-0515

H1195-0516

архиепископов Зальцбурга, которую предоставил в мое распоряжение фюрер, так как он хотел, чтобы в тех случаях, когда он находился в Оберзальцберге, я жил бы не в гостинице, которая всегда была переполнена (кстати, я не должен был приезжать со своими сотрудниками), а чтобы я имел крышу над головой. Это имение Фушль никогда лично мне не принадлежало. Это была, так называемая, база министерства иностранных дел, которая принадлежала только государству и содержалась на государственные средства.

Что касается бывших владельцев этого дворца или башни, то я хотел бы сказать, что я никогда не знал их, и слышал лишь их фамилии. О них я ничего не могу сказать. Я только слышал, что в ходе конфискации имущества наших политических противников, которая тогда проводилась в Австрии, мне кажется, этот дом был конфискован имперским правительством.

Второй дом, который здесь упоминался, это дом, мне кажется, в Словакии. Здесь речь идет о третьем доме в Судетской области, который раньше будто-бы принадлежал некоему графу Чернину. Я хотел бы это раз"яснить; речь здесь идет о следующем: фюрер разрешил мне для приглашения иностранных государственных деятелей, для того, чтобы иметь возможность поговорить с ними не официально, иногда устраивать охоты. Я также был охотником. И министерство иностранных дел, т.е. имперское правительство, зарезервовало у крестьян несколько участков для охоты в Судетской области и приобрело дом, на два года, кажется, он скорее имел

7698

показной характер. Он даже не был куплен, а как мне кажется, был лишь взят в аренду.

Такие же охотничьи угодья имелись и в Словакии.

Мне кажется, эта охота нам вообще не принадлежала. Словацкое правительство каждый год предоставляло ее в мое распоряжение на несколько дней для того, чтобы устроить охоту на оленей - убить одного оленя. Я провел в этом охотничьем доме один или два раза пару дней и, таким образом, это ничего общего не имеет с моим имущественным положением.

Далее утверждалось, что я имел дом - "Таннек". Я хочу заявить, что этого дома, который, кажется, был в Рейнской области, я вообще никогда не видел. Это как я слышал небольшой домик, который, как мне кажется, занимал фуражир, ухаживавший за лошадьми. Я был раньше кавалеристом и интересовался лошадьми, которые тогда были куплены государством во Франции у известного коннозаводчика Ага-Кана в Нормандии, иначе эти лошади погибли бы. За лошадей было заплачено по их полной цене. Я хотел бы здесь сразу подчеркнуть, что я всегда придавал большое значение тому, чтобы было все заплачено сполна, я думаю Ага-Кан это охотно подтвердит. Затем эти лошади были перевезены в Германию с согласия фюрера, который, правда, сам не интересовался лошадьми, но понимал меня; они затем должны были быть перевезены в общий конозавод, в государственный конозавод в Грабице, конозавод имперского правительства.

Если суд разрешит, я хотел бы еще сказать, что в отношении моих личных связей моя защита представит

4699

H1195 - 0517

H1195 – 0518

показания некоторых свидетелей. Я тогда дал указание, что я в конце моего пребывания на посту министра иностранных дел, не хочу иметь ни на одну марку больше состояния, чем тогда, когда я вступил на эту должность, за исключением двух дотаций, которые пожаловал мне фюрер, которые, однако, в большей своей части, или, во всяком случае, частично, мне кажется, были включены в государственный бюджет и израсходованы мной согласно этому бюджету.

ГОРН. Последний вопрос. Вы во время своей деятельности на поприще внешней политики видели ли открытые для Германии пути для осуществления ревизионистских намерений, которые остались бы неиспользованными?

РИББЕНТРОП. Это как раз и было большой трудностью, из-за которой, в конце концов и возникала вся эта война. Адольф Гитлер (мне об этом он очень часто говорил) стремился после решения проблем в Европе, которые он считал жизненно-важными, построить идеальное государство, которое соответствовало его социальному идеалу, он хотел строить здания и т.д., в этом заключалась его цель. Однако на пути к осуществлению этих целей, которые фюрер считал жизненно-важными, стояли исключительные трудности вследствие, я хотел бы сказать, закостенелой политической системы как в Европе, так и возможно, во всем мире, которая тогда была создана. Мы еще задолго — до меня фюрер, затем я по его поручению и, мне кажется, что я буду по этому основным свидетелем по этому вопросу; я хочу сказать, что всегда мы пытались, главным образом, решить эти проблемы дипломатическим, мирным путем. Я

7.700

целые ночи напролет раздумывал над вопросом о деятельности Лиги Наций, о § 19 ее Устава Лиги Наций, однако, трудности как раз заключались в том, что фюрер не был в состоянии или вернее пришел к убеждению, что просто невозможно путем переговоров, по крайней мере, без того, чтобы иметь сильную армию за спиной, добиться чего-либо. И ошибка, с моей точки зрения, заключалась в том, что в действительности, 19 параграф Устава Лиги Наций, который был очень хорошим параграфом, который мы охотно все подписали и хотели бы провести в жизнь, не мог быть проведен в жизнь, так как практически учреждения, которые могли бы придать жизненность этому параграфу, отсутствовали, их просто не было. Вследствие этого постепенно создалось положение и это вполне естественно, при котором державы, которые хотели, я сказал бы, чтобы закостенелая система, это состояние статус-кво осталось бы и противились всем шагам Германии; это вызвало соответствующую реакцию, у фюрера пока, наконец, не случилось то, что было большой трагедией, а именно то, что в связи с вопросом о Данциге и коридоре, который сравнительно легко было разрешить, началась эта большая война.

ГОРН. У меня больше нет вопросов.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ. Я думаю, что сегодня мы не сможем более продолжать допрос свидетеля. Но Трибунал желал бы, чтобы вы, а также и обвинение помогли нам выяснить вопрос в отношении ваших документов. Не можете ли вы

7701

H1195-0519

H1195 – 0520

сказать нам, как у вас обстоит дело с вашими документами, а обвинение должно сообщить нам о том, сколько документов уже было ими рассмотрено, после того, как они были переведены, в отношении каких документов оно решило возражать и какие документы они решили принять в качестве доказательства. И вообще мы бы хотели знать, каково сейчас положение с документами и сколько документов уже переведено.

ГОРН. Один из представителей британского обвинения сказал мне сегодня утром, что английская книга документов к понедельнику будет полностью готова и что я потом могу сесть вместе с ними и обсудить вопрос о ~~ихх~~ допущенных документах. Он сказал, что в таком случае все остальное будет урегулировано британским Обвинением со всеми другими делегациями, т.ч. во вторник я буду иметь возможность прехставить свои последние документы. Я думаю, что за 2-3 часа эта работа может быть закончена. Я буду представлять эти документы, главным образом, группами и буду зачитывать из них не слишком много, а буду просто об"яснять Суду, на основании каких причин я буду просить сух принять данный документ к сведению.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ. Вы сказали, что потребуется не более двух или трех часов для об"яснения ваших документов, после того, как вы уже договорились относительно их с Обвинением. Не правда ли?

ГОРН. Да.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ. Имеются ли у Вас другие свидетели, помимо самого подсудимого, которых бы вы желали допросить здесь.

ГОРН. Нет. Я бы хотел представить лишь одно письменное показание свидетеля советника посольства Готфридсена относительно материального положения бывшего министра иностранных дел подсудимого фон Риббентропа. Готфридсен был человек, который был официально уполномочен в министерстве иностранных дел и ведал служебными доходами имперского министерства иностранных дел и лучше всех осведомлен о личных финансовых делах имперского министра иностранных дел, и в особенности как о личном, так и служебном земельном владении имперского министра иностранных дел и министер-тва иностранных дел.Он может дать показания. Эти справки в форме нескольких вопросов я включил в письменное показание, данное под присягой. Если обвинение не возражает против этого письменного показания под присягой, то я отказываюсь от вызова свидетеля Готфридсена. Если обвинение хочет его вызвать, то я допрошу его о содержании и/ существе этого письменного показания. Больше у меня нет свидетелей по делу подсудимого Риббентропа. Таким образом представлением документов я закончу рассмотрение дела Риббентропа, насколь-ко это касается защиты.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ. Может быть, Обвинение сейчас выскажет нам свою точку зрения по данному вопросу?

ДЭВИД МАКСУЭЛЛ ФАЙФ. Милорд, насколько это касается британского обвинения, то у нас сейчас имеется

4403

H1195-0521

H1195 - 0522

шесть книг документов, в которых имеется 214 документов. Это, составляет, примерно, 2/3 всех документов, которые хочет представить доктор Горн, но мы смогли рассмотреть документы только до номера 191. Я составил список , один из которых я могу передать суду, а другой - д-ру Горну, тех документов, против которых мы возражаем. В этом списке они очень кратко изложены. Мне кажется, мы возражаем против 70 или 80 документов, начиная с № 45 -го по 191-й. Возможно, их будет немного больше. Я думаю, что Советская делегация сейчас будет иметь возможность высказать свои возражения, которые практически полностью соответствуют нашим, хотя они и были подготовлены отдельно. Господин Чампетир де Рибез имеет, по крайней мере, две пачки документов, против которых он хотел бы возражать. Я думаю, что я могу сказать, что г-н Додд в большей или меньшей степени предоставляет этот вопрос мне и в данном случае американское обвинение действует в согласии с британским обвинением. Таково положение вещей в настоящее время. Было бы удобно, если бы я передал этот список с документами, против которых мы возражаем, в том виде, в каком он имеется на сегодняшний день.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ. Трибунал хотел бы знать, сэр Дэвид, каково положение сейчас у обвинения с переводом документов. Вы помните, что Трибунал издал распоряжение о том, что обвинение будет возражать против документов, насколько это будет возможно, до того, как они переведены, чтобы тем самым избежать ненужной работы по переводам, а в случае, если Обвинение и Защита не придут к общему соглашению по

какому-либо вопросу, то этот вопрос должен передаваться на рассмотрение Трибунала. Предполагается, что было большое количество документов, с которыми следует поступить подобным образом и тогда можно будет избежать ненужной траты времени и не делать лишней работы в связи с этими переводами.

СЭР ДЭВИД МАКСУЭЛЛ ФАЙФ. Да, трудность, с которой мы сталкиваемся в отношении этих документов, заключается в том, что мы пытались делать все возможное, чтобы сформулировать нашу точку зрения на основании этого указателя, но это очень трудно сделать при условии, когда вы имеете очень краткое описание каждого документа, примерно на 1 = 1, 1/2 строчках. Но, возможно, несмотря на эту трудность, этот способ все же будет наиболее удобным . Если бы обвинение заранее получало указатель, который бы содержал, по возможности, хорошее краткое описание документов, то обвинение, на основании этого указателя могло бы сформулировать свои возражения и то-да Трибунал мог бы выслушать наиболее серьезные расхождения во мнениях до того, как эти документы будут переведены и мне кажется, что этим способом следует воспользоваться.

В противном случае бюро переводов будет загружено колоссальным количеством документов, как это было и в данном случае, когда против многих из этих документов Обвинение высказало возражение и перевод этих ненужных документов задержал перевод последующих документов. Если Трибунал считает, что это вообще возможно, то я и мои коллеги, получив подобный указатель на список документов, постараемся подготовить свои возражения посмотреть, может ли это привести к как

7705

H1195 – 0523

H1195 - 0524

-либо результатом с тем, чтобы избежать ненужной работы по переводу всех документов.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: Будет ли облегчением для Обвинения, если защитники подсудимых будут передавать обвинению требуемые документы полностью на немецком языке с полным указанием, возможно, на английском языке и члены обвинения, которые знают немецкий язык, могли-бы, таким образом, просматривать эти документы, после чего обвинение могло бы прийти к какому-то решению. Окажет ли это помощь обвинению, кото ое кроме указателя относительно характера документов, будет также иметь эти документы на немецком языке ?

СЭР ДЭВИД МАКСУЭЛЛ ФАЙФ: Да, милорд, я думаю, что это можно сделать.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: Хорошо, сэ Дэвид, что-же касается ближайшего будущего, то в понедельник, конечно, защитники могут продолжить допрос подсудимого Рибб нт опа, а обвинение сможет провести перекрестный допрос этого подсудимого, и как я полагаю, это займет весь понедельник.

СЭР ДЭВИД МАКСУЭЛЛ ФАЙФ: Да, это вполне вероятно, милорд.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: При таких обстоятельствах, если план, намеченный д-ром Горном, будет выпо нен, совершенно нет необходимости в задер ке, ибо к утреннему заседанию во вторник все его документы будут ассмот ены обвинением и будут изложены воз ажения и затем , как говорит доктор Горн, он сможет вновь п ссмот еть те документы, кото ые переданы на ассмот ение Трибунала.

7406

СЭР ДЭВИД МАКСУЭЛЛ ФАЙФ. Я вполне согласен с вами, милорд.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ. Трибунал хотел бы знать, каково сейчас положение в отношении следующего подсудимого. Возможно, во вторник, во второй половине вечернего заседания начнется рассмотрение дела подсудимого Кейтеля. Его документы в порядке? Насколько я помню, большинство из его документов уже были представлены в качестве доказательства.

СЭР ДЭВИД МАКСУЭЛЛ ФАЙФ. Да, милорд, большинство. Возможно, защитник Нельте поможет нам выяснить этот вопрос.

/К микрофону подходит защитник подсудимого Кейтеля, Нельте/.

НЕЛЬТЕ. Г-н председатель, я в любое время готов начать: Документы представлены еще на прошлой неделе, также, поскольку речь идет об аффидевитах, - представлены Обвинению. Я ожидал лишь решения Обвинения по вопросу относимости к делу тех документов, которые подсудимый передал как личные показания и которые должны быть представлены для сокращения его допроса.

СЭР ДЭВИД МАКСУЭЛЛ ФАЙФ. Я не имел возможности просмотреть их все сам, но в основном мы всегда подготовлены к тому, чтобы заявления зачитывались в суде, поскольку свидетеля еще можно подвергнуть перекрестному допросу. Если у Трибунала нет возражений по этому поводу, то у Обвинения их также нет.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ. Трибунал абсолютно не возражает против данного метода представления письменных документов,

351
7707
H1195 - 0525

H1195 – 0526

при условии, если Обвинение не возражает против этих документов и поэтому, нет необходимости в проведении перекрестного допроса.

Может ли доктор Нельте сказать нам о том, были ли те документы, которые он собирается представить в случае, если они не были еще представлены в качестве доказательства, - уже переведены?

НЕЛЬТЕ. Они сданы мною в бюро переводов - последние 2 документа - три дня тому назад. Таким образом, я полагаю, что различные делегации уже получили переводы.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ. Сэр Дэвид, получили ли Вы эти переводы?

СЭР ДЭВИД МАКСУЭЛЛ ФАЙФ. Нет, милорд, мы еще их не получили.

НЕЛЬТЕ. Может быть, они еще не были представлены. Некоторые документы, а именно примерно две трети документов, были сданы и были готовы в отделе переводов, а именно: на французский и английский языки. Затем я передал эти документы также и русской делегации для того, чтобы она могла перевести их на русский язык.

СЭР ДЭВИД МАКСУЭЛЛ ФАЙФ. Милорд, генеральный секретарь Митчелл сказал мне, что документы уже переведены, но тексты еще не распределены.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ. Таким образом, не будет основания для задержки дела подсудимого Кейтеля.

СЭР ДЭВИД МАКСУЭЛЛ ФАЙФ. Нет. Я не думаю, чтобы это было так.

4708

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ. В таком ли состоянии обстоит дело с документами подсудимого Кальтенбруннера, который является следующим подсудимым? Доктор Кауфман, ваши документы уже переведены?

КАУФМАН /защитник подсудимого Кальтенбруннера/. Господин председатель, у меня лишь несколько письменных показаний под присягой и можно не сомневаться в том, что они своевременно будут представлены Обвинению.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ. Один момент. Таким образом, вы будете совершенно готовы представлять их?

КАУФМАН. Да, после Кейтеля, господин председатель.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ. Да, после Кейтеля. Очень хорошо.

Сэр Дэвид, тогда Вы представите свои возражения против документов доктора Хорна. И Советский Обвинитель предоставить свои возражения?

СЭР ДЭВИД МАКСУЭЛЛ ФАЙФ. Да, да. Если Вы разрешите, милорд.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ. Очень хорошо. Объявляется перерыв.

/ Перерыв до 10 часов утра 1-го апреля/.

мс,нд,ап,
лт,вв.

7709

H1195 - 0527